

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

Выпуск № 1 / 2020

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2020

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор

Крючков И. В. – доктор исторических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Смирнов Д. А. – доктор юридических наук, профессор

Ответственный секретарь

Амбарцумян К. Р. – кандидат исторических наук

Редакционный совет

Исмаил Тогрул Рафик оглы – д-р ист. наук, д-р экон. наук, профессор (Турция); **Карасик В. И.** – д-р филол. наук, профессор; **Крюссман Т.** – д-р юрид. наук, профессор (Австрия); **Крючков И. В.** – д-р ист. наук, профессор; **Левитская А. А.** – канд. филол. наук, доцент; **Мамонов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Мелконян А. А.** – д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения; **Репина Л. П.** – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН; **Саваи Ф.** – д-р ист. наук, профессор Капошварского университета (Венгрия); **Смирнов Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Фролов Д. Д.** – д-р социально-политических наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии.

Редакционная коллегия

Апрыщенко В. Ю. – д-р ист. наук, профессор; **Аникин С. Б.** – д-р юрид. наук, профессор; **Анисимов А. П.** – д-р юрид. наук, профессор; **Бакаева О. Ю.** – д-р юрид. наук, профессор; **Беликов А. П.** – д-р ист. наук, доцент; **Бредихин С. Н.** – д-р филол. наук, профессор; **Булыгина Т. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Гладышев А. В.** – д-р ист. наук, профессор; **Грушевская Т. М.** – д-р филол. наук, профессор; **Гусаренко С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Демченко Т. И.** – д-р юрид. наук, доцент; **Дроздова А. М.** – д-р юрид. наук, профессор; **Кибальник А. Г.** – д-р юрид. наук, профессор; **Клюковская И. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Клычников Ю. Ю.** – д-р ист. наук, профессор; **Колесникова М. Е.** – д-р ист. наук, профессор; **Краснова И. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Ласкова М. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Маловичко С. И.** – д-р ист. наук, профессор; **Манаенко Г. Н.** – д-р филол. наук, профессор; **Мехди Хоссейни Тагибад** – директор Института Кавказских исследований Тегеранского университета (Иран); **Мухачёв И. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Навасардова Э. С.** – д-р юрид. наук, профессор; **Позднышев А. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Попов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Рыженков А. Я.** – д-р юрид. наук, профессор; **Серебрякова С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Сумской Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Ходус В. П.** – д-р филол. наук, профессор; **Цихорацкий Петр** – профессор Вроцлавского университета (Польша); **Цыбенко В. В.** – к-т ист. наук, доцент; **Чичман Ласло** – д-р полит. наук, профессор Будапештского университета «Корвинус» (Венгрия); **Шаронов С. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Шварц Искра** – д-р филос. наук, профессор Венского университета (Австрия); **Шебзухова Т. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Шевчук С. С.** – д-р юрид. наук, профессор; **Шибкова О. С.** – д-р филол. наук, профессор; **Щербакова Л. М.** – д-р юрид. наук, профессор; **Яценко Т. С.** – д-р юрид. наук, доцент.

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции и издателя: 355009,
г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1
Телефон: (8652) 75-28-64
ISSN 2409-1030

© ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский
федеральный университет», 2020

Founder

Federal State Autonomous Educational Institution for Higher Education
“North-Caucasus Federal University”

Editor-in-Chief

Kryuchkov I. V. – Doctor of History, Professor

Vice Editor-in-Chief

Smirnov D. A. – Doctor of Law, Professor

Executive editor

Ambartsumyan K. R. – PhD in History

Editorial Council

Ismail Togrul – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor (Turkey); **Karasik V. I.** – Doctor of Philology, Professor; **Krüssmann T.** – Doctor of Law, Professor (Austria); **Kryuchkov I. V.** – Doctor of History, Professor; **Mamonov V. V.** – Doctor of Law, Professor; **Melkonyan A. A.** – Doctor of History, academician of National Academy of Sciences of Armenia; **Repina L. P.** – Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; **Szavai F.** – Doctor of History, Professor of Kaposvár University (Hungary); **Smirnov D. A.** – Doctor of Law, Professor; **Starilov Yu. N.** – Doctor of Law, Professor; **Frolov D. D.** – Doctor of Social and political Sciences, scientific officer of the National Archives of Finland.

Editorial Board

Apryschenko V. Yu. – Doctor of History, Professor; **Anikin S. B.** – Doctor of Law, Professor; **Anisimov A. P.** – Doctor of Law, Professor; **Bakaeva O. Yu.** – Doctor of Law, Professor; **Belikov A. P.** – Doctor of History, Associate Professor; **Bredikhin S. N.** – Doctor of Philology, Professor; **Bulygina T. A.** – Doctor of History, Professor; **Gladyshev A. V.** – Doctor of History, Professor; **Grushevskaya T. M.** – Doctor of Philology, Professor; **Gusarenko S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Demchenko T. I.** – Doctor of Law, Associate Professor; **Drozdova A. M.** – Doctor of Law, Professor; **Kibalnik A. G.** – Doctor of Law, Professor; **Klyukovskaya I. N.** – Doctor of Law, Professor; **Klychnikov Yu. Yu.** – Doctor of History, Professor; **Kolesnikova M. E.** – Doctor of History, Professor; **Krasnova I. A.** – Doctor of History, Professor; **Laskova M. V.** – Doctor of Philology, professor; **Malovichko S. I.** – Doctor of History, Professor; **Manaenko G. N.** – Doctor of Philology, Professor; **Mukhachev I. V.** – Doctor of Law, Professor; **Hosseini Mehdi** – Head of Caucasus Studies Institute, Tehran University (Iran) Professor; **Navasardova E. S.** – Doctor of Law, Professor; **Pozdnyshev A. N.** – Doctor of Law, Professor; **Popov V. V.** – Doctor of Law, Professor; **Ryzhenkov A. Ya** – Doctor of Law, Professor; **Serebriakova S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Hodus V. P.** – Doctor of Philology, Professor; **Sumskoy D.** – Doctor of Law, Professor; **TSikhoratskii Petr** – Doctor of History, Professor (Poland); **Tsybenko V. V.** – PhD in History, Associate Professor; **Chichman Laslo** – Doctor of Political Sciences, Professor of Budapest University "Corvinus" (Hungary); **Sharonov S. A.** – Doctor of Law, Professor; **Iskra Schwartz** – Doctor of History, Professor (Austria); **Shebzukhova T. A.** – Doctor of History, Professor; **Shevchuk S. S.** – Doctor of Law, Professor; **Shibkova O. S.** – Doctor of Philology, Professor; **Shcherbakova L. M.** – Doctor of Law, Professor; **Yatsenko T. S.** – Doctor of Law, Associate Professor.

The scientific journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, And Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate of mass medium registration PI № FS 77-59452 of September 22, 2014.

Postal code 94078 «Unified catalog. PRESS OF RUSSIA. Newspapers and magazines».

The journal is on the List of leading peer-reviewed scientific journals recommended for candidate and doctoral thesis publications.

Address: 1, Pushkin Street,
Stavropol 355009
Telephone: +7 (8652) 75-28-64
ISSN 2409-1030

© FSAEI HE “North-Caucasus
Federal University”, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аверьянов А. В. Советское строительство в национальной среде в Северо-Кавказском крае (на примере немецкого населения)	8
Батиев Л. В. Ревизия М.Н. Жемчужникова как источник по истории самоуправления Нахичевани-на-Дону	16
Карташев И. В. Особенности организации медицинского обслуживания населения на оккупированных территориях СССР в период Великой Отечественной войны	22
Козлов С. С. К вопросу формирования городской и социально-экономической жизни в городах Юга России в последней четверти XIX – начале XX в. на примере г. Нахичевани-на-Дону	33
Лазарян С. С., Клычников Ю. Ю. Политика правительства Российской империи в отношении католического духовенства в Царстве Польском и на Кавказе в первой половине XIX века: причина постановки проблемы	41
Мартинец Ю. А. Венская городская жизнь во время Первой мировой войны: ракурс повседневности	51
Пантюхина Т. В. Английские альпинисты открывают Кавказ (последняя треть XIX – начало XX вв.)	59
Садченко В. Н. Диалоговые площадки Азербайджана как имиджевые мероприятия по повышению репутационного рейтинга страны в 2000–2019 гг.	66
Скорик А. П. Преодоление последствий работы в конце 1932 года специальной комиссии Л. М. Кагановича на Кубани (на примере передового колхоза)	74
Судаев Н. Д. Масловокутские бунтовщики	83
Танцеева А. В. Репрезентация образа советской власти в печати в 1920-е годы (на материалах журнала «Огонек»)	92
Шишкина И. Б. Тенденции репрезентации образа Майкла Коллинза в Ирландии	100

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гладчук А. В. Аудит в сфере закупок как инструмент повышения эффективности расходования бюджетных средств в контрактной системе	106
Джанбидзе З. Ш. Порядок создания наследственного фонда по российскому законодательству	113
Койбаев Б. Г., Золотова З. Т. Некоторые аспекты административно-правового регулирования деятельности органов исполнительной власти в условиях цифровой реальности	119
Миронова С. М. Правовое регулирование установления льгот по земельному налогу для резидентов ТОСЭР в моногородах	125
Троицкий Н. С. Современное доктринальное понимание термина «военные преступления»	132
Утяшов Э. К. Алкоголь и режим военного положения	138
Филиппова Е. С. Государственные интересы в политике Российской империи в отношении земель и иных природных ресурсов в XVIII столетии	146
Шаронов С. А., Шестаков В. И. Охранное право: отрасль, наука и учебная дисциплина	154

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Болдырева В. А. Прогнозирование перлокутивного эффекта политических речей на основе формализованной фоносемантики с применением систем ВААЛ и PRAAT	161
Пелевина Н. А., Куришко К. В. Эмфатизация маргинальных обертонов смысла в психологическом повествовании	168
Сидоренко С. Г. Экспликативный потенциал интертекстуальных включений при трансляции культурно-обусловленных компонентов содержания	174

РЕЦЕНЗИИ

Беликов А. П. Рецензия на книгу А. Ж. Арутюняна «Столица Великой Армении Тигра- накерт в контексте армяно-римско-ближневосточных межгосударственных отношений (296– 301 гг.)». Ростов-на-Дону – Таганрог: ЮФУ, 2019. 260 с.	180
Дударев С. Л., Головлёв А. А. Рецензия на книгу Ю.Ю. Клычникова «Солдат империи Николай Иванович Евдокимов». Пятигорск: ПГУ, 2019. 277 с.	185
Колонтари А. Рецензия на книгу «Идеи и дела. К 65-летию профессора Дюлы Свака и 30-летию изучения исторической русистики в Будапеште» / под. ред. М. С. Петровой. М.: Ак- вилон, 2018. 288 с.	191

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

Кубанова М. Н. К итогам работы Всероссийской научной конференции с международ- ным участием «Кавказоведение: опыт, проблемы и перспективы», посвященной 100-летию со дня рождения известного учёного-кавказоведа, профессора Валентины Павловны Невской	197

CONTENTS

HISTORY

Averyanov A. Soviet construction in the national environment in the North-Caucasus region (by the example of the German population)	8
Batiev L. Revision by M. N. Zhemchuzhnikov AS a source on the history of self-government in Nakhichevan-on-Don	16
Kartashev I. Features of the organization of medical services on occupied territories of the USSR during the Great Patriotic war	22
Kozlov S. On the development of socio-economic life of the cities of the south of Russia in the last quarter of the 19th and beginning of the 20th centuries by the example of Nakhichevan-on-Don	33
Lazarian S., Klychnikov Yu. The policy of the government of the Russian Empire in relation to the catholic clergy in the kingdom of Poland and the Caucasus in the first half of the 19th century: the reason for posing the problem	41
Martinets Yu. Viennese urban life during the First World war: a perspective on everyday life	51
Pantyukhina T. English mountaineers discover the Caucasus (late XIX – early XX centuries)	59
Sadchenko V. Dialogue platforms in Azerbaijan as image tools to improve reputation rankings in 2000–2019	66
Skorik A. Overcoming the consequences of work at the end of 1932 of the special L. M. Kaganovich commission in the Kuban (by the example of an advanced collective farm).	74
Sudavtsov N. Rebels from Maslov Kut	83
Tantsevova A. Representation of the image of Soviet power in the press in the 1920s on pages of the weekly Ogonyok	92
Shishkina I. Trends in image representation of Michael Collins in Ireland	100

LEGAL SCIENCES

Gladchuck A. Audit procurement as a tool to improve the efficiency of spending budget funds in the contract system	106
Dzhanbidaeva Z. Procedure for creating an inheritance fund under Russian law	113
Koybaev B., Zoloeva Z. Some aspects of administrative-legal regulation of activity of executive power bodies in the digital reality	119
Mironova S. Legal regulation of establishment of land benefits on land tax for residents of tased in single-industry towns	125
Troitsky N. Contemporary doctrinal understanding of the term «war crimes»	132
Utyashov E. Alcohol and martial law regime	138
Filippova E. State interests in the policy of the Russian Empire in relation to lands and other natural resources in the XVIII century	146
Sharonov S., Shestakov V. Security law: industry, science and academic course	154

PHILOLOGICAL SCIENCES

Boldyreva V. Forecasting the perlocutive effect of political speeches based on phonosemantics using the VAAL system	161
Pelevina N., Kurishko K. Emphatization of marginal overtones of meaning in psychological narrative	168
Sidorenko S. Explication potential of intertextual elements in conveying culture-specific components of content	174

REVIEWS

Belikov A. Book Review A. Zh. Harutyunyan “The capital of Great Armenia Tigranakert in the context of the Armenian-Roman-Middle Eastern interstate relations (296–301)”. Rostov-on-Don – Taganrog: SFU publ., 2019. 260 p.	180
Dudarev S., Golovlyov A. Book review Yu. Yu. Klychnikov «Soldier of the Empire Nikolai Ivanovich Evdokimov». Pyatigorsk: PSU publ, 2019. 277 p.	185
Kolontari A. Book Review “Ideas and deals. To the 65th anniversary of Professor Dyula Swak and the 30th anniversary of the study of historical Russian studies in Budapest” / ed. by M. Petrova. Moscow: Aquilon publ., 2018. 288 p.	191

SCIENTIFIC REVIEW

Kubanova M. To the results of the all-Russian scientific conference with the international participation “Caucasus studies: experience, problems and prospects” dedicated to the 100th anniversary of the birth of Valentina Nevskaya - a famous caucasiologists	197

УДК-94 (47-57) 1917/1991

А. В. Аверьянов

СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В НАЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ КРАЕ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ)

В статье анализируются основные цели, задачи и механизмы советского строительства в национальной среде с учётом специфики немецкого населения Северо-Кавказского края (1924–1934 гг.). Данная проблема сохраняет свою актуальность в силу малоизученности, а также по причине роста научного интереса к истории малых этнических групп. Краевыми властями придавалось особое значение советизации немцев, поскольку в экономическом и культурном отношении это было наиболее развитое этническое сообщество в регионе. В статье выделяются основные направления советского строительства среди немцев Края, важнейшим среди которых было формирование многочисленной сети национальных сельсоветов, которые, по мнению большевиков, были способны удовлетворить хозяйственные и культурные нужды немецкого населения. Подчеркивается, что в рамках советского строительства главной задачей ставилась классовая дифференци-

ация немецкого сообщества и повышение политической роли его бедняцко-батрацкой части. Выделяются факторы, препятствовавшие процессам советского строительства среди немецкого населения Края. Среди них: рассеянность немецких колоний, их малочисленность, консервативный уклад жизни немецких колонистов, высокий уровень их религиозности, нехватка квалифицированных специалистов. Кроме того, наряду с сельсоветами продолжали действовать сельские сходы и собрания, нарушавшие властную монополию советских органов власти. Новый этап советского строительства совпал с началом коллективизации, в результате которой по итогам социальных и экономических трансформаций советизация немецкого населения была завершена.

Ключевые слова: немцы, колонисты, Северо-Кавказский край, сельсоветы, коренизация, советское строительство, национальная политика, национальные меньшинства.

A. Averyanov

SOVIET CONSTRUCTION IN THE NATIONAL ENVIRONMENT IN THE NORTH-CAUCASUS REGION (BY THE EXAMPLE OF THE GERMAN POPULATION)

The article analyzes the main goals, objectives and mechanisms of Soviet construction in the national environment, taking into account the specifics of the German population of the North-Caucasus region (1924–1934). This problem remains relevant because it is poorly studied, as well as due to the growth of scientific interest in the history of small ethnic groups. The regional authorities attached particular importance to the Sovietization of the Germans, since economically and culturally it was the most developed ethnic community in the region. The article highlights the main directions of Soviet construction among the Germans of the region, the most important of which was the formation of a large network of national village councils, which, according to the Bolsheviks, were able to meet the economic and cultural needs of the German population. It is emphasized that within the framework of the Soviet construction the main

task was the class differentiation of the German community and the increase of the political role of its poor farm laborers. The factors that hindered the processes of Soviet construction among the German population of the region are highlighted. Among them: the dispersion of the German colonies, their small number, the conservative way of life of German colonists, high level of their religiosity, the lack of qualified specialists. In addition, rural gatherings and assemblies continued to operate along with village councils. It violated the power monopoly of the Soviet authorities. The new stage of Soviet construction coincided with the beginning of collectivization, which resulted in social and economic transformations leading to complete sovietization of the German population.

Key words: Germans, colonists, North-Caucasus region, village councils, rooting, Soviet construction, national policy.

Советские органы власти представляли собой основу политической системы в СССР. Вовлечение в их работу представителей национальных меньшинств признавалось задачей первостепенной важности. Практика национального квотирования в советах разных уровней являлась краеугольным камнем политики

коренизации, провозглашённой на XII съезде РКП(б) в 1923 г., как важнейшего механизма советской национальной политики.

Поскольку подавляющая часть национальных меньшинств в Северо-Кавказском крае проживала в сельских районах, ключевое внимание в рамках вовлечения национальных масс

в советское строительство уделялось формированию и развитию национальных сельсоветов. Они создавались на основании письма ВЦИКа «О выделении национальных сельских Советов», опубликованного 29 апреля 1926 г. В нем предписывалось в районах со «смешанным национальным населением, при разукрупнении выделять селения с однородным составом для организации самостоятельных сельсоветов» [16, с. 32]. В письме Краевого исполкома (КИК) всем окружным и областным исполкомам Северо-Кавказского края подчеркивалось, что «сельские советы являются основной ячейкой советской власти трудящихся и имеют своей задачей привлечение трудящихся масс к непосредственному участию в деле строительства во всех областях культурной и хозяйственной жизни населения» [8, л. 102 об.].

Основной целью советского строительства в этнической среде являлось создание «для нацменьшинств таких условий, которые способствовали бы развитию и росту их хозяйства, поднятию их культурного уровня...» [5, л. 133]. К числу задач национальных сельсоветов относилось создание благоприятных условий для удовлетворения материально-хозяйственных (кооперация, землеустройство) и культурно-бытовых (избы-читальни, библиотеки, школы на родном языке) потребностей национальных меньшинств.

В случае невозможности создания самостоятельного национального сельсовета краевыми партийными органами предписывалось «при перевыборах и довыборах сельсоветов вводить в аппараты их представителей нацмен, приближая аппараты к тем национальностям, которые составляют большинство... В тех же районах, где имеется компактная масса той или другой национальности, обеспечить достаточное представительство этой национальности во всех исполкомах, парткомах, профорганах и комитатах комсомола» [21, л. 8].

Особое внимание в рамках советского строительства на Дону и Северном Кавказе уделялось немецкому меньшинству, поскольку оно обладало значительным экономическим потенциалом. Общая численность немцев в Крае по итогам переписи 1926 г. достигала 93,9 тыс. человек [2]. Подавляющая часть немцев проживала в, так называемых, русских округах и районах края. В современной научной литературе государственной политике среди немецкого населения на Северном Кавказе в 1920–1930-х гг., прежде всего на Кубани, посвящено ряд работ, в том числе исследования В. З. Акопьяна [1], И. Г. Иванцова [13], М. Е. Игнатовой [14]. Опыт создания и работы национальных районов и сельсоветов в РСФСР проанализирован и обобщён в работе О. К. Кайковой [15]. Пред-

ставляется актуальным обобщить опыт советского строительства как важнейшего направления государственной политики в указанный период среди немецкого населения в регионе, прежде всего на Дону, Кубани, Ставрополье и в Терском округе, где располагалась подавляющая часть немецких колоний.

Немецкие национальные сельсоветы создавались с целью завоевания доверия и повышения авторитета советской власти среди немцев. Краевые власти на примере немецких колоний отмечали, что «организация немецких сельсоветов покажет, что советская власть обращает на немецких колонистов должное внимание, учитывает их национально-бытовые особенности, идёт навстречу желаниям граждан немцев» [5, л. 90–90 об.]. Подчеркивалось, что «создание немецких сельсоветов» не даст «повода ссылаться на преобладание русских и на возможные ссылки на засилье в той или иной форме русского населения...» [5, л. 90 об.].

Уже в 1925 г. в Северо-Кавказском крае насчитывалось 36 немецких сельсоветов, в том числе 33 сельсовета в русских округах и три – в Кабардино-Балкарской и Североосетинской АО. Наибольшее количество сельсоветов находилось в Терском и Армавирском округах – 12 и 8 соответственно [9, л. 107]. В связи с этим поднимался вопрос об образовании немецкого национального района с компактным проживанием немецкого населения. Им стал созданный в 1928 г. Ванновский (немецкий) национальный район с центром в селе Ванновское. Вариант создания немецкого района в Терском округе был отвергнут по причине его экономической нецелесообразности. В постановлении Президиума КИК по этому поводу отмечалось, что «перспектив к своему развитию район не имеет; экономику района растворяют соседние крупные торгово-базарные центры (г. Моздок)» [12, л. 28]. Всю вторую половину 1920-х гг. политика выделения немецких сельсоветов продолжалась и к 1929 г. только в русских округах Северо-Кавказского края их насчитывалось 42 единицы, что значительно превышало численность сельсоветов других этносов в регионе [10, л. 20].

Создание немецких национальных сельсоветов сталкивалось с целым рядом препятствий. Прежде всего, дисперсным расселением основной части немецкого населения, проживающего в регионе. Многие немецкие колонии были крайне малолюдными или смешанными по своему национальному составу. Тем не менее, краевые власти на всём протяжении 1920-х гг. сохраняли «твёрдый курс на выделение отдельных немецких сельсоветов, не останавливаясь перед недостаточным для этой цели населением в том или другом пункте» [5, л. 90].

Ключевым требованием советского строительства в национальной среде было вовлечение в их работу национальных кадров, а также перевод делопроизводства на национальные языки. Качественным отличием немецкого населения от других этнических групп в регионе был наиболее высокий уровень грамотности населения, в том числе среди женщин. Так, среди немцев Терского округа уровень грамотности достигал 57%, в то время как среди русских он был на уровне 40%, а других национальных меньшинств – 29% [11, л. 14 об.]. Тем не менее, основная масса немцев в политическом плане была весьма пассивна, поэтому среди работников немецких сельсоветов также ощущался значительный кадровый голод. В Ванновском (немецком) национальном районе «в укомплектовании аппарата, как районного, так и сельсоветского и кооперативного работниками нацменами встречается большое затруднение, главным образом в подборе технических работников и специалистов (врачи, техники), так как работников этих категорий, знающих немецкий язык и умеющих вести на немецком языке переписку, из местного населения нет... Незначительное число прибывающих немецких работников извне недостаточно квалифицировано и зачастую неблагонадежно и их после непродолжительной работы приходится менять, а отсюда большая текучесть работников аппарата...» [17, л. 66].

Наиболее успешно и динамично коренизация советского аппарата проходила на уровне сельсоветов. Прежде всего, там, где немецкое население составляло подавляющее большинство. Так, к 1926 г. в Воронцовском сельсовете Донского округа из 10 членов восемь были немцами [6, л. 43]. В Николаевском сельсовете Терского округа по итогам выборов 31 января 1926 г. было избрано 22 немца, 2 русских и 1 армянин [3, л. 17]. Однако там, где русское население составляло значительную часть сельсовета представленность немцев в его правлении была на низком уровне. В Александровском сельсовете Донского округа (324 немца из 716 всего населения сельсовета) из восьми его членов немцами были только трое, в президиуме – один из трёх [6, л. 43].

Сложнее всего процесс коренизации советского аппарата проходил в районах, где была высока доля, главным образом, русского и украинского населения. В Ванновском районе немецкое население не превышало 43–45% населения [20, л. 12]. Однако поскольку данный район считался немецким, то важным показателем считалась коренизация не только немецких сельсоветов, но и аппарата РИК. На 1 октября 1929 г. представительство немцев в советском аппарате района выросло с 36,4% до 50% [17,

л. 182]. Приоритет в рамках коренизации отдавался занятию руководящих и ответственных должностей. В апреле 1929 г. в числе ответственных работников РИК – членов Президиума и заведующих отделениями – значилось 10 немцев и один украинец, знавший немецкий язык, в то время как годом ранее на данных должностях числилось 7 немцев и 4 русских. Председателями сельсоветов числились четыре немца и трое русских (годом ранее – три немца и четыре русских). Технический аппарат был коренизирован на 50% [17, л. 66].

Показательным являлся национальный, возрастной, гендерный и социальный состав аппарата Ванновского РИКа второго созыва в 1929 г. Из 21 члена РИК 10 были немцами, 7 – украинцами и 4 – русскими. Обращает на себя внимание довольно молодой возраст членов аппарата – в среднем 31 год, в том числе 30 лет у немцев. Председателем Ванновского РИКа был немец Г. Шеллер 30 лет. Самому возрастному члену РИК насчитывалось 52 г. Большинство работников аппарата были из крестьян (14 человек). У всех без исключения членов РИКа был низкий уровень образования [17, л. 54].

В начале 1930-х гг. коренизация Ванновского района продолжалась. К 1932 г. из 10 сельсоветов района шесть были немецкими. В немецких сельсоветах к 1932 г. коренизация была завершена на 100%; делопроизводство переведено на немецкий язык. Из 208 членов сельсоветов 106 были немцы, 75 украинцы, 27 русскими [19, л. 16]. Несмотря на успешную коренизацию сельсоветов, коренизация районных учреждений была не завершена. Райисполком был коренизирован только на 52,1% [19, л. 19].

Наряду с коренизацией важным направлением советского строительства в национальной среде была классовая политика. Главную ставку в процессе воспитания национальных советских кадров региональные власти делали на местный актив из классово близких элементов, вовлекая в советское строительство представителей беднячества, батрачества и середнячества. Однако в отличие от эмансипированной и классово дифференцированной русской крестьянской массы, в национальной среде социальные низы в политическом отношении были чрезвычайно пассивны. Особенностью общественных отношений среди немцев в регионе была чрезвычайно устойчивая социальная иерархия, в которой бедняки, батраки, а также женщины занимали подчинённое положение. В тех немецких колониях, где имущественная дифференциация была незначительна, ведущую роль в общине играли самые старшие и авторитетные представители общины. Там, где наиболее активно развивались товарно-денежные отношения (например, крупные немецкие колонии на Дону, Ставрополье, Тереке и др.)

ключевые позиции находились в руках наиболее зажиточной части общины.

В рамках реализуемого советской властью курса на обострение классовой борьбы и разрушения традиционной социальной структуры в национальной среде сельсоветы должны были способствовать классовой дифференциации, осознанию своих классовых интересов бедняцко-батрацкой массой и укреплению их организационных структур. Например, групп бедноты и батраков при советах. В условиях низкой представленности нацменьшинств в партийных структурах на национальные сельсоветы возлагалась главная задача воспитания советского беспартийного актива. Бедняки и батраки, а также лояльные середняки должны были стать опорой советской власти в деревне, а сельсоветы – выразителями интересов сельских пролетариев.

Ключевое внимание в рамках советского строительства уделялось выборной кампании и непосредственному процессу голосования. Крайисполком призывал окружные и районные исполкомы «осуществить практически максимальное вовлечение рабочих и крестьян-нацмен во все советские выборные органы на местах...» [5, л. 133]. В отношении немецкого населения предписывалось «поручить окружкомам ВКП(б) принять меры ... к увеличению процента бедняков, батраков и женщин в немецких сельсоветах» [4, л. 41]. Краевые власти отмечали, что «создание немецких сельсоветов... даст широкую возможность классового расслоения немецких колоний» [5, л. 90 об.]. К 1929 г. в Ванновском районе при всех сельсоветах и некоторых КОВАх было организовано 12 групп бедноты, состоявших из 144 членов, в том числе 25 женщин и 21 батрака [17, л. 66]. Большое внимание уделялось наиболее уязвимому в социально-экономическом плане батрацкому элементу. В том же Ванновском районе существовал батрацкий профсоюз, в который входило 138 членов из 153 имевшихся в районе батраков [17, л. 66]. Для вовлечения бедноты и батрачества в советское строительство проводились одноимённые районные совещания, на которых обсуждались вопросы организационного сплочения и согласовывались общие кандидаты на выборах в сельсоветы. В 1929 г. в Ванновском районе состоялась I-е Районное совещание бедноты и батрачества по советскому строительству с участием 80 батраков и 60 бедняков [17, л. 66].

Наиболее остро вопрос о вовлечении бедноты в советское строительство встал с началом коллективизации, поскольку в её процессе на бедняцкие слои населения делалась основная ставка. Несмотря на значительные трудности, процесс советского строительства в

ряде национальных районов и сельсоветов облегчался по причине имевшегося малоземелья и как следствие значительного количества бедняцкого крестьянства. В Ванновском районе фиксировалась наиболее высокая концентрация бедняцкого немецкого крестьянского населения в Северо-Кавказском крае, что способствовало классовой дифференциации. В случае с немецким населением действовал механизм, который способствовал значительному снижению социальных противоречий. Зажиточные немецкие крестьяне и нелояльные советской власти середняки эмигрировали из Советского Союза за рубеж.

В отношении оставшихся кулаков и аффилированных с ним социальных групп, прежде всего духовенства, в 1920-е гг. велась политика поражения в правах. С этой целью в национальной среде активно использовался институт лишенцев. Он распространялся на лиц, использовавших наёмный труд. Нередко это приводило к тому, что в ряде общин права голоса лишались середняцкие слои, чья хозяйственная специфика требовала использование сезонного наёмного труда. Так, в немецких колониях Донского округа многие колонисты были лишены избирательных прав, в том числе «...за счёт бедняцких и середняцких слоёв, кои благодаря близости города и своей экономической необеспеченности в свободное от полевых работ время (несистематически) занимались скупкой и перепродажей сельскохозяйственных продуктов с целью поддержания своего хозяйства» [7, л. 8]. Особенностью немецких колоний в округе был крупный товарный характер хозяйств, которые требовали в летние месяцы найма рабочей силы, иногда до 20 работников, чем объяснялся «большой процент лишённых избирательных прав, который в отдельных колониях очень высок» [7, л. 9 об.]. Политика лишения политических избирательных прав немецкого населения, проводимая на местах, негативно воспринималась на краевом уровне. Региональные власти констатировали, что местные советские и партийные работники плохо знают социальную, культурную и хозяйственную специфику национальных меньшинств [8, л. 133 об. – 134]. В результате численность «лишенцев» в немецких колониях стала снижаться. На перевыборах сельсоветов в 1926 г. число граждан, пользовавшихся правом голоса в Александровском (немецком) сельсовете Донского округа, насчитывало 413 человек; лишено избирательного голоса было всего 13 человек (члены трёх семей, в том числе одно духовное лицо) как «эксплуатирующие чужой труд в течение целого года» [8, л. 94 об.].

Ванновский национальный район отличался наибольшей концентрацией бедняцкого немецкого населения в Крае. В то же время

именно в Ванновском немецком сельсовете в 1929 г. больше чем в других сельсоветах района было лишено избирательных прав – 90 человек. В других немецких сельсоветах число лишенцев достигало 109 человек. В русских и украинских сельсоветах района количество лишенцев вместе с членами семей достигало 138 человек. Большинство были лишены избирательных прав как лица, прибегавшие к наёмному труду с целью извлечения прибыли (76 человек), а также к частной торговле (29 человек); 14 лишенцев были служителями культа [18, л. 13].

Фактором, значительно осложнявшим советское строительство на местах, стало сохранение, а в ряде мест и укрепление, альтернативных сельсоветам органов самоуправления в лице общегражданских собраний и сельских сходов, где были представлены представители всех социальных групп. В них зажиточная часть населения играла ведущую роль, непосредственным образом влияя на принятие решений по социальным и экономическим вопросам. Во многих населённых пунктах складывалось своеобразное двоевластие, где сосуществовали как сельские советы, в которые входили преимущественно бедняки, так и сельские сходы или собрания, где ведущую роль играли зажиточные крестьяне. Чаще всего такая ситуация фиксировалась в национальных общинах, где уровень зажиточности был довольно высок. Комиссия, обследовавшая немецкие колонии Донского округа, отмечала, что в колонии Воронцовской Ейского района «создалось ненормальное положение, что Сельсовет потерял инициативу, каковую перехватили общие собрания крестьян... повестки общегражданских собраний не утверждались ни Пленумом Сельсовета, ни его Президиумом...» [5, л. 995]. Краевые власти настаивали на необходимости «положить конец частым общегражданским собраниям, созывая последние не чаще одного раза в месяц», а также «взять за правило повестки общих собраний граждан ... утверждать в Сельсовете» [5, л. 95].

Одним из механизмов снижения роли собраний и сходов было повышение оперативности и качества деятельности сельсоветов. Поощрялась работа различных комиссий и секций, избрание Президиумов сельсоветов из наиболее политически активных и грамотных членов сельсоветов, которые должны были сосредоточить в своих руках всю полноту власти в сельсовете и отвечать за стратегию советского строительства на местах [5, л. 33 об.]. Значительное

внимание уделялось функционированию комиссий и секций сельсоветов по благоустройству и культурному строительству [5, л. 96].

По мере окончательного становления и укрепления национальных сельских советов встал вопрос о чистке их состава как от представителей классово чуждых элементов, так и от низкоквалифицированного бедняцко-середняцкого элемента. Актуальность чистки советских органов в национальных районах и сельсоветах обуславливалась начавшейся коллективизацией, которая в национальной среде протекала значительно более низкими темпами, чем среди русского и украинского населения. Проникновение зажиточных крестьян в состав национальных сельсоветов, в том числе на руководящие должности, было распространённым явлением. Это объяснялось дефицитом квалифицированных кадров среди бедняцко-батрацкой и середняцкой массы, а также слабостью или полным отсутствием национального партийного актива на местах, которые должны были курировать процесс советского строительства в национальной среде. Довольно распространённым явлением было избрание в состав сельсоветов или влияние на их политику национального духовенства. По итогам исследования немецких колоний Северо-Кавказского края в 1928/1929 гг. отмечалось, что «в работе ряда немецких сельсоветов имеется влияние религиозной общины, замазывание классовой борьбы в деревне и стремление восстановить в правах, лишённых права голоса (кулаков и руководителей религиозных общин). Например, в колонии Долиновка Краснодарского района Председатель сельсовета является братом кюстера¹. Предревкомиссии является зятем последнего. В колонии Николаевка имеются два члена совета, они же являются членами церковного совета. В колонии Андреевка имеется стремление сельсовета замазать деятельность кулаков и верхушки религиозных общин» [22, л. 102]. В ходе выборов в сельсоветы в ряде колоний обострялись внутринемецкие противоречия, в том числе по причине религиозной неоднородности колонистов. Так, в результате пере-выборов в Эбентальский сельсовет Терского округа в 1926 г. лютеране противостояли баптистам, которые пытались провести в сельсовет своих кандидатов. Особенность ситуации состояла также в том, что беднота была представлена лютеранской частью колонии, которая в конечном итоге позволила баптистам избрать в состав сельсовета только одного члена от

¹ Смотритель церковных зданий, к духовенству не причисляется.

своей общины. Тем самым социальный (классовый) разлом в ряде немецких колоний проходил по религиозному признаку [3, л. 63].

Ключевым механизмом «улучшения» классового состава национальных сельсоветов во второй половине 1920-х гг. были перевыборы их состава, поскольку механизм досрочного отзыва депутатов практически не работал. При обследовании немецких колоний края в 1928 г. было выявлено, что «только в двух немсельсоветах имело место досрочного отзыва со стороны избирателей ввиду бездеятельности членов совета» [22, л. 103].

С конца 1920-х гг. советское строительство в национальной среде стало проводиться в контексте задач коллективизации. Рост представленности национального бедняцко-батрацкого элемента в сельсоветах обеспечивался за счёт привлечения к участию в выборных кампаниях деревенских низов. В Предложениях Отдела Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) по работе в деревне среди немецкого населения Окружкомом и Райкомом ВКП(б) в 1928 г. отмечалась необходимость «...обратить особое внимание на привлечение батрачества и бедноты к практическому участию в работе местных советских, хозяйственных и общественных организаций... Всю означенную работу с батрачеством и беднотой проводить в направлении укрепления блока бедноты и середняцкой частью крестьянства, ограничения экономического и политического влияния кулачества и духовенства на середняков и усиления пролетарско-классовых позиций в нем. колониях» [22, л. 43].

Между тем, классовая политика, проводимая советской властью в национальной среде, имела свои особенности. Они заключались в том, что уровень зависимости многих членов сельсоветов – бедняков и середняков, от их зажиточных соплеменников оставался довольно высоким. Так, например, в Донском округе отмечалось, что во время перевыборов в немецкие сельсоветы «компактные массы зажиточного населения иногда созывали негласные собрания и подготавливали подходящие кандидатуры середняков, которых затем выставляли через связанных с ними середняков и бедняков» [7, л. 9 об.].

Нередко избранные в сельсоветы бедняки-нацмены представляли интересы зажиточных односельчан. Тем самым принцип этнической солидарности оказывался сильнее классового. Такая ситуация возникала чаще всего в смешанных по национальному составу сельсоветах, где нередко возникали конфликты по этническому признаку. В некоторых колониях Донского и Терского округов немцы-бедняки, консолидировавшись с немцами-середняками и зажиточными немцами-колонистами, отказыва-

лись голосовать за русских кандидатов из бедноты. В колонии Каррас (Карась) Горячеводского района Терского округа на состоявшихся выборах в местный сельсовет в январе 1926 года «проходило красной нитью нежелание немцев выбирать в совет русских, особенно бедняков... Немцы – середняки и зажиточные вели линию провала на выборах русских, женщин, членов ВКП(б), членов РЛКСМ и проведение в совет желательны для их кандидатов» [3, л. 11]. В результате «из числа бедняков в совет прошли только те, кто активно выступал в защиту кандидатов, выставленных середняками и зажиточными. Батраки на выборы не явились, проявили неорганизованность и безактивность, среди них отмечалось также нежелание проводить в совет русских...» [3, л. 12]. По итогам выборов в сельсовет из числа бедняков вошли два немца, которые «выступали в защиту кандидатов, выставленных зажиточными», а также одиннадцать середняков, два зажиточных и один служащий [3, л. 14].

К исходу 1920-х гг. региональные власти констатировали определённые успехи в дело вовлечения в советское строительство представителей беднейших слоёв немецкого населения. В образцовом Ванновском районе по итогам перевыборов в апреле 1929 г. было проведено 59% сельхозрабочих, пастухов и батраков, что было значительно выше показателей октября 1928 г. (28%). Доля середняков и зажиточных крестьян в сельсоветах района значительно сократилась – с 57% до 29,6% [17, л. 67]. По итогам первой пятилетки в 1932 г. в немецких сельсоветах Ванновского района значилось 144 бедняка, батрака и рабочих, 44 – середняка, 20 – служащих [19, л. 16]. Социальный состав немецких сельсоветов (всего их было 11) в 1928–1929 гг. в одном из наиболее многонациональных округов Края – Терском округе – определялся следующим образом: 44% бедняков, 52% середняков, 4% зажиточных. В Донском округе в четырёх немецких сельсоветах имелось 43 члена, в том числе 31 бедняк, 15 середняков и 3 рабочих [22, л. 102].

Таким образом, к началу 1930-х гг. в Северо-Кавказском крае окончательно сложилась система национальных сельсоветов. На фоне низкой вовлечённости национальных меньшинств в партийные структуры советское строительство в национальной среде (коренизация) играло первостепенную роль. Среди немецкого населения оно облегчалось достаточно высоким уровнем грамотности. Наиболее динамично коренизация советского аппарата проходила в национальных немецких сельсоветах с высоким уровнем компактности проживавшего там немецкого населения. Значительно сложнее советское строительство осуществлялась в окружных и районных советских аппаратах.

С началом коллективизации приоритеты в деле советского строительства среди немецкого населения изменились. Ключевое внимание стало уделяться классовому подходу, хотя политика коренизации по инерции сохранялась

вплоть до середины 1930-х гг. Однако нехватка квалифицированных национальных кадров, прежде всего из классово близкой бедняцко-базарной среды, стала одной из причин свёртывания политики коренизации в регионе.

Источники и литература

1. Аюрян В. З. Краткий очерк по истории немцев Северного Кавказа. Пятигорск: ПГЛУ, 2005. 60 с.
2. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. Северо-Кавказский край URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=807 (Дата обращения: 15.01.2020).
3. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 22
4. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф.Р - 7. Оп. 1. Д. 751.
5. ГАРО. Ф.Р - 1798. Оп. 1. Д. 941.
6. ГАРО. Ф.Р - 1798. Оп. 1. Д. 968.
7. ГАРО. Ф.Р - 1798. Оп. 1. Д. 1116.
8. ГАРО. Ф.Р - 3758. Оп. 1. Д. 128.
9. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф.Р - 299. Оп. 1. Д. 250.
10. ГАСК. Ф.Р - 299. Оп. 1. Д. 1080.
11. ГАСК. Ф.Р - 1161. Оп. 1. Д. 956.
12. ГАСК. Ф.Р - 1161. Оп. 1. Д. 1040.
13. Иванцов И. Г. Советские формы «малой автономии». Национальные районы и сельсоветы на Кубани. 1924–1953 гг. (на материалах Кубани и Северного Кавказа). Краснодар: Альфа-Принт, 2013. 128 с.
14. Игнатова М. Е. Греческий и немецкий (Ванновский) национальные районы Краснодарского края в 20–40-е гг. XX века: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005. 244 с.
15. Кайкова О. К. Национальные районы и сельсоветы в РСФСР: Исторический опыт Советского государства в решении проблемы национальных меньшинств в 1920–1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 20 с.
16. Систематический сборник действующих актов. М.; Л., 1928.
17. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф - 493. Оп. 1. Д. 21.
18. ЦДНИКК. Ф - 493. Оп. 1. Д. 24.
19. ЦДНИКК. Ф - 493. Оп. 1. Д. 32.
20. ЦДНИКК. Ф - 493. Оп. 1. Д. 52.
21. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф - 7. Оп. 1. Д. 165.
22. ЦДНИРО. Ф - 7. Оп. 1. Д. 751.

References

1. Akopyan V. Z. Kratkii ocherk po istorii nemtsev Severnogo Kavkaza (*A brief essay on the history of the Germans of the North Caucasus*). Pyatigorsk: PSLU publ., 2005. 60 p. (In Russian).
2. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda. Natsional'nyi sostav naseleniya po regionam RSFSR. Severo-Kavkazskii kraj (*All-Union population census of 1926. National composition of the population by regions of the RSFSR. North-Caucasus region*) URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=807 (Accessed: 15.01.2020). (In Russian).
3. State archive of modern history of Stavropol territory (GANISK). F. 5938. Inv. 1. D. 22. (In Russian).
4. State archive of the Rostov region (GARO). F.R. - 7. Inv. 1. D. 751. (In Russian).
5. GARO. F.R. - 1798. Inv. 1. D. 941. (In Russian).
6. GARO. F.R. - 1798. Inv. 1. D. 968. (In Russian).
7. GARO. F.R. - 1798. Inv. 1. D. 1116. (In Russian).
8. GARO. F.R. - 3758. Inv. 1. D. 128.
9. State archive of Stavropol territory (GASK). F.R - 299. Inv. 1. D. 250. (In Russian).
10. GASK. F.R. - 299. Inv. 1. D. 1080. (In Russian).
11. GASK. F.R. - 1161. Inv. 1. D. 956. (In Russian).
12. GASK. F.R. - 1161. Inv. 1. D. 1040. (In Russian).
13. Ivantsov I. G. Sovetskie formy «maloy avtonomii». Natsional'nye rayony i sel'sovety na Kubani. 1924–1953 gg. (na materialakh Kubani i Severnogo Kavkaza) (*The Soviet forms of "minor autonomy". National districts and village councils in the Kuban. 1924–1953. (on materials of the Kuban and the North Caucasus)*). Krasnodar: Al'fa-Print, 2013. 128 p. (In Russian).
14. Ignatova M. E. Grecheskiy i nemetskiy (Vannovskiy) natsional'nye rayony Krasnodarskogo kraia v 20–40-e gg. XX veka. (*Greek and German (Vannovsky) national regions of Krasnodar Krai in 20 – the 40th of the XX century*). Krasnodar, 2005. 244 p. (In Russian).
15. Kaykova O.K. Natsional'nye rayony i sel'sovety v RSFSR: Istoricheskiy opyt Sovetskogo gosudarstva v reshenii problemy natsional'nykh men'shinstv v 1920–1941 gg. (*National districts and village councils in the Russian Federation: the historical experience of the Soviet state in the solution of problems of national minorities in 1920–1941*). Moscow, 2007. 20 p. (In Russian).
16. Sistematicheskii sbornik deistvuyushchikh aktov (*A systematic collection of effective acts*). Moscow; Leningrad, 1928. (In Russian).
17. Center of documentation of modern history of Krasnodar region (TsDNIKK). F. - 493. Inv. 1. D. 21. (In Russian).
18. TsDNIKK. F. - 493. Inv. 1. D. 24. (In Russian).
19. TsDNIKK. F. - 493. Inv. 1. D. 32. (In Russian).
20. TsDNIKK. F. - 493. Inv. 1. D. 52. (In Russian).
21. The documentation centre of recent history in Rostov region (TsDNIRO). F. - 7. Inv. 1. D. 165. (In Russian).
22. TsDNIRO. F. - 7. Inv. 1. D. 751. (In Russian).

Информация об авторе

Аверьянов Антон Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории XX–XXI веков института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / aver18071981@yandex.ru

Information about the author

Averyanov Anton – PHd in history, Associate Professor, Chair of Russian history in XX–XXI, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don) / aver18071981@yandex.ru

РЕВИЗИЯ М. Н. ЖЕМЧУЖНИКОВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ САМОУПРАВЛЕНИЯ НАХИЧЕВАНИ-НА-ДОНУ²

Материалы ревизии Нахичеванского округа Таганрогского градоначальства не были опубликованы и получили минимальное отражение в научной литературе. Они были представлены Жемчужниковым в Сенат вместе с переводом Армянского (Астраханского) судебника. Копия отчета на ста десяти листах была направлена министру внутренних дел В. Н. Панину. Жемчужников указывает, что Судебник представляет собой компиляцию из римских законов и обычаев персов. Будучи привезенным в 1782 г. в Нахичевань из Астрахани, он не может считаться правовым памятником крымских армян. Многие его нормы не применяются, часть их отменена, а большинство дел рассматривается по российским законам. Поэтому следует полностью отказаться от него в пользу Свода законов Российской империи, что соответствовало бы общей политике государства. В отчете описаны штаты Армянского магистрата, утвержденные Екатеринославским наместничеством в 1784 г., его статус и функции. Отмечено смешение в нем разнородных частей управления. Впервые приведен текст приговора нахичеванского общества об

учреждении Сиротского суда, выборе его первых судей и порядке его работы. Совет двадцати четырех попечителей, созданный по проекту И. Аргутинского, в отчете лишь упоминается, что отражает его фактическое угасание к середине XIX в. Результаты ревизии послужили для М. Н. Жемчужникова основанием для предложения о коренной реформе нахичеванского самоуправления с целью приведения его в соответствие с российскими порядками. Предусматривалось создание вместо магистрата шестигласной городской думы (четыре представителя от города и два представителя от сел), новой полицейской части (руководитель и двое заседателей – по одному от города и от сел, в помощь которым давалось еще одиннадцать человек), нового сиротского суда (председатель суда – городской голова, двое заседателей и городской староста). Действие Армянского судебника следовало прекратить и полностью руководствоваться российскими законами.

Ключевые слова: магистрат, судебная власть, полиция, сиротский суд, Армянский судебник, проект реформ.

L. Batiev

REVISION BY M. N. ZHEMCHUZHNIKOV AS A SOURCE ON THE HISTORY OF SELF-GOVERNMENT IN NAKHICHEVAN-ON-DON

The audit materials of the Nakhichevan district of the Taganrog city administration were not published and thus received minimal reflection in the scientific literature. They were introduced by Zhemchuzhnikov to the Senate along with the translation of the Armenian (Astrakhan) Judicial code. A copy of the report consisting of one hundred and ten pages was sent to the Minister of the Internal Affairs V. N. Panin. Zhemchuzhnikov points out that Judicial Code is a compilation of Roman laws and the customs of the Persians. Having been brought to Nakhichevan from Astrakhan in 1782, it cannot be considered a legal monument of Crimean Armenians. Many of its rules are not applied, some of them have been canceled, and most cases are considered under Russian laws. Therefore, it should be completely abandoned in favor of the Code of Laws of the Russian Empire, which would be consistent with the general policy of the state. The report describes the states of the Armenian Magistrate, approved by the Yekaterinoslav vicegerency in 1784, its status and functions. The mixing of heterogeneous parts of the management is noted in it. For the first time, the

text of the verdict of the Nakhichevan society is given about the establishment of the Orphan's Court, the selection of its first judges and the procedure for its work. The council of twenty-four trustees, formed according to the project of I. Argutinsky, is only briefly mentioned in the report, which reflects its actual decline by the middle of the 19th century. The audit results served as the basis for M. N. Zhemchuzhnikov's proposal for a radical reform of Nakhichevan self-government in order to bring it in line with Russian orders. It was planned to create, instead of the magistrate, the six-deputies council (four representatives from the city and two representatives from the villages), a new police unit (the head and two assessors, one from the city and from the villages, to which another eleven people were given to help), a new Orphan's Court (court president - the city mayor, two assessors and the city foreman). The action of the Armenian Judicial code should have been terminated and fully guided by Russian laws.

Key words: magistrate, judiciary, police, Orphan's Court, Armenian judicial code, reform project.

Своеобразная организация управления в Нахичевани-на-Дону, основанной в 1779 г. армянами-переселенцами из Крыма, все еще нуждается в дополнительных исследованиях и, что не менее важно, в расширении источниковой базы. В этом отношении значительный интерес

представляет отчет тайного советника, сенатора М. Н. Жемчужникова [19] о ревизии Таганрогского градоначальства, произведенной им по поручению Сената в 1843–1844 гг. [18]. Ревизия самой Нахичевани не входила в данное

² Исследование выполнено в рамках реализации гранта РФФИ №18-59-05004.

М. Н. Жемчужникову поручение. Но, как указывал сам сенатор, удостоверившись по прибытии в Таганрог, что местное начальство не имеет достаточных сведений состоянии управления Нахичеванского округа, входящего в состав Таганрогского градоначальства (с 1807 г.) [17], и потому не в может представить отчета, он по собственной инициативе подверг Нахичевань подробной ревизии, действуя соответствии с общей инструкцией [6]. Материалы ревизии использовались исследователями в ограниченном масштабе. Так, В. Б. Бархударян приводит указания М. Н. Жемчужникова о наличии в Нахичевани городского головы уже в 1791 г. [3, с. 55]. П. П. Филевский сообщает сведения частного характера о ревизии в Таганроге [20]. Г. Патканян отмечает на то, что Жемчужников нашел много неточностей в результате чего судьи и городской голова попали под его гнев, но были прощены при его (Г. Патканяна) посредничестве [13, с. 110].

В нашем распоряжении находится копия отчета, представленного М. Н. Жемчужниковым в Сенат, с сопроводительным письмом на имя министра юстиции В. Н. Панина. К отчету были приложены также, переведенный на русский язык экземпляр Армянского судебника, план земли Нахичеванского округа и проект штатов, предполагаемых сенатором к учреждению в Нахичеванском округе присутственных мест [18, л. 108 об. – 109 об.]. Однако в доступном нам архивном деле указанных материалов, кроме проекта штатов, нет.

Структура самого отчета включает в себя вводную часть (в самом донесении не выделено отдельным заголовком) [18, л. 5–9] и десять разделов, часть из которых содержит подразделы: О жителях Нахичеванского округа, состоящего из города Нахичевана и пяти армянских селений [18, л. 9–13]; Об управлении Нахичеванским округом вообще [18, л. 13–16]; Об Армянских законах и управлении судебною частью в Нахичеванском округе [18, л. 16–41]; Об управлении полицейскою частью в Нахичеванском округе [18, л. 41–61]; Об управлении опеками в Нахичеванском округе [18, л. 62–76]; Об управлении общественными делами и хозяйством города и его округа [18, л. 76 об. – 93 об.]; О попечении Градского главы о бедных и немощных жителях города Нахичевана [18, л. 93 об. – 95]; О сборе податей [18, л. 95–95 об.];

Заключительная часть (в самом документе специального заголовка нет) [18, л. 95 об. – 109]; О законах; О судебной части; Об устройстве полицейской части; Об управлении имениями малолетних сирот и описными имениями; Об управлении общественными делами; О привилегии.

В данной статье рассматриваются преимущественно те положения отчета, которые

характеризуют организацию, компетенцию и порядок деятельности органов самоуправления нахичеванского округа. За пределами статьи остается содержание их деятельности и оценка сановным ревизором отдельных вопросов, в том числе статус городского головы.

Особое внимание М. Н. Жемчужников уделяет анализу и оценке правовых оснований армянского самоуправления, подчеркивая при этом в российском законодательстве «старание к сближению сих пришельцев с общим порядком государственного управления» [18, л. 6 об.] и приводя слова Александра I из грамоты от 21 декабря 1802 г., где за нахичеванскими армянами сохраняются «все права и преимущества ... поколику они сходны с общими Государственными узаконениями» [18, л. 8–8 об.].

Основу правовой жизни нахичеванцев составлял Армянский (Астраханский) судебник, содержание которого было известно чиновникам Екатеринославской губернии лишь в связи с апелляциями на решения Нахичеванского армянского магистрата [18, л. 38–40]. По поручению М. Н. Жемчужникова судебник был переведен на русский язык Ф. Хадамовым, который окончил курс в Московском университете и, получив ученую степень действительного студента, занимался с 1837 г. в Нахичеванском армянском магистрате разрешением различных тяжб, и М. Кушнаревым, который окончил курс в армянском Лазаревском училище с 1840 года занимал должность переводчика в Нахичеванском армянском магистрате [18, л. 16 об. – 17; 13, с. 79].

В 1870 г. основные положения Судебника были изданы в переложении К. Алексеева. Публикация была подготовлена по копии перевода, которая была вручена в 1869 г. в день открытия Таганрогского окружного суда А. А. Шахматову открывавшему новые судебные учреждения Одесского округа [2, с. 1]. Однако К. Алексеев ошибочно указал время перевода – 1848 г., а вместо Таганрогского градоначальства назвал Таврическую губернию [2, с. 7]. В настоящее время экземпляр, подаренный А. А. Шахматову, хранится в государственном архиве Саратовской области [5]. Научное издание Армянского (Астраханского) судебника на армянском языке было осуществлено в 1967 г. [14]. На русском языке опубликованы отрывки из Судебника [1].

Исходя из донесения магистрата, составленного на основании местных преданий и свидетельства старожилов, М. Н. Жемчужников указал, что Судебник был привезен из Астрахани архиепископом И. Аргутинским в 1782 г. и тогда же введен в действие [18, л. 17–17 об.]. На полях Судебника внесены изменения рукой архиепископа И. Аргутинского, но они «не приняты Армянским магистратом в руководство» [18,

л. 22–22 об.]. М. Н. Жемчужников отметил в отчете, что Судебник неясно кем составлен [18, л. 17 об.], не опубликован ни на армянском, ни на русском языках, не был рассмотрен и одобрен российским правительством [18, л. 18]. По своему содержанию Судебник представляет собой компиляцию из римских законов и обычаев персов [18, л. 19], но его нормы обветшали и не соответствуют ни времени, ни настоящему образованию армян [18, л. 19 об.]. Поэтому «армяне, сами сознавая несообразность законов о наказаниях за преступления, не вводили их в употребление и руководствуются при решении уголовных дел сводом законов Российской империи» [18, л. 20 об.]. О том, что при затруднениях судьи магистрата прибегали к российскому законодательству, писал также Г. Патканян [13, с. 100]. Торговые дела подлежат ведению Таганрогского коммерческого суда и производятся на основании общих законов. В результате, все главы Армянского судебного, определяющие правила торговли, не имеют также силы в Нахичеванском округе [18, л. 20 об.]. На момент ревизии применялись только нормы Судебника, рассматриваемые гражданским судом, «а именно: глава 8 о духовном завещании и наследстве; глава 9 об опеке; глава 16 о медиаторском суде; глава 14 об усыновлении и вся третья часть Армянского судебного, заключающая в себе правила судопроизводства, кроме обряда апелляции, который исполняется на основании общих законов государства» [18, л. 20 об. – 21].

Таким образом, обнаруживается, что большая часть норм Судебника не имеет практического приложения, и во многих случаях не соответствует российскому законодательству [18, л. 21–24].

Общий вывод М. Н. Жемчужникова неутешительный: в то время, «когда неоднократно и ясно обнаруживалось в законодательстве нашем желание высшего правительства подчинить армян общему учрежденному в государстве порядку нахичеванцы присвоили себе самовольное право отменять и изменять свои законы, руководствуются законоположениями, которые не соответствуют потребностям народа, и понятиям века, не согласны с общими законами империи, а иногда и прямо противоречат им [18, л. 96 об. – 97]. Жемчужников настаивает на том, что армяне во время пребывания своего в Крыму не имели никаких законов. Следовательно, действующие в Нахичеванском округе законы, не могут быть рассматриваемы как их собственные законы. А это означает, что «армянский Судебник получил в сем округе силу в нарушение высочайше пожалованной 14-го ноября 1779 года привилегии» [18, л. 99]. Поэтому, теперь, когда образование и торговая

жизнь армян сблизил их с коренными жителями, для блага нахичеванских армян необходимо прекратить силу армянского Судебника и ввести в действие Свод законов Российской империи [18, л. 99–99 об.].

Однако при рассмотрении Судебника в столице было принято другое решение. Хотя Судебник «не полон и во многих случаях неясен, но вместе с тем заключает в себе по некоторым отделам такие правила которые не содержатся в Своде законов, но к которым, как к более справедливым и благоразумным, нахичеванские армяне привыкли» [4]. Поэтому «11 марта 1848 г., нахичеванским армянам оставлено было право решать гражданские дела на основании собственных законов и обычаев, впредь до издания нового для империи гражданского уложения» [2, с. 5].

На основании грамоты Екатерины II [18] и принимая во внимание штат магистрата, все части управления Нахичеванским округом должны находиться в ведении одного магистрата [18, л. 14], штаты которого были утверждены в 1784 г. Екатеринославским наместническим правлением [18, л. 4]. С данными М. Н. Жемчужникова согласуется информация И. М. Келле-Шагинова, отличие лишь в жалованье секретаря – 150, а не 200 руб. [7, с. 249]. В общей сложности Нахичевани выделялось из казны 1418 руб. [18, л. 13 об. – 14]. Остальные расходы «на содержание магистрата и других частей нахичеванского управления, пополняются из городских доходов и добровольной складки» [18, л. 4]. По некоторым архивным данным, в 1854 г. на содержание магистрата *Нахичевань получала из казны 545 р.*, к которым из городских доходов добавлялись еще 10 тысяч 853 руб. 35 коп. [9, л. 20–20 об.].

Магистрату были вверены «судебная и полицейская части управления в Нахичеванском округе». По городу Нахичевану он «соединяет в себе власти магистрата, полиции, словесного суда и по имениям секвестрованным; а равно и по заведованию капиталами малолетних сирот обязанности сиротского суда и отчасти градской думы, – по Нахичеванскому же округу власти уездного и земского судов [18, л. 15]. Сановный ревизор указывает, что в магистрате отсутствует распределение соответствующих обязанностей между заседателями и канцелярскими чиновниками. «Напротив того, в магистрате существует совершенное и весьма вредное по последствиям своим смешение разнородных частей управления, от чего весьма часто дело, имеющее исполнительный ход, получает без всякого основания судебное направление» [18, л. 15 об. – 16]. Однако по сведениям Е. Шахазиза собственно судебные функции выполняли председатель и двое судей, одному из

которых были поручены дела опекунские, а второй замещал председателя в его отсутствие и выполнял функции «устного суда». Полицейские функции выполняли двое судей-полицейских, один из которых надзирал за порядком в городе, а второй в округе [21, с. 2–12]. О специализации членов магистрата в середине XIX в. писал и И. М. Келле-Шагинов [8]. На основании указанных источников и архивных данных можно полагать, что, по крайней мере, в середине XIX в. полицейские функции выполнялись двумя специальными судьями магистрата (полицейскими заседателями).

Один из важнейших органов – совет двадцати четырех попечителей (городская дума), который был создан по проекту И. Аргутинского в 1795 г. в связи с тем, что система городского самоуправления в соответствии с «Грамотой на права и выгоды городам Российской империи» от 21 апреля 1785 г. [19] в Нахичевани не прижилась [21, с. 14–19]. Указанный орган заседал под председательством городского головы и совместно с магистратом рассматривал и решал все основные вопросы управления городом и округом. Из ревизии Жемчужникова известно о совместном рапорте магистрата, попечителей и городского головы таганрогскому градоначальнику в 1837 г. с просьбой разрешить избрать дополнительно двух «смотрителей за благоустройством» [18, л. 43–43 об.]. Ко времени ревизии роль опекунов явно сошла на нет. В середине XIX в. «городская дума» вообще перестала собираться [7, с. 297; 21, с. 32–34]. Но в общих сводках об органах управления Нахичевани она все еще упоминается [9, л. 20–20 об.]. Неудивительно поэтому, что столь дотошный ревизор Жемчужников лишь мельком отмечает, что городскому голове в исполнении его обязанностей «содействуют избираемые обществом градские попечители» [18, л. 79].

Об институте попечителей вспомнили в середине 1850-х годов в связи с готовящимися реформами городского самоуправления. Нахичеванское общество предложило не учреждать городскую думу, но назначить из горожан двадцать четырех опекунов общества для советов по делам общественным и в помощь городскому голове четырех граждан, в непосредственное распоряжение городского головы для возложения на них различных поручений [9, л. 33–34 об.]. После долгих согласований лишь в феврале 1866 г. состоялись выборы уже нового совета опекунов [9, л. 45–45 об.; 14; 15].

Еще об одном должностном лице – городском (общественном) старосте, которому вверен сбор податей, М. Н. Жемчужников пишет, что неизвестно, в какое именно время и с чьего распоряжения оно возникло. Об управлении селами также сказано очень кратко: «в селениях для сбора податей ежегодно, на основании

древних обычаев, избираются атаманы и четыре старика» [18, л. 15 об., 95 об.].

Заметное место в отчете о состоянии дел в Нахичеванском округе заняло описание сиротского суда. По сведениям М. Н. Жемчужникова он был учрежден по особому приговору общества в 1812 г., поддержанному армянским архиепископом Иоанном [18, л. 26 об.]. В его ведении находится управление именными малолетних сирот, а также сумасшедших. Ранее этими вопросами ведал магистрат [18, л. 15–15 об., 62–62 об.].

Полный текст общественного приговора в отчете Жемчужникова – единственный на сегодня документ на русском языке, содержащий устав Нахичеванского сиротского суда. Он состоит из пятнадцати небольших пунктов. Первый сообщает об избрании двух судей из граждан (Бабука Овакелова и Маркоса Магдес-Ованесова) с жалованьем по 400 рублей в год. Во втором говорится о найме одного письмоводителя и одного десятского служителя [18, л. 62–63 об.]. Из пункта шестого видно, что сиротский суд должен распоряжаться имуществом малолетних сирот «с ведома градского главы и магистратских членов» [18, л. 65–65 об.]. В остальном приговор содержит нормы материального и процессуального характера определяющие действия суда.

М. Н. Жемчужников указал на несоответствие положений о сиротском суде Нахичевани российскому законодательству: число членов суда, их подчиненное положение, смешение властей, наличие жалованья судьям, удержание для этой цели из имущества наследников и др. К тому же самим судом не всегда соблюдаются нормы устава и российское законодательство [18, л. 71–76].

Результаты ревизии послужили для М. Н. Жемчужникова основанием для предложения о коренной реформе нахичеванского самоуправления. С развитием города и с умножением богатства жителей Армянский магистрат не в состоянии исполнять с должной эффективностью всех возложенных на него обязанностей [18, л. 14–14 об.]. По мнению сенатора, необходимо отделить судебную и полицейскую власти [18, л. 100 об.] и учредить Нахичеванский окружной суд, который бы производил все судебные дела на основании российских законов. Он «должен состоять из пяти членов по выбору общества: председателя из граждан города и четырех заседателей, из коих два от купечества, один от дворянства и один от поселян» [18, л. 101]. В штат суда были включены также секретарь, два столоначальника, протоколист («он же и приходорасходчик»), переводчик и десять канцелярских служителей [18, л. 3]. Итого – 20 человек. Идя навстречу просьбе горожан, М. Н. Жемчужников предложил также учредить

при Окружном суде Торговый словесный суд, исключив торговые дела нахичеванцев из ведения таганрогского Коммерческого суда [18, л. 101 об.].

Полицейскую часть также предусматривалось организовать на общеимперский лад. Штаты Нахичеванской полиции предполагалось сформировать в следующем составе: один «представитель» от граждан города и двое заседателей, один из которых от граждан города и один от поселян, один письмоводитель, двое столоначальников, один переводчик с армянского языка, семеро канцелярских служителей, итого – четырнадцать человек [18, л. 3–3 об.; 101 об. – 102]. Звание смотрителей, предусмотренных Жалованной грамотой Екатерины II, как ставшее излишним, предлагалось упразднить. «Для ближайшего полицейского надзора за порядком в городе и селениях учредить, на общем основании о земской полиции, избрание: тысяцких, сотских и десятских, которые и должны исполнять предписанную наказом для сих полицейских служителей обязанность» [18, л. 102].

Существование Армянского сиротского суда следовало прекратить, поскольку он «учрежден общественным приговором без согласия на то правительства и не принял в руководство ни законов армянского Судебника, ни правил в своде законов изложенных» [18, л. 102 об.]. Вместо него необходимо учредить Сиротский суд Нахичеванского округа на основании Свода законов «и вверить ему управление как сиротскими, так и описными имуществами всех нахичеванских жителей, не исключая и поселян. Он будет состоять под председательством Нахичеванского головы из двух заседателей окружного суда и особо избранного городского старосты» [18, л. 3 об., 102 об. – 103].

Вместо магистрата М. Н. Жемчужников предложил учредить окружную Думу из представителей всех сословий, в том числе и селян (21, л. 103). Председатель Думы, как заведующий общественными делами города и округа, должен называться главою Нахичеванского округа и избираться из граждан города. Дума предусматривалась шестигласной – «два от граждан, два от поселян и два от ремесленников». В помощь к ним давался секретарь. [18, л. 3 об., 103–103 об.]. Финансирование всех органов предлагалось оставить на прежних основаниях, по штату 1784 г., т.е. 1418 рублей из казны, а все остальное – из средств Нахичевани [18, л. 4].

Таким образом, вся система управления, суда и полиции в Нахичевани, полностью соответствовала бы общероссийскому законодательству. Сенатор не видел в этом ущемления «прав и преимуществ», дарованных императрицей Екатериной II, полагая, что только таким образом можно улучшить жизнь нахичеванским армянам, которые смогут воспользоваться всеми преимуществами российских подданных.

Предложения Жемчужникова не были реализованы. Нахичеванцы, в стремлении сохранить дарованные Екатериной II права и преимущества, сумели «отбиться» и от последовавших позднее проектов. Впрочем, отсрочка оказалась не столь долгой и уже через двадцать лет Нахичевань-на-Дону подпала под общероссийские реформы. Но если по проекту М. Н. Жемчужникова Нахичевань сохраняла свой собственный округ с армянскими селами, то по новым реформам Нахичевань потеряла не только привычную систему самоуправления, но и свой особенный статус, превратившись в заштатный город.

Источники и литература

1. Авакян Р. О. Памятники армянского права. Ереван: «ЕФ МНЮИ – XXI век», 2000. 1020 с.
2. Алексеев К. Изложение законоположений в Армянском судебнике. М: В университетской типографии, 1870. 89 с.
3. Бархударян В. Б. История армянской колонии Новая Нахичевань. Ереван: «Айастан». 1996. 528 с.
4. Вечерняя газета. 22 февраля 1872. №51.
5. Государственный архив Саратовской области. Ф. 660. Оп. 1. Д. 477.
6. Инструкция сенаторам, назначаемым для обревизования губерний: О первоначальных действиях сенаторов. СПб: б.и., 1819. 31 с.
7. Келле-Шагинов И. М. Моя единственная жизнь. Ростов-на-Дону: Старые русские, 2015. 320 с.
8. Келле-Шагинов С. История семьи из бывшего города Нахичевани-на-Дону в воспоминаниях ушедших поколений // Релга. 2012. №7 (245) URL <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3185&level1=main&level2=articles> (Дата обращения: 14.01.2020).
9. Национальный архив Армении (далее – НАА). Ф.139. Оп.1. Д.87.
10. НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 122.
11. НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 191.
12. НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 197.
13. Патканян Г. История Новой Нахичевани. Нахичевань: б.и., 1917. Б.п. (на арм. яз.).
14. Погосян Ф. Г. Судебник астраханских армян. Ереван: Издательство Академии наук Армянской ССР, 1967. Б.п. (на арм. яз.).
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб.: Тип. II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. Т. 20. № 14942.
16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб.: Тип. II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. Т. 21. № 16187.
17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 22. СПб.: Тип. II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. ПСЗ-I. Т. 29. №22671.
18. Российский государственный исторический архив. Ф. 1405. Оп. 42. Д.6812.

19. Русский биографический словарь: Жабокритский – Зяловский. Т. 7. СПб.: Тип. Гл. упр. делов, 1897. 587 с.
20. Филевский П. П. История города Таганрога URL <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000089/st025.shtml> (Дата обращения: 20.12.2019).
21. Шахазиз Е. Исторические зарисовки. Тифлис: Типография Т.М. Ротиняна, 1903. 239 с. (на арм. яз.)

References

1. Avakjan R. O. Pamjatniki armjanskogo prava (*Monuments of Armenian Law*). Erevan: «EF MNJul – XXI vek», 2000. 1020 p. (In Russian).
2. Alekseev K. Izlozhenie zakonopolozhenij v Armjanskom sudebnike (*Statement of Laws in the Armenian Criminal Code*). Moscow: University printing house, 1870. 89 p. (In Russian).
3. Barhudarjan V. B. Istorija armjanskoj kolonii Novaja Nahichevan' (1779-1917) (*History of the Armenian colony New Nakhichevan (1779-1917)*). Erevan: «Ajastan». 1996. 528 p. (In Russian).
4. Vechernijaja gazeta. 1872. February 22. No. 51. (In Russian).
5. State archive of Saratov territory (GASO). F. 660. Inv.1. D.477. (In Russian).
6. Instrukcija senatoram, naznachajem dlja obrevizovanija gubernij: O pervonachal'nyh dejstvijah senatorov. (*Instruction for the senators assigned to audit the provinces: on initial actions of senators*) St.Petersburg, 1819. 31 p. (In Russian).
7. Kelle-Shaginov I. M. Moja edinstvennaja zhizn' (*My only life*). Rostov-na-Donu: Starye russkie, 2015. 320 p. (In Russian).
8. Kelle-Shaginov S. Istorija sem'i iz byvshego goroda Nahichevani-na-Donu v vospominanijah ushedshih pokolenij (*The story of a family from the former city of Nakhichevan-on-Don in the memories of bygone generations*) // Relga. 2012. No.7 (245) URL <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3185&level1=main&level2=articles> (Accessed: 14.01.2020). (In Russian).
9. Armenian National Archive (NAA). F.139. Inv.1. D.87. (In Russian).
10. NAA. F.139. Inv.1. D.122. (In Russian).
11. NAA. F.139. Inv.1. D.191. (In Russian).
12. NAA. F.139. Inv.1. D.197. (In Russian).
13. Patkanjan G. Istorija Novoj Nahichevani. Nahichevan' (*History of New Nakhichevan*). Nakhchivan, 1917. (In Armenian).
14. Pogosjan F.G. Sudebnik astrahanskih armjan (*Judicial Code of Astrakhan Armenians*). Erevan: ASSR SA publ., 1967. (In Armenian).
15. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (*Complete collection of laws of the Russian Empire*). Collection 1. Vol. 20. St. Petersburg: Printing house II Departments of his own Imperial Majesty Chancellery, 1830. No.14942. (In Russian).
16. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. (*Complete collection of laws of the Russian Empire*). Collection 1. Vol.21. St. Petersburg: Printing house II Departments of his own Imperial Majesty Chancellery, 1830. No.16187. (In Russian).
17. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. (*Complete collection of laws of the Russian Empire*). Collection 1. Vol. 22. St. Petersburg: Printing house II Departments of his own Imperial Majesty Chancellery, 1830. No.22671. (In Russian).
18. Russian State Historical Archive (RGIA). F.1405. Inv.42. D.6812. (In Russian).
19. Russkij biograficheskij slovar': Zhabokritskij – Zjalovskij (Russian biographical dictionary: Zhabokritsky – Zzhalovsky). Vol. 7. St. Petersburg, 1897. P.28 – 29. (In Russian).
20. Filevskij P. P. Istorija goroda Taganroga (*History of the city of Taganrog*) URL <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000089/st025.shtml> (Accessed: 20.12.2019). (In Russian).
21. Shahaziz E. Istoricheskie zarisovki (*Historical essays*). Tiflis: T.M. Rotinjan's, 1903. 239 p. (In Armenian).

Информация об авторе

Батиев Левон Владимирович – кандидат юридических наук, заведующий лабораторией социологии и права Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону) / ibatiev@yandex.ru

Information about the author

Batiev Levon – PhD in Law, Head of the Laboratory of Sociology and Law, Southern Scientific Center of RAS (Rostov on Don) / ibatiev@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ СССР В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с состоянием системы здравоохранения на территориях бывших республик Советского Союза – Украинской ССР, Белорусской ССР и части территории РСФСР, подвергшихся немецко-фашистской оккупации во время Великой Отечественной войны. Несмотря на первоначальные планы прекращения оказания медицинской помощи населению оккупированных территорий, германские власти, осознавая провал блицкрига и руководствуясь принципом практической целесообразности, беспокоясь, в первую очередь, о здоровье собственных военнослужащих, вынуждены были создавать на местах органы управления здравоохранением и поддерживать работоспособность системы охраны здоровья гражданского населения. Для оказания медицинских услуг жителям захваченных территорий оккупанты использовали функционировавшие в советское время медучреждения, а также работавший в них персонал. При этом часть лечебных учреждений германское командование задействовало под госпитали и лазареты для солдат и офицеров вермахта, для расквартирования войск и другие нужды. В продолживших

свою работу медучреждения для населения обслуживание в период оккупации осуществлялось на платной основе. Ряд медучреждений, ранее оказывавших специализированные виды помощи, по решению оккупационных властей прекратили свою работу. Сокращение числа медучреждений, их неудовлетворительное финансирование и снабжение, введение платы за оказание услуг, ощущавшаяся на многих территориях нехватка медицинского персонала предопределили практически повсеместное снижение доступности и ухудшение качества медицинского обслуживания населения в период оккупации. В то же время в ряде случаев отмечались определенные особенности, связанные с политикой, проводимой оккупантами в области здравоохранения в различных регионах захваченной врагом части СССР. Итогом оккупации явились разрушение врагом большого числа медицинских учреждений, уничтожение миллионов мирных жителей, нанесение огромного вреда здоровью местного населения.

Ключевые слова: здравоохранение, СССР, Великая Отечественная война, немецко-фашистская оккупация, медицина, население.

I. Kartashev

FEATURES OF THE ORGANIZATION OF MEDICAL SERVICES ON OCCUPIED TERRITORIES OF THE USSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article deals with issues related to the state of the health care system in the territories of the former republics of the Soviet Union – the Ukrainian SSR, the Belarusian SSR and a part of the territory of the RSFSR, which were subject to Nazi occupation during the Great Patriotic War. Despite initial plans to discontinue the provision of medical care to the population of the occupied territories, the German authorities, aware of the failure of the blitzkrieg and the principle of expediency, worrying, primarily about the health of their soldiers, were forced to create local health authorities and maintain the health of the civilian population. To provide medical services to residents of the occupied territories, the occupiers used medical institutions that functioned in the Soviet era, as well as the staff who worked in them. At the same time, the German command used part of the medical institutions for hospitals and infirmaries for soldiers and officers of the Wehrmacht, for quartering troops and other needs. In the medical institutions that continued their work, ser-

vices for the population during the occupation were provided on a paid basis. A number of medical institutions that previously provided specialized types of care, by the decision of the occupation authorities, stopped their work. The reduction in the number of health facilities, inadequate funding and supplies, the introduction of fees for the provision of services observed in many areas the shortage of medical personnel has determined the almost universal reduced availability and worsening quality of medical care during the occupation. At the same time, in a number of cases, certain features were noted related to the policy pursued by the occupiers in the field of health in various regions of the enemy-occupied part of the USSR. The result of the occupation was the destruction of a large number of medical institutions by the enemy, annihilation of millions of civilians, and the infliction of huge harm to the health of the local population.

Key words: healthcare, USSR, Great Patriotic War, Nazi occupation, medicine, population.

Политике оккупационных властей в области охраны здоровья гражданского населения, работе лечебных учреждений, а также оценке ущерба, причиненного системе здравоохранения захваченных германской армией в период Великой Отечественной войны территорий, посвящен ряд исторических исследований. Как

правило, в них проводится рассмотрение отдельных сторон проблемы или ее изучение применительно к определенной территории. В частности, в ряде работ описано состояние вопроса, связанного с обеспеченностью медицинской помощью населения Украины [20], Белоруссии [2; 13]; и отдельных областей России

[23]. Целью настоящей статьи является обобщение и дополнение существующей информации, а также выявление особенностей, связанных с политикой германских властей и состоянием системы здравоохранения на оккупированных территориях СССР.

Пониманию назначения организации здравоохранения, которую гитлеровцы вводили в оккупированных районах СССР, способствует знакомство с социальной политикой вермахта в отношении покоренных народов Советского Союза. В соответствии с генеральным планом «Ост», а также рядом сопутствующих документов гитлеровское руководство планировало переселить на земли Западной Сибири, Северного Кавказа, Южной Америки и Африки десятки миллионов жителей Польши и западной части СССР. В частности, переселению подлежало 65% жителей Украинской и 75% Белорусской ССР. Оставшееся население этих республик, которое могло быть использовано в качестве рабочей силы, должно было подвергнуться «онемечиванию». Часть пригодного для «онемечивания» населения допускалось отправить на работу в Германию. Основными идеями нацистов в отношении населения РСФСР являлись ослабление его в расовом отношении, достижение разрозненности и обособленности отдельных регионов и народностей России, недопущение сохранения на ее территории единого государственного образования, уменьшение численности местных жителей [14, с. 30–39]. Добиться сокращения прироста населения планировалось путем пропаганды аборт, широкой торговли предохранительными средствами, снижения уровня жизни местных жителей, отказа от проведения профилактических мероприятий [14, с. 40–41].

Провал плана «молниеносной войны», более или менее затянувшийся контакт военнослужащих вермахта с населением захваченных районов, растущее недовольство местных жителей этих территорий вынуждали оккупантов корректировать свою политику, в том числе, и в области здравоохранения. Вопреки первоначальным заявлениям об ограничении медицинской помощи населению, германские власти через некоторое время после установления своего господства вынуждены были создавать на оккупированных территориях органы управления здравоохранением.

Так, уже осенью 1941 г., распоряжением гражданской немецкой администрации – рейхскомиссариата «Остланд», в который входили 3 прибалтийских республики и западная часть Белорусской ССР, при местных органах власти (управах) были созданы отделы здравоохранения. Штат отдела состоял, как правило, из врача – заведующего отделом, 2-х дезинфекторов и статистика [2, с. 14]. Однако впоследствии

штаты нередко подвергались еще большему сокращению. В ряде случаев со временем и сами отделы здравоохранения в структуре местных управ упразднялись. К примеру, если к началу 1942 г. в составе Витебской городской управы функционировало 13 различных отделов, в том числе отдел охраны здоровья, то в 1943 г. – всего 3, причем отдела здравоохранения среди них уже не было [22, с. 113]. Тем не менее, в большинстве случаев на уровне управ властями были сохранены должности городских и районных врачей. Органы управления здравоохранением были созданы и в структуре управ на территории рейхскомиссариата «Украина», в состав которого вошли большая часть бывших Украинской и Белорусской ССР.

В оккупированных районах РСФСР, преимущественно находившихся в ведении военной администрации соответствующих групп германских армий, в качестве вспомогательных органов власти также создавались городские и районные управы. В их структуре, как правило, также создавался отдел, задачей которого являлось восстановление работы медицинских учреждений, предоставление им необходимых ресурсов и контроль их деятельности. Как и на территориях рейхскомиссариатов, управление здравоохранением здесь, например, на территории Калужской, Брянской и Смоленской областей, в большей степени носило формальный характер [23, с. 195]. Примечательно, что по состоянию на 20 марта 1943 г. отдел здравоохранения г. Смоленска включал в себя 2 подотдела – фармацевтический и санитарного надзора [21, с. 25]. Отсутствие в составе отдела подразделения, которое курировало бы лечебную работу, вызывает вопрос о порядке управления работой больниц и поликлиник города.

Рассматривая функционирование сети лечебных учреждений, необходимо констатировать тот факт, что полностью отказаться от оказания медицинской помощи местному населению оккупантам не удалось. В то же время следует отметить практически повсеместное сокращение количества медучреждений, закрытие учреждений, оказывающих специализированные виды помощи, уменьшение числа аптек, нехватку медикаментов, инструментария и т.д.

Прекращение работы медучреждений происходило по разным причинам. Часть из них серьезно пострадала в ходе боевых действий, например, во время бомбардировок с воздуха или артиллерийских обстрелов германскими войсками. Ряд объектов здравоохранения гитлеровцы уничтожили непосредственно во время оккупации. Так, в первый день оккупации, 17 июля 1941 г. были разграблены и разгромлены аптека и лучшая больница в райцентре Езерище Меховского района, а 12 марта 1942 г.

полностью сожжена вместе с хорошо оборудованной больницей деревня Межа Городокского района Витебской области Белоруссии [30, с. 81–82].

Повсеместно применялась гитлеровцами практика использования хорошо оснащенных медицинских учреждений под свои нужды, в частности, для оборудования госпиталей и лазаретов. Так, в белорусском городе Борисове немцы, заняв практически все лечебные учреждения, оставили для обслуживания населения лишь здания бывшего роддома и старой инфекционной больницы [1, с. 70]. Во Львове оккупанты также заняли большинство медучреждений, сократив количество коек для населения вполупину: с 1800 до 900 [8, с. 110]. В Харькове 1-я городская больница [41, с. 177], а в Киеве Александровская (Октябрьская) больница на 800 коек были переоборудованы под военные госпитали. В Калуге немцы заняли под лазарет лучшие помещения городской больницы, которая с началом оккупации лишилась даже собственной операционной [23, с. 196]. Практически в полном объеме задействовали оккупанты в своих интересах курортные учреждения Кавказских Минеральных Вод, являвшиеся в первый год войны базой советских эвакогоспиталей [19, с. 407].

Немало медучреждений было закрыто оккупантами «за ненадобностью». Так, на территории Белоруссии, в Минском окружном комиссариате, оккупанты продолжили работу лишь 9 больниц, закрыв ряд диспансеров, детских больниц и женских консультаций. В самом Минске работали 3 больницы общей практики, железнодорожная и инфекционная больницы, 4 амбулатории и несколько аптек. В Могилеве в период с 1941 по 1944 г. действовало всего 2 аптеки для населения города (47 тыс. жителей) и Могилевского района (82 тыс. жителей), обслуживавшие при этом и соседние районы [1, с. 72]. В 4 раза за время оккупации уменьшилась аптечная сеть Харькова [9, с. 43]. Значительно сократилась сеть районных сельских больниц.

Повсеместно закрывались оккупантами лечебные заведения, оказывавшие психоневрологическую помощь населению и социальную поддержку инвалидов. Их помещения, по признанию самих нацистов, «были нужны для расквартирования войск» [26, с. 404], а пациенты этих учреждений – «лишние рты» – систематически подвергались насильственному умерщвлению [26, с. 682]. В частности на территории Белоруссии гитлеровцы закрывали психиатрические больницы, а пациентов уничтожали. Так было, например, в Могилевской и Минской областях [6, с. 111–112]. Тут были уничтожены психиатрическое отделение 2-й клини-

ческой больницы в Минске и трудовая психиатрическая колония «Новинки» в его пригороде [39, с. 133, 194]. На территории Украины нацисты прекратили работу и истребили пациентов психиатрических больниц в Киевской [35, с. 11–12], Винницкой, Житомирской, Днепропетровской, Запорожской [28, с. 77–80], Харьковской [16, с. 321], Херсонской [38, с. 4], Полтавской [34, с. 44] областях. На территории РСФСР такая же участь постигла медучреждения и пациентов психиатрических больниц в Московской [15, с. 155], Псковской [43, с. 443], Калининской [15, с. 149], Курской [4, с. 1], Ленинградской [36, с. 10], Орловской [16, с. 233], Воронежской [44, с. 34], Симферопольской [11, л. 14] областях. Уничтожение больных, как правило, происходило поэтапно, при этом кроме расстрелов нередко применялись и другие виды казни. В одних случаях беззащитных людей переставали кормить, и они умирали от голода, в других случаях их смерть была вызвана введением в организм яда. Отличительной особенностью уничтожения пациентов психиатрических больниц на территориях, подвергшихся оккупации в более поздние периоды, в частности, на Северном Кавказе, было то, что оккупанты зачастую избавлялись от больных в более короткие сроки, используя при этом специально оборудованные машины-«душегубки» [33, с. 27].

Кроме того, оккупанты разгромили помещения и уничтожили пациентов домов инвалидов в Московской [15, с. 156] и Смоленской областях [16, с. 200], домов престарелых в гг. Могилеве и Гродно, умерщвлены больные тифом, туберкулезом и другими инфекционными заболеваниями в различных районах Белоруссии [6, с. 112]. Все эти категории больных считались немецкими фашистами неполноценными «недолюдьми», бесполезными для Германии.

Характерной чертой политики оккупантов в области здравоохранения стало введение платы за оказание медицинских услуг. Ее размер устанавливался на местном уровне и мог зависеть от места жительства больного, его возраста, трудоспособности, рода занятий. Так, согласно приказу Минского городского комиссариата от 29 октября 1941 г., плата за 1 день пребывания в больнице для работников государственных учреждений составляла 8 руб., для крестьян и работников частных учреждений – 10 рублей. Кустари и торговцы должны были платить за больницу 12 рублей. Прием у врача-терапевта стоил от 1 до 3 руб., удаление аппендикита – 80 руб., гинекологические операции – 100 руб. [2, с. 15]. В бывшей областной больнице в Киеве с 1 октября 1941 г. стоимость лечения составляла 20 руб. в день, плата за операции – от 50 до 200 руб. [5, с. 4]. Стоимость пребывания больного в лечебных учреждениях

г. Одессы, оккупированной румынскими войсками, весной 1942 г. составляла 1,5–2,5 марки (15–25 руб.) в день [45]. В лечебных учреждениях Смоленского округа стационарное лечение стоило 8 руб. в день, первичный амбулаторный прием – 5 руб., вторичный – 3 рубля. Вызов врача на дом стоил 10 руб., удаление зуба – 10 руб. В Карачевском районе Брянской области лечение в больнице стоило 20 руб. в день, посещение больного врачом на дому – 10 руб., принятие родов на дому – 25 рублей. Калужской городской управой стоимость амбулаторного приема была установлена в размере от 3 до 5 руб., пломбирование зуба – 6 руб., резекция, т.е. удаление зуба – 24 рублей [23, с. 196]. В Ставрополе стоимость пребывания в стационаре городской больницы для местных жителей составляла 15 руб. в день, вызов врача на дом – 10 руб., первичный прием в поликлинике – 5 руб. [12, л. 26]. Поскольку размеры заработной платы у жителей оставались на уровне советского времени, а масштаб цен многократно рос по сравнению с довоенным временем, и в оккупированных районах была значительная безработица, платные медицинские услуги были недоступны для основной массы населения.

В ряде случаев оккупационными властями допускалось и бесплатное медицинское обслуживание отдельных категорий населения, как правило, находившихся на службе у оккупантов. В частности, от платы за лечение зачастую освобождались полицейские, бойцы и командиры военизированных формирований, например, так называемой «Русской освободительной армии», служащие местных администраций. Бесплатно медицинскую помощь получали и малоимущие граждане, признанные таковыми в установленном порядке [18, с. 93].

На Юге России социальная политика гитлеровцев была скорректирована в связи с особенностями социальной структуры населения и ее многонациональным составом. Бесплатное медицинское обслуживание населения было сохранено на территории отдельных районов Кубани [10, л. 89], довольно широко бесплатная медпомощь оказывалась в медучреждениях на Ставрополье [19, с. 406]. Подобного рода «поблажки», во многом преследовавшие пропагандистские цели, были призваны способствовать повышению уровня доверия к новой власти, а при необходимости и привлекать местных жителей к сотрудничеству.

Введение на большинстве захваченных территорий бесплатного лечения инфекционных больных объяснялось довольно просто: оккупанты панически боялись эпидемических заболеваний, являвшихся угрозой военным служащим вермахта. Это обстоятельство предопределило и необходимость проведения соответствующих профилактических мероприятий,

хотя их осуществление зачастую начиналось уже после резкого роста числа заболеваний.

Так, при возникновении массовых заболеваний сыпным тифом в Минском округе в конце 1941 г. в районные здравотделы был направлен материал для прививания 5 медработников, участвующих в ликвидации эпидемии. При выявлении массовых заболеваний в Николаеве бывшей УССР больные были помещены в инфекционную больницу, на местах проведена санитарная обработка, введен карантин, однако профилактические прививки в отсутствие вакцины не проводились [3, с. 35]. Противоэпидемические мероприятия осуществлялись и в зоне ответственности групп армий «Центр» (западные области России), когда на подведомственной территории был выявлен рост числа желудочно-кишечных заболеваний, увеличение количества больных туберкулезом в Борисове, массовое заболевание чесоткой в Полоцке. Позднее в профилактических целях проводились и плановые осмотры отдельных категорий граждан, в частности, медицинские обследования в школах Брянска и Смоленичского района Белоруссии [2, с. 15–17]. Однако строгое отношение властей к недопустимости возникновения эпидемических заболеваний к концу оккупации сменилось практикой намеренного их распространения среди советских военнопленных и гражданского населения для того, чтобы ослабить наступательный порыв Красной Армии [30, с. 160].

Для поддержания безопасного уровня эпидемиологической обстановки в местах дислокации германских войск внимание оккупационной власти уделялось санитарному состоянию городов и сел. Чтобы снизить риск распространения инфекций германское командование требовало от местных управ обеспечения определенных норм в области коммунальной, пищевой и школьной санитарии. Однако, несмотря на введение штрафов за несоблюдение санитарных норм, состояние улиц и дворов, водопровода и канализации, продуктовых рынков и магазинов, предприятий коммунально-бытовой сферы в большинстве случаев было неудовлетворительным [20, с. 114–117]. На это не выделялось средств. Материальное обеспечение санитарных учреждений и финансирование проводимых ими профилактических мероприятий были, как правило, довольно слабыми. У новых властей не хватало транспорта, специалистов, оборудования, препаратов и т.д. В итоге работа органов санитарного надзора зачастую сводилась не к предупреждению заболеваний, а к обнаружению и локализации их очагов.

Все мероприятия, связанные с поддержкой здравоохранения и финансированием медицинских учреждений, были направлены на

изыскание средств на местах. Оккупанты, переложив эту проблему на плечи местных администраций, предприятий и населения, фактически в ее решении не участвовали. Финансирование медицинских учреждений могло осуществляться из нескольких источников, одним из которых были бюджеты местных управ. В ряде случаев расходы местного самоуправления на здравоохранение были крайне низкими даже в формальном отношении. Так, в 1 квартале 1942 г. расходы на здравоохранение в общей структуре расходной части бюджета Торопецкого района Калининской области были наименьшими, составляя всего лишь 24,6 тыс. руб. от 1686 тыс. руб. [18, с. 97]. Борисовский окружной комиссариат Белоруссии при бюджете 222 тыс. руб. выделял на охрану здоровья всего 16 тыс. руб., из которых 13,5 тыс. уходило на питание больных, а оставшаяся часть предназначалась санитарно-фельдшерским пунктам [2, с. 17]. В других случаях бюджет на здравоохранение был более весомым, его сумма была соизмерима или даже превышала бюджет советского времени. Так, Херсонская городская управа отмечивалась, что за первый год оккупации потратила на нужды здравоохранения 1261 тыс. руб. [3, с. 35]. Тем не менее, в условиях военного времени, возросших ценах, при крайне слабом оснащении и снабжении медучреждений этих средств было явно недостаточно не только для развития, но и для поддержания отрасли на прежнем уровне.

Другим источником финансирования лечебных учреждений являлись денежные средства, принимаемые от населения в качестве платы за оказание медицинских услуг. Однако ввиду низкой платежеспособности населения переход к платной системе оказания услуг привел к уменьшению количества обращений, а поступающие от «платных» пациентов средства не могли существенно изменить финансовое состояние учреждений здравоохранения.

Кроме того, для содержания сети медучреждений новыми властями предусматривалось осуществление отчислений в бюджет местными предприятиями и организациями, а также активно предлагалось оказание благотворительной помощи делу здравоохранения. Указанные меры также не могли кардинально повлиять на состояние медицинской отрасли, однако в ряде случаев лечебным учреждениям была оказана значительная помощь. Например, в г. Николаеве для поликлиники № 3 местным судостроительным заводом было приобретено за наличные 3 тонны антрацита, переданы двигатель для рентген-аппарата и мебель, а Николаевским стеклозаводом – окна [3, с. 35].

Еще одной попыткой повлиять на финансовую составляющую при организации меди-

цинского обслуживания населения на оккупированной территории явилось использование так называемой «страховой медицины», в рамках которой в фонд больничных касс предлагалось переводить 3% начислений от заработной платы сотрудников предприятий и организаций. Широкого применения страховая медицина не получила, за исключением западных областей оккупированной части СССР, жители которых до включения их в состав советской страны в 1939 г., имели соответствующий довоенный опыт. В частности, в 1943 г. больничные кассы функционировали в белорусских городах Пинск, который входил в состав рейхскомиссариата «Украина», и Гродно, входивший в состав Восточной Пруссии [17, с. 13–14].

Не получила широкого распространения в период оккупации и частная медицина. Единого подхода к ее внедрению на оккупированных территориях у германского командования не было. Во многих районах, например, на Северном Кавказе, она была довольно распространена [19, с. 407], а в некоторых западных регионах, в частности, в г. Могилеве, запрещена в начале 1942 г. [13, с. 27]. В целом на развитие данного направления медицинской помощи негативно влияли низкая покупательная способность населения, отсутствие необходимых лекарственных препаратов, материалов и инструментов.

В целом материальное снабжение лечебных учреждений практически на всей оккупированной территории было неудовлетворительным. Повсеместно ощущалась нехватка лекарств, перевязочного материала, инструментов, инвентаря. Имевшиеся запасы, зачастую разграбленные с началом оккупации, в последующем практически не пополнялись. Слабым было снабжение стационаров продуктами питания для больных и дровами. Из-за нехватки топлива для автомашин в войсках, оккупационные власти изымали из медучреждений гужевой транспорт. Со временем ситуация во всех этих отношениях только усугублялась.

В Минском округе Белоруссии практически вся сеть лечебных учреждений находилась в плачевном состоянии, что было наиболее заметно в районных сельских больницах, снабжение которых было крайне слабым [2, с. 14]. Продолжившие свою работу в Витебске 4 больницы, 1 поликлиника, 4 амбулатории и 2 аптеки испытывали катастрофический дефицит медикаментов, инструментария, инвентаря и продовольствия, что признавалось и новыми властями [22, с. 113]. В Киеве для пополнения запасов медучреждений здравотделом были взяты на учет оборудование и инструмент эвакуированных медработников, оставшиеся в их квартирах [37, с. 138]. Большая нехватка меди-

каментов, полное отсутствие перевязочных материалов и наркотических средств отмечалась в лечебных учреждениях Николаева. За получением препаратов врачи города были вынуждены обращаться в Симферопольский здравотдел, но получили отказ. В Калуге снабжение больницы и других медучреждений осуществлялось по остаточному принципу, в тяжелом состоянии находились родильный дом, а также лечебная сеть в области [23, с. 196]. В зоне Локотского самоуправления (сегодня – территория Брянской, Орловской и Курской областей), где вмешательство германского командования было минимальным, больницы и амбулатории использовали уцелевшие с довоенного времени запасы лекарств, зачастую с истекшим сроком годности. Кроме того, нехватку медикаментов нередко пытались компенсировать более широким применением отваров и настоев из лечебных трав, для чего, например, в Брянске привлекали к сбору лекарственных растений школьников за вознаграждение [18, с. 96].

Одной из основных проблем, с которой столкнулись учреждения здравоохранения в период оккупации, стала нехватка медицинских специалистов. Согласно данным советских органов количество врачей в подвергшихся оккупации районах на момент их освобождения составляло 28,2% от довоенного уровня, уменьшившись с 58,5 тыс. до 16,5 тыс. человек. Данный показатель был одним из самых низких среди работников различных профессий [25, с. 166]. Связано это было с тем, что многие медработники с началом войны были мобилизованы в ряды Красной Армии, другие накануне оккупации успели выехать в тыловые районы страны. Оставшиеся «под немцами» медики нередко уходили в партизанские отряды, большое число медработников было уничтожено нацистами. Причиной были связь их с подпольем или партизанами, а также еврейская национальность.

Остро ощущалась нехватка медицинского персонала на территории Белоруссии. Минский окружной комиссариат имел в округе всего 68 врачей, 38 зубных врачей, 66 фельдшеров, 38 медсестер, при этом на районы округа в среднем приходилось по 7–9 врачей [2, с. 15]. В г. Витебске в первые месяцы оккупации работало 29 врачей, большинство из которых за связь с партизанами к 1943 г. было уничтожено гитлеровцами [22, с. 113]. Власти пытались исправить сложившуюся ситуацию, привлекая к работе специалистов из числа советских военнопленных, а также специально откомандированных из Прибалтики врачей, однако положение продолжало ухудшаться. Отток медработников в партизанские отряды привел к тому, что обеспеченность их медицинскими кадрами нередко была выше, чем гражданских

лечебных учреждений. К моменту соединения с частями Красной Армии в действовавших на территории БССР партизанских формированиях насчитывалось 580 врачей и 2133 работника среднего звена [41, с. 178].

Нехватка медработников отмечалась и на территории оккупированной Украины. По этой причине на начальном этапе оккупации в лечебных учреждениях на юге Украины даже разрешалось работать врачам-евреям, заработная плата которых была ограничена суммой 500 руб. Кроме того, в отдельных случаях к работе привлекались военнопленные врачи. Так, в медучреждениях г. Херсона с разрешения отдела здравоохранения работали опытные хирург и окулист из числа пленных [3, с. 35]. Отсутствие необходимого количества медицинского персонала фиксировалось и на территории РСФСР – в г. Калуге [23, с. 196], в Калининской области, в Почепском районе Орловской области. На территории Локотского самоуправления, отчитывавшегося об открытии 9 больниц и 37 медпунктов амбулаторного типа и считавшегося во многом образцовым, 1 врач приходился более чем на 11 тыс. жителей [18, с. 89–90], что было в несколько раз хуже довоенных показателей. Исключением являлась территория Северного Кавказа, где недостаток медперсонала ощущался лишь в отдельных сельских районах.

Столкнувшись с проблемой нехватки работников в лечебных учреждениях, германские власти вынуждены были решать вопрос подготовки медицинских кадров. В 1943 г. ими было дано согласие на открытие медицинского института на территории Белоруссии. Вуз решено было открыть на базе фельдшерской школы в Могилеве, где в хорошем состоянии находились клиническая база и помещения для занятий, имелись подготовленные специалисты, а также необходимая литература. Имперский министр по делам оккупированных восточных областей А. Розенберг указывал, что количество студентов будет соответствовать потребностям генерального округа «Беларусь», восточной части Беларуси и охранной зоны тыла группы армий «Центр» [1, с. 77]. Однако Могилевский мединститут, начав занятия со студентами лишь в августе 1943 г., в связи с приближением фронта уже в октябре 1943 г. был передислоцирован в Новую Вилейку, где в июне 1944 г. состоялся немногочисленный выпуск врачей [32, с. 341–342]. Это событие, наряду с отдельными попытками властей организовать работу образовательных медучреждений среднего профиля, курсов по подготовке медсестер, аптекарей, помощников зубных врачей, не могло оказать существенного влияния на ситуацию с обеспеченностью кадрами лечебных учреждений региона.

Попытки открытия медицинских вузов и ссузов, инициированные местными специалистами и поддержанные рейхсминистром А. Розенбергом, предпринимались и на территории оккупированной Украины. С октября 1941 г. начались занятия со студентами 4–5 курсов в Киевском медицинском институте, чуть позже начались занятия со студентами 2–3 курсов. В январе – феврале и августе 1942 г. в вузе проводились вступительные экзамены на 1 курс. Однако в конце октября 1942 г. был издан приказ рейхскомиссара Э. Коха о закрытии всех учебных заведений, кроме 4-классных народных школ. С 1 ноября 1942 г. Киевский мединститут был реорганизован в так называемый «Полимедикум», который вскоре был ликвидирован [7, с. 51]. Схожая ситуация, связанная с функционированием высших образовательных медучреждений, складывалась и в других городах Украины – Днепропетровске, Львове, Виннице: непродолжительный период работы завершился их закрытием. Большинство из открытых с началом оккупации медицинских учебных заведений среднего профиля – фельдшерские, акушерские, фармацевтические, стоматологические школы и техникумы в гг. Киеве, Днепропетровске, Виннице, Херсоне, Запорожье, Черкассах, Полтаве, Житомире, Ровно, Умани – со временем прекратили свою работу. Вместо них была разрешена организация краткосрочных, продолжительностью от 2 до 6 месяцев, курсов для подготовки или переподготовки отдельных специалистов. В разное время зубо-врачебные курсы организовывались в г. Днепропетровске, курсы зубных техников, фармацевтические курсы, а также курсы медицинских сестер и акушерок – в г. Луцке, акушерские курсы – в г. Ровно, курсы больничных сестер – в Ковеле, аптечные курсы – в Херсоне [20, с. 96–113].

Попытки наладить работу медицинских образовательных учреждений в захваченных районах РСФСР новыми властями практически не предпринимались, что было достаточно характерно для оккупантов по отношению ко всем учреждениям профессионального образования на этой территории. В период оккупации гитлеровцы сумели открыть ряд высших и средних медицинских учебных заведений на Северном Кавказе [19, с. 409].

Несмотря на попытки наладить систему здравоохранения для жителей захваченных территорий, в целом источники свидетельствуют, что за время своего пребывания на территории СССР гитлеровцы нанесли огромный урон советскому здравоохранению, разрушив около 40 тыс. больниц и других лечебных учреждений [31, с. 364]. Население оккупированных районов, в которых до войны проживало около 85 млн. чел. (45% всех жителей СССР) [24,

с. 21], заметно сократилось. Число эвакуированных в другие районы страны жителей составило более 10 млн. чел., число погибших – около 14 млн. человек. Из них более 7,4 млн. чел. было преднамеренно истреблено нацистами, более 4 млн. чел. умерло от голода, инфекционных болезней, отсутствия медицинской помощи, более 2 млн. чел. погибло на принудительных работах в Германии [29, с. 9]. Среди погибших были мирные граждане разных национальностей, пациенты лечебных учреждений, медицинские работники. Так, только в Белоруссии за время оккупации здравоохранение потеряло около 2 тыс. медицинских специалистов – 633 врача, 252 зубных врача, 241 фельдшера, 69 фельдшера-акушера, 330 медицинских сестер, 46 лаборантов, 272 фармацевта и др. [1, с. 90] Аналогичная ситуация сложилась и на других оккупированных территориях Советского Союза.

Результатом оккупации явилось значительное ухудшение санитарной обстановки и рост числа инфекционных заболеваний среди населения. Практически повсеместно фиксировались вспышки тифа, туберкулеза, дизентерии, кожно-венерических заболеваний. Так, в 1944 г. показатель заболеваемости сыпным тифом в Белорусской ССР был самым высоким в стране, превышая уровень 1940 г. в 50 раз [40, с. 7]. Заболеваемость малярией, которая к началу войны была практически побеждена, после освобождения оккупированных территорий Советского Союза по сравнению с довоенным возросла более чем в 7 раз в Белорусской ССР, а в Карело-Финской ССР – в 6 раз. В Украинской ССР число заболевших малярией выросло в 2 раза, а в Смоленской области – в 6 раз. В Псковской области этот показатель увеличился в 12 раз, в Ростовской области – в 3 раза [27, с. 134–137, 304]. Следствием оккупации явилось ослабление здоровья жителей захваченных гитлеровцами территорий, а также наблюдавшиеся в течение многих десятилетий проблемы в демографическом развитии населения.

Таким образом, необходимо констатировать, что в период оккупации территорий Советского Союза, германские власти, в значительной мере используя сеть лечебно-профилактических учреждений в своих интересах, вынуждены были, тем не менее, частично восстановить оказание медицинской помощи населению, проводя при этом отдельные противоэпидемические мероприятия. Заботы о поддержании системы здравоохранения оккупанты переложили на плечи назначенных ими гражданских администраций и местных жителей. Столкнувшись на большей части территорий с проблемой нехватки медицинских кадров, новые власти не смогли наладить устойчивую работу об-

разовательных медучреждений. Итогом оккупации стали огромный урон, нанесенный гитлеровцами системе здравоохранения захваченных территорий, гибель миллионов невинных людей, возникновение эпидемий различных заболеваний, ущерб здоровью населения. Подобная картина характерна практически для всех оккупированных территорий Советского Союза.

Анализ этой проблемы показал, что особенности, связанные с политикой германских властей в сфере здравоохранения, функционирование в период оккупации сети лечебных, а также медицинских образовательных учреждений на Северном Кавказе, требуют самостоятельного изучения.

Источники и литература

1. Абраменко М. Е. Здравоохранение Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): учеб.-метод. пособие. Гомель: ГГМУ, 2010. 112 с.
2. Абраменко М. Е. Медицинская помощь населению на оккупированной территории генерального округа Беларусь и охранной зоны тыла группы армий «Центр» (1941–1944) // Вестник Брянского государственного университета, 2014. №2. С. 13-19.
3. Боган С. М. Стан медичного та ветеринарного обслуговування населення Півдня України в період німецької окупації в 1941–1944 роках // Наукові праці [Чорноморського державного університету імені Петра Могили]. Сер.: Історія. 2011. Т. 147. Вип. 134. С. 34-36.
4. В Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков // Красная звезда. 1943. 25 июня. С. 1.
5. Василенко М. Лучшее лечебное заведение // Нове Українське Слово. 1942. 1 марта. С. 4.
6. Воронкова И. Ю., Кузьменко В. И. Гитлеровская оккупация и начало антифашистской борьбы в Белоруссии в 1941 году // Новая и новейшая история. 2011. № 5. С. 101-138.
7. Ганиткевич Я. В. До історії становлення української вищої медичної школи (Медичний інститут в окупованому гитлерівцями Києві у 1941–1943 рр.) // Вісник соціальної гігієни та організації охорони здоров'я України. 2010. № 3. С. 47-54.
8. Ганиткевич Я. В. Історичні етапи розвитку Львівського національного медичного університету імені Данила Галицького // Вісник соціальної гігієни та організації охорони здоров'я України. 2012. № 3. С. 106-116.
9. Гичка А. И. Состояние медицинского обслуживания сельского населения Украины в 1943-1945 гг. // Science and Education a New Dimension. Humanities and Social Science, I(2). Issue: 12, 2013. С. 42-46.
10. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 7.
11. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 9. Д. 50.
12. Государственный архив Ставропольского края. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 117.
13. Гребень Е. А. Проблема медицинского обслуживания в период нацистской оккупации Беларуси // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова». 2012. Т. 14. С. 23-30.
14. Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Ист. очерки, документы и материалы. М.: Наука, 1973. Т. 2. 664 с.
15. Документы обвиняют. Сборник документов о чудовищных зверствах германских властей на временно захваченных ими советских территориях. Выпуск I. М.: Госполитиздат, 1943. 250 с.
16. Документы обвиняют. Сборник документов о чудовищных преступлениях немецко-фашистских захватчиков на советской территории. Выпуск II. М.: Госполитиздат, 1945. 392 с.
17. Ермак Е. И., Тищенко Е. М. Попытка введения медицинского страхования в Беларуси в 1943 г. // Материалы 10-й Республиканской конф. по истории медицины и здравоохранения. Минск: РНМБ, 2004. С. 13-14.
18. Ермолов И. Г. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941–1944. М.: Центрполиграф, 2010. 383 с.
19. Карташев И. В. Политика оккупационных властей в области здравоохранения на территории Ставропольского края // Народы Кавказа в цивилизационном пространстве России: материалы VI Международного форума историков-кавказоведов / отв. ред. акад. Г. Г. Матишов. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2019. С. 403-411.
20. Кицак Б. В. Медичне забезпечення населення в райхскомісаріаті «Україна» в 1941-1944 рр.: дис. ...канд. іст. наук. Житомир, 2018. 242 с.
21. Ковалев Б. Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М.: Молодая гвардия, 2011. 656 с.
22. Кузьменко Т. В., Шмаков А. П., Зуев Н. Н. Медицинская помощь в оккупированном Витебске в рассказах очевидцев и документах // Вестник Витебского государственного медицинского университета, 2012. Т. 11. № 4. С. 112-117.
23. Молодова И. Ю. Организация здравоохранения в условиях нацистской оккупации (по материалам региональных архивов Калужской, Брянской и Смоленской областей) // Теория и практика общественного развития, 2014. №21. С. 195-197.
24. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Статистический сборник. Госкомстат СССР. М.: Информационно-издательский центр, 1990. 235 с.
25. Немецко-фашистский оккупационный режим (1941–1945 гг.) / Под общ. ред. проф. Е. А. Болтина. М.: Политиздат, 1965. 388 с.
26. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов в 8 томах / отв. ред. Н. С. Лебедева. Т. 8. М.: Юридическая литература, 1999. 792 с.
27. Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 31. / гл. ред. Смирнов Е. И. М.: Медгиз, 1955. 316 с.
28. Петрюк П. Т., Петрюк А. П. Психиатрия при нацизме: последствия дегуманизации психиатрической практики на временно оккупированных территориях СССР. Сообщение 7 // Психічне здоров'я. 2012. № 2. С. 77-89.
29. Погодин Ю. И., Кульбачинский В. В., Медведев В. Р., Тарасевич Ю. В. Советское здравоохранение и военная медицина в Великой Отечественной войне // Российский вестник детской хирургии, анестезиологии и реаниматологии. 2015. Т. 5. №1. С. 8-15.
30. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944 / составители З. И. Белуга, Н. И. Каминский, А. Л. Манаенков и др. Минск: Беларусь, 1965. 464 с.
31. Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944) / под общ. ред. Е. А. Болтина, Г. А. Белова. М.: Политиздат, 1968. 383 с.

32. Пушкин И. А. Тыловой район группы армий «Центр»: деятельность медицинских учреждений в условиях гитлеровской оккупации белорусско-российского пограничья (на примере города Могилева) // Материалы IV международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.». Брянск: БГУ, 2015. 344 с.
33. Реброва И. В. Забытые жертвы нацизма? // Уроки Холокоста и оккупации: судьбы медицинских работников и практики выживания на территориях СССР: сборник материалов Международной научно-практической конференции / гл. ред. А. В. Карташев. Ставрополь: СтГМУ, 2019. 272 с.
34. Реверук В. Я. Полтавщина в роки рядянсько-німецької війни (1941–1945). Полтава: Дивосвіт, 2010. 292 с.
35. Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. О разрушениях и зверствах, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в городе Киеве. Москва: Госполитиздат, 1944. 15 с.
36. Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. О разрушениях и злодеяниях, произведенных немецко-фашистскими захватчиками в городе Новгороде и в Новгородском районе Ленинградской области. Москва: Госполитиздат, 1944. 12 с.
37. Специальное сообщение о положении в гор. Киеве после оккупации его противником. Секретарю ЦК КП(б)У Хрущеву Н. С. // Источник. Документы русской истории. 1995. № 3. С. 137–142.
38. Судебный процесс о зверствах немецко-фашистских захватчиков в городе Николаеве и Николаевской области // Правда. 1946. 16 января. С. 4.
39. Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (15–29 января 1946 года). Минск: Гос. изд-во БССР, 1947. 472 с.
40. Тищенко Е. М. Здравоохранение Белоруссии в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореферат дисс. ... канд. мед. наук. М., 1991. 20 с.
41. Тищенко Е. М. Медицина партизанских зон Беларуси // Журнал Гродненского государственного медицинского университета. 2010. № 2. С. 178–180.
42. Труфанова В. Ф. Так поступали советские медики // В боях за Харьковщину: воспоминания участников Великой Отечественной войны. Харьков: Прапор, 1973. 438 с.
43. Федотов Д. Д. О гибели душевнобольных на территории СССР, временно оккупированной фашистскими захватчиками, в годы Великой Отечественной войны // Вопросы социальной и клинической психоневрологии. 1965. Т. 12. С. 443–459.
44. Филоненко С. И., Филоненко Н. В. Крах фашистского «нового порядка» на Верхнем Дону (июль 1942 – февраль 1943). Воронеж: ВГАУ, 2005. 256 с.
45. Черкасов А. А. Одесса встречала освободителей. URL: <https://mysliwiec.livejournal.com/509154.html>. (Дата обращения: 22.08.2019).

References

1. Abramenko M. E. Zdravooohranenie Belarusi v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.): ucheb.-metod. posobie (*Health care in Belarus during the Great Patriotic War (1941–1945): a methodological guide*). Gomel': GSMU publ., 2010. 112 p. (In Russian).
2. Abramenko M. E. Medicinskaya pomoshch' naseleniyu na okkupirovannoj territorii general'nogo okruga Belarus' i ohrannoj zony tylo gruppy armij «Centr» (1941–1944)» (*Medical assistance to the population in the occupied territory of the General District of Belarus and the rear security zone of the Army Group Center (1941–1944)*) // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. №2. P. 13–19. (In Russian).
3. Bogan S. M. Stan medichnogo ta veterinarnogo obslugovuvannya naselennya Pivdnyia Ukraïni v period nimec'koï okupacii v 1941–1944 rokah (*The state of medical and veterinary services for the population of southern Ukraine during the German occupation in 1941–1944*) // Naukovi praci [Chornomors'kogo derzhavnogo universitetu imeni Petra Mogili. Seria: Istoriya. 2011. Vol. 147. Issue. 134. P. 34–36. (In Russian).
4. V Chrezvychnoj gosudarstvennoj komissii po ustanovleniyu i rassledovaniyu zlodeyanij nemecko-fashistskih zahvatnikov (*In the Extraordinary State Commission for the identification and investigation of the crimes of the Nazi invaders*) // Krasnaya zvezda. 1943. June 25. (In Russian).
5. Vasilenko M. Luchshee lechebnoe zavedenie (*The best medical institution*) // Nove Ukraïns'ke Slovo. 1942. March 1. (In Russian).
6. Voronkova I. Y., Kuz'menko V. I. Gitlerovskaya okkupaciya i nachalo antifashistskoj bor'by v Belorussii v 1941 godu (*Hitler's occupation and the beginning of the anti-fascist struggle in Belarus in 1941*) // Novaya i novejschaya istoriya. 2011. No. 5. P. 101–138. (In Russian).
7. Ganitkevich Y. V. Do istorii stanovlennya ukraïns'koï vishchoï medichnoï shkoli (Medichnij institut v okupovanomu gitlerivciami Kyevi u 1941–1943 rr.) (*On the history of the formation of the Ukrainian higher medical school (Medical Institute in Kiev occupied by the Nazis in 1941–1943)*) // Visnik social'noï gigieni ta organizacii ohoroni zdorov'ya Ukraïni. 2010. No. 3. P. 47–54. (In Russian).
8. Ganitkevich Y. V. Istorichni etapi rozvitku L'viv's'kogo nacional'nogo medichnogouniversitetu imeni Danila Galic'kogo (*The historical stages of development of the Lviv National Medical University named after Daniil Galitsky*) // Visnik social'noï gigieni ta organizacii ohoroni zdorov'ya Ukraïni. 2012. No. 3. P. 106–116. (In Russian).
9. Gichka A. I. Sostoyanie medicinskogo obsluzhivaniya sel'skogo naseleniya Ukrainy v 1943–1945 gg. (*The state of medical services for the rural population of the Ukraine in 1943–1945*). Science and Education a New Dimension. Humanities and Social Science. 2013. I(2). Issue. 12. P. 42–46. (In Russian).
10. State archive of Krasnodar region. F. R-418. Inv. 1. D. 7. (In Russian).
11. State archive of Russian Federation. F. R-7021. Inv. 9. D. 50. (In Russian).
12. State archive of Stavropol region. F. R-1053. Inv. 1. D. 117. (In Russian).
13. Greben' E. A. Problema medicinskogo obsluzhivaniya v period nacist'skoj okkupacii Belarusi (*The problem of medical care during the Nazi occupation of Belarus*) // Uchenye zapiski UO «VGU im. P. M. Masherova». 2012. Vol. 14. P. 23–30. (In Russian).
14. Dashichev V. I. Bankrotstvo strategii germanskogo fashizma. Ist. ocherki, dokumenty i materialy (*Bankruptcy strategy of German fascism. Historical essays, documents and materials*). Vol. 2. Moscow: Nauka, 1973. 664 p. P. 30–41. (In Russian).
15. Dokumenty obvinayut. Sbornik dokumentov o chudovishchnyh zverstvakh germanskikh vlastej na vremennno zahvachennyh imi sovet'skikh territoriyah (*Documents are blaming. A collection of documents about the monstrous atrocities of the German authorities in the Soviet territories temporarily captured by them*). Vypusk I. Moscow: Gospolitizdat, 1943. 250 p. P. 149–150, 155–158. (In Russian).
16. Dokumenty obvinayut. Sbornik dokumentov o chudovishchnyh prestupleniyah nemecko-fashistskih zahvatnikov na sovet'skoj territorii (*Documents are blaming. Collection of documents on the heinous crimes of the Nazi invaders in the Soviet territory*). Issue II. Moscow: Gospolitizdat, 1945. 392 p. (In Russian).

17. Ermak E. I., Tishchenko E. M. Popytky vvedeniya medicinskogo strahovaniya v Belarusi v 1943 g. (*An attempt to introduce health insurance in Belarus in 1943*) // Materialy 10-j Respublikanskoj konf. po istorii mediciny i zdravoohraneniya. Minsk: RNMB, 2004. P. 13-14. (In Russian).
18. Ermolov I. G. Tri goda bez Stalina. Okkupaciya: sovetskie grazhdane mezhdru nacistami i bol'shevikami. 1941–1944 (*Three years without Stalin. Occupation: Soviet citizens between the Nazis and the Bolsheviks. 1941–1944*). Moscow: Centrpoligraf, 2010. 383 p. (In Russian).
19. Kartashev I. V. Politika okkupaionnyh vlastej v oblasti zdravoohraneniya na territorii Stavropol'skogo kraja (*Health occupation authorities' policies in the Stavropol Territory*) // Narody Kavkaza v civilizacionnom prostranstve Rossii: materialy VI Mezhdunarodnogo foruma istorikov-kavkazovedov / ed by G. G. Matishov. Rostov on Don: YUNC RAN, 2019. (In Russian).
20. Kicak B. V. Medicinske zabezpechennya naselennya v rajhskomisariati «Ukraina» v 1941–1944 rr. (*Medical support of the population in the Reich Commissariat "Ukraine" in 1941–1944*). ZHitomir, 2018. 242 p. (In Russian).
21. Kovalev B. N. Povsednevnyaya zhizn' naseleniya Rossii v period nacistskoj okkupacii (*Everyday life of the Russian population during the Nazi occupation*). Moscow: Molodaya gvardiya, 2011. 656 p. (In Russian).
22. Kuz'menko T. V., SHmakov A. P., Zuev N. N. Medicinskaya pomoshch' v okkupirovannom Vitebske v rasskazah ochevidcev i dokumentah (*Medical care in occupied Vitebsk in eyewitness accounts and documents*) // Vestnik Vitebskogo gosudarstvennogo medicinskogo universiteta. 2012. Vol. 11. No. 4. P. 112-117. (In Russian).
23. Molodova I. Y. Organizaciya zdravoohraneniya v usloviyah nacistskoj okkupacii (po materialam regional'nyh arhivov Kaluzhskoj, Bryanskoy i Smolenskoj oblastej) (*Organization of health care in the conditions of Nazi occupation (based on materials from the regional archives of the Kaluga, Bryansk and Smolensk regions)*) // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya, 2014. No. 21. P. 195-197. (In Russian).
24. Narodnoe hozyajstvo SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg.: Statisticheskij sbornik. Goskomstat SSSR (*The national economy of the USSR in the Great Patriotic War of 1941–1945: Statistical collection. Goskomstat of the USSR*). M.: Informacionno-izdatel'skij centr, 1990. 235 p. (In Russian).
25. Nemecko-fashistskij okkupaionnyj rezhim (1941–1945 gg.) (*Nazi occupation regime (1941–1945)*) / Pod obshch. red. prof. E. A. Boltina. M.: Politizdat, 1965. 388 p. (In Russian).
26. Nyurnbergskij process: Sbornik materialov v 8 tomah (*Nurnberg Trials: Compendium of Materials in 8 Volumes*) / otv. red. N. S. Lebedeva. T. 8. M.: Yuridicheskaya literatura, 1999. 792. (In Russian).
27. Opyt sovetskoj mediciny v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. (*The experience of Soviet medicine in the Great Patriotic War of 1941–1945*). Vol. 31. Moscow: Medgiz, 1955. 316 p. (In Russian).
28. Petryuk P. T., Petryuk A. P. Psihiatriya pri nacizme: posledstviya degumanizacii psihiatricheskoj praktiki na vremenno okkupirovannyh territoriyah SSSR. Soobshchenie 7 (*Psychiatry under Nazism: the consequences of dehumanizing psychiatric practice in the temporarily occupied territories of the USSR. Message 7*) // Psihichne zdorov'ya. 2012. No. 2. (In Russian).
29. Pogodin Y. I., Kul'bachinskij V. V., Medvedev V. R., Tarasevich Yu. V. Sovetskoe zdravoohranenie i voennaya medicina v Velikoj Otechestvennoj vojne (*Soviet healthcare and military medicine in the Great Patriotic War*) // Rossijskij vestnik detskoj hirurgii, anesteziologii i reanimatologii. 2015. Vol. 5. No 1. (In Russian).
30. Prestupleniya nemecko-fashistskij okkupantov v Belorussii. 1941–1944 (*Crimes of Nazi occupiers in Belarus. 1941–1944*). Minsk: Belarus', 1965. 464 p. (In Russian).
31. Prestupnye celi – prestupnye sredstva. Dokumenty ob okkupaionnoj politike fashistskoj Germanii na territorii SSSR (1941–1944) (*Criminal purposes are criminal means. Documents on the occupation policy of fascist Germany in the USSR (1941–1944)*). Moscow: Politizdat, 1968. 383 p. (In Russian).
32. Pushkin I. A. Tylovoj rajon gruppy armij «Centr»: deyatel'nost' medicinskih uchrezhdenij v usloviyah gitlerovskoj okkupacii belorussko-rossijskogo pogranič'ya (na primere goroda Mogileva) (*The rear area of Army Group Center: the activities of medical institutions under the Nazi occupation of the Belarusian-Russian borderlands (by the example of the city of Mogilev)*) // Materialy IV mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Zapadnyj region Rossii v mezhdunarodnyh otnosheniyah X–XX vv.». Bryansk: BSU publ., 2015. 344 p. (In Russian).
33. Rebrova I. V. Zabytye zhertvy nacizma? (*Forgotten victims of Nazism?*) // Uroki Holokosta i okkupacii: sud'by medicinskih rabotnikov i praktiki vyzhivaniya na territoriyah SSSR: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / ed by A. V. Kartashev. Stavropol': StSMU publ., 2019. 272 p. (In Russian).
34. Reveguk V. Y. Poltavshchina v roki ryadyans'ko-nimec'koj vijni (1941–1945) (*Poltava region during the years of the Soviet-German war (1941–1945)*). Poltava: Divosvit, 2010. 292 p. (In Russian).
35. Soobshchenie Chrezvychajnoj gosudarstvennoj komissii po ustanovleniyu i rassledovaniyu zlodeyanij nemecko-fashistskij zahvatnikov. O razrusheniyah i zverstvah, sovershennyh nemecko-fashistskimi zahvatnikami v gorode Kieve (*Report of the Extraordinary State Commission for the Establishment and Investigation of the Crimes of Nazi Invaders. On the destruction and atrocities committed by the Nazi invaders in the city of Kiev*). Moscow: Gospolitizdat, 1944. 15 p. (In Russian).
36. Soobshchenie Chrezvychajnoj gosudarstvennoj komissii po ustanovleniyu i rassledovaniyu zlodeyanij nemecko-fashistskij zahvatnikov. O razrusheniyah i zlodeyaniyah, proizvedennyh nemecko-fashistskimi zahvatnikami v gorode Novgorode i v Novgorodskom rajone Leningradskoj oblasti (*Report of the Extraordinary State Commission for the Establishment and Investigation of the Crimes of Nazi Invaders. On the destruction and atrocities committed by the Nazi invaders in the city of Novgorod and in the Novgorod region of the Leningrad region*). Moscow: Gospolitizdat, 1944. 12 p. (In Russian).
37. Special'noe soobshchenie o polozenii v gor. Kieve posle okkupacii ego protivnikom. Sekretaryu CK KP(b)U Hrushchevu N.S. (*Special message on the situation in Kiev after the occupation of his opponent. To the Secretary of the Central Committee of the CP(b)U N.S. Khrushchev*) // Istochnik. Dokumenty russkoj istorii. 1995. No 3. P. 137-142. (In Russian).
38. Sudebnyj process o zverstvah nemecko-fashistskij zahvatnikov v gorode Nikolaeve i Nikolaevskoj oblasti (*The trial of the atrocities of the Nazi invaders in the city of Nikolaev and Nikolaev region*) // Pravda. 1946. 16 January. P. 4. (In Russian).
39. Sudebnyj process po delu o zlodeyaniyah, sovershennyh nemecko-fashistskimi zahvatnikami v Belorusskoj SSR (15–29 yanvara 1946 goda) (*The trial of the crimes committed by the Nazi invaders in the Byelorussian SSR (January 15–29, 1946)*). Minsk: State publishing, 1947. 472 p. P. 133-137, 193-195. (In Russian).
40. Tishchenko E. M. Zdravoohranenie Belorussii v period Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.) (*Health care in Belarus during the Great Patriotic War (1941–1945)*): abstract of thesis. Moscow, 1991. 20 p. (In Russian).
41. Tishchenko E. M. Medicina partizanskij zon Belarusi (*Partisan Zone Medicine of Belarus*) // ZHurnal Grodnenskogo gosudarstvennogo medicinskogo universiteta. 2010. No 2. P. 178-180. (In Russian).
42. Trufanova V. F. Tak postupali sovetskie mediki (*So did the Soviet doctors*) // V boyah za Har'kovshchinu: vospominaniya uchastnikov Velikoj Otechestvennoj vojny. Har'kov: Prapor, 1973. 438 p. (In Russian).

43. Fedotov D. D. O gibeli dushevnobol'nyh na territorii SSSR, vremenno okkupirovannoj fashistskimi zahvatchikami, v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (*On the death of the mentally ill on the territory of the USSR, temporarily occupied by fascist invaders, during the Great Patriotic War*) // Voprosy social'noj i klinicheskoy psihonevrologii. 1965. Vol. 12. P. 443-459. (In Russian).

44. Filonenko S. I., Filonenko N. V. Krah fashistskogo «novogo poryadka» na Verhnem Donu (iyul' 1942 – fevral' 1943) (*The collapse of the fascist "new order" in the Upper Don (July 1942 - February 1943)*). Voronezh: VSAU publ., 2005. 256 p. (In Russian).

45. Cherkasov A. A. Odessa vstrechala osvoboditelej (*Odessa met the liberators*). URL: <https://mysliwiec.livejournal.com/509154.html>. (Accessed: 22.08.2019). (In Russian).

Информация об авторе

Карташев Игорь Владимирович – младший научный сотрудник центра изучения истории медицины Ставропольского государственного медицинского университета (Ставрополь) / kartashev_iv@mail.ru

Information about the author

Kartashev Igor – junior Research Fellow, Center for Study of History of Medicine, Stavropol State Medical University (Stavropol) / kartashev_iv@mail.ru

К ВОПРОСУ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ГОРОДОВ ЮГА РОССИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX – НАЧАЛЕ XX вв. НА ПРИМЕРЕ г. НАХИЧЕВАНИ-НА-ДОНУ

В статье представлены история и особенности развития социально-экономической жизни южнорусского города на примере г. Нахичевани-на-Дону. Он был основан армянскими переселенцами из Крыма по указу императрицы Екатерины II в 1779 году. Появление новых переселенцев оживило экономику Дона, в первой половине XIX в. г. Нахичевань-на-Дону стал одним из важных торгово-ремесленных центров Юга России. Источниковую базу исследования составляют документы нахичеванской городской Управы, канцелярии Екатеринославской губернии, канцелярии правления Области Войска Донского, документы 2-го Отделения – о строительстве и ремонте зданий Министерства внутренних дел РИ, планы городов РИ. Автором показаны особенности планировки города во второй половине XIX – нач. XX вв., ее изменений, связанных с изменениями площади города, появления новых объектов. Приведено количество домов, как каменных, так и деревянных. Показан рост населения города, имеющий два источника: низкий естественный прирост местного населения и миграция русских и малороссийских переселенцев. Рассмотрено географическое расположение города, на

пересечении важных торговых путей, оказавшее влияние на социально-экономическое развитие города. Показаны различные виды деятельности нахичеванских торговцев. Приводятся данные о количестве заводов и фабрик г. Нахичевани-на-Дону. Автор приводит сведения и о мещанском самоуправлении, регулируемым Городовым положением 1870 года. В статье автор анализируя основные особенности социально-экономического развития г. Нахичевани-на-Дону, приходит к выводу что в результате перехода нахичеванских предпринимателей на фабрично-промышленное производство, исчезает такая отрасль как ремесленное производство, городские мещане, переходят к мелкому предпринимательству, растет население города за счет приезжающих на заработки, растет и застраивается город, появляются крупные заводы, фабрики, принадлежащие не только местным, но и иногородним и зарубежным предпринимателям.

Ключевые слова: Южнорусский город, купечество, мещанство, промышленность.

S. Kozlov

ON THE DEVELOPMENT OF SOCIO-ECONOMIC LIFE OF THE CITIES OF THE SOUTH OF RUSSIA IN THE LAST QUARTER OF THE 19TH AND BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES BY THE EXAMPLE OF NAKHICHEVAN-ON-DON

The article studies the history and features of the development of socio-economic life of a southern Russian city by the example of Nakhichevan-on-Don. It was founded by Armenian immigrants from the Crimea by decree of Empress Catherine II in 1779. The emergence of new immigrants revived the economy of the Don, in the first half of the XIX century. Nakhichevan-on-Don has become one of the important trade and craft centers in the South of Russia. The source base of the study is the documents of the Nakhichevan City Council, the Chancellery of the Yekaterinoslav province, the Chancellery of the Region of the Don Army, documents of the 2nd Division – on the construction and repair of buildings of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Ingushetia, city plans of Ingushetia. The author shows the features of the layout of the city in the second half of the XIX – early. XX century, its changes associated with the changes in the area of the city, the emergence of new objects. The number of houses, both stone and wooden, is given. The population growth of the city, which has two sources, is shown: low natural growth of the local population and mi-

gration of Russian and Little Russian migrants. The geographical location of the city at the intersection of important trade routes, which had an impact on the socio-economic development of the city, is considered. Various activities of Nakhichevan merchants are shown. Data on the number of plants and factories in the city of Nakhichevan-on-Don are given. The author gives information about the bourgeois self-government regulated by the City Regulation of 1870. The analysis of the main features of the socio-economic development of the city of Nakhichevan-on-Don allows to conclude that as a result of the transition of Nakhichevan entrepreneurs to factory-industrial production, such industries as handicraft production disappear. Urban bourgeoisie switches to small business, urban population grows at the expense of those who come to work, the city grows and builds up, large plants and factories, which belong not only to local, but also to nonresident and foreign entrepreneurs, appear.

Key words: South Russian city, merchants, philistinism, industry.

Социально-экономическое развитие городов Юга Российской империи и в частности города Нахичевани-на-Дону является актуальной темой для исследования. Данная тематика

хорошо изучена. Так, общая история г. Нахичевани-на-Дону представлена в монографии В. Б. Бархударяна «История армянской колонии

Новая Нахичевань (1779–1917)» [2]. Стоит выделить работы по истории предпринимательства г. Нахичевана, например С. С. Казарова «Нахичеванское купечество (конец XVIII – начало XX века)» [11], и диссертацию М. Г. Нигохосова «Предпринимательская деятельность донских армян на Юге России (конец XVIII – начало XX вв.)» [12]. О мещанском сословии писал И. Н. Смирнов [21]. По экономическому и социокультурному развитию армянской диаспоры на Дону написана диссертация Г. А. Геворгян «История экономического и социокультурного становления армянской диаспоры Донской области и степного Предкавказья (последняя четверть XVIII–1917 г.)» [9]. История формирования планировки города отражена в работе О. Х. Халпахчьяна «Архитектура Нахичевани-на-Дону» [24]. В статье автором были использованы источники из Российского государственного архива фонд №1293 документы 2-го Отделения – о строительстве и ремонте зданий, учреждений, учебных заведений, жилых домов, церквей и др. о сооружении памятников, о личном составе Комитета и местных строительных учреждений, а также планы городов, чертежи зданий и других сооружений в городах (по губерниям), документы хозяйственного отдела Министерства Внутренних дел, фонд 1287 об утверждении планов городов. Используются неопубликованные ранее дела Государственного архива Ростовской области, такие как дела Нахичеванского городской Управы, канцелярии Екатеринославской губернии, канцелярии Управления Области Войска Донского, дела Казенной палаты Екатеринославской губернии и Области Войска Донского.

Города так Юга России стали формироваться во второй половине XVIII столетия в результате внешней политики императрицы Екатерины II (1762–1794 гг.). Отсюда вытекает особенность формирование этих городов. В центральной России города формировались в Средние века, в раннее Новое время как торговые, ремесленные, административные центры на торговых путях. В Новое время на Юге России города основывались для закрепления Российского государства на этих территориях, образовывались из крепостей, строящихся для обороны от турок и крымских татар, как морские торговые и военные порты. Некоторые же города были основаны этническими группами, переселенными из Крыма как, например, Нор-Нахичеван (позже переименованный в Нахичевань-на-Дону), основанный армянами на правом берегу реки Дон. Последний занимал особое место в истории Донского края, так как на Дону городская жизнь только зарождалась, здесь уже существовал города Азов («разжалованный» в посад) и Таганрог, вновь возвращенные России после окончания русско-турецкой

войны и подписания Кючук-Кайнаджирского мирного договора. В основной своей массе на Дону основывались казачьи станицы и городки, существовала крепость Св. Димитрия Ростовского с форштадтами, поэтому появление здесь города, построенного по генеральному плану, имело большое значение. Предприятия, магазины, торговые лавки и ремесленные мастерские основанные в конце XVIII – начале XIX вв. дали хороший толчок к дальнейшему социально-экономическому развитию города. В первой половине XIX в. Нахичевань-на-Дону была довольно крупным ремесленным и торговым городом, по многим экономическим показателям обгоняя соседний Ростов-на-Дону, тем не менее, долгое время это был город, замкнутый в культурном отношении, его жители мало контактировали с «иногородними».

Нахичевань-на-Дону стал центром самой большой армянской колонии в Российской империи. Армянские переселенцы являлись ремесленниками, предпринимателями, земледельцами, чья деятельность и составило экономику города. В 1875 г. в Ростове-на-Дону строится железнодорожный вокзал и прокладывается Владикавказская железная дорога [10, с. 84]. Нахичевань-на-Дону оказалась отрезанной от дороги, что в экономическом плане ухудшило ее положение, замедлив его развитие. Таким образом, история социально-экономического развития Нахичевани-на-Дону во второй половине XIX – начала XX вв. представляет большой интерес, как город смог адаптироваться во время роста промышленного производства и роста капитала.

Цель исследования – выявить основные особенности социально-экономического развития города Нахичевани-на-Дону в последней четверти XIX – начала XX вв.

Задача исследования – с помощью научной литературы и исторических источников проанализировать развитие социально-экономической жизни на Дону.

В пореформенный период 1860-х – 1870-х гг. Нахичевань по своей планировке, основательности сооружений продолжала оставаться одним из крупных городов края [2, с. 83]. Интенсивное развитие южных городов Российской империи в данный период обязывало (в соответствии с существующим тогда законодательством) к проведению пересмотра их генеральных планов [24, с. 24]. Однако, состоялся ли пересмотр плана города, к сожалению, неизвестно. Известно, что в 1870 году Нахичевань-на-Дону, по основной характеристике архитектурной застройки-количеству каменных домов превосходила не только другие города губернии, но и Ростов-на-Дону [2, с. 83]. В то время

Нахичевань имела 843 каменных и 2243 деревянных дома, а Ростов-на-Дону – только 822 каменных и 4581 деревянных дома [2, с. 83].

Очередной план города по имеющимся данным составлен значительно позднее – в 1890 г. На этом плане впервые крупно и точно изображены размеры и форма кварталов показанных на всех предыдущих планах прямоугольными [24, с. 24, 18]. Так, например, Успенская улица показана не параллельно Федоровской и Никольской, а под углом, и почти пересекается с последней. 9-я и 11-я линии между 1-й Федоровской и 1-й Георгиевской имеют изгиб, что придает кварталам косоугольный вид. Изгиб объясняется рельефом крутого правого берега Дона, изрезанного обрывами и балками. Согласно новому плану была изменена и центральная часть города. Теперь довольно точно фиксируется состав и месторасположение сооружений, существующих здесь в конце прошлого столетия.

Следующий план города был составлен в 1893 году и подписан городским головой М. И. Балабановым, который содержит некоторые новые подробности [24, с. 24, 17]. В южной части города были помечены места трех заводов. На центральной оси города, на западной окраине помечен Александровский сад. На северной части города появилась больница, стрельбище между русским Софиевским и армянским кладбищами, а также зеленые насаждения – Балабановская роща. Так же появляется новая площадь – Хлебная, превышающая по размерам торговую, и в пять раз главную площадь города.

В 1912 г. рассматривали новый план города Нахичевани. По этому плану планировалось расширение селитебную часть города в пределах отведенной ему выгонной земли путем перенесения городской черты на западной стороне до границы с Ростовом-на-Дону, на северной до полотна Юго-Восточной железной дороги, а на востоке до Кизитериновской балки на границе со станицей Александровской [20]. Мелкие изменения плана происходили регулярно, особенно часто в начале XX столетия, например, связанные с уточнением юго-восточной окраины города где располагалось акционерное общество «Аксай» [19].

Наиболее подробным планом Нахичевани является план 1918 г. Чертеж включает большую, чем на всех предшествующих планах городскую территорию, протяжением от берега Дона к северу, свыше пяти км. Следует отметить правильную ориентацию чертежа и уличной сети города, продольные магистрали которого не параллельны реке, как на некоторых планах, а расположены под углом [24, с. 26]. На плане показаны места расположения и конфи-

гурации различных общественных зданий. Более подробно отмечены места зеленых насаждений, такие как городские сады, рощи, питомник, территории бывшего лагеря Таганрогского пехотного полка, Общества сельскохозяйственного труда, места заводов, фабрик и других предприятий, водонапорная башня и т.д.

В пореформенный период население Юга России росло гораздо быстрее, чем в то же время в центральных губерниях. Так, например в Донской области население выросло в 4 раза, в Московской и Петербургской губерниях естественный прирост не превышал трехкратного размера, в других же регионах темпы роста были гораздо меньше [16, с. 44–53]. Прирост населения Нахичевани происходил как естественным, так и искусственным путем, т.е. за счет приезжих. Число жителей росло поступательно, в темпах характерных для всего Юга России. Тем не менее, В.Б. Бархударян видел в росте населения Ново-Нахичеванской колонии и сугубо местное своеобразие [2, с. 90]. Так сразу после отмены крепостного права в России в 1862 году население Нахичевани составляло 15.231 чел., через 14 лет в 1886 году население города выросло только на 2000 чел. составив 17.610 чел. Уже через 11 лет во время первой переписи населения в Российской империи в 1897 году, населения выросло до 29.217 человек, а в год начала Первой мировой войны в 1914 численность жителей Нахичевани-на-Дону составляла 49.523 обоим пола [13, с. 68; 23; 1].

Население Нахичевани-на-Дону росло медленно по сравнению с набравшим колоссальные темпы городом Ростовом. Медленный рост населения города можно объяснить низким естественным ростом [2, с. 92]. Так, например, по подсчетам В. Б. Бархударяна в Нахичевани в 1866 г. родилось 521 человек, а умерло 715, тем самым уменьшив число жителей на 194 человека [2, с. 92]. В 1900 же году в Нахичевани проживали 30883 человека, родилось 904, а умерло 514, увеличив население на 390 человек. Как мы видим естественный прирост был не высок, и рост численности населения осуществлялся за счет приезжающих в город на заработки безземельных крестьян [2, с. 93]. Уже с начала XX в. национальный состав Нахичевани-на-Дону меняется. Так в 1904 г. в городе проживало 63,8% армян, русских, 3% прочих национальностей. Через 10 лет, накануне Первой мировой войны русские составляли уже 54,6%, армяне – 40%, остальные национальностями – 5% [9, с. 16].

С древних времен через Подонье и Приазовье проходили сухопутные и водные торговые пути, и в Новое время, имевшие очень важное значение, не только для Юга России, но и для всего государства в целом. Бассейн Дона

связывал центральные губернии России, Крым и Украину, Кавказ и Новороссию. Через Азовское и Черное моря проходил путь в Средиземное море. Для России Дон становится плацдармом для осуществления имперской политики на Кубани и Кавказе. Таким образом географическое положение и природные условия донского края давали прекрасные возможности для развития внутренней и внешней торговли России.

Население города Нахичевани-на-Дону в виду своего природного трудолюбия и склонности к предпринимательству занимались производством и торговлей различных товаров: пшеница, лен, водка, вино, масло, мех, табак, рыба и скот. На внешнем рынке торговали так же пшеницей, салом, сливочным маслом, икрой, кожей и т.д.

Нахичеванские предприниматели также занимались торговлей бакалейных, галантерейными прочими «мелочными» товарами. Гораздо меньше нахичеванских торговцев занимались мукой, сукном и имели «погреба» с вином или водкой. Трое купцов вели торг «лошадинами табунами» [11, с. 40].

Торговля составляла основной род деятельности не только купцов, но и для многих слоев населения Нахичевани. Предпринимательством занимались мещане, сельские поселенцы, и даже такие представители интеллигенции как учителя, юристы, журналисты и т.д.

В 1881 году в Нахичевани-на-Дону общее количество купцов 1-й и 2-й гильдий составляло 138 человек, в возрасте от 5 до 94 лет. Большую часть из них составляли купцы армянской национальности, трое евреев и четверо русских [12, с. 18]. Вступить в купеческое сословие можно было достигнув определенного финансового состояния. На основании представленных документов о благосостоянии губернская казенная палата могла включать или исключать из купеческого сословия и гильдий. Так, например в 1883 году Екатеринославская губернская казенная палата «... по определению состоявшееся 15 января 1883 ода исключил с 1883 г. из числа нахичеванских мещан Агопа Михайловича Серебрякова тридцати четырех ревизских лет муж. В 1 душу и с того же времени и в том же числе причислить в общество нахичеванских 2-й гильдии купцов...» [7, л. 1].

По данным «Списков населенных мест Российской империи» по Екатеринославской губернии, за 1863 г. в городе Нахичевани-на-Дону насчитывалось 28 фабрик и заводов [22, с. 3]. Так же общую картину развития предпринимательской деятельности в Нахичевани дал С. С. Казаров в монографии «Нахичеванское купечество. Конец XVIII – начало XX века».

Например, с 1867 по 1894 гг. увеличивается число торговых документов в городской управе:

гильдейских с 49 в 1867 г. до 183 в 1894 г., мелочного торгового с 113 до 168, приказчицких с 151 до 188, семейных купеческих документов наоборот уменьшилось с 85 до 64, и промысловые с 44 до 94 [11, с. 32]. Таким образом увеличившись на 17,5%, по мнению Казарова основу экономического развития города составляла не только торговля, но и развитие фабрично-заводской промышленности. В качестве примера можно привести данные за 1867, 1883 и 1894 гг.: так салотопенных заводов в 1867 г. было 11, в 1883 г. – 14, а в 1894 – уже 12, мыловаренных заводов в 1867 г. было 11, в 1883 г. – 14 данные за 1894 г. отсутствуют, кожевенных было 1,1 и 2 соответственно, воскобойных только 1 в 1867 году, за остальные года данных нет, рыбных предприятий – 5,2 и затем снова их количество выросло до 5, пивоваренных только 1 в 1867 г., маслобойных было 2 а в 1867 г., из макаронных фабрик в 1867 и 1883 гг. было одно в 1894 г., уже числится 2, хлопчатобумажных 3, 4 и снова 4, чугуно-литейных один в 1867 г. и два в 1883 г., кирпичных заводов в 1867 г. – 9, в 1883 г. – 11, в 1894 г. – 10. [11, с.32]. Таким образом, в то время как торговля выросла на 17,5%, число промышленных предприятий за тот же период увеличилась на 113%. Это означает, что в течении 28 лет, ядро экономической жизни города переместилось из торговой области промышленную [11, с. 32].

Очень интересен типаж нахичеванского купечества. Нахичеванские купцы – это люди, которые не оканчивали никаких специализированных учебных заведений. В основном, получали домашнее образование. Они проходили «школу жизни» в конторе отца, или же в качестве «мальчика на посылках», а затем приказчика у какого-либо богатого предпринимателя, зачастую даже за пределами родного города. Полученных, за это время, знаний и опыта торговой деятельности хватало для того, чтобы открыть, и удачно вести свое дело [12, с. 19]. Нахичеванские предприниматели вели активную благотворительную деятельность и достойно служили родному городу.

Служение обществу считалось высшей честью и выполнялось добросовестно. Нахичеванская городская Управа и дума большей своей частью состояли из представителей купеческого сословия, однако, нет ни одного примера, чтобы городское общественное управление принимало законы не в интересах всего общества, а исключительно для собственной выгоды. Купцы города так же принимали активное участие в общественной жизни Екатеринославской губернии и Таганрогского градоначальства. Например, нахичеванские предприниматели участвовали в жизни Таганрогского коммерческого суда, избирали и избирались в его

состав. Так в 1892 году нахичеванский городского голова М. И. Балабанов рассылает приглашение нахичеванским купцам с просьбой принять участие в выборах председателя коммерческого суда, старшего члена суда и членов от купечества, заседание и выборы были назначены в г. Таганроге в здании городского общественного управления. В выборах так же принимали участие купцы из Таганрога, Ростова-на-Дону, Нахичевани-на-Дону, Бердянска и Мариуполя [8, л. 6].

Нахичевань-на-Дону, как и многие города Юга России, был городом купеческим, торговым, поэтому на нахичеванском купечестве держалось богатство, благосостояние и процветание города. После удачно проведенной торговой сделки, купцы обычно отмечали ее с размахом, шумно и весело, со своими компаньонами и друзьями. Причем отмечали, так что на следующий день об этом знал весь город. Нахичеванские купцы так же занимались и благотворительностью. Возглавляли разные благотворительные общества, старались как можно чаще жертвовать большие суммы на открытие приютов, учебных заведений, больниц, богаделен. Ярким примером может служить деятельность Н. Н. Аджемова, М. Х. Гогоева А. П. Аладжаловой, Я. М. Хлытчиева, и многих других [12, с. 19].

Во второй половине XIX столетия в Нахичевани-на-Дону получает развитие такие организации, объединяющие предпринимателей, как торговые дома и торговые товарищества. Члены таких торговых домов, обязывались платить по всем своим долгам и кредитам своим личным имуществом. Участник торгового дома уже не мог состоять в другой такой же организации. Помимо «торговых домов» предприниматели, объединялись в так называемые «товарищества на вере». Кроме основных пайщиков в таких товариществах, были и люди, которые ограниченно участвовали в подобных организациях, т.е. по кредитам и обязательством товарищества отвечали по вложенным им долям, не принимая никаких обязательств по делу товарищества [12, с. 20]. К концу XIX в. в Нахичевани-на-Дону и за ее пределами известными торговыми домами и товариществами становятся: «Донское виноделие и торговля русскими и иностранными винами Н. Н. Аджемова», «П. Х. Кечеджиев с сыновьями», «Е. Титров с сыновьями», «Донской мыловаренный завод» и т.д.

В конце XIX – начале XX вв. в Нахичевани-на-Дону продолжает бурно развиваться промышленность. Появляются предприятия, производящие продукцию не только легкой и пищевой промышленности, но и более сложные производства, как например химические и металлургические заводы. Так, например, в 1893 г. в Нахичевани-на-Дону был основан торговый

дом «Южный Химический завод». Это было одно из первых предприятий химической направленности. На заводе производили соляную кислоту, купоросное масло, и другие химические продукты.

Важной тенденцией развития экономики и капитала в Нахичевани-на-Дону стало то, что в этом долгое время замкнутом, в этническом плане, армянском городе начинают появляться иностранные предприятия. Ярким примером может послужить основание в Нахичевани франко-германо-швейцарской фирмы «Товарищество Лели и К-о» [12, с. 21]. В конце XIX – начале XX в. объем промышленного производства в Нахичевани-на-Дону достиг внушительных результатов: в городе действовали 84 фабрик и заводов на которых работали 3 600 рабочих, выпускающие товаров на 31 29 200 руб. [9, с. 19].

Купечество, несмотря на всю важность своей деятельности для экономики и общественной жизни города не являлись основным населением города. Основная масса горожан составляло мещанское сословие. Мещане занимались торговлей, ремеслами. Среди населения число ремесленников и граждан, имеющих прочие занятия составляло 20005 [2, с. 97].

Ремесла были очень важной отраслью хозяйственной жизни Нахичевани-на-Дону со времен переселения армян на Дон и вплоть до конца XIX столетия. Жители города занимались несколькими десятками видов ремесел, такими как ювелирное, кожевенное, портняжное и прочие ремесла [9, с. 18]. Впоследствии бурного развития промышленности в городе, ремесленное производство постепенно сокращается. Уже к 60-м годам XIX в. число ремесленного населения составило всего 5–6% населения города. Вот что по этому поводу писал известный историк и этнограф Е. О. Шахазиз: «Старинные ремесла, как ковка лошадей, кузнечное дело, выделка оружия, сбивание войлока, шапочное дело, плотничество, портняжничество, золотых и серебряных дел мастерство, лужение, выделка черепицы, пекарство, выделка вьючных седел, и другие, почти прекратились или близки к прекращению, так что можно смело сказать, что в настоящее время у нахичеванцев нет ни ремесел, ни ремесленников» [25, с. 141].

По Городовому положению 1785 г. мещане объединялись в мещанские городские общества, избиравших себе старост раз в три года [14, с. 361–364].

Это положение действовало вплоть до 1860-х годов. В 1870 году 16 июня издается новое городское положение, в приложении к которому говорится, о создании мещанского общества и мещанской Управы в городах Российской империи [16, с. 271]. Во главе мещанского общества стоял мещанский староста. Выборы

старосты проходили при собрании всего общества. По новому положению в Нахичевани стали проводить выборы нахичеванского мещанского старосты с 1872 г. На выборы присылались приглашения от нахичеванского городского головы [3, л. 4]. Мещанское общество на собрании перед выборами давали клятву: «Клятвенное обещание. Мы нижеподписавшиеся и клянущиеся Всемогущим Богом и Пресвятым его Евангелием в том, что хотим и должны при подлежащих выборов городского мещанского старосты, по чистой нашей совести и чести без пристрасти и собственной корысти, устраняя вражду и связи родства и дружбы избрать такого, которого по качествам ума и совести находим способнейшего и от которого надеемся, что он в возлагаемой на него должности окажет себя ревностным к службе императорского величества и вполне полезным. Если же мы и како поступить то, како же радивы о пользе общественной, в коей и наша собственном заключается, подвергаем себя порицанию собраний наших, а в будущей жизни ответ перед Богом и Страшным его Судом. В заключении сей нашей клятвы о беспристрастности выбора, целуем слова и крест Спасителя нашего. Аминь. 1872 года октября 13 дня» [3, л. 17].

Первые выборы после принятия городского положения состоялись 13 октября 1872 г. На выборах для голосования использовались специально изготовленные для них шары, в количестве 240 по числу выборщиков. На выборах было представлены три кандидата на должность мещанского старосты: действующий староста Минас Абрамов, Григорий Налбандов, Ованес Аваков. А также к старосте два помощника Никогос Козодов и Сероп Аджемов. По итогу выборов побеждал кандидат, набравший большее количество шаров. На данных выборах победил действующий староста Минас Абрамов [3, л. 7]. После окончания выборов городской голова присылал баллотируемые листы Екатеринославскому губернатору на утверждение, после чего губернатор давал утверждение новоизбранному мещанскому старосте [3, л. 8].

Бурное экономическое развитие в исследуемый период обуславливало имущественную и социальную дифференциацию в среде нахичеванских мещан [22, с. 17], дав им возможность заниматься не только ремесленным производством, но и мелким предпринимательством и торговлей. Так, например, нахичеванский мещанин Агоп Хачатурович Эрицпохов арендовал на левом берегу Дона два амбара для ссыпки хлеба с единовременной выплатой 100 рублей [4, л. 1] и обязан был затем платить по 1.30 к. за кв. сажень [4, л. 3].

Мещане так же имели возможность отпавлять своих детей в престижные учебные

заведения, в том числе в московские. Так нахичеванский мещанин Аведик Тарасович Субашев писал прошение в Нахичеванскую городскую Управу с просьбой о выдаче ему удостоверения на оплату отправки своего сына в Лазаревский институт восточных языков [5, л. 2].

В крупных городах Области войска Донского, в том числе и в Нахичевани-на-Дону имелось несколько путей пополнения членов мещанского сословия. Различны были и критерии отбора кандидатов в мещане. Для примера остановимся на двух вариантах пополнения мещанского сословия: причисление и приписка. Причисление являлось естественным способом пополнения мещанского сословия. Осуществлялось причисление на общем собрании мещанского общества города, закреплялось приговором мещанского старосты и затем утверждалось распоряжением городского головы [6, л. 3].

Приписка являлась бюрократической записью лиц в мещанское звание и была связана с государственной записью в мещанское сословие. В ходе процедуры приписки, решение мещанского общества не нужно было. Так же, она не гарантировала основные мещанские сословные привилегии. Полноправным членом мещанского общества и сословия в общем, можно было только после процедуры причисления.

Но в городах Ростове-на-Дону, Нахичевани, Таганроге практиковалась процедура причисления в мещане, так как в этих городах имелись крупные мещанские организации. По мнению И. Н. Смирнова Нахичевань-на-Дону наряду с такими городами как Таганрог, Ростов-на-Дону, считался городом мещанским. Так, например, на 1000 мещан Российской империи в Нахичевани насчитывалось 1010 человек [22, с. 21–22].

В итоге исследования можно сказать что в последней четверти XIX – начале XX в. в Нахичевани развивается предпринимательская деятельность, основываются новые «торговые дома» и «торговые товарищества», в том числе и «товарищества на вере». Купцы активно принимают участие в общественной жизни города и округа. Развитие экономики и промышленного производства способствовали приросту населения за счет притока новых переселенцев, увеличив количество его жителей. За счет роста фабрично-промышленного производства падает кустарное ремесленное производство, в связи, с чем многие ремесленные мастерские в Нахичевани закрываются и исчезают целые отрасли ремесел. Так же растет и набирает силу в Нахичевани и такое сословие как мещане, составляющие основную часть населения города. Мещанство пополняется, за счет приезжих и перезаписи из других сословий. Они занимаются и мелкой предпринимательской деятельно-

стью, что дает им возможность переходить в купеческое сословие. Таким образом, город Нахичевань-на-Дону вовлеченный в экономическую жизнь России, утратил многие свои уникальные

национальные черты, став таким же многонациональным городом, как и другие города Юга Российской империи.

Источники и литература

1. Алфавитный список населенных мест области Войска Донского (издание областного Войска Донского статистического комитета), Новочеркасск: б.и., 1915. 658 с.
2. Бархударян В. Б. История армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917) / ред. С. Дароян, В. Хачатурян; пер. с арм. Н. Григорова. Ереван: Айастан, 1996. 528 с.
3. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО) Ф. 91. Оп. 1. Д. 6.
4. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 20.
5. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 34.
6. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 69.
7. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 349.
8. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 631.
9. Геворгян Г. А. История экономического и социокультурного становления армянской диаспоры Донской области и степного Предкавказья (последняя четверть XVIII – 1917 г.): автореф. ... дисс. канд. ист. наук. Армавир. 2000. 27 с.
10. Захарьянц Г. Н., Иноземцев Г. А., Семернин П. В. Ростов-на-Дону. 1749–1949. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 1949. 380 с.
11. Казаров С. С. Нахичеванское купечество (конец XVIII – начало XX века). Ростов-на-Дону: Изд-во ООО «Ковчег», 2012. 144 с.
12. Нигохосов М. Г. Предпринимательская деятельность донских армян на Юге России (конец XVIII – начале XX вв.): автореф. ... дисс. канд. ист. наук. Ростов-на-Дону. 2007. 27 с.
13. Памятная книжка Екатеринославской губернии на 1864 г., Екатеринослав: б.и., 1864. 389 с.
14. Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. 22: 1784–1788. СПб.: Тип. II Отделения собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. 1184 с.
15. Полное Собрание Законов Российской империи. Собрание второе. Т 45: 1870. СПб.: Тип. II Отделения собств. Е.И.В. канцелярии, 1874. 902 с.
16. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.) Статистические очерки. М.: Государственное статистическое издательство, 1956. 351 с.
17. Российский государственный архив военно-морского флота (далее – РГАВМФ). Ф. 3. Оп. 25. Д. 237.
18. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1287. Оп. 39. 1865 г. Ед. хр. 927.
19. РГИА. Ф. 1293. Оп. 147. 1916–1917 гг. Ед. хр. 41.
20. РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Область Войска Донского. 1893 г. Ед. хр. 42.
21. Смирнов И. Н. Мещанское сословие Области Войска Донского в конце XIX – начале XX века: автореф. ... дисс. канд. ист. наук. Ростов-на-Дону. 2007. 34 с.
22. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Вып. 13. СПб.: Изд. Центр. стат. ком. Мин. внутр. дел, 1863. 151 с.
23. Список населенных мест областей Войска Донского (по первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.). Ч. 1. Новочеркасск: б.и., 1905. 608 с.
24. Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону. Ереван: Айастан, 1988. 167 с.
25. Шахазиз Е. О. Новый Нахичеван и новонахичеванцы. Монастырь Сурб Хач Нового Нахичавана. Ростов-на-Дону: ЗАО «Книга», 2005. 240 с.

References

1. Alfavitnyy spisok naselennykh mest oblasti Voyska Donskogo (izdaniye oblastnogo Voyska Donskogo statisticheskogo komiteta) (*Alphabetical list of the populated areas of the Donskoy Troops region (publication of the Oblast Don Committee of the Statistical Committee)*). NovoCherkassk, 1915. 658 p. (In Russian).
2. Barkhudaryan V. B. Istoriya armyanskoy kolonii Novaya Nakhichevan' (1779–1917) (*History of the Armenian colony New Nakhichevan (1779–1917)*) / ed by S. Daroyan, V. Khachatryan. Yerevan: Ayastan, 1996. 528 p. (In Russian).
3. State archive of Rostov territory (GARO) F.91. Inv.1. D.6 (In Russian).
4. GARO. F. 91. Inv. 1. D. 20 (In Russian).
5. GARO. F. 91. Inv. 1. D. 34 (In Russian).
6. GARO. F. 91. Inv. 1. D. 69 (In Russian).
7. GARO. F. 91. Inv. 1. D. 349 (In Russian).
8. GARO. F. 91. Inv. 1. D. 631 (In Russian).
9. Gevorgyan G. A. Istoriya ekonomicheskogo i sotsiokul'turnogo stanovleniya armyanskoy diaspori Donskoy oblasti stepnogo Predkavkaz'ya (poslednyaya chetvert' XVIII – 1917 g.) (*The history of the economic and sociocultural formation of the Armenian diaspora of the Don region and the steppes of the Ciscaucasia (last quarter of the XVIII – 1917): abstract of thesis*. Armavir publ., 2000. 27 p. (In Russian).
10. Zakhar'yants G. N., Inozemtsev G. A., Semernin P. V. Rostov-na-Donu. 1749–1949 (*Rostov-on-Don. 1749–1949*). Rostov on Don: Rostizdat- g publ., 1949. 380 p. (In Russian).
11. Kazarov S. S. Nakhichevanskoyekupchestvo (konets XVIII – nachalo XX veka). (*Nakhichevan merchants (late XVIII – early XX century)*). Rostov-on-Don: Kovcheg publ., 2012. 144 p. (In Russian).
12. Nigokhosov M. G. Predprinimatel'skaya deyatel'nost' donskikh armyan na Yuge Rossii (konets XVIII – nach. XX vv.) (*Entrepreneurship of Don Armenians in the South of Russia (late XVIII – early XX centuries)*): abstract of thesis. Rostov-on-Don, 2007. 27 p. (In Russian).
13. Pamyatnaya knizhka Yekaterinoslavskoy gubernii na 1864 g. (*The memorial book of the Yekaterinoslav province for 1864*). Yekaterinoslav, 1864. 389 p. (In Russian).
14. Polnoye Sobraniye Zakonov Rossiyskoy Imperii: Sobraniye pervoye: S 1649 po 12 dekabrya 1825 goda (*The Complete Collection of Laws of the Russian Empire: First Collection: From 1649 to December 12, 1825*). Vol. 22. St. Petersburg, 1830. 1184 p. (In Russian).

15. Polnoye Sobraniye Zakonov Rossiyskoy imperii (*The Complete Collection of Laws of the Russian Empire*). Vol. 45. St. Petersburg, 1874. 902 p. (In Russian).
16. Rashin A.G. Naseleniye Rossii za 100 let (1811-1913 gg.) Statisticheskiye ocherki. (*The population of Russia over 100 years (1811–1913). Statistical essays*). Moscow, 1956. 351 p. (In Russian).
17. Russian State Navy Archive (RGAVMF). F.3. Inv.25. D.237. (In Russian).
18. Russian State Historical Archive (RGIA). F.1287. Inv. 39. D.927. (In Russian).
19. RGIA. F.1293. Inv.147. 1916–1917. D.41. (In Russian).
20. RGIA. F.1293. Inv.168. D.42. (In Russian).
21. Smirnov I.N. Meshchanskoye sosloviye Oblasti Voyska Donskogo v kontse XIX – nachale XX veka. (*The petty-bourgeois estate of the Don Don Region at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries*). Avtoreferat kandidatskoy dissertatsii. Rostov-na-Donu. 2007. 34 p. (In Russian).
22. Spiski naselennykh mest Rossiyskoy imperii, sostavlenyye i izdavayemye Tsentral'nyim statisticheskim komitetom Ministerstva vnutrennikh del (*Lists of populated areas of the Russian Empire, compiled and published by the Central Statistical Committee of the Ministry of the Interior*). Issue 13. St.Petersburg, 1863. 151 p. (In Russian).
23. Spisok naselennykh mest oblastey Voyska Donskogo (po pervoy vseobshchey perepisi naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.) (*List of populated areas of the Don Cossack regions (according to the first general census of the population of the Russian Empire in 1897)*. Part.1. Novochevassk, 1905. 608 p. (In Russian).
24. Khalpakhch'yan O.KH. Arkhitektura Nakhichevani-na-Donu (*The architecture of Nakhichevan-on-Don*). Yerevan: Ayastan publ., 1988. 167 p. (In Russian).
25. Shakhaziz Ye. O. Novyy Nakhichevan i novonakhichevantsy. Monastyr' Surb Khach Novogo Nakhichavana (*New Nakhichevan and Novakhichevan. SurbKhach Monastery of New Nakhichavan*). Rostov-na-Donu: Kniga, 2005. 240 p. (In Russian).

Информация об авторах

Козлов Сергей Сергеевич – старший научный сотрудник Ростовского областного музея краеведения (Ростов-на-Дону) / sid.220788@bk.ru

Information about the author

Kozlov Sergey - Senior Researcher, Rostov Regional Museum of Local History (Rostov on Don) / sid.220788@bk.ru

УДК 94(479+438) "18"

С. С. Лазарян, Ю. Ю. Клычников

ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОТНОШЕНИИ КАТОЛИЧЕСКОГО ДУХОВЕНСТВА В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ И НА КАВКАЗЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ПРИЧИНА ПОСТАНОВКИ ПРОБЛЕМЫ

В статье рассматривается политика правительства Российской империи в отношении католиков Царства Польского и Кавказа в первой половине XIX века. В связи с тем, что католический элемент в общественной структуре российской государственности имел тенденцию к постоянному росту в ходе территориального расширения имперского пространства, необходимо было выработать оптимальные параметры во взаимодействии с католическим духовенством, определиться в своем отношении к его деятельности.

Кавказский край долгое время оставался территорией притяжения имперской экспансии, сопровождавшейся военными действиями против местных немирных горцев. Кроме того, Кавказ долгое время использовался властями в качестве своеобразной имперской пенитенциарной системы, призванной вразумлять и обуздывать беспокойные характеры и умы, способные произвести идейно-ценностную сумятицу в головах молодежи, расшатать общественную нравственность и угрожать существовавшим государственным устоям. После событий 1830–1831 гг. на Кавказ стали отправлять выходцев из Царства

Польского, не пожелавших примириться с попранием их национального самолюбия и готовых защищать его с оружием в руках, т.е. наиболее непримиримых к русским польских патриотов или тех, кого власти считали наиболее опасными и влиятельными. Католическое священство играло важную роль в поддержании среди поляков духа польской национальной солидарности и приверженности к польской национальной традиции, что препятствовало укоренению в них лояльности к российским властям.

После того, как негативные последствия влияния косяндзов на польскую паству стали для кавказских властей очевидны, в качестве альтернативы польскому католическому духовенству российские власти пытались использовать кавказских католиков, прежде всего армян, обязанных многим России. Они не имели в себе духа «поляцизма» и не поддерживали бы в поляках, сосланных на Кавказ, духа польской национальности и непримиримости к России.

Ключевые слова: Российская империя, Царство Польское, Кавказский край, правительство, католическое духовенство, «поляцизм».

S. Lazarian, Yu. Klychnikov

THE POLICY OF THE GOVERNMENT OF THE RUSSIAN EMPIRE IN RELATION TO THE CATHOLIC CLERGY IN THE KINGDOM OF POLAND AND THE CAUCASUS IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY: THE REASON FOR POSING THE PROBLEM

The article discusses the policy of the government of the Russian Empire in relation to Catholics of the Kingdom of Poland and the Caucasus in the first half of the 19th century. Due to the fact that the Catholic element in the social structure of Russian statehood had a tendency to constant growth during the territorial expansion of the imperial space, it was necessary to develop optimal parameters in cooperation with the Catholic clergy, to determine their attitude to its activities.

The Caucasus region had long remained the territory of attraction of imperial expansion, accompanied by military action against local non-peaceful highlanders. In addition, the Caucasus had long been used by the authorities as a kind of imperial penitentiary system designed to admonish and curb restless characters and minds that can produce ideological and value confusion in the heads of young people, undermine public morality and threaten the existing state foundations. After the events of 1830 – 1831, they began to send to the Caucasus people, who did not want to come to terms with the trampling of their national pride, from the Kingdom of

Poland, and were ready to defend it with weapons in their hands, i.e. the most irreconcilable to the Russian Polish patriots or those whom the authorities considered the most dangerous and influential. The Catholic priesthood played an important role in maintaining among the Poles the spirit of Polish national solidarity and adherence to the Polish national tradition, which prevented the rooting of their loyalty to the Russian authorities.

After the negative consequences of the influence of the priests on the Polish flock became apparent to the Caucasian authorities, the Russian authorities tried to use the Caucasian Catholics, primarily Armenians, who owed much to Russia, as an alternative to the Polish Catholic clergy. They did not have the spirit of "Polacism" and would not support in the Poles exiled to the Caucasus, the spirit of Polish nationality and intransigence to Russia.

Key words: Russian Empire, Kingdom of Poland, Caucasus region, government, Catholic clergy, "Polacism".

Российская империя как православное по преимуществу государство, стоявшее на социокультурном фундаменте бывшей Византии и впитавшая политические традиции золотоордынцев, в первой половине XIX в. оставалось

своеобразным антиподом католической Европы, была неЕвропой и выступала альтернативой латинству.

В связи с этим характер и глубинные причины отношений российских властей к католическому священству вообще и в частности определялся множеством разнородных обстоятельств политической, социально-культурной и идейно-нравственной целесообразности.

Католический элемент в общественной структуре российской государственности имел тенденцию к постоянному росту в связи и в ходе территориального расширения имперского пространства. Важным моментом, которого сделало вовлечение в состав империи территорий, населенных поляками, происходившее вместе и одновременно с инкорпорацией Кавказа.

Необходимость определения параметров политики в отношении католиков в Польше и на Кавказе объяснялась в том числе и по причине глубокого и массового внедрения польского национального и католического элемента как во внутренних имперских губерниях, так и в кавказском социокультурном ареале.

Кавказский край долгое время оставался территорией притяжения имперской экспансии, сопровождавшейся военными действиями против местных немирных горцев, а также частью имперской пенитенциарной системы, призванной вразумлять и обуздывать беспокойные характеры и умы, способные произвести идейно-ценностную сумятицу в головах молодежи, расшатать общественную нравственность и угрожать существовавшим государственным устоям.

На Кавказ направлялись на исправление государственные чиновники, «продававшие правосудие с аукциона», и большое количество всех иных выходцев из разных сословий, находившихся не в ладу с существовавшими законами и установлениями. Кроме того, туда ссылались пленные поляки, участники наполеоновских войн, воевавших против России. Большинство из них размещалось в арестантских ротах и в крепостях (выходцы из непривилегированных слоев), где они использовались на строительных работах военного или гражданского назначения [9, с. 290].

Высылка с определенной территории лиц, обвиненных, например, в преступлении политического или религиозного характера, выступала в качестве главного карательного элемента для подавления правонарушений такого рода. Удаление нарушителей от всего остального общества, в данном случае являлось также и самым действенным и дешевым средством [21, с. 3].

В силу того, что события 1830–1831 гг. в Польше имели массовую форму участия в восстании и сопротивлении российским войскам, российские власти считали, что смертная казнь, как массовая мера борьбы с крамолой, в данном случае была бы мерой чрезмерной и

негуманной, а также нецелесообразной из-за того, что не могла бы подавить симпатий к повстанческому движению, а, напротив, усиливала бы брожение умов. В добавление ко всему сказанному, можно отметить то обстоятельство, что исторический опыт свидетельствовал: «по своему свойству любые карательные меры бессильны устранить влияние этого рода преступников на народ» [21, с. 4].

В то же время в России ссылка часто переплеталась с нуждами государства в колонизации его окраин. В этом случае ссылка как единственно карательная мера, отодвигалась на второй план, но более становилась мерой исправительной или заменялась на простое снабжение рабочими руками различных ведомств [21, с. 142].

После событий 1830–1831 гг. на Кавказ стали отправлять выходцев из Царства Польского, не пожелавших примириться с поправлением их национального самолюбия и готовых защищать его оружием или словом. В край направлялись наиболее непримиримые к русским польские патриоты или те, кого власти считали наиболее опасными и влиятельными. На Кавказе большинство из бывших польских повстанцев посредством рекрутских наборов помещалось и проходило службу в российских строевых частях, разбросанных по всей протяженности Кавказской кордонной линии, Черноморской береговой линии или за Кавказом [18, л. 82, 285–290; 12, л. 1–2]. Часть нижних чинов из поляков помещали в инвалидные команды и использовали в населенных пунктах на различных работах или в качестве градских полицейских [13, л. 1–13]. Представителей дворянства, осужденных в ссылку, для исполнения приговоров передавали в ведение губернских правлений, где они, в силу своей высокой образованности, могли продвигаться на административном поприще и делать карьеру.

Ситуация с католическим священством на Кавказе в большой мере зависела от взаимодействия российских властей с представителями костёла в Царстве Польском и Северо-Западном крае, поскольку именно там формировались основания и подходы во взаимопонимании сторон, их принципиальные позиции и условия сосуществования в рамках имперского государства.

В Царстве Польском имперским властям долго не удавалось найти адекватной формы в отношениях с польским обществом. Потерпев поражение на поле боя, поляки вынуждены были подчиниться силе, но не примирились и не смирились. Ситуация оставалась напряженной и нервной. Польша представляла страну, «ещё дымившуюся от ненависти к России» [8, с. 591]. В жителях не было расположения к русским, которых они вынуждены были терпеть,

«видя невозможность предпринять с успехом что-либо против правительства ..., но расположение их таково, что при малейшем случае готовы возобновить свои мятежнические действия» [19, с. 103].

Много вредили делу успокоения в Польше европейские газеты, которые, как считали российские официальные круги, «с неимоверною злобою принялись клеветать против России и в особенности против Государя» [19, с. 100]. В российском правительстве понимали и хотели надеяться, что только продолжительное время при строгом, но справедливом управлении, может обратить чувства поляков к верно-подданничеству [19, с. 103].

Исходя из желания переломить ситуацию и способствовать сближению поляков с русскими, император Николай Павлович 5 октября 1835 г. во время своей поездки в Европу выступил с речью перед польскими депутатами в Варшаве. Это выступление императора было принято с восторгом в России, но нисколько не понравилась в Европе. Тамашние журналы и газеты дали ей превратный смысл и наполнили свои страницы порицаниями и грубыми ругательствами комментаторов [19, с. 129].

Не понравилась речь императора и большинству поляков, ибо их предостерегали «предаваться мечтам несбыточным», предупреждали против новых бунтов и советовали «пребывать мирными гражданами», обещая в таком случае защиту и покровительство, чего как раз те не хотели и отрицали всей душой. Император Николай предупредил поляков, что если те будут настаивать на сохранении своей «утопической мечты об отдельной национальности, о независимой Польше и обо всех этих химерах», то они накличут на себя большие несчастья. В то же время император пытался доказать им, что «это истинное счастье принадлежать России и пользоваться её защитой» [8, с. 617–618]. Император Николай Павлович верил в особую миссию России и хотел вдохновить ею всех своих подданных, в том числе, поляков.

Речь императора Николая I не примирила поляков с Россией, а только укрепила в них молчаливое неприятие всех нововведений, исходящих от российских властей, поскольку они понимали, что им предлагается альтернатива их прежнему историческому развитию, их прежним целям и цивилизационным ценностям. Полякам, по-существу, предлагалось сменить вектор цивилизационного развития и стать частью России, развиваться в качестве составной части и единства имперского сообщества, перестать видеть себя частью католической Европы.

Для большинства поляков такая перспектива была неприемлема. Польша, по крайней

мере её шляхетская часть и духовенство, была в течение нескольких столетий ориентирована на католическую Европу. В связи с таким расположением умонастроений среде польской политической элиты там не получила особого развития идея славянской взаимности. Русский мир был идейно и нравственно чужд полякам, а глубину «польского отвращения к русскому соседу» определяло отсутствие общих элементов культуры, которые могли как-то смягчать остроту неприязненных настроений. Из-за этого «многовековые контакты поляков с русскими приносили исключительно горечь и взаимное недоверие» [15, с. 363].

Польская ориентация и желание быть с Западом имели принципиальный характер и опирались на общественное большинство, не встречая какой-либо существенной внутренней отечественной оппозиции (речь здесь идёт о собственно поляках, а не вообще жителях Польши). По мнению Дэвиса Нормана, Запад для поляков был и остаётся землей обетованной, Мечтой, а потому «поляки по своим взглядам даже западнее, чем большинство жителей западных стран» [15, с. 363].

В силу того, что в рядах, неприязненно относящихся к России и отчаянно защищавших польскую национальную традицию, было большое число представителей костёла, российские власти весьма настороженно относились к католическому священничеству вообще, а после событий 1830–1831 гг., когда «католическое священство не только было активным участником событий, но и беспрестанно возбуждало народ против русских» [10, с. 611], в особенности, считая его «злейшим врагом России» [19, с. 144].

Правительство безуспешно боролось с тем, чтобы поляки перестали обращаться к мечтам о восстановлении независимости Польши. Властям также не удавалось добиться того, чтобы «со времени бывшего там смятения чувства поляков к правительству ... улучшились... Они не переставали питать чувства неприязни...» [19, с. 144].

Первыми среди недовольных выступали католические священники, отстаивавшие патристические польские и католические ценности, из-за чего их влияние на помещиков и других жителей католического исповедания было весьма сильным. Российские власти считали их виновными в том, что жители Царства Польского оставались неисправимыми, не переставали «питать себя бессмысленными мечтами своими о независимости от российского правительства и с крайним неудовольствием принимают всякую меру, должную сближить их с Россией» [19, с. 163].

В российских официальных кругах считали, что «из всех классов польского общества

ни один столько не враждебен России, как духовенство, которого власть тем опаснее, что служители церкви находятся в непосредственном и ежедневном соприкосновении с народом» [19, с. 282], сочиняют патриотические гимны и рассылают брошюры «самого преступного содержания» [10, с. 611].

Российские власти считали, что ксёндзы извращенно толковали все «благие меры нашего правительства», указывая на них как на святотатство. Таковым поляки считали упразднение многих католических монастырей, возвращение греко-униатов в лоно Православной церкви помимо их воли, передачу в ведомство и управление Министерства государственных имуществ всех недвижимых имений духовенства в Западных губерниях.

Католическое священство считало, что имперские власти стали на путь угнетения католиков и использовало подобные распоряжения правительства в качестве орудия, «с которым оно нападает на Россию и старается отторгнуть от неё умы народа и нанести ей всевозможное зло» [19, с. 283].

Патриотически настроенных поляков приводили в сильное смутнение и раздражение запреты принимать на государственную службу чиновников, не владеющих русским языком. Понимая все последствия такого установления и его влияние не только на будущее развитие края, на воспитание юношества, на состояние польской культуры вообще, образованные люди были крайне раздражены, поскольку распоряжения российских властей вели к постепенному уничтожению национальной обособленности поляков, которых пытались растворить в имперском социокультурном пространстве.

Общественному негодованию сильно содействовали меры, имевшие целью доказать, что символы польской национальности являются незаконными и заключают в себе подрывной смысл для единства и солидарности в имперском государстве. Чтобы отнять условия и возможности для возрождения польского национального духа, российскими властями были вывезены из Польши трон польских королей и королевские регалии, а «польское знамя и герб с коронованным белым орлом постепенно видоизменяли...» [15, с. 290].

Это раздражение и неприязнь к правительству проявилось даже в том, что после начала издания в Варшаве в 1838 г. на русском и польском языках официальной газеты, в которой помещались все Высочайшие Указы, постановления и распоряжения, относившиеся к Царству Польскому, ни один частный человек в Царстве не подписался на неё [19, с. 164].

При арестах и осуждении «злоумышленников», например, эмиссара Шимона Канарского и его сообщников, среди поляков «не

встретили никого, который бы винил членов обнаруженных обществ в измене своему Государю, находил бы действие их преступным или даже предосудительным. Все виновные признаются ими не иначе как жертвами необдуманного патриотизма, достойными сожаления» [19, с. 183–184].

Российские власти добивались и рассчитывали внедрить в умы хотя бы части польского народонаселения, мысль о том, что благоденствие Польши может зависеть только от соединения его с Империей. Но умы поляков были обращены к мечте о европейской войне, вместе с которой им удалось бы поднять знамя свободы, а потому, «ещё сильнее, нежели когда-нибудь, порицается в Польше принимаемые правительством меры и всякое новое постановление» [19, с. 229].

Произвел громкий ропот среди поляков указ об отмене в Западных губерниях действия Литовского Статута и употребления в делопроизводстве польского языка, а также указ, которым строжайше запрещалось употреблять титулы, не признанные имперской Герольдией. Кроме того, повеление именовать с 1842 г. обводы – уездами, поветы – округами, обводных комиссаров – уездными начальниками, а названия муниципальных управлений заменить названием магистратов, было воспринято «в Царстве Польском за явное стремление нашего правительства к уничтожению последних признаков польской национальности» [19, с. 286].

Не нашло понимания у поляков и учреждение особых комиссий по расследованию деятельности тайных обществ. Правительство в свою очередь было весьма встревожено агентурными сведениями, из которых стало известно, что польские выходцы предполагают распространить свои действия в южных губерниях России. По этой причине в Одессе и Бессарабии была учреждена постоянная тайная полиция, подчиненная Новороссийскому генерал-губернатору графу М. С. Воронцову.

На протяжении многих лет ситуация в Царстве Польском не менялась к лучшему: «ибо в нравственном отношении опыт не исправил поляков, и политические мнения их не только не улучшились, но стали несравненно хуже... общественный дух в Польше или расположение её жителей к России и ко всему русскому сделался гораздо враждебнее... Нерасположение к России и ненависть к имени русского сделались общими: они проникли в массы народа и равно одушевляют как городских, так и сельских жителей» [19, с. 281–282].

По мнению наблюдателей это враждебное расположение умов и ожесточение против всего русского не было случайностью или представляло из себя явление, которого нельзя было бы объяснить: напротив, причины явны.

«Но при всей очевидности своей эти причины неуловимы собственно потому, что исключительно принадлежат к разряду нравственных или к области мнений: вот почему они ускользают и вечно будут ускользать от действия правительственных мер» [19, с. 282].

Среди основных причин, влиявших на мнение массы поляков и породивших вредное для России направление дел, были влияния заграничных центров, посылавших эмиссаров, низкая образованность и дурной выбор русских чиновников, грубо и несправедливо обращавшихся с местным польским населением, а также «злоумышленность латинского духовенства под личиною религиозного рвения... Духовенство латинское... сокупило теперь фанатизм политический с фанатизмом религиозным и заставляет первого действовать под личиною второго» [19, с. 282].

Начатое властями следствие о переходящих в католицизм униатах в Виленской или Могилевской губерниях возбудили среди поляков «толки о преследовании католической церкви», а «невежественное и даже жестокое обращение местных чиновников с присоединяемыми дали этим отзывам некоторую достоверность» [19, с. 335].

Из опасения насчет преследования католицизма дух его в польском народе так воспламенился, что «ныне церкви этого исповедания не могут вмещать в себе толпы, в них стремящиеся» [19, с. 283]. Это происходило из-за того, что исторически польский патриотизм связывался с лояльностью к католицизму. Ксёндзы внушали полякам, что под эгидой русских (Москвы) они пребывают в «вавилонском рабстве» [15, с. 178] и ничего польского не может быть без независимого Польского государства, а всё, достигнутое в результате социально-экономического развития бывшего польского общества, становится частью интегрального сообщества России. На протяжении всего пребывания в составе Российской империи католическое духовенство оставалось носителем и хранителем понятия «Польша», «воспоминанием о прошлом или надеждой на будущее» [15, с. 178].

Немалую роль в определении места в польском обществе католического костёла играл Рим, который не только не оставлял своим вниманием религиозные чувства поляков, но поддерживал все начинания, направленные на укрепление влияния католицизма в польском народе. Так Римский Священный престол оказал своё покровительство выходцами Кейсевичем, Семененкой и Еловецким духовному ордену «Smertwostancy», который продвигал среди поляков идею об избранничестве Богом Польши и вытекающей из того богоугодности польского патриотизма [19, с. 492].

Из-за преследования любого проявления в польском обществе такого рода пристрастий, «поляцизм», как этнокультурная и идейно-нравственная идентичность, «стал предметом интенсивного тайного и высокоразвитого мистицизма». Польский патриотизм в тех условиях «опирался на систему иррациональных принципов, принятие которых предполагало акт веры» [15, с. 291]. Религиозность польского патриотизма развивалась в непосредственной связи и в лоне католической веры, а потому требовала абсолютной догматической преданности. В связи с этим, если воспользоваться образом Нормана Дэвиса, то можно сказать, что «католическая церковь удочерила Польшу» [15, с. 312]. Отсюда проистекали все способы и проявления в действиях католического духовенства в Царстве Польском. Отсюда и то доверие к ним, которое питали поляки к костёлу, особенно польские женщины, «наиболее увлекаемые внушениями духовенства и со своей стороны неограниченно владеющие юношеством» [19, с. 353].

Агенты тайной полиции отмечали, что «число женщин, недоброжелательствующих правительству, несравненно превышает число мужчин вредного образа мыслей, и дух свободы и непокорности развит в женщинах сильнее... Доселе дух этот был передаваем женщинам при самом воспитании их, которое находилось в руках духовенства» [19, с. 355]. Католические ксёндзы, занимались воспитанием юношества, и вообще были «неутомимы в кругу своей деятельности... имеют гораздо более влияния на развитие нравственного и политического духа народа» [19, с. 492].

Став центральным источником, питавшим польский патриотизм, католический костёл, в силу абсолютности всякой религиозной доктрины, встал на путь абсолютного неприятия России и требовал того же от поляков. Костёл выступал в первых рядах не только вдохновителей сопротивления русскому владычеству в Польше, но действовал в качестве революционеров, каковым, например, выступил ксёндз Петр Сцегенный в начале 1840-х гг. основавший крестьянскую революционную организацию, совершившую попытку восстания в 1844 году [19, с. 362]. Некоторые «католические ксёндзы имели неблагоприятное влияние на умы поселян и ожесточали их против владельцев» [19, с. 386], вставших на путь сотрудничества с имперскими властями.

В Российской империи достаточно быстро выяснили роль костёла в польском обществе, его продолжающуюся несколько веков, как бы врожденную, неприязнь к русским, что делало «Польшу более вредящим, нежели полезным достоянием» для России, но также понимали, что «если Россия не должна отказаться

от поляков, то потому только, что представилось бы ещё более невыгод, когда бы эти враги... составили самобытное государство» [19, с. 353].

К началу XIX в. большая часть местных католиков Кавказа была сосредоточена в Грузии и состояла в основном из армян и некоторого количества грузин: в Тифлисе – 300 человек и в Гори – 200 [1, с. 551]. Кроме того, после 1812 г. в войсках в Грузии находились ещё до 1000 приверженцев римско-католического обряда, главным образом высланных туда нижних чинов из поляков. Для руководства их деятельностью и надзором за ними в России было учреждено Римско-Католическое правление.

В целом положение дел у католиков Кавказа было малозавидным. Ранее грузинские цари (Теймураз в 1755 г.) отняли у местных католиков два их храма и передали греко-православным, а с притоком в край ссыльных поляков отсутствие храмов и недостаток католических пастырей сделалось вопиющим. Прежде в Грузии было 8 патеров католического ордена *Ordo Fratrum Minorum Capuccinorum*, а в 1806 г. их осталось только два: ни капелланов, ни миссионеров, ни проповедников, ни других служителей церкви [2, с. 284].

В относительно либеральные времена императора Александра Павловича положение дел у кавказских католиков приобрело вид возрождения, по крайней мере, император распорядился вернуть католикам отнятые ранее у них храмы, поручив генералу К.Ф. Кноррингу проследить, чтобы не возникло на этой почве каких-либо неприятных последствий [1, с. 551].

Данное дело, в силу сложности всех обстоятельств и сопутствующих факторов его реализации, затянулось, а бывшие католические храмы за давностью их нахождения у греко-православных были оставлены при них. Некоторой компенсацией католикам стало решение Петербурга выделить им удобное место в Тифлисе с целью постройки там католического храма и других, необходимых зданий.

В 1804 г. князь П. Д. Цицианов просил разрешения для построения католической церкви в Тифлисе использовать 6000 р. с. из экстраординарной суммы в 100 000 р. с., находившейся в его распоряжении [2, с. 284]. Кроме того, было постановлено, чтобы все католики по всем своим духовным надобностям обращались к председателствующему в Духовной Коллегии в России Римско-Католических церквей митрополиту Сестренцевичу, как местному епархиальному архиерею или в его Могилевскую консисторию.

Также князь П. Д. Цицианов просил министра иностранных дел князя А. Чарторьского назначить для священников римско-католиче-

ского духовенства в Грузии определенное жалование, поскольку те не имели никаких доходов, кроме как от врачевания. Строительство маленького католического храма в Тифлисе завершилось в 1808 г., церковь была освящена, а через некоторое время там также открылась школа и небольшой приют для больных [17].

Католические патеры почти все были сведущими в медицине и успешно пользовались местными жителями, заменяя крайний недостаток во врачах. Во время свирепствовавшей в Грузии заразы (холеры), «показали отличную свою ревность к человечеству, особенно в Гори, призирая больных и оказывая им вспоможение» [3, с. 50]. Кавказские власти признавали в них совершенную необходимость, тем более после того, как в Грузии и в войсках появилось «много чиновников и самих нижних чинов католического исповедания, особенно между рекрутами из Польши привозимыми» [3, с. 50]. К тому же по восстановлении в 1812 г. мира с Портой приказано было вызвать в Грузию католиков из соседних турецких владений, «коих весьма довольно в Ахалцихе, Карсе, Эрзеруме, Баязете и которые охотно согласны переселяться в Грузию» [3, с. 49].

Уточняя условия деятельности католических священников на Кавказе, маркиз Паулуччи в 1812 г. обращался к обер-прокурору Священного Синода, предлагал для большей эффективности надзора за католическим священством, сосредоточить их в трех приходах: в Тифлисе, в Гори и в Имеретии, а для поддержания материальных условий их существования «определить небольшой пенсией для каждого прихода, назначив по 120 руб. сер. – всего 360 руб. сер. в год» [3, с. 50].

Российские власти использовали кавказских католиков в качестве социально-культурной альтернативы и расширения социальной базы империи в неприязненных к России провинциях. Однако, опасаясь усиления влияния Рима и распространения католического прозелитизма в Кавказском крае, имперские власти выдвигали условием, чтобы католические патеры были только подданными России, или утверждены в сане в России [4, с. 465]. Россия препятствовала католическому прозелитизму на подконтрольных ей территориях Кавказа. Это не только усиливало позиции католицизма в регионе, но приводило к разногласию и спорам с существовавшими там Церквями иных исповеданий.

Переход в католичество среди местных жителей из иного христианского исповедания мог происходить только как индивидуальный и единичный. Российские власти стремились ограничивать социальный ареал кавказского католицизма рамками пришлого населения, и допускали его распространение в местной

среде только в экстраординарных случаях. Однако это условие часто не соблюдалось по разным причинам, в том числе из-за большого доверия местных жителей католическим патерам, проявлявшим большую деловитость и внимание к страждущим во время бедствий или эпидемий.

Узаконениями, данными в разное время, строго воспрещалось римско-католическим священникам «склонять, привлекать и обращать в своё исповедание не только людей восточной церкви, но и других христианских законов исповедников» [5, с. 311]. После каждого прецедента следовали строгие внушения и указы – от 22 апреля 1794 г., 6 сентября 1795 г., Высочайший манифест от 15 марта 1797 г., указы от 3 апреля 1797 г., 4 июня 1803 г., 25 октября 1807 г. и 1810 г., Высочайшие повеления 1824 и 1826 гг.

Католическое миссионерство в России квалифицировали как «сворачивание». Против католического прозелитизма было направлено секретное отношение Главного Управления духовных дел от 1827 г. и запрет Правительствующего Сената от 10 сентября 1830 г. Секретное отношение от 13 марта 1827 г. было направлено к митрополиту Римско-католических церквей в России Цецишевскому. Кроме того, приказывалось местным кавказским властям взять без огласки от всех римско-католических священников подписки в том, что они обязываются «не преподавать людям другой веры духовные требы или наставления и внушения, до религии касающиеся, не входить в какое-либо сношение, представление и ходатайство о желающих перейти из другой веры» [5, с. 311].

Отсутствие достаточного количества католических патеров, которое обнаружилось сразу же, после начала массового притока на Кавказ поляков, пытались компенсировать посылкой молодых людей из армян католического исповедания во Львов для обучения в тамошней Армянской католической коллегии или в Могилевское Армянское училище. В 1806 г. была учреждена особая Армяно-католическая епархия, епископу которой патеру Вартерисовичу, в 1810 г. «повелено... управлять всеми церквями сего обряда в России» [4, с. 465].

Кроме ссылаемых на Кавказ католиков-поляков численность людей данного вероисповедания пополнялась за счет притока части немецких колонистов и притока большого числа армян-католиков, выселявшихся в пределы империи из Турции, начиная с 1823 г., а каждая очередная война России с Турцией ещё больше увеличивала численность таких переселенцев [4, с. 467]. Поэтому проблема недостатка католических патеров на Кавказе не только не теряла своей остроты в продолжение длитель-

ного времени, но и обнаружила новые проблемы, которые не совсем ожидали встретить, что вынуждало местные кавказские власти к разнообразной изобретательности.

Опасность польского католического священства состояла в том, что в действиях их часто не было ничего противозаконного или предосудительного, но противозаконие состояло в их образе мыслей, когда «каждый мыслью про себя действует в одном духе, в духе поляцизма» [19, с. 144–145]. Ксёндзы поддерживали, сохраняли и укрепляли его в поляках – дух непокорности и сопротивления, дух любви к своему разделенному отечеству. В этом отношении ссылка и рекрутчина достигали своих социально-политических целей лишь отчасти. Отдаленность от Польши и претерпеваемые лишения и трудности военной службы в кавказских условиях не многих делали конформистами. Прибывавшие на Кавказ ксёндзы для исполнения духовных треб в своих проповедях всячески напоминали полякам об их национальной принадлежности и национальных идеалах, которые слишком отличались от российских.

Кроме того, поляки-католики (шляхта и ксёндзы) были носителями европейских политических и культурных традиций, в основании которых лежали ценности политической свободы, примата права и достоинства личности. Это обстоятельство вынуждало российские власти с настороженностью относиться к данной категории людей, учреждать за ними негласный надзор. Здесь надо отметить, что в силу обстоятельств, связанных с высылкой из Польши на Кавказ активных участников восстаний и всех иных форм антиправительственных действий, дворян среди высланных было около 24% [20, с. 39].

Новым открытием стала деятельность монахов-лазаристов на Кавказе. (**Лазаристы** – члены католической конгрегации, основанной св. Винсентом де Поль в 1625 г.). Лазаристы отправлялись миссионерами в чужие страны, чтобы распространять там католичество. На Кавказ лазаристы попадали через Константинополь. Несмотря на их высылку из Кавказского края по императорскому повелению в 1845 г. и изъятию всех их ценностей и архивов, связей и приверженцев на Кавказе они не потеряли окончательно. По сообщению российских консулов и агентов эти монахи сохранили прочные связи с Кавказом и поддерживали их с двойной целью: распространения католицизма и «для революционных происков, коими они служат орудием Поляков» [7, с. 241].

Российские власти опасались распространения влияния лазаристов на Дагестан и Абхазию, что могло содействовать «к водворению Польских эмигрантов между горцами и возбуждать их действовать против нас» [7, с. 242].

По этой причине Кавказский наместник князь М. С. Воронцов отдал приказание начальнику Черноморской береговой линии генерал-адъютанту А. И. Будбергу собрать сведения, действительно ли польские эмиссары Якуский, Миревский, Олевский, Дашбринский и Чашевский успели проникнуть в Абхазию [7, с. 242].

Негативные последствия влияния ксёндзов на польскую паству стала для кавказских властей очевидной. Главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом барон Г. В. Розен в 1834 г. предлагал заменить всех римско-католических священников-поляков, прибывающих из-за границы, российскими подданными. Император Николай Павлович согласился с мнением барона Розена и повелел, чтобы в учреждаемой в Вильно вместо Богословского факультета бывшего там до 1834 г. университета римско-католической Духовной академии проходили обучение священники из детей армяно-католиков российского подданства [6, с. 333]. Они не имели в себе духа «поляцизма» и не поддерживали бы в поляках, сосланных на Кавказ, духа польской национальности и непримиримости к России. Одновременно они могли бы стать заменой польским ксёндзам в католической среде. Будучи многим обязаны России, они бы способствовали укреплению лояльности российским властям среди католиков, в том числе среди поляков, находившихся на Кавказе. Но в силу того, что для надлежащего обучения и рукоположения Виленских выучеников требовалось несколько лет, то император согласился, чтобы до некоторого ещё времени были оставлены в Грузии и Закавказье римско-католические священники на прежних основаниях.

Одновременно с этим, в целях безопасности и усиления контроля за католическими священниками, барон Г. В. Розен предлагал воспрепятствовать прямому приезду в Закавказский край всем вообще католическим священникам через азиатские границы империи или Черным морем, а направлять их через Петербург, чтобы Министерство внутренних дел предварительно имело о них сведения и принимало решение о возможности допущения их к исполнению своих обязанностей на Кавказе. По мнению барона Г. В. Розена, мера эта могла бы, некоторым образом, ослабить влияние их пропаганды среди поляков и на здешних армяно-католиков и вынудила бы их обращаться в духовных нуждах своих к Министру внутренних дел и католическому Духовному управлению в России [6, с. 333].

Наличие в войсках Отдельного Кавказского корпуса и на судах, крейсировавших Кавказское побережье Черного моря, большого количества поляков (офицеров и нижних чинов) [11, л. 33, 46–48, 54–56; 16], а также гражданских чиновников, находившихся на службе по

всему Кавказскому краю, вынуждало кавказские военные и гражданские власти не только ограничивать количество, но и тщательным образом вести отбор римско-католических священников, бывших кандидатами на отправление треб в войсках и среди гражданского населения.

Так, начальник 1-го отделения Черноморской береговой линии контр-адмирал Л. М. Серебряков, в войсках которого отбывали службу 731 выходец из Царства Польского, не считая семей офицеров и нижних чинов [11, л. 34 об.] ходатайствовал о том, чтобы в его отделение был назначен лично ему знакомый патер Зенон Калиновский, «человек высокой нравственности, усердный и деятельный» [11, л. 16]. По мнению Л. М. Серебрякова, духовные наставления и пример благомыслящего священника из поляков, могли и в политическом отношении произвести выгодное влияние на дух и образ мыслей его соотечественников, польских уроженцев, находившихся на русской службе [11, л. 16].

Другой важнейшей мерой, предполагавшей укрепление лояльности среди католических священников и вообще всех других лиц католического вероисповедания, стало клятвенное обещание, приносимое ими российскому императору [14, л. 4]. Предполагалось, что клятва, принесенная именем Бога, должна была гарантировать от враждебной России пропаганды, а ксёндзы, давшие такое клятвенное обещание, не станут сеять среди своих соотечественников семена непримиримого к русским «поляцизма».

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что все предпринимавшиеся российской стороной меры по обузданию католической пропаганды «поляцизма» приносили относительные результаты, поскольку политико-административные усилия могли воздействовать лишь на внешнюю, видимую сферу жизнедеятельности, но оставляли почти не тронутой сферу жизни нравственной и интеллектуальной, скрытой в головах людей.

Социокультурные установки польского патриотизма не поддавались переформатированию даже под влиянием самых неблагоприятных для него обстоятельств и не зависели от продолжительности такого воздействия, поскольку дух «поляцизма» имел корни в культурной почве, противоположной России.

Даже те из поляков-католиков, которые, будучи привлеченными на русскую службу, выказали благонамеренность к российским властям и исправно исполняли свой служебный долг, не переставали быть поляками и никогда не отказывались от национальной мечты – *odrodzone i niepodległe państwo polskie* (возрожденное и независимое Польское государство).

Что же касается кавказских католиков, то мерами правительства они были успешно вписаны в общественные структуры российской

имперской государственности, сделались частью её социально-политического механизма.

Источники и литература

1. Акты Кавказской археографической комиссии (далее – АКАК). Т.1. Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавк., 1866. 816 с.
2. АКАК. Т.2. Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавк., 1868. 1238 с.
3. АКАК. Т.5. Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавк., 1873. 1170 с.
4. АКАК. Т. 6. Часть I. Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавк., 1874. 941 с.
5. АКАК. Т. 7. Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавк., 1878. 994 с.
6. АКАК. Т. 8. Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавк., 1881. 1009 с.
7. АКАК. Т.10. Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавк., 1885. 938 с.
8. Бенкендорф А.Х. Воспоминания 1802-1837. / Публикация М.В. Сидоровой и А.А. Литвина. Пер. с фр. О.В. Маринина. М.: Российский фонд культуры, 2012. 755 с.
9. Бессонов В.А., Миловидов Б.П. Польские военнопленные Великой армии в России в 1812-1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XIII Всероссийской научной конференции. М.: Полиграфсервис, 2006. С.289 – 305.
10. Брянец П.Д. Литовское государство. От возникновения в XIII веке до союза с Польшей и образования Речи Посполитой и краха под напором России в XIX веке. М.: Центрполиграф, 2018. 655 с.
11. Государственный архив Краснодарского края. Ф.260. Оп.1. Ед.хр.188.
12. Государственный архив Российской Федерации. Ф.109. Оп.7. Д.406.
13. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф.68. Оп.1. Д.2399.
14. ГАСК. Ф.68. Оп.1. Д.3126.
15. Дэвис Норман. Сердце Европы. Москва-Вроцлав: Летний сад; Коллегиум Восточной Европы им. Яна Новака, 2010. 527 с.
16. Кавказский календарь на 1856 г. Тифлис: Главное управление Кавказского наместника, 1855. 785 с.
17. Католический костёл в Тбилиси. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/4385302/post198870994/> (Дата обращения: 11.11.2019).
18. Российский государственный военно-исторический архив. Ф.13454. Оп.5. Д.462.
19. «Россия под надзором»: отчеты III отделения 1827-1869. Сборник документов. Сост. М. Сидорова и Е. Щербакова. М.: «Рос. фонд культуры»; «Российский Архив», 2006. 706 с.
20. Селицкий А. И. Поляки-дворяне на Кубани во второй половине XIX – начале XX в. // Дворяне Юга России на службе Отечеству: Материалы региональной научно-практической конференции / науч. ред. О. В. Матвеев, Е. М. Сухачева. Краснодар, 2004. С. 37-53.
21. Фельдштейн Г. Ссылка. Очерки её генезиса, значения, истории и современного состояния. М.: Высоч. утвержд. Товарищество Скоропечатни А. А. Левенсон, 1893. 193 с.

References

1. Akty Kavkazskoj arheograficheskoy komissii (*Acts of the Caucasus Archaeographic Commission*) (ACAC). Vol.1. Tiflis: Printing house of Head Office of Viceroy Caucasus, 1866. 816 p. (In Russian).
2. AKAK (ACAC). Vol.2. Tiflis, 1868. 1238 p. (In Russian).
3. AKAK (ACAC). Vol.5. Tiflis, 1873. 1170 p. (In Russian).
4. AKAK (ACAC). Vol.6. Part I. Tiflis, 1874. 941 p. (In Russian).
5. AKAK (ACAC). Vol.7. Tiflis, 1878. 994 p. (In Russian).
6. AKAK (ACAC). Vol.8. Tiflis, 1881. 1009 p. (In Russian).
7. AKAK (ACAC). Vol.10. Tiflis, 1885. 938 p. (In Russian).
8. Benkenorf A.H. Vospominaniya 1802 – 1837. (*Memories 1802 – 1837*) / ed by M.V. Sidorova and A.A. Litvin / translated by O.V. Marinina. Moscow: Russian Cultural Fond publ., 2012. 755 p. (In Russian).
9. Bessonov V.A., Milovidov B.P. Pol'skie voennoplennyye Velikoj armii v Rossii v 1812-1814 gg. (*Polish prisoners of war of the Great Army in Russia in 1812 – 1814*) // Otechestvennaya vojna 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy: Materialy XIII Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Moscow: Poligrafservis publ., 2006. P.289 – 305. (In Russian).
10. Bryancev P.D. Litovskoe gosudarstvo. Ot vzniknoveniya v XIII veke do soyuza s Pol'shej i obrazovaniya Rechi Pospolitoj i kraha pod naporom Rossii v XIX veke (*Lithuanian state. From the emergence in the XIII century to the union with Poland and the formation of the Commonwealth and the collapse under the pressure of Russia in the XIX century*). Moscow: Centrpoligraf publ., 2018. 655 p. (In Russian).
11. State Archive of the Krasnodar Region. F.260. Inv.1. D.188. (In Russian).
12. State Archive of the Russian Federation. F.109. Inv.7. D.406. (In Russian).
13. State Archive of the Stavropol Region. F.68. Inv.1. D.2399. (in Russian).
14. State Archive of the Stavropol Region. F.68. Inv.1. D.3126. (in Russian).
15. Devis Norman. Serdce Evropy (*Heart of Europe*). Moscow-Wroclaw: Summer garden; College of Eastern Europe named after Yana Novak, 2010. 527 p. (In Russian).
16. Kavkazskij kalendar' na 1856 g. (*Caucasian calendar for 1856*). Tiflis: Printing house of Head Office of Viceroy Caucasus, 1855. 785 p. (In Russian).
17. Katolicheskij kostyol v Tbilisi (Catholic church in Tbilisi). URL: <https://www.liveinternet.ru/users/4385302/post198870994/> (Accessed: 11.11.2019) (In Russian).
18. Russian State Military Historical Archive. F.13454. Inv. 5. D. 462. (In Russian).
19. «Rossiya pod nadzorem»: otchety III otdeleniya 1827–1869. Sbornik dokumentov (*Russia under supervision: reports of the III division of 1827-1869. Collection of documents*). Moscow: Russian Cultural Fond publ., 2006. 706 p. (In Russian).
20. Selickij A. I. Polyaki-dvoryane na Kubani vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. (*Poles-nobles in the Kuban in the second half of the XIX – early XX century*) // Dvoryane Yuga Rossii na sluzhbe Otechestvu: Materialy regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii / ed. by O. V. Matveev, E. M. Suhacheva. Krasnodar, 2004. P.37-53. (In Russian).
21. Fel'dshtejn G. Ssylka. Ocherki eyo genezisa, znacheniya, istorii i sovremennogo sostoyaniya (*Exile. Essays on its genesis, significance, history and current state*). Moscow: Partnership of A.A. Levenson, 1893. 193 p. (In Russian).

Информация об авторе

Лазарян Сергей Степанович – профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (Пятигорск) / aflost@yandex.ru

Клычников Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (Пятигорск) / klichnikov@mail.ru

Information about the author

Lazaryan Sergey – Dr. of Historical Sciences, Professor, Chair of Historic and Social and Philosophic Disciplines, Oriental Studies, and Theology, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk) / aflost@yandex.ru

Klychnikov Yurii – Dr. of Historical Sciences, Professor, Chair of Historic and Social and Philosophic Disciplines, Oriental Studies, and Theology, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk) / klichnikov@mail.ru

ВЕНСКАЯ ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: РАКУРС ПОВСЕДНЕВНОСТИ

История повседневности (Alltagsgeschichte, everyday life history, histoire de la vie quotidienne) – относительно новая область в исторической науке, предметом которой является обыденная жизнь человека в различных историко-культурных, политических, этнических и конфессиональных контекстах. Суть исследования заключается в комплексном анализе нормального, привычного образа жизни представителей различных социальных слоев населения.

Актуальность изучения повседневной жизни граждан Вены в Первой мировой войне определяется недостаточностью исследований по данной теме в российском научном сообществе. Поэтому анализ социально-политических и экономических проблем тыла в столице Австро-Венгерской империи на основе трудов немецких и английских авторов приобретает практическую значимость.

В статье рассматриваются различные аспекты повседневной жизни венского общества в период с 1914 г. по 1918 г. – период Первой мировой войны, когда европейский континент охватили страх и хаос, вызванные военными действиями. Через анализ внутренней политики Австро-Венгерского правительства, в частности введение военной диктатуры, и через выявление реакции общества на производимые изменения формируется общая картина трансфор-

мации жизни обычных граждан в Вене. Автор исследует, как изменилась повседневная реальность оставшихся в тылу женщин, когда большинство мужчин трудоспособного возраста были призваны на фронт. «Солдаты тыла», как называют женщин военной Вены А. Пфосер и А. Вайгль в труде «В эпицентре развала: Вена в Первой мировой войне», были вынуждены занять мужские рабочие места на заводах, воспитывать своих детей в условиях голода, социальной напряженности и постоянно растущих цен на жилье.

Автор обращает внимание на то, что внутриполитические проблемы Австро-Венгрии породили конфликт между правительством и руководством армии. Солдаты, не довольные условиями жизни своих родных и возлюбленных в Вене, о которых они узнавали из личных писем, отказывались воевать. Волнения на фронте и в тылу вынудили австро-венгерское правительство пойти на крайние меры – жестокое подавление восстаний. Однако социальная напряженность и тяжелые условия жизни жителей Вены сохранялись до окончания войны и оказали непосредственное влияние на дальнейший распад империи.

Ключевые слова: Первая мировая война, повседневная история, военная Вена, женщины в тылу, голод, социальная напряженность.

Yu. Martinets

VIENNESE URBAN LIFE DURING THE FIRST WORLD WAR: A PERSPECTIVE ON EVERYDAY LIFE

Everyday life history (Alltagsgeschichte, histoire de la vie quotidienne) is a relatively new field in historical science, the subject of which is the everyday life of a person in various historical and cultural, political, ethnic and confessional contexts. The core of the research consists of a comprehensive analysis of the normal, familiar way of life of different social strata of the population.

The relevance of studying the everyday life of Vienna's citizens in World War I is determined by the lack of research on this topic in the Russian scientific community. Therefore, the analysis of socio-political and economic problems of the rear in the capital of the Austro-Hungarian Empire on the basis of the works of German and English authors is of practical importance.

The article deals with various aspects of everyday life in Vienna society in the period from 1914 to 1918 – the period of World War I, when the European continent was engulfed in fear and chaos caused by military actions. Through an analysis of the internal policies of the Austro-Hungarian government, in particular the introduction of a military dictatorship, and through the identification of public reactions to the changes, a general picture of the transformation of the lives of ordinary citizens in

Vienna is formed. The author investigates how the everyday reality of women in the rear has changed when most working age men were drafted to the front. "Home Front Soldiers", as the women of military Vienna are called by A. Pfoser and A. Weigl in their work "In the Epicenter of the Breakup: Vienna in World War I", were forced to take up male jobs in factories, raising their children in conditions of hunger, social tension and constantly rising housing prices.

The author draws attention to the fact that internal political problems in the Austro-Hungarian Empire have created a conflict between the government and the army leadership. Soldiers dissatisfied with the living conditions of their relatives and the loved ones in Vienna, what they learned about through personal letters, refused to fight. The unrest on the front and in the rear forced the Austro-Hungarian government to take extreme measures – a brutal suppression of uprisings. However, social tensions and difficult living conditions for the inhabitants of Vienna remained until the end of the war and had a direct impact on the further collapse of the empire.

Key words: the First World War, everyday history, military Vienna, women in the home front, starvation, social tensions.

Eine Rolle Wiens während des Ersten Weltkriegs

Wien hat sich während des Krieges stark verändert. Es „war zu einer Stadt der Unordnung und Unsicherheit geworden, in der tote Hunde auf der Straße lagen und gute Bürger nicht mehr in den Park gehen konnten“ [7, p. 258]. Trotz des Chaos erhielt Wien jedoch den Status eines „politisches und administratives Zentrum[s]“ [14, p. 16], in dem sowohl die Planung der Feindseligkeiten an der Front, als auch der Führung des Hinterlandes, stattfand. Die Konzentration der militärischen Funktionen in Wien machte sie zu einer Kasernenstadt und eines riesigen Spitals – alle Hotels und Pensionen waren mit Soldaten gefüllt, und die Anmietung einer Unterkunft war äußerst schwierig [14, p. 17].

Zu Kriegsbeginn kamen Niederösterreicher, Tschechen, Bosniaken, Slowaken und Magyaren in die Hauptstadt des Österreichisch-Ungarischen Reiches, um Feindseligkeiten zu studieren. Nach großen Frontschäden wurden schon 1915 viele Verwundete nach Wien geschickt, da hier die Infrastruktur für ihre Genesung geschaffen wurde. Hier konnte man ein ausgebautes Spitalswesen finden. Es gebe die Medizinische Fakultät, die die höchste Fachkompetenz des ganzen Reiches habe gehabt. Die Studierende dieser Fakultät könnten jedes Moment jene medizinischen Aufgaben machen“ [14, p. 17], in Krankenhäusern wurden Institutionen wie die Universität, das Parlament, die Secession, das Künstlerhaus und andere städtische Gebäude umgewandelt [14, p. 17].

In den ersten beiden Kriegsjahren wurde eine „außergesetzliche Militärdiktatur“ [10, p. 386] gegründet, um das etablierte militärische Chaos zu bewältigen, welches zu einem Katalysator für öffentliche Empörung wurde. Pfoser A. und Weigl A. beschreiben das neue System als „ein streng militarisiertes und entpolitisiertes Regime [...], das auf strikten hierarchischen Strukturen und strenger Disziplin basierte“ [9, p. 500]. Mit anderen Worten, es war die Kommandowirtschaft oder, wie sie von M. Cornwall genannt wurde, „Sozialismus von oben“ [2, p. 78]. Die Militärdiktatur basierte auf den Notverordnungsparagraphen der Verfassung und kontrollierte die Wirtschaft des Landes auf der Grundlage des „Kriegswirtschaftlichen Ermächtigungsgesetzes vom 24. Juli 1917“ [17, p. 270]. Dank Paragraf 14 der Dezemberverfassung von 1867 konnten der Kaiser und die Minister Gesetze unter Umgehung des Reichsrates, d.h. ohne seine Zustimmung, erlassen. Infolgedessen wurden die Bürgerrechte, das Recht auf freie Meinungsäußerung und Versammlungsfreiheit eingeschränkt, den Bürgern neue Verpflichtungen auferlegt und die Zensur der Presse eingeführt [9, p. 500–501].

In Ermangelung von Bürgerrechten und –freiheiten nutzte die Regierung des Österreich-Un-

garns patriotische Propaganda als Mittel zur Bürgerführung, um den Kampfgeist ihrer Bürger zu erhöhen. „Die Presse in den Diensten der Kriegshetzer spricht vom Patriotismus, [...] und von altem Ruhm. Die tägliche Aufforderung zum Krieg trägt erste Früchte: Die Menschen unterdrücken ihre natürliche Abstoßung und gewöhnen sich allmählich an die Idee des Blutvergießens“ [12, p. 68–69]. Vielleicht wäre die Propaganda durch die Presse nicht so erfolgreich gewesen, wenn „die Monarchie etwa ein halbes Jahrhundert lang nicht an einem großen Krieg teilgenommen hätte“ [4, p. 68]. Die Regierung überzeugte die Bürger, dass „der Kampf nur ein kurzer und leichter Marsch sein würde“ [4, p. 68–69]. „Die meisten Menschen hatten keine Ahnung, was ein moderner Krieg bedeuten könnte, in dem Massen von zerstörerischen Waffen produziert und an die Front geschickt werden“. Der Krieg wurde auch von der Kirche unterstützt. „Auch religiöse Ideen spielten eine große Rolle, die verschiedenen Kirchen unterstützten den Krieg. [...] Der Klerus predigte Geduld und Resignation“ [4, p. 69].

So übernahm Wien während des Ersten Weltkriegs alle Hauptfunktionen des Chaosverwalters der Stadt. Es wurde zu einem politischen und administrativen Zentrum, einer Kaserne, einem Krankenhaus und einer Quelle patriotischer Propaganda.

Das Leben in einem militärischen Wien. „Soldaten des Hinterlandes“ Frauen im Hinterland, wie Männer an der Front, riskierten jeden Tag ihr Leben und ihre Gesundheit. Zum Beispiel „die Krankenschwester riskiert bei der Pflege von Verwundeten an der Front oder im Epidemiespital ihr Leben“ [16, p. 200]. Es sei darauf hingewiesen, dass zu Beginn des Krieges eine arbeitende Frau in der Wiener Gesellschaft nicht ungewöhnlich war. Frauen arbeiteten in „Branchen wie der Textilindustrie, Handel und Gastgewerbe oder dem häuslichen Dienst“ [14, p. 73]. Deswegen waren die ersten militärischen Berufe für Frauen „Näherinnen für Militäruniformen oder [...] Krankenschwestern in den Lazaretten“ [14, p. 73]. Der langwierige Krieg brachte jedoch Veränderungen auf dem Arbeitsmarkt der Monarchie mit sich. Mit Ausbruch des Krieges wurden viele Unternehmen und Fabriken in Wien geschlossen, weil Arbeiter an die Front gehen mussten, aber Ende 1915 musste die Vorkriegsproduktion wieder aufgenommen werden, da das Defizit an der Lebensmittel-, Fahrzeug-, Flugzeug-, der Munitions- und Waffenindustrie zunahm [14, p. 18]. Die leeren Arbeitsplätze in städtischen Fabriken mussten von Frauen, die „Soldaten des Hinterlandes“ [14, p. 73], eingenommen werden.

Der Staat berücksichtigte die familiären Verpflichtungen der Frauen (z.B. Kindererziehung) nicht und unterzog die Arbeiterinnen oft einer männlichen Militärdisziplin. „Die viel beschriebene

Wiener Schaffnerin tummelt sich zehn Stunden täglich im halboffenen und im Winter eiskalten Beiwagen. Die Fabriksarbeiterin, die oft zwölf Stunden am Tag mit einer Ration von schwarzem Kaffee und Kriegsbrot in der Früh und Kraut zu Mittag schwere körperliche Arbeit verrichtet das sind die „weiblichen Kriegstypen“ [16, p. 200]. Darüber hinaus waren die Löhne der Frauen niedriger als solche der Männer, und als die Soldaten von der Front zurückkehrten, mussten die Arbeiterinnen ihre Arbeitsplätze für die Männer räumen [14, p. 28]. Mit anderen Worten, der Staat betonte, dass Frauen nur vorübergehend Männerarbeitsplätze in Fabriken annahmen.

Neben der Arbeit wurde die Frau zur Besitzerin der Familie. Sie musste materielle Probleme lösen, nach Nahrung suchen und wichtige Entscheidungen treffen, die vor dem Krieg immer von einem Mann getroffen wurden. Natürlich war es schwierig, die Arbeit in der Fabrik mit der Hausarbeit (Kindererziehung, Kochen) zu verbinden, so dass einige Maßnahmen ergriffen wurden, um die Lebensbedingungen von Wienerinnen zu erleichtern. Eine Reihe von privaten Organisationen wurden gegründet, die Unterhaltsbeiträge zur Unterstützung von Familien ohne Geldverdiener zahlten. Aber diese Leistungen waren so gering, dass in der Wiener Bevölkerung ein Teufelskreis der Verelendung begann [14, p. 73–74].

So kann das Schicksal der Frauen, die im Hinterland blieben, mit dem der Männer im vorderen Teil vergleichbar sein. Eine Frau in Wien war gezwungen, die Verantwortung sowohl für die Mutter (Kinderbetreuung) als auch für den Vater (Geld verdienen) zu übernehmen. Darüber hinaus mussten Frauen körperlich anspruchsvolle Männerarbeit leisten, um den Bedürfnissen der Front aufgefüllt zu werden.

Die hungernde Hauptstadt des Imperiums

Der Krieg ist ein blutrünstiges Biest. Der ist rücksichtslos und erschreckt die Menschen. Neben der Tatsache, dass der Krieg Millionen Menschenleben fordert und die demografische Situation im Land verschlimmert, verändert er auch die urbane Realität derjenigen, die im Hinterland zurückgelassen werden.

Die Ehemänner und Söhne, die an die Front gesendet wurden, Hunderttausende von Flüchtlingen aus den vom Feind besetzten Gebieten, erwiesen sich als nicht so starker Schock für die Wiener wie die Hungersnot. Wien war die erste europäische Stadt, die mit Ernährungsproblemen konfrontiert war [7, p. 31, 43]. Während des Krieges wurde die Produktion von Waren und vor allem von Lebensmitteln in der Kaiserlichen und Königlichen Monarchie drastisch reduziert, da die Männer an die Front gingen und niemand sie ersetzen konnte, die Produktion wurde damals nicht mechanisiert. „Alte Männer, Kinder und Frauen müsst[en] die schwere Arbeit tun – und schaff[t]en es nicht“ [6,

p. 72]. Hinzu kam das Defizit an Saatgut, was sich negativ auf die Aussaatmöglichkeiten auswirkte. Die fruchtbaren Gebiete Galiciens wurden vom Feind erobert, und die Ernten in Gebieten, die nicht vom Feind erobert wurden, waren 1914 und 1915 extrem arm [5, p. 108; 1, p. 260]. Außerdem gab es Probleme mit Transportmöglichkeiten, „denn alle Wagons und Autos [fuhren] im Dienst der Armee“ [6, p. 72].

Die Wirtschaft der Monarchie war nicht kriegsbereit. Die österreichisch-ungarische Regierung versuchte, die Kontrolle über die Lebensmittelpreise zu übernehmen, aber laut „eine[s] eherne[n] Grundgesetz[es] des freien Handels“, würden die Preise bei der Verringerung des Angebotes steigen [5, p. 123]. Darüber hinaus wurde das Österreichisch-Ungarische Reich von den Entente-Mitgliedsstaaten blockiert, was die Versorgung der Bevölkerung mit Lebensmitteln erschwerte [14, p. 162]. Um nicht zu verhungern, kauften die Wiener Hamster und Würstchen aus Fleischabfällen, da verschiedene Fleischsorten (z.B. Kalbfleisch) aus den Ladentischen verschwanden. Die Wiener bauten auch Lebensmittel „auf jedem Stückchen Land, in Parks und Gärten der Großstädte, schließlich sogar auf Balkons“ [6, p. 72] an.

Anders sah die Situation in Ungarn aus. Ungarische Bauern produzierten viel mehr Getreide als österreichische Bauern, aber Ungarn konnte Österreich nicht helfen, sein Ernährungsproblem zu lösen, da Ungarn selbst seinen Bedarf durch die Versorgung der Soldaten an der Front kaum gedeckt hat [10, p. 400]. Wie E. Haider, der Historiker und Publizist, genau bemerkte: „Die Ungarn verhalten sich wie ein Verwandter, der eifersüchtig alles auf seinem Boden Erwirtschaftete bewacht, um ja nichts teilen zu müssen“ [5, p. 108].

Der Mangel an Nahrungsmittelhilfe aus Ungarn, das zum österreichisch-ungarischen Reich gehörte, sorgte bei den Wiener für Empörung. Sie nannten die Ungarn „als kaltherzige Schikane“ [14, p. 136]. In der Luft lag die Frage, „ob die andere Reichshälfte vielleicht gar mit dem Feind unter einer Decke stecke und die Wiener aushungern wolle“ [14, p. 136]. Und die Spitzenbeamten des Österreich-Ungarns verstanden nicht, „warum der Geist der österreichisch-ungarischen Bruderhaube auf dem Feld nicht an die Heimatfront übergang“ [7, p. 51].

Das Nahrungsdefizit und der blühenden Warensmuggel haben zu einem starken Anstieg der Lebensmittelpreise geführt [14, p. 18, 141, 163]. Das Essen, nach der genauen Bemerkung von M. Healy, ist eine „politische Arena“ geworden. Das Thema Ernährung hat andere soziale Probleme überschattet. Wienerinnen und Wiener aus allen Lebensbereichen (vom einfachen Gemüseverkäufer bis zur Behörde) diskutierten über den Mangel an Nahrung [7, p. 33].

Die Ernährungsgespräche wurden durch Regierungspropaganda aktiv unterstützt. Die Regierung förderte die Idee eines hungrigen Krieges, der darin bestand, dass die Entente, die die Blockade des Österreichisch-Ungarischen Reiches schufen, für den Mangel an Nahrung verantwortlich waren, d.h. das Problem wurde von einem externen Feind verursacht. Und die Bevölkerung des Reiches glaubte an dieses Märchen. Frauenzeitschriften waren voll von Artikeln darüber, wie man Lebensmittel beim Kochen von „sparsam“ verwendet. So wurde beispielsweise am 7. März 1915 im Neuigkeits-Welt-Blatt ein Hinweis veröffentlicht, wie sich Kriegssparsamkeit von Friedenssparsamkeit unterscheidet: „Kriegssparsamkeit im Haushalt ist also etwas ganz anders als Friedenssparsamkeit. Friedenssparsamkeit heißt: Geld sparen. Ihr Erfolg besteht darin, dass man am Schluss der Woche die Summe im Haushaltsbuch verringert hat. Kriegssparsamkeit heißt: Lebensmittel sparen. Ihr Erfolg besteht darin, dass man am Schluss weniger Mehl, weniger Fett – weniger in allen Dingen verbraucht hat, an denen Mangel eintreten wird“ [13, p. 11]. Frauen sahen das Kochen als eine besondere Mission, um ihnen und ihren Kindern zu helfen, die hungrigen Jahre zu überleben [7, p. 36]. Das Motto des Kochens war „Wer spart in der Zeit, der hat in der Not“ [13, p. 11].

In einem Jahr des Krieges standen so wenige Produkte auf den Ladentischen, dass viele Kunden den Markt mit leeren Händen verließen. Unter den Wienern verbreiteten sich verschiedene Verschwörungstheorien, deren Kern darin bestand, dass „vielleicht genug Essen in die Stadt gelangt war, aber dass es regelmäßig in die falschen Hände fiel“ [7, p. 61]. Das heißt, der Großteil der Nahrung fällt in die Hände der Reichen, während die Armen weniger Nahrung erhalten. Zusammen mit den Verschwörungen ist ein neuer Begriff „Essenfantasien“ [7, p. 69] entstanden, die die Wiener Fantasien über das Vorhandensein riesiger Mengen an knappen Produkten in der Nachbarschaft bezeichnete.

Die Regierung des Österreichisch-Ungarns hat versucht, den Informationsfluss an die Wiener Bevölkerung zu kontrollieren. Die Informationen kamen von überall her: Gerüchte, anonyme Flugblätter, Briefe und Graffiti. Wien war überfüllt mit offiziellen und inoffiziellen, wahrheitsgetreuen und unwahrheitsgetreuen Informationen, die mit großer Geschwindigkeit verbreitet wurden. Die Zensur in Wien, „der Blaue Bleistift“ Organisation, die Zeitungen, Briefe und Telegramme überprüfte, konnte diese Abläufe nicht verhindern [7, p. 123–124]. Die Bevölkerung war sich natürlich der Existenz von Zensoren bewusst, da es in den Zeitungen Leeräume gab, Briefe mit blauen Markierungen kamen oder mit dem Siegel der Zensur an den Absender zurückkehrten [7, p. 132]. Trotz aller Bemühungen

der Zensoren, schlüpfen „sensationelle Geschichten über Menschen, die vor Hunger auf der Straße zusammenbrechen, Frauen, die Kuchen mit Ton statt mit Mehl backen, und hungernde Wiener Bürger, die die Rinde von Bäumen nagen, [...] durch die Netze der Zensoren, gingen zwischen Front und Hinterland hindurch und vereitelten das ehrgeizige Projekt des Staates zum Informationsmanagement“ [7, p. 140].

In einer verzweifelten Situation beschloss die Monarchie, eine Politik der staatlichen Monopolisierung des Getreidehandels zu verfolgen. Anfang 1915 führte Wien ein System von Lebensmittelstempeln ein, das das Recht gab, eine bestimmte Menge eines bestimmten Tagesprodukts auf lokalen Märkten zu kaufen. Lebensmittel wie Mehl, Brot (April 1917), Zucker, Milch, Kaffee und Fett (1916), Kartoffeln und Marmelade (1917), sowie Fleisch (1918) wurden rationiert. Gelegentlich wurden Stempel auf flüchtigen Lebensmitteln wie Eiern, Käse, Reis und Trockengemüse gefunden [14, p. 142]. In Paris wurden beispielsweise jedoch während des Krieges nur zwei Arten von Lebensmitteln eingeführt: Zucker (1917) und Brot (1918); in London wurden die Stempel erst 1918 eingeführt [7, p. 44].

Die österreichische Regierung gründete Anfang 1915 auch die Kriegsgetreide Verkehrsanstalt, um die Verteilung von Mehl und Brot während des Krieges im ganzen Reich zu kontrollieren. Ende 1916 wurde das zentrale Amt für Volksernährung für ganz Österreich gegründet [10, p. 400]. Nun steht das Leben der Wiener unter der absoluten Kontrolle des Staates: „Die Lebensfristung von heute auf morgen wird politisch und wirtschaftlich allmählich zum herrschenden System. Nur für heute die Mäuler stopfen – morgen wird man sich schon weiterfinden“ [15, p. 8].

Allerdings konnte die österreichisch-ungarische Regierung den Produktmangel nicht bewältigen [5, p. 108]. Generell blieb die Nahrungsversorgung der österreichisch-ungarischen Städte extrem schlecht. Ende 1917 erschien in der Neuen Freien Presse eine Notiz: „Wir leben in einer Zeit der vielfachen, täglich vermehrten, kaum noch übersehbaren Nöte. Mehlnot, Fleischnot, Fettnot, Kleidernot, Wäschenot, Schuhnot, Papiernot, Kohlennot, Zwirnnot sogar – nein, sie lassen sich nicht abzählen, diese mannigfaltigen, ins Unendliche sich anhäufenden Mängel und Beschwerden, lauter Fächer, Abschnitte, Unterabteilungen der großen allgemeinen Kriegsnot“ [11, p. 1]. Die Gendarmen beobachteten genau, was und in welchen Mengen die Wiener konsumierten. „Die Erfüllung des bescheidensten Wunsches kann zur Gesetzesübertretung werden, jede Gewohnheit zur Gefahr [...] wer sich am Abend schlafen legt wundert sich wahrhaftig nur über eines, nur über die immerhin erfreuliche Tatsache, daß er überhaupt noch

lebt und im Wirrsal dieser Drangsal den Tag leidlich bestanden hat“ [11, p. 1].

Die Ernährungssituation in Wien wurde durch die Siege der österreichisch-ungarischen Truppen, wie z.B. die Rückkehr Galiciens 1917, nicht verbessert. In diesem Gebiet war ein Drittel der landwirtschaftlichen Nutzfläche der Monarchie konzentriert, aber während der drei Kriegsjahre wurde der Boden hier für den Anbau von Nutzpflanzen ungeeignet, so dass es unmöglich war, den Nahrungsmangel auf Kosten Galiciens zu kompensieren. In einer so schwierigen Situation wurde entschieden, „einfach verfügbare Körner mit Füllstoffen zu mischen – von Kartoffeln über Kastanien, Brennnessel bis hin zu Sägemehl, um die Vorräte zu erweitern. Dies wiederum verminderte den Kalorien- und Nährwert des wenig vorhandenen Mehls oder Brotes und veranlasste wütende Verbraucher zum Protest“ [10, p. 386].

Unterernährung war eine Folge der Krankheit (Tuberkulose, die Wiener Krankheit) und erhöhte die Sterblichkeit in der Bevölkerung durch Vergiftungen mit qualitativ schlechten Produkten. Die demografische Situation in Österreich-Ungarn hat sich damit deutlich verschlechtert. Trotz der Verluste an der Front und der Todesfälle von Bürgern gab es während des Krieges in Wien immer noch einen Bevölkerungszuwachs, der aber im Vergleich zu den Weltzahlen katastrophal gering war [14, p. 114]. Insbesondere die Zahl der Kinder unter 4 Jahren und die Zahl der Jugendlichen und Mädchen im Rekrutierungsalter (20-50 Jahre) ging zurück.

Was war der Grund für das Bevölkerungswachstum in Wien? Meiner Meinung nach liegt die Antwort auf diese Frage bei Flüchtlingen, denn „die Anwerbung von Arbeitern und Arbeiterinnen in der Rüstungsindustrie und die Präsenz von Kriegsgefangenen aus den nahe gelegenen Lagern sorgten für Zuzug und prägten das Stadtbild“ [14, p. 63]. Der unendliche Zustrom von Kriegsflüchtlingen aus den vom Feind besetzten Gebieten, der im späten August 1914 begann, verschlechterte die soziale Situation der Wiener Bürger. Juden, Polen, Ruthenen und andere [14, p.96] flohen in die Hauptstadt Österreich-Ungarns, darunter sowohl nicht-professionelle als auch professionelle Arbeiter. Anstatt den Flüchtlingen zum Wohle des kriegsführenden Reiches Arbeitsplätze zu verschaffen, stellten die Wiener Behörden ihnen „kostenlose ärztliche Betreuung und Medizin, Kleiderspenden, Kostgeld und Wohnungszuschüsse, wenn nötig, wurde ihnen Unterkunft in einer der Notschlafstellen gewährt“ [14, p. 97] zur Verfügung. Dies wurde dazu gemacht, „dass sich die Flüchtlinge ‘sesshaft’ machten“ [14, p. 100]. Das Leben der Flüchtlinge auf Kosten der Wiener passte nicht zu der lokalen Bevölkerung, die die Flüchtlinge für ihren Wohnungsnot und die Nahrungsmittelknappheit verant-

wortlich machte und die Flüchtlinge als „fremde Eindringlinge“ [14, p. 100] empfanden. Bereits 1915 musste die Verwaltung von Wien „erste Repatriierungsaktionen von Flüchtlingen in ihre Heimatorte“ [14, p. 100] mit der Zahlung eines bestimmten Betrages für den ersten Monat des Heimaufenthaltes organisieren, um den Start ins Leben zu erleichtern. All diese Bemühungen wurden jedoch durch die russische Offensive in Ostgalizien und der Bukowina 1916 unter dem Kommando von General Brusilow blockiert. Dieses Ereignis hat im Gegenteil den Flüchtlingsstrom erhöht.

So litten die Wiener von 1914 bis 1918 unter Hunger. Und die Situation mit jedem Kriegsjahr verschlechterte sich. Insbesondere die Lebensmittelpreise stiegen ständig, das Defizit an Lebensmitteln auf den Ladentischen wurde spürbar, der Lebensstandard der Wiener verschlechterte sich. Sie hatten schlechte Qualität der Lebensmittel, teuren Wohnraum, Unterhalt von Flüchtlingen aus den Ostgebieten des Reiches auf Kosten der Stadtsteuern. Die ganze Reihe von Problemen führte zweifellos zu sozialen Spannungen, gegen die die österreichisch-ungarische Regierung ankämpfen musste.

Soziale Spannungen. Wenn der Staat die materiellen Wünsche der Bürger nicht rechtfertigen kann (sie mit Nahrung, Heizung und Treibstoff zu versorgen) und dafür wirksame Maßnahmen ergreift, beginnen die Bürger, ihren Wunsch nach einem radikalen sozialen und politischen Wandel durch Unruhen und Demonstrationen zum Ausdruck zu bringen. Die sozialen Spannungen sind während des Krieges besonders hoch. Es ist jedoch anzumerken, dass Proteste auf den Straßen Wiens auch vor Ausbruch des Ersten Weltkriegs beobachtet wurden. Seit 1907 nahmen die sozialen Spannungen zu, und 1910 und 1911 gingen die Wiener auf die Straße, um ihre Unzufriedenheit mit der Politik der Monarchie auszudrücken. Das soziale Klima der Stadt verschlechterte sich aufgrund von Nahrungsmittelknappheit und insbesondere Fleisch, sowie unerschwinglichen Mieten und Inflation. Die Bewohner protestierten, indem sie sich weigerten, für Wohnungen zu bezahlen, und Steine, Ziegel und heiße Bügeleisen auf Polizisten warfen [8, p. 232–233, 235]. Bis 1911 hat Franz Joseph beschloss, die Straßenproteste zu beenden, und der Minister des Inneren versprach, dass „alle Maßnahmen getroffen [würden], um künftige Exzesse im Keime zu ersticken“ [Цит. по: 8, p. 234]. Infolgedessen wurden viele der Demonstranten verurteilt, so dass sie Stabilität und sozialen Frieden nach Wien zurückbringen konnten. Ähnliche Störungen setzten sich erst 1914–1918 fort.

Im Laufe der Kriegsführung hat die Zahl der Streikenden, die zu Demonstrationen auf die Straße gehen, deutlich zugenommen. So gab es beispielsweise im Mai und Juni 1918 in Budapest Generalstreiks, die den Arbeitsprozess lähmten,

da die Nahrungsmittelproduktion im Vergleich zu 1914 auf 2,5 gesunken war. Während des Krieges wurden Streiks für Arbeiter zu einer Art von täglichen „Kampf ums Überleben“ [14, p. 23], sie wurden durch den Hunger der Arbeiter und ihrer Familien verursacht. Allerdings gelang es der Regierung, die Demonstrationen in den Fabriken zu stoppen, indem sie strenge militärische Disziplin durchsetzte [10, p. 424–425] und die Löhne verbesserte [14, p. 28]. Ein solcher Erfolg wurde jedoch von der Monarchie im Kampf gegen die Straßenproteste der gemeinsamen Wiener nicht erreicht.

Trotz aller Bemühungen der österreichisch-ungarischen Regierung, den Hunger und die Armut der Bevölkerung zu bekämpfen, gab es keine nennenswerten positiven Ergebnisse. Darüber hinaus führte die Krisensituation zu einem Konflikt zwischen der Armeeführung und der Regierung. Infolge von Unterbrechungen der Nahrungsversorgung machten sich die Soldaten an der Front Sorgen über die wirtschaftliche Situation ihrer Familien im Hinterland [3, p. 123], und in der Armee begannen Aufstände. Doch alle Rebellionen wurden stark unterdrückt, und die Anstifter wurden gehängt [17, p. 270], „die Stimmung der Bevölkerung sei wegen der Notlage tief gedrückt“ [3, p. 123]. Die angespannte Situation führte zu Unruhen im Landesinneren, die sich negativ auf die Durchführung von Feindseligkeiten auswirkten. Wenn der Staat ein rebellisches Hinterland hat, ist das gleichbedeutend mit einer Katastrophe. „Die Opfer auf den Schlachtfeldern [...] wurden getötet und konnten als Helden gedenkt werden, aber [im Hinterland] blieben Menschen als hungrige, laute Erinnerungen zurück, dass Staaten Verpflichtungen gegenüber denen haben, von denen sie Opfer verlangen“ [7, p. 36].

Armut und Hunger haben den „Wiener Opferkomplex“ [7, p. 65] entwickelt und die Wienerinnen und Wiener dazu gebracht, über die Angemessenheit ihrer Opfer (verursacht durch Unterernährung und Hunger) im Hinterland nachzudenken. Die Unfähigkeit des Staates, seine Bürger mit Lebensmitteln zu versorgen, stellte in der Wiener Gesellschaft die Frage, wie angemessen es sei, „die Pflicht von Durchhalten und die Tugend von Opferwilligkeit“ [7, p. 34] zu tolerieren, die während des Ersten Weltkriegs die Grundlage der Zivilgesellschaft im Hinterland bildete. Das Verständnis der Bedeutungslosigkeit der Sparsamkeit und die Unmöglichkeit des Staates, die eigene Bevölkerung zu schützen, führte dazu, dass die Rolle des Opfers im Hinterland geleugnet wurde, indem hungrige Todesfälle in der Stadt mit Todesfällen an der Front gleichgesetzt wurden. Die staatliche Propaganda hatte keinen Einfluss mehr auf die Bevölkerung. Raubüberfälle und Unruhen begannen. So stahlen beispielsweise im März 1917 dreißig Frauen und Kinder in einem der Wiener Arbeitsbezirke einen Brotwagen [7, p. 40].

Zusammen mit den städtischen Revolten wurde Österreich von dem Misstrauen der städtischen Bevölkerung gegenüber der ländlichen Bevölkerung erfasst. Die meisten Wiener glaubten, dass die Bauern die Lebensmittel zu besseren Preisen in Schach hielten. Die Appelle der Regierung an die lokalen Behörden haben die Situation nicht verbessert, so dass viele Wiener auf den Landweg gingen, um Lebensmittel von Bauern zu kaufen, zu stehlen oder zu erpressen. Sie wurden nicht dadurch aufgehalten, dass nach Angaben der Bauern die Ernte noch nicht erntereif war. Die Wiener waren zuversichtlich, dass die Bauern an den Lebensmitteln festhielten. Drohungen, um das Essen zu holen, erschreckten die Dorfbewohner nicht. Es ist wichtig zu beachten, dass die meisten „Räuber“ Frauen, Kinder und Soldaten im Urlaub von der Front waren. Die Regierung hat auch eine Gendarmerie eingesetzt, um Ordnung ins Dorf zu bringen, d.h. es gab eine Situation, in der sich eine Streitmacht (im Hinterland) einer anderen (Rückkehr von der Front) entgegenstellt [7, p. 54–55].

Diese ganze Reihe von unlösbaren Problemen hat sicherlich negative Auswirkungen auf das Vertrauen der Bürger in die Regierung und den Monarchen gehabt. Man kann sagen, dass „die Kultur der Widersetzlichkeit in den Unterschichten fest verankert war“ [14, p. 19]. Als Reaktion auf die Preiserhöhung, „[umstießen] die Frauen Marktstände“ [14, p. 19]. Während des Krieges gewann die Gewalt auf den Straßen Wiens eine so hohe Dynamik, dass „jugendliche Burschen zogen mit den Polizisten ein Katz- und Mausspiel auf“, „Schuhgeschäfte wurden gestürmt, Bäckerautos überfallen, Fleischergeschäfte ausgeraubt“ [14, p. 20]. Die Bewohner der Stadt hatten Angst und versuchten, so wenig wie möglich auf die Straße zu gehen.

Aber Wienerinnen und Wiener mussten trotzdem rausgehen. Zum Beispiel, um zu arbeiten oder Essen zu bekommen. Die Frauen arbeiteten und die Kinder suchten auf der Straße nach Nahrung und Kleidung. Während des Krieges waren die Schulen geschlossen, da auch die Lehrer an die Front gerufen wurden, deswegen wurden die Kinder gezwungen, ihre ganze Zeit auf der Straße zu verbringen. Sie standen auch nachts in der Warteschlange, um irgendwelche Waren zu bekommen [10, p. 399, 401]. Diese Schlangen wurden zum „Symbol des Zusammenbruchs der Gesellschaftsordnung in Wien“ und die Situation der Kinder könnte man als „das Bild des hungrigen Kindes, das in der Kälte auf Essen wartet“ [7, p. 75] beschreiben. Das war die Realität den Bürger des Österreich-Ungarns, die im Hinterland blieben.

Wien ist zu einer Stadt der Warteschlangen geworden. Menschen „mussten sich bei den Kriegsküchen anstellen, sie mussten sich bei den Fahrkartenschaltern der Bahnhöfe anstellen, sie

mussten sich bei den Theatern anstellen. Ohne Anstellen ging nichts mehr“ [14, p. 20]. Die Wienerinnen und Wiener standen bei jedem Wetter in einer Schlange: sie mussten „bei jedem Wetter [warten], ob es stürmt oder schneit, der Schnee durch die Straßen fegt, die Eiszapfen von den Dachrinnen hängen, die Straßen voller Schmutzlachen sind“ [5, p. 115].

Die soziale Instabilität wurde auch dadurch verschärft, dass Menschen, die sich für Lebensmittel einsetzten, keine Garantie hatten, dass sie die Produkte tatsächlich erhalten würden. Dies führte zu Gewalt, Unruhen und Kämpfen für bessere Orte. „Die Wiener Polizei stellte täglich 1.000 Sicherheitsleute [...], um diese hungrigen Kohorten zu bändigen“ [14, p. 20]. Die Regierung hat eine Reihe von Versuchen unternommen, die Warteschlangen rund um die Uhr zu stoppen. So wurden beispielsweise „Kriegsküchen, unentgeltliche Ausspeisungen, Frühstück für Schulkinder, Lebensmittelabgabe für Mindestbemittelte, Kinderverschickungen, Kindertagesheime“ erstellt, wurde die Gelegenheit geboten, „die im Krieg Neugeborenen und deren Mütter einigermaßen leidlich zu versorgen“ [14, p. 23]. Alle diese Methoden waren jedoch ineffektiv und absurd. M. Healy, Assistant Professor am Department of History der Oregon State University, war empört: „Wie konnte der Staat eine Praxis verbieten, bei der Bürger etwas so Wesentliches wie Lebensmittel beschafften?“ [7, p. 77]. Natürlich standen die Wiener weiterhin in Schlangen, weil es ihre einzige Chance war, etwas zu essen zu bekommen. „Die Entschlossenheit der Käufer, etwas zu finden, war stärker als die Rechtskraft“ [7, p. 77].

In Wien wurde das Problem der Nahrungsmittelknappheit durch das Problem der Wohnungsnot verschärft. Die Durchschnittsfamilie mietete in der Regel für kurze Zeit eine Wohnung, da die Eigentümer ihre Miete oft unter Ausnutzung des Kriegsrechts erhöhten. Die Regierung forderte die Vermieter auf, angemessene Mieten durchzusetzen, aber die Preise waren immer noch überhöht, weil die Vermieter ihre Hypotheken bezahlen mussten. In dieser Situation beschloss die Regierung, die Sozialversicherung für bedürftige Familien einzuführen, insbesondere wurden einigen Familien Mietzinsbeiträge von bis zu 60 Prozent der Gesamtmiete gewährt [5, p. 131]. Alle diese Maßnahmen waren jedoch wirkungslos.

Daraus lässt sich schließen, dass die österreichisch-ungarische Regierung jedoch einige soziale Maßnahmen ergriffen hat, um die Lebensbedingungen der übrigen Wienerinnen und Wiener zu verbessern. Alle diese Schritte waren jedoch nicht wirksam, und die sozialen Spannungen nahmen zu und hielten bis zum Ende des Krieges an.

Schluss

Der Erste Weltkrieg ist mit Unterernährung, Hunger, Kälte, Deprivation, Flüchtlingen, Warteschlangen, Tuberkulose und Spanischer Grippe verbunden. Trotz des Chaos, das Wien seit Kriegsausbruch heimgesucht hat, ist es der österreichisch-ungarischen Regierung gelungen, die Stadt zu einem Zentrum der Kriegsführung und der Reform des Lebens im Hinterland zu machen. Nicht nur neue Soldaten aus dem ganzen Reich kamen hierher, um militärische Taktiken zu trainieren, sondern auch Verwundete von der Front, um Stärke, Gesundheit und Moral wiederherzustellen. Hier entstand die Infrastruktur, durch die die militärische, soziale und kommunikative Erfahrung der Soldaten, die die Front besuchten, an neue, junge Kräfte weitergegeben wurde. Darüber hinaus fand in Wien Informationsmanagement statt, das hauptsächlich auf die Förderung des Patriotismus und die Bekämpfung des äußeren Feindes abzielte.

Der Kampf gegen den Feind fand nicht nur an der Front, sondern auch im Land statt. Im Hinterland waren die Soldaten Frauen, die gezwungen waren, Männer zu ersetzen, die in den Krieg gezogen waren. Ihre Schultern liegen sowohl in der Verantwortung der Mutter (Kindererziehung, Haushaltsführung), als auch in der des Vaters (Geld verdienen, Nahrung besorgen). Die Männerarbeit wurde nicht nur zu Hause, sondern auch in Fabriken geleistet. Es war harte, körperlich anstrengende und unterbezahlte Arbeit, die notwendig war, um die Bedürfnisse der Front zu erfüllen. Die Situation wurde durch die Hungersnot, die sich in großem Umfang ausbreitete, erschwert. Nahrungsmangel, steigende Preise – all das hat die Frauen emotional erschöpft, so dass soziale Spannungen und Unzufriedenheit mit der Regierung zunahmen. Die Maßnahmen der Regierung zur Verbesserung der sozialen Bedingungen in Wien brachten nicht die erwarteten Ergebnisse, sondern verschärften den Konflikt zwischen Staat und Bürgern bis zum Ende des Krieges. So verließ der Erste Weltkrieg Wien mit einer gebrochenen politischen Identität und einer Reihe ungelöster sozialer Probleme.

References

1. Beller S. The Habsburg Monarchy 1815-1918. Cambridge University Press. 2018.
2. Cornwall M. Die letzten Jahre der Donaumonarchie. Der erste Vielvölkerstaat im Europa des frühen 20. Jahrhunderts. Essen: Magnus Verlag. 2004.
3. Führ, C. Das k.u.k. Armeekommando und die Innenpolitik in Österreich 1914–1917. Graz-Wien-Köln: Hermann Böhlau Nachf. 1968.
4. Galántai J., Goodman, M. Hungary in the 1st World War. Akadémiai Kiadó. 1989.
5. Haider E. Wien 1918: Agonie der Kaiserstadt. Böhlau Verlag. 2018.
6. Hamann B. Der Erste Weltkrieg. Wahrheit und Lüge in Bildern und Texten. München Zürich: Piper. 2004.

7. Healy M., Winter J., Kennedy P., Prost A., Sivan E. Vienna and the Fall of the Habsburg Empire: Total War and Everyday Life in World War I. Cambridge University Press. 2004.
8. John M. „Straßenkrawalle und Exzesse“ Formen des sozialen Protests der Unterschichten in Wien 1880 bis 1918 // Wien, Prag, Budapest: Blütezeit der Habsburgmetropolen: Urbanisierung, Kommunalpolitik, gesellschaftliche Konflikte (1867–1918). Vienna. 1996. P.230-244.
9. Judson P.M., Müller M. Habsburg: Geschichte eines Imperiums, 1740-1918. C.H. Beck. 2017.
10. Judson P. M. The Habsburg Empire. Cambridge, Massachusetts, London, England: The Belknap Press of Harvard University Press. 2016.
11. Neue Freie Presse 08.12.1917. Online in Internet: <http://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=nfp&datum=19171208&seite=1&zoom=33> (Accessed: 19.08.2019).
12. Népújság, September 13, 1914; September 20, 1914 // Galántai, J., & Goodman, M. Hungary in the 1st World War. Akadémiai Kiadó. 1989. P. 68-69.
13. Neuigkeits-Welt-Blatt 07.08.1918. Online in Internet: <http://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=nwb&datum=19150307-&seite=11&zoom=33> (Accessed: 19.08.2019).
14. Pfoser A., Weigl A. Im Epizentrum des Zusammenbruchs: Wien im Ersten Weltkrieg. Metroverlag. 2013.
15. Reichspost 26.03.1918. Online in Internet: <http://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=rpt&datum=19180326&seite=-8&zoom=33> (Accessed: 19.08.2019).
16. Svoboda S. Der Erste Weltkrieg – Die Welt verändert sich // Die Frau im Korsett. Wiener Frauenalltag zwischen Klischee und Wirklichkeit 1848-1920. Wien: Museen d. Stadt Wien. 1984.
17. Vocolka K. Geschichte Österreichs: Kultur, Gesellschaft, Politik. Styria. 2000.

Сведения об авторе

Мартинец Юлия Александровна – студентка магистратуры факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Российского государственного гуманитарного университета (Москва) / jmartinets1126@gmail.com

Information about the author

Martinets Yuliya – master student of the Faculty of International Relations and Foreign Regional Studies, Russian State University for the Humanities (Moscow) / jmartinets1126@gmail.com

АНГЛИЙСКИЕ АЛЬПИНИСТЫ ОТКРЫВАЮТ КАВКАЗ (ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XIX – НАЧАЛО XX вв.)

В статье освещается роль английских альпинистов в исследовании Кавказа в последней трети XIX – начале XX вв., что не являлось предметом изучения отечественной историографии. Альпинизм приобрел популярность в середине Викторианской эпохи в Англии, что было обусловлено процессом самоидентификации средних классов, самосознание которых базировалось на идее мускулинности, а также процессом конструирования имперской идеологии. Альпинизм оказался идеальным воплощением понятий мускулинности, имперской экспансии и завоевания.

Английский альпинизм зародился в Альпийских горах. В течение 1850–1860-х гг. все крупные альпийские вершины были покорены и исследованы англичанами. К тому времени альпинизм приобрел организованные формы под эгидой Альпийского клуба, созданного в 1857 г., и приобрел исследовательский характер. Потребность в новых локациях пробудила интерес к Кавказу. В конце 1860-х гг. английские альпинисты направились на Кавказ, который они рассматривали как новую площадку для спорта и досуга, а также как поле для научных изысканий. В то время Кавказ для европейцев оставался

неизведанной землей, поскольку отсутствовали научно обоснованные данные и достоверные карты местности.

Члены Альпийского клуба внесли значительный вклад в изучение Кавказа. Они собирали образцы растений, окаменелостей и горных пород. Они составляли топографические заметки, собирали информацию, представлявшую ценность для дальнейших исследований и путешествий. Результаты их экспедиций публиковались в Альпийском Журнале и научных периодических изданиях. Их отчеты о восхождениях, описания горных вершин, долин и ледников сыграли важную роль в создании научной карты Кавказа. Многие альпинисты внесли вклад в литературу своими травелогами на кавказскую тему.

К концу XIX столетия все крупные вершины центрального Кавказа, за исключением Ушбы, были покорены английскими альпинистами. С начала XX в. их активность в регионе заметно падает. Новые маршруты на Кавказе прокладывают альпинисты из Германии.

Ключевые слова: альпинизм, Кавказ, экспедиции, Альпийский клуб, альпинистский травелог.

T. Pantyukhina

ENGLISH MOUNTAINEERS DISCOVER THE CAUCASUS (LATE XIX – EARLY XX CENTURIES)

The paper features the involvement of British alpinists in the exploration of the Caucasus in the late XIX – early XX centuries, which has not been a subject of research in Russian historiography. Mountaineering gained high popularity in mid-Victorian England, which was stipulated by the development of middle class identity, based on the idea of masculinity, and the construction of imperial culture. Mountaineering was considered as a perfect embodiment of masculinity, imperial expansion and conquest.

British mountaineering started in the Alps. During 1850s – 1860s all major Alpine peaks were ascended and explored by the British. By that time mountaineering developed into an organized activity under the leadership of the Alpine Club founded in 1857. A growing demand for new climbs sparked an interest in the Caucasus. In the late 1860s British alpinists headed for the Caucasian mountains, which they considered as a new playground for leisure and sport as well as a field for exploration. Until then the Caucasus was an uncharted territory for Europeans since there were no reliable maps of the region or scientific data.

Among many kinds of sport and leisure activities which were popular in Victorian England mountain climbing seems a remarkable and surprising phenomenon. In terms of physical geography, England is more or less a flat country, whose

Members of the Alpine Club made a considerable contribution to the exploration of the Caucasus. They collected specimens of plants, fossils and rocks. They compiled topographical notes and recorded detailed information valuable for further research and travel: lists of the chief peaks and passes, the heights of the peaks and passes. The results of their expeditions were published in the Alpine Journal or English academic periodicals. The accounts of their ascents, detailed summaries of climbs and bright descriptions of peaks, valleys and glaciers were instrumental in creating a scientific map of the Caucasus. Many alpinists contributed to literature by their Caucasian travelogues.

By the late 1890s all the major peaks in the central Caucasus except Ushba had been scaled by the English. The British mountaineering activities in the Caucasus decreased in the early XXth century. The major new routes were put up by German expeditions.

Key words: mountaineering, the Caucasus, expeditions, the Alpine Club, mountaineering travelogue.

landscape does not abound with high peaks. Ben Nevis, the highest mountain in the British Isles, only rises to 1,345 metres, which obviously could not be regarded as a real challenge or a location to generate the spirit and craft of mountaineering. Yet, the

sport became highly popular among Victorian English. Admittedly, it was affordable for well-off classes alone. Yet, its exclusiveness did not put in the way of its wide popularity. Accounts of adventures in the mountains, travel books and guidebooks relating to mountainous regions, mountaineering reports in various journals were in great demand.

English mountaineers scaled summits and set records beyond England. Their first destination was the Alps. Surprisingly, the English climbers became pioneers in the Alps, leaving behind the alpine nations. Mountaineering in Switzerland, France, Germany and Austria did not start until the 1860s – 1870s, when the “Golden Age” of English Alpine mountaineering came to an end.

Why did mountaineering become popular in mid-Victorian England? Many explanations have been offered. Some authors attribute the emergence of the sport to the prevalence of a romantic sensibility and the accessibility of the Alps due to modern means of transportation. Improved railways made it possible to travel fast and comfortable to the Alps (and elsewhere) [18, p.1–68; 10, p. 301]. Whereas in the mid – 1830s it took about two weeks to get from England to Switzerland, it only took about 20 hours in the 1870's. Not only the speed improved rapidly, the same can be said of the cost. By the mid – 1850s, railways and steamships cut the cost from more than 20 pounds to just a few pounds [3, p. 72, p. 182–83]. Therefore, more people had an opportunity to start travelling, and some of them to start climbing.

But the modernization of means of transportation can hardly explain an increase in popularity of mountaineering at that time. Accessibility of the mountains did not give a motive for ascending them. Similarly, the romantic admiration for the beautiful Alpine landscape cannot provide an explanation why the British began climbing in the Alps at that time. The cult of the picturesque had inspired tourists since the XVIIIth century to visit the mountainous regions of Europe but they appreciated the natural beauty without treading far away from comforts of Swiss hotels.

More recent works identify mountaineering with the development of middle class culture in Victorian England. P. Hansen notes that “climbing mountains had no appeal to peasants, rural landlords or aristocrats.” He points out that the sport could not have developed until the middle class appeared [10, p. 302]. In order to strengthen their social position it was important to distinguish themselves from both the lower classes and the aristocracy and create strong social barriers.

The researchers define the middle class identity as based mainly on the concept of masculinity. *Masculinity*, or manliness, was a broad and diverse category in Victorian England. Well-established models of masculinity circulating at the time

in novels and weekly magazines included such elements as dynamism, physical and mental health, patriotism, military qualities, traditions of honor, and ethical or spiritual codes of conduct. Mountains became a perfect site for the cultivation of all that was considered masculine and the expulsion of all that was believed “effeminate.” Mountaineering from the very beginning was gendered masculine.

The theme of manliness appeared throughout British mountaineers' accounts. They spoke of the manly nature of climbing, of ridding the bored Englishmen of everything that was “effeminate and effete.” Physical and mental qualities attained through climbing were conflated with questions of manliness and the male body. One author argued that the “qualities of manhood” were refined through the physical exertions required on steep cliffs: “a reasonable disregard of pain and of life, that insensibility to physical privation, that lightning readiness of hand and eye, that dogged temper of endurance which men have called manliness ever since the days of the Trojan war” [17, p. 163]. Professor John Tyndall, who took scientific approach to the sport, scaling the mount of Weisshorn in 1861, wrote that mountains provided him with a laboratory for scientific research, but most importantly, he stressed, “they have made me feel in all my fibres the blessedness of perfect manhood” [17, p. 163].

A. F. Mummery, who was the first to climb several Alpine peaks, wrote: “To set one's utmost faculties, physical and mental, to fight some grim precipice, or force some gaunt, ice-clad gully, is work worthy of men” [14, p. 327]. He described mountains as a place where “a man cultivates and acquires muscular skills” [14, p. 329]. He emphasized “an educative and purifying power of danger” which a climber faced in the mountains – power “that is to be found in no other school”. He considered mountaineering as a way to test one's manliness: “It is worth much for a man to know that he is not clean gone to flesh pots and effeminacy” [14, p. 331–332].

Michael S. Reidy notes that the masculinization of mountaineering took place at exactly the same time as the masculinization of technology, and for similar reasons [17, p. 164]. Just as machines became the measure of men, so the ability to reach high altitudes could be used to measure masculinity.

Some authors point out the link between the emergence of sport mountaineering and the construction of imperial culture in Victorian England. Imperial ideas acquired popularity among middle classes at the time when Britain suffered a number of military crises (from the mid – 1850s to mid – 1860s): the Crimean War, the Indian Rebellion against the British colonial power, the Second Opium War with China, local insurgencies in Ja-

maica and New Zealand. During a "decade of crisis" middle classes expressed concerns that Britain was altering itself into an affluent but unmanly society. These flashpoints provoked debate about the decline of British power and created a climate in which middle-class men raised mountaineering to cultural representations of British manliness, virility, patriotism and imperial supremacy [10, p. 302–304].

Mountaineering was a perfect embodiment of imperial expansion and conquest. It helped to transform imperialism from an abstraction into something tangible and accessible to ambitious middle class men.

In mountain travel accounts the climbers depicted their activities in terms of the "conquest". Clinton Dent, one of the pioneers of British mountaineering, featured Aiguille du Dru, a steep mountain in the Alps, as "the last peak to surrender" [4, p. 65]. A. F. Mummery also used the language of conquest: "assaulting cliffs", "attacking formidable rocks" [14, p. 326]. Likewise, the *Alpine Journal* described the career and achievements of Edward Whymper, a prominent mountaineer: "Whymper's fixed ambition was to conquer the reputedly inaccessible Matterhorn." The *Alpine Journal* named him "one of the leading figures in the conquest of the Alps." [20, p. 54]. According to L. Stephen, an author of a classical mountaineering text "The playground of Europe", a climber begins a day at high altitudes with "the feeling with which a soldier goes to the assault of a fortress." [18].

Other mid-Victorians used similar military metaphors to describe their climbing. Words like 'conquering' or 'victory' and 'defeat', and other words used to describe military feats were very common. The rhetoric here resembles that of Victorian England, where sentiments centered on conquering entire countries and regions.

In the 1850–60s mountaineering took shape as a vigorous, manly sport with its own organizational structure. The Alpine Club (AC) was founded in London in 1857. The members were representatives of the professional middle classes: bankers, businessmen, barristers, civil servants, clergymen, country gentlemen, university dons and public schoolmasters, architects, artists, librarians, scientists and writers. More significant, however, is the absence of aristocrats or working-class members. Most members had a university degree.

The Alpine Club set several rules which a prospective member had to meet. A candidate was supposed to have some mountaineering experience. Only those who had ascended a mountain 13,000 feet in height were eligible for membership. The admission rules took into account social background. Not only real mountaineers could join the Alpine Club, but also those who had "shown their

devotion to the Alps... whether by literary, scientific, or artistic activity." The rule excluded in advance both lower and upper class members [11].

The mission of the Club was articulated by its first president John Ball in the Club's first publication "Peaks, passes, and glaciers." The Club was founded in order to create a community of people who explored high mountain regions, who "in the life of High Alps have shared the same enjoyments, the same labours and the same dangers" [16, p. VII]. The Club provided climbers with the opportunity to meet together, to communicate information and plan new achievements.

The Alpine Club invested mountain climbing with a scientific approach. The Club itself adopted its structure and terminology from the scholarly societies of London. In "Peaks, Passes, and Glaciers" John Ball stated that "an increasing desire has been felt to explore the unknown and little-frequented districts of the Alps" [16, p. VI]. The ambition was, he noted, "to contribute to the progress of our knowledge of nature" and to fill in blank spaces on the map, especially in remote places [16, p. 291]. J. Ball expressed a hope that climbers would make a useful combination of health and pleasure seeking and exploration for the benefit of science: "such an association might indirectly advance the general progress of knowledge by directing the attention of men, not professedly followers of science, to particular points in which their assistance may contribute to valuable results" [16, p. VII].

The expectations of the founders were not disappointed. Although it is difficult to say whether science prevailed over adventure, mountaineers acted as amateur botanists, geologists, meteorologists and photographers. Besides ice-axes and ropes the climbers carried thermometers, barometers, measuring tapes, compasses and other portable technical scientific equipment. They collected specimens of plants, fossils and the rocks composing peaks and ridges. As Clinton Dent, another AC President, wrote in 1885, "the members of the Club "utilised their mountaineering experience to good purpose in advancing scientific exploration" [4, p. 318]. Their findings appeared in the *Alpine Journal*, which the Alpine Club started to publish from the late 1850s, or other English academic periodicals like the *Journal of the Royal Geographic Society* or *Proceedings of the Royal Society*.

The formation of Alpine Club and the *Alpine Journal* gave shape to this new activity and propelled it into a wider public consciousness. Most recreational ascents of mountains in the early XIXth century were limited to Mon Blanc, the highest summit in the Alps, and a few peaks in England – Snowdon, Ben Nevis and some lower ones in Lake District. Only 24 of major Alpine summits had been scaled by 1800. In contrast, the figure went up to 97 summits in the mid-XIX-th century [13, p. 5].

As for the Caucasus, the region appeared on the agenda of English mountaineers in the 1860-s. By that time, all major Alpine summits had been taken. The "Golden Age" of English mountaineering (1854–1865) ended on July 14, 1865, with the ascent of Matterhorn, the most prominent unclimbed Alpine peak, by Edward Whymper and his team. Hikers, climbers, and sportsmen – people who had become bored with the Alps started looking for new challenges and excitement. A growing demand for new climbs sparked an interest in the Caucasus, which was, as Clinton Dent, president of the Club, put it, "the grandest chain of ice mountains that Europe can claim" [2, p. 341].

From a climber's perspective, the only location that presented real challenge was the central group of the Caucasus range – an area between the Black and Caspian seas bounded by the Georgian Military Highway to the east and the Klukhor Pass to the west. The region's most formidable mountains – Elbrus, Shkhara, Koshtan, Ushba and Kazbek – are clustered there. Members of the Alpine Club took on a new challenge. Clinton Dent, president of the Club, encouraged climbers to go to the Caucasus with the following inspiring words: "To those who have the health, strength, experience and energy, I can but say – THERE, in that strange country, those giant peaks wait for you – silent, majestic, unvisited. ... Go there!" [12, p. 125].

For Europeans the Caucasus did not seem an inaccessible destination in terms of transportation. The region could be reached from London or Paris in a week via several different routes: by train from St. Petersburg and Moscow or by steamship to Rostov, Novorossiisk, or Batumi; then overland to the main chain from the north or the south.

Since the late 1860s dedicated, even fanatical, band of English alpinists began to filter into the Caucasus with the aim of exploration, description, and charting of the area. It is worth noting that the scientific exploration of the region by Russian researchers was not conducted at that time. Expeditions had been undertaken by the Russian army's general staff in the 1840s but they were aimed at mapping for administrative and military purposes. The Russian first mountaineering organization, the Society of Nature Lovers (Caucasus Alpine Club) was founded in Tiflis in 1878. However, organized Russian travel and exploration of the region only began at the very end of the XIXth century. The first Russian guidebook for a popular audience – "Guide to the Mountains of the Caucasus" by V. A. Merkulov was published in 1904³ [5, p. 316–325].

The most important foreign traveler to the Caucasus in the XIXth century was, undoubtedly,

Douglas William Freshfield. A barrister by profession he made his mark in history as an explorer, mountaineer and writer. His fascination with mountains originated at an early age when his parents started taking him on holiday in Switzerland. Ten years of summer holidays in the Swiss and Italian Alps greatly impressed the child. Freshfield joined the Alpine Club in 1864 and became a member of the Royal Geographic Society in 1869. He was President of both organizations (the Alpine Club, from 1893 till 1895, and the Royal Geographic Society, from 1914 till 1917). He served as an editor of "The Alpine Journal" from 1872 till 1880 [19, p.166–167].

Freshfield's achievements were impressive. During his thirty years' career of exploration and mountaineering he climbed many of the principal summits of the European Alps and innumerable passes. He made more than twenty first ascents in the Andes, the Caucasus and the Himalaya. His first significant success was the expedition to the Caucasus, which he completed in 1868, after graduating from Oxford. The expedition symbolically opened a new chapter in the history of English mountaineering "Climbing beyond the Alps".

D. Freshfield and his team made ascents of the two most famous summits in the Caucasus: Elbrus and Kazbek. On July 31, 1868, he scaled East Peak of Elbrus (18,347 feet). Freshfield claimed to have been one of the original "discoverers of the Caucasus" although the real credit may well belong to a Circassian climber. In 1829–1830 the Caucasus expedition of Russian Academy of Sciences initiated by general G. Emmanuel was completed. According to the reports of two participants in the expedition, prominent scientists A. Kupffer and E. Lenz, the mountain guide Kiliar Khashirov ascended the summit of Elbrus on 11 July, 1829 [15, p. 327].

Although the question about who was the first to scale Elbrus seems debatable, it does not diminish the accomplishments of D. Freshfield. His claim to have been one of the original "discoverers of the Caucasus" was justified in a sense that his ascents of Elbrus and Kazbek were documented.

The contribution Freshfield made to the scientific exploration of the Caucasus was considerable. The results of his research were made public through his articles and two books: "Travels in the Central Caucasus and Bashan" and "The Exploration of the Caucasus" [6; 8]. "The Exploration of the Caucasus", published in two volumes in 1896, remains the single most influential work on Caucasus mountaineering ever written in foreign historiography. His opinion carried great weight to Russian

³ Merkulov's guidebook was translated into English and published in 1912 in "The Alpine Journal" with the aim "to attract attention to a region which abounds in magnificent forest scenery and fine peaks ranging from 9,000 to 18,500 feet". – T.P.

scholars. Russian geographer A. Ilyin, for instance, made numerous references to Freshfield's work in his research paper on the mount of Ushba [1, p. 166–220].

"The Exploration of the Caucasus" was based on solid foundation of Freshfield's numerous expeditions in the region. Since 1868 to the late 1890s, when he started writing, Freshfield had passed through the main chain of the Caucasus eleven times by eight different routes. His notes, public speeches, and previously published travelogues related to his Caucasus expeditions were collected into a single two-volume work. It contains accounts of his ascents, detailed summaries of the most challenging climbs and bright descriptions of peaks, valleys and glaciers. The text is illustrated with photographs by Vittorio Sella, one of the best photographers of that time. The pictures look spectacular even a hundred and fifty years after they had been taken.

At the beginning of the book D.Freshfield points out the contribution his team made to the scientific exploration of the Central Caucasus. "The Caucasus was, up to the middle of this century, even less known in Western Europe than the Alps were throughout the Middle Ages", he argues. Up to the date of his expedition English ideas of the Caucasian chain had been hazy. Even in respectable Dictionary of Geography the existence of glaciers on it was questioned. Koshtan Tau and Dykh Tau were unknown mountains [7, p.1–2]. There was lack of any scientific data about the structure or characteristics of the central range, the extent of its snows, the height of its peaks, the character of its passes or the peculiarities of their scenery. "Before our journey no great peak of the chain had ever been climbed and no pass over the range between Kasbek and Elbruz had ever been described, except from hearsay, in any book of travel" [6, vol. 1, p. 6].

There is definitely no exaggeration in these words. The Caucasus was literally an uncharted territory. There were no reliable maps of the region. On the best map available, made by a German cartographer, even major peaks such as Dykh Tau and Koshtan Tau were not marked [6, vol.1, p.13]. Another map known as "Russian Five-Verst Map", which the English explorers could obtain at the start of the expedition, was designed for military and administrative purposes. It was no use for natural research.

The results of D.Freshfield's expeditions summarized in his book were instrumental in creating a scientific map of the Caucasus. His book included 80 plates, 77 photogravures, 3 folding panoramas and 4 folding maps printed in colours. Appendix "The topographical notes and climbers' records" contains detailed information valuable for further research and travel: a tabulated list of the chief peaks and passes of the Central Caucasus, the

principal gaps that may serve as passes to mountaineers, the heights of the peaks and passes. It also contains the dates of expeditions above the snow-line, with the names of the travellers who took part in them. Other appendices describe routes from major cities like Piatigorsk, Kutais or Vladikavkaz to different destinations in the mountains. A prospective traveler could find information about the distance he would have to cover to reach the destination and time it would take, as well as recommendations about good hotels [6, vol. II, p.233–276]. D.Freshfield filled in the blanks in Europeans' knowledge about the Caucasus and promoted the region as a tourist destination.

However, there is more in the book. It appears that the Caucasus has a more profound meaning for the author than a mere climbing location. His descriptions of mountain panoramas sound lyrical. "The traveller on Elbruz commands the great line of the Caucasus...The scene brought under his eyes, at first overwhelming in its vastness, suggests, as he gazes on it, some harmonious plan, a sense of ordered masses, of infinite detail. And to this majestic landscape, of a scale and splendour so strange as to seem hardly real, the sky supplies ever-shifting effects" [6, vol. II, p. 170–171]. He then admits that in thirty years of his mountaineering career he has seen other panoramas, more complete or more varied. But none were so majestic as that from the great Caucasian mountain [6, vol. II, p. 171]. This seems to be the central message of the book: mountains can be something other than playground for bored sportsmen. Mountains are a place for revelation.

The book sounds as a hymn to the majestic power of mountains, to their spiritually rehabilitative effects, to the corrective influence of Nature on a modern person suffering from harmful effects of Progress. D. Freshfield finishes his account with a melancholic note: "Let me make a confession which may surprise many and shock some modern climbers. I love summit-views, and I sincerely pity those who can find in them no charm or beauty... It is time to insist that there is something to be gained on the heights, that the great peaks have revelations to bestow on their faithful worshippers" [6, vol. II, p.171–172]. Similar sentiments could have been familiar to Pushkin or Lermontov's contemporaries, who saw the mountains as an indispensable balm for a suffering soul. But in Freshfield's day such sentiments sounded in discord with the mainstream pursuit of achievement, setting records and competition.

Freshfield's 1868 expedition discovered a new destination for the Alpine Club. New opportunities for sport, leisure and exploration emerged. The new country, as Freshfield noted a few years after his first expedition, was not merely a playground for climbers and sportsmen. He saw it as a research field: "Few parts of the world can be so

rich in material for students of language and primitive customs or natural history", as well as geography, geology, botany [7, p. 1]. Members of the Alpine Club made a considerable contribution to the exploration of the Caucasus. A. F. Mummery, A. W. Moore, F.C. Grove, Horace Walker, Clinton Dent, William Donkin, Harry Fox, Tom Longstaff were the elite of the climbing community. Accounts of their Caucasian expeditions filled volumes of the Alpine Journal. Many of them contributed to literature [2, p. 344].

One of the most significant works in mountaineering literature is "Frosty Caucasus" by F. C. Grove, one of the early AC Presidents. He recorded his foot-journey in the heart of the Caucasus in 1874. F. C. Grove and his companions ascended West Peak of Elbrus [9, p.208]. Moreover, they discovered and proved the double-headed aspect of the summit of Elbrus, which had been an unknown fact, and measured West Peak. F. C. Grove's "Frosty Caucasus" is more than a dry academic account. The chief interest of the volume is lively and careful descriptions of life among mountain tribes, daily dealings of English climbers with the local people, customs and traditions of "the primitive communities." The author characterizes in detail the places he visited: Sukhum, Kutais, Poti, Gori, Tiflis and many others. With a tint of snobbery he notes that wild and dangerous Caucasus will alter if the railway brings civilization there to change the patriarchal life. Then the journey there will present more novelty, interest and attraction than the trip in Switzerland or the Tirol for "luxurious or irritable men" [9, p. 340].

Clinton Dent, another accomplished alpinist and AC President, described his Caucasian expeditions in a book "Above the Snow Line" [4]. C. Dent ascended many peaks in the region and carried out explorations of great value.

A. F. Mummery's work "*My Climbs in the Alps and Caucasus*" (1895) is considered as one of the most influential mountaineering texts [14]. Although the book mainly features his ascents in the Alps, two chapters are devoted to his travels in the Caucasus in 1888. A. F. Mummery was the first to scale Dykh Tau, Europe's third highest summit (5198m). He also explored some *Caucasian passes*. Mummery explains the motives which led him to the far and unknown country. He describes himself as a wanderer who "loves to be where no

human being has been before, who delights in gripping rocks that have previously have never felt the touch of human fingers" [14, p. 327].

By the late 1890s almost all of the mountains in the central Caucasus had been scaled by the English. The decade 1886 to 1896 was particularly successful. During that period many of the major mountains – all well above fifteen thousand feet – fell in rapid succession: Gestola, Tetnuli, Dykh Tau, Shkhara. All the major peaks except Ushba were climbed.

The British mountaineering activities decreased in the early XXth century and the major new routes were put up by German expeditions. In 1912 D. Freshfield admitted "a lamentable falling-off in the number of English mountaineers visiting the Caucasus" and the fact that exploration of the region by the English "has been abandoned" [5, p. 313]. Among the reasons for this he pointed out "exaggerated reports" of political troubles in the mountain districts. Because of this English mountaineers headed for the Canadian Far West where they could find themselves in a familiar cultural and political environment. D. Freshfield refuted the claim that the region had lost its value for climbers as "all the good things have been done". He argued that the Caucasus would always be a noble playground for the gymnast as well as a superb resort for the lover of mountain landscape. He added that the district offered exceptional facilities to explorers. Another attraction of the region, according to D. Freshfield, was its beauty: "the combinations of peak and valley scenery, of snows, forests, and flowers, exceed anything to be seen elsewhere on this side of the Himalaya" [5, p.313–314].

New generations of English climbers got fascinated by the Caucasus like pioneers who had discovered the Caucasus in the 1860s and thus opened a new chapter in the history of the Alpine Club. During the XXth century a number of British Caucasus expeditions were undertaken and many peaks were ascended. The Alpine Club Symposium "Climbing in the Caucasus" of 1991 summarized the achievements of British climbers in historical perspective. Obviously, the Caucasus remains an attractive destination for people who are looking for new challenges and excitement, and who share attitudes expressed in L. Stephen's iconic mountaineering work: "We are, it seems, overgrown schoolboys, who, like other schoolboys, enjoy being in dirt, and danger, and mischief" [18, p.272].

Источники и литература / References

1. Ильин А. Ушба // Известия Императорского Русского географического общества. 1883. Т.19. С. 166-220. Il'in A. Ushba (*Ushba*) // Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. 1883. Vol.19. P.166-220. (In Russian).
2. Alpine Club Notes // The Alpine Journal. 1992/93. № 97. P. 338-346.
URL: https://www.alpinejournal.org.uk/Contents/Contents_1992-93_files/AJ1992_338-346_AC_Notes.pdf (Accessed: 12.03.2020).
3. Coolidge W. A. B. Swiss Travel and Swiss Guidebooks. L.: Longmans, Green and Co.,1889. 376 p. URL:<https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=yale.39002006096342&view=1up&seq=11> (Accessed: 28.03.2020).
4. Dent Clinton T. Above the snow line. L.: Longmans, Green and Co.1885. 327 p. URL:<http://www.gutenberg.org/files/35434/35434-pdf.pdf> (Accessed: 12.03.2020).

5. Freshfield D. W. Caucasica // The Alpine Journal. Vol. XXVI. Nos. 195-198. London, 1912. PP.316-325. URL: https://ia800405.us.archive.org/21/items/bub_gb_wiZNAAAAAYAAJ/bub_gb_wiZNAAAAAYAAJ.pdf (Accessed: 18.03.2020).
6. Freshfield D. W. The exploration of the Caucasus. V.1-2. L.: Edward Arnold. 1896. Vol.1. 394p. Vol.2. 316 p. // URL: <https://archive.org/details/explorationofcau01fres/page/n8> (Accessed: 1.07.2019).
7. Freshfield Douglas W. The frosty Caucasus, by Grove F. C. // The Academy. 1869 – 1092. 0269-333X; London. Vol. 9. (Jan 1, 1876): 1-2
URL: <https://search.proquest.com/openview/429f11eb92e6a101/1?pq-origsite=gscholar&cbl=1798> (Accessed: 12.03.2020).
8. Freshfield D. W. Travels in the Central Caucasus and Bashan. London: Longmans, Green and Co, 1869. 547 p.
URL: https://ia800404.us.archive.org/22/items/bub_gb_Ra0q5THYy0MC/bub_gb_Ra0q5THYy0MC.pdf (Accessed: 18.03.2020).
9. Grove F. C. The frosty Caucasus. L.: Longmans, Green and Co, 1875. 384 p. // URL: <https://archive.org/details/frostycaucasus00grovgoo/page/n5> (Accessed: 1.07.2019).
10. Hansen P.H. Albert Smith, the Alpine Club, and the invention of mountaineering in mid-Victorian Britain // *Journal of British Studies*. 1995. Vol. 34. №3. P.300–324. URL: http://works.bepress.com/peter_hansen/5/ (Accessed: 12.03.2020).
11. How the British created modern mountaineering. URL: <https://www.summitpost.org/how-the-british-created-modern-mountaineering/713630> (Accessed: 18.03.2020).
12. King, Charles. A ghost of freedom. The history of the Caucasus. Oxford: Oxford Un-ty Press, 2008. 314 p.
13. McNee A. The Haptic Sublime and the 'cold stony reality' of Mountaineering // *Interdisciplinary Studies in the long nineteenth century*. 2014. №19. URL: <https://19.bbk.ac.uk/article/id/1673/> (Accessed: 12.03.2020).
14. Mummery, A. F. My Climbs in the Alps and Caucasus. L.: T. Fisher; New York: Scribner's sons, 1895. 421 p.
URL: <https://ia802604.us.archive.org/0/items/myclimbsinalpsa00unkngoog/myclimbsinalpsa00unkngoog.pdf>. (Accessed: 22.03.2020).
15. Parastatov S., Kondrashova A. Academic studies of the Black sea region and the Northwest Caucasus (second half of the XVIII-th to the early XIX-th century \ D.Gutmeyr, K.Kaser (eds.) Europe and the Black Sea Region: A History of Early Knowledge Exchange (1750-1850) . LIT Verlag Münster, 2019. 416 p.
16. Peaks, passes and glaciers. Ed. by J.Ball. 5-th edition. L.: Longman, Green, Longman & Roberts. 1860. 405 p. URL: <http://books.google.com/books?id=Wn0SAAAAAYAAJ&oe=UTF-8> (Accessed: 22.03.2020).
17. Reidy M.S. Mountaineering, masculinity, and the male body in mid-Victorian Britain // *Osiris*, 2015. Vol. 30. No. 1. Scientific Masculinities. P.P. 158-181. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.1086/682975> (Accessed: 18.03.2020).
18. Stephen L. The Playground of Europe. L.: Longmans, Green and Co, 1871. 375 p. URL: https://books.google.ru/books?id=CsfDAAAAAYAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ViewAPI&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (Accessed: 18.03.2020).
19. The Alpine Journal. 1934. Vol. XLVI. No.248 // https://www.alpinejournal.org.uk/Contents/Contents_1934.html (Accessed: 18.03.2020).
20. Whymper E. // The Alpine Journal. Vol. XXVI. Nos. 195-198. London, 1912. P.54.
URL: https://ia800405.us.archive.org/21/items/bub_gb_wiZNAAAAAYAAJ/bub_gb_wiZNAAAAAYAAJ.pdf (Accessed: 18.03.2020).

Сведения об авторе

Пантюхина Татьяна Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / pantukhina@rambler.ru

Information about the author

Pantukhina Tatiana – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Foreign History, Political Science and Foreign Affairs Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / pantukhina@rambler.ru

ДИАЛоговые ПЛОЩАДКИ АЗЕРБАЙДЖАНА КАК ИМИДЖЕВЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПО ПОВЫШЕНИЮ РЕПУТАЦИОННОГО РЕЙТИНГА СТРАНЫ В 2000–2019 гг.

В научной статье автор поставил своей целью рассмотреть инструменты «мягкой силы» в процессе складывания позитивного имиджа стран на примере усилий, предпринимаемых Азербайджанской Республикой. Современные международные отношения характеризуются дихотомичностью: приоритет национального государства / рост влияния международных институтов; сотрудничество / конфронтация; однопольность / полицентричность; силовые и традиционные методы / «мягкая» и «умная» сила. В этой связи автор обращает внимание на применение консенсусных и диалоговых методов для продвижения национального бренда страны. В Азербайджане предпринимаются мероприятия на снижение репутационных потерь от статуса авторитарного государства с недиверсификационной экономикой, особенно после событий «Четырехдневной войны» в апреле 2016 г., когда западные СМИ и аналитики, по сути, обвинили азербайджанскую сторону в эскалации конфликта. Деятельность Фонда Гейдара Алиева с 2004 г., Бакинского международного гуманитарного форума с 2011 г., Всемирного форума по межкультурному диалогу в рамках Бакинского процесса по межкультурному диалогу с 2011 г., Международного центра Низами Гянджеви с 2012 г., Бакинского Глобального

форума открытых обществ с 2013 г. направлены на продвижение положительного имиджа страны на международной арене. Посредством диалога с influential представителями мирового сообщества, лауреатами Нобелевской премии, СМИ, аналитиками и экспертами, действующими политиками и государственными деятелями в отставке по вопросам устойчивого и стабильного глобального развития политическая элита Азербайджана продвигает образ светского и толерантного государства, экономически процветающей мусульманской нации, которая имеет как региональные, так и глобальные устремления. Данные мероприятия преследуют еще и экономическую цель – повысить инвестиционную привлекательность страны, поднять страну в рейтингах ведения бизнеса, свободы предпринимательства, привлечь международное сообщество к карабахскому конфликту.

Ключевые слова: диалоговые площадки Азербайджана, Фонд Гейдара Алиева, Бакинский международный гуманитарный форум, Всемирный форум по межкультурному диалогу, Бакинский Глобальный форум открытых обществ, Международный центр Низами Гянджеви.

V. Sadchenko

DIALOGUE PLATFORMS IN AZERBAIJAN AS IMAGE TOOLS TO IMPROVE REPUTATION RANKINGS IN 2000–2019

The author considers the tools of «soft power» in the process of forming a positive image of countries by the example of efforts of the Republic of Azerbaijan. Modern international relations are characterized by dichotomy: priority of the national state / growing influence of international institutions; cooperation / confrontation; unipolarity / polycentricity; power and traditional methods / «soft» and «smart» power. In this context, the author attends to the using of consensus and dialogue methods to promote the country's national brand. Azerbaijan takes measures to reduce reputation losses from the status of an authoritarian state with a non-diversification economy, especially after the events of the Four-Day War in April 2016, when Western media and analysts, in fact, accused the Azerbaijani side of escalating the conflict. The activities of the Heydar Aliyev Foundation since 2004, the Baku international humanitarian forum since 2011, the World Forum on Intercultural Dialogue within the framework of the Baku process on intercultural dialogue since 2011, the Nizami Ganjavi International cen-

ter since 2012, and the Baku Global forum of open societies since 2013 are aimed at promoting the positive image of the country in the international arena. Through dialogue with influential representatives of the world community, Nobel prize winners, media, analysts and experts, current politicians and retired statesmen on issues of sustainable and stable global development, the political elite of Azerbaijan promotes the image of a secular and tolerant state, an economically prosperous Muslim nation that has both regional and global aspirations. These events also have an economic goal – to increase the country's investment attractiveness, raise the country in the ratings of business management, freedom of entrepreneurship, and attract the international community to the Karabakh conflict.

Key words: dialogue platforms of Azerbaijan, Heydar Aliyev Foundation, Baku International Humanitarian Forum, Baku World Forum on Intercultural Dialogue, Baku Global Open Society Forum, Nizami Ganjavi International Center.

О характере современных международных отношений писали многие, говоря о переходном этапе, состоянии турбулентности, указывая на воздействие процессов глобализации на международные отношения и пр. На наш взгляд, многие указанные характеристики впи-

сываются в дихотомичный характер современных международных отношений. Так, на международной арене, с одной стороны, прослеживается обновленное понимание национального государства, национального суверенитета, национального интереса и, как следствие, уси-

ление роли государств как акторов на международной арене, а с другой стороны, расширяется влияние различного рода международных институтов и организаций (ООН, ВТО, МВФ, МБРР, ОПЭК и пр.) при согласовании и принятии решений глобального значения. Вторая особенность связана с увеличением количества акторов на международной арене, что является как проявлением глобализации, так и приводит к увеличению турбулентности и хаотичности международных отношений, увеличению ситуативности, а не системности в принятии внешнеполитических решений.

Во-вторых, дихотомичность проявляется в наличии тенденции к расширению сотрудничества на основе учета взаимных интересов во всех сферах (экономической, культурной, экологической, гуманитарной и даже военно-оборонной), при существовании курса на совершенствование средств насилия и способов ведения войны. Третья дихотомия связана с определением мирового политического центра, который отстаивают США в борьбе с КНР, а с другой, прослеживается тенденция к регионализации и районизации, что особенно заметно среди средних и малых стран мира. Отсюда вытекает очередное четвертое противоречие: с одной стороны, в международном праве четко прописано суверенное равенство всех государств на международной арене, вне зависимости от размера, статуса и положения государства (статья 2, пункт 1 Устава ООН), но по факту есть деление стран на великие, средние и малые, на страны с развитой экономикой, развивающиеся и с переходной экономикой, на государства с полной и недостаточной демократией, с гибридным и авторитарными режимами; на государства, входящие в «ядерный клуб» и все остальные страны и пр.

В-пятых, дихотомия связана с реализацией национальных интересов с одной стороны, конструированием национального бренда на международной арене, усилением национального рейтинга, а с противоположной стороны, с решением глобальных общемировых проблем, при решении которых приходится считаться со своими интересами и устремлениями. Рост глобализации и, как следствие, углубление взаимозависимости и уязвимости стран и негосударственных акторов. Это наглядно проявляется в регулярных мировых экономических кризисах, общих мировых проблемах, как-то экологические и гуманитарные катастрофы. В XXI в. обострилась проблема, связанная с угрозами здоровью всему человечеству (например, атипичная пневмония (SARS) в 2003 г., эпидемия пандемического гриппа H1N1 (т.н. свиной грипп) в 2009 г., ближневосточный респираторный синдром (MERS) в 2013 г. вспышка геморрагической лихорадки Эбола в

2014 г., пандемия коронавируса COVID-19 в 2020 г.), требующая совместного решения со стороны всего мирового сообщества.

Шестая дихотомия вытекает из предыдущих, а именно, с увеличением акторов и ростом неопределенности, конфликтность на международной арене значительно повышается, и на одном полюсе мы видим, что государственные и негосударственные акторы прибегают к традиционным методам (война, силовое и экономическое давление, санкции, двусторонняя дипломатия). Но при этом конфликты не всегда имеют тенденцию перерастания в прямое военное противостояние, хотя, они, к сожалению, продолжают иметь место быть. Современные конфликты на международной арене активно трансформируются в сетевые и информационные, пошленные и таможенные, экономические и финансовые войны, происходит изменения в способах ведения войны – гибридная, сетевая война. На противоположном полюсе более заметно применение многосторонней, публичной дипломатии, механизмов «мягкой» и «умной» силы, информационных инструментов, дискуссионных и диалоговых, консенсусных методов.

В условиях, когда ситуация на международной арене усложнилась и осложнилась, крайне важно вступать в диалог для выстраивания многогранных партнерских отношений на основе консенсуса и взаимоуважения. Одним из инструментов «мягкой силы» и механизмов публичной дипломатии в повышении национального престижа являются дискуссионные и диалоговые площадки международного формата, где периодически проводятся собрания влиятельных политиков, известных ученых и экспертов, деятелей культуры, специализирующихся на изучении внешней и внутренней политики, а также обладающих большим авторитетом на мировой арене.

Общественные диалоги являются составной частью наиболее значимых внутри- и внешнеполитических процессов на современном этапе развития общества. Они позволяют открыто обсуждать вопросы, связанные с ключевыми социально-экономическими и геополитическими событиями мирового значения. Они необходимы для продвижения имиджа государства и повышения его репутации, а также для распространения своих ценностных представлений и моделей.

Проведение таких мероприятий в Азербайджане имеет очень большое значение для создания благоприятного имиджа государства. Факторами имиджа страны являются богатство страны; уровень технологий; высокий уровень образования ее народа; благосостояние и трудолюбие людей; политические взгляды и политическая культура нации; культурные связи;

свобода и степень влияния СМИ; имидж национальных товарных брендов, политических и культурных лидеров; впечатления туристов и туристическая реклама; экспорт; спортивные события и звезды спорта; научные достижения и официальные визиты [12, р. 104–105]. Из-за созданного позитивного имиджа стране будет легче представить себя миру, чтобы передать свои материальные и духовные ценности, а также обогатиться за счет ценностей других государств.

Азербайджан в различных репутационных рейтингах мы можем увидеть в нижней части таблицы. Например, в Индексе демократии стран мира за 2019 г. («The Economist Intelligence Unit's Democracy Index») Азербайджанская Республика занимает 147 место из 167 с показателем 2,75, что относит ее к странам с авторитарным режимом. Соседние Армения и Грузия занимают 86 и 89 места с коэффициентами 5,54 и 5,42 соответственно, входя в группу стран с гибридными режимами [21]. В рейтинге «Развитие демократии в странах переходного периода» от Freedom House за 2018 г., охватывающим анализ показателей 29 транзитивных государств, Азербайджан занимает 28 место из 29 с показателем 6,93 [18, р. 23]. В Глобальном индексе миролюбия (Global Peace Index, GPI), подготовленный Институтом экономики и мира (IEP), где анализируются данные 163-х независимых государств, Азербайджан находится на 130 месте из 163 возможных, значительно уступая Армении и Грузии (118 и 99 место соответственно) [15, р. 9]. По данным Transparency International, Азербайджан является одним из наиболее коррумпированных государств, занимая 120 место из 168 стран [17, р. 176]. Коррумпированная государственная бюрократия не дает развиваться частной экономике.

В 2006–2007 гг. были запущены нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан и газопровод Баку-Тбилиси-Эрзурум, что заложило основы реализации «нефтяной стратегии». Тем не менее, страна зависима от притока прямых инвестиций в нефтегазовый сектор, который является локомотивом азербайджанской экономики. На приток инвестиций влияет репутационный вес страны и ее инициативы на международной арене. Так, Индекс прямых инвестиций по данным Всемирного банка ООН демонстрирует нам беспрецедентное их снижение в Азербайджане с 2016 г. по 2018 г. более чем в 3 раза (с 4,5 до 1,4 трлн долл.), достигнув уровня начала 2002 г. [14]. На эти показатели оказало непосредственное влияние начало военных действий в Нагорном Карабахе 1–5 апреля 2016 г. (т.н. «Четырехдневная война»). Западные СМИ (например, BBC [4]) и аналитики (в частности, влиятельный британский аналитический центр

«Chatham House»), в том числе и научный сотрудник Центра современной Центральной Азии и Кавказа при Школе восточных и африканских исследований, главный редактор журнала Caucasus Survey Лоренс Броерс полагают, что косвенные свидетельства позволяют видеть виновником дестабилизации в Нагорном Карабахе Азербайджан [9].

В 2019 г. Азербайджан находился на 34 месте в рейтинге «Ведение бизнеса», опережая такие развитые экономики мира как Израиль, Бельгия, Италия и пр., но уступая региональному конкуренту – Грузии (7 место) [13, р. 4]. В индексе «Economic Freedom of the World» за 2020 г. Азербайджан также отстает от других стран Южного Кавказа: Грузия и Армения занимают 12 и 34 места, входя в ранг «преимущественно свободных экономик», а Азербайджан относится к «умеренно свободным экономикам», находясь на 44 месте [10]. Наиболее слабые показатели у страны в сферах «прозрачность государственных структур», «правительственные расходы», «эффективность судебной власти», «имущественные и права собственности», «свобода трудовой деятельности», «финансовая свобода» [11].

И это, несмотря на то, что из этих трёх стран Южного Кавказа именно Азербайджан обладает различными и богатыми экономическими ресурсами, потенциалом, возможностями для устойчивого развития экономики. В этой связи, отрицательный имидж как авторитарного государства сдерживает привлечение инвестиций во многие секторы экономики. В течение многих лет прикаспийская страна, имеющая доступ к нефти, пыталась улучшить свой имидж, организовав такие международные мероприятия, как Евровидение, Глобальный Интернет-форум, первые Европейские игры. Тратилось достаточное количество денег на лоббирование интересов Азербайджана в столицах США и Европы. Основной задачей для правительства Азербайджана является выход из группы стран с авторитарным режимом, поскольку это отрицательно сказывается на инвестиционной привлекательности страны и восприятии делового климата.

Из механизмов «мягкой» силы Азербайджан достаточно успешно продвигает выставочную деятельность. Баку зарекомендовал себя как центр крупнейших выставок и конференций Прикаспийского и Кавказского регионов. Одна из старейших и известных выставок – это Caspian Oil & Gas, проходящая ежегодно в Баку с 1994 г. С 2000-х гг. страна диверсифицирует выставочную деятельность, демонстрируя миру, что Азербайджан – это страна, богатая не только запасами нефти и успешно развивающейся нефтегазовой отраслью, но и государ-

ство, активно продвигающее современные технологии в разных сферах экономики. Так, выставки BakuTel, Baku Build призваны привлечь не только капитал, но технологии в сферу услуг, в области логистики и транспорта эту роль выполняют TransLogisticaCaspian, Road&Traffic, IAPH Baku, в туристического сектора экономики влиятельной является выставка AITF, достижения гостиничного бизнеса рассматриваются на HOREX Caucasus, технологии в сфере экологии представлены на Caspian Ecology, результаты развития пищевой промышленности демонстрируются на выставках InterFood Azerbaijan, Caspian Agro. Даже в сфере оборонной промышленности Азербайджан пытается занять свою нишу, с 2014 г. организовав Международную военную выставку ADEX, превратившуюся в крупнейшее событие в регионе в области оборонной промышленности и внутренней безопасности. Но выставочная деятельность Азербайджанской Республики в целом долгое время была направлена на привлечение технологий, финансов и инвестиций, на расширение и диверсификацию азербайджанского экспорта, на расширение географии торговых контрактов, т.е. на извлечение материальной прибыли. И лишь с 2010-х гг. выставки стали рассматриваться как средство повышения имиджа и репутации страны.

Другим из таких путей является открытость страны для диалога. Диалоговые площадки, по сути, представляют собой платформы, на которых происходит осмысление всемирной интеллектуальной элитой глобальных вызовов современности, где формируется видение архитектуры будущего мира. Влиятельной дискуссионной площадкой стал Бакинский международный гуманитарный форум. Возникновение этой диалоговой площадки связано с инициативой президентов Азербайджана и России в 2010 г. Уже с 2011 г. известные государственные деятели (действующие и бывшие), лауреаты Нобелевской премии, лидеры международных организаций, представители СМИ и гражданского общества регулярно собираются не только для обсуждения глобальных проблем, но и для координирования усилий по решению актуальных вопросов в интересах всего человечества. Задачей форума является «формирование новой гуманитарной повестки с целью дальнейшего рассмотрения на международном уровне, формирования мирового диалога посредством дискуссий, дебатов, круглых столов, обмена теоретическими знаниями и практическим опытом» [6]. Повестка дня форума в целом неизменна. В 2011 г. были заявлены круглые столы по темам, посвященным проблемам мультикультурализма; вопросам соотношения традиционных ценностей и тради-

ционного общества с системой ценностей общества постмодерна; различным аспектам современных технологий, меняющих мир; изучению роли и места СМИ в современном цифровом обществе и обществе высоких технологий; проблемам конвергенции наук и этическим вопросам в науке. В дальнейшем формулировка круглых столов будет несколько меняться, но в целом, дискуссии будут вестись вокруг этих тем. Осенью 2020 г. должен будет состояться очередной VII форум в Баку, но, в связи с ситуацией коронавируса о точной дате пока не известно.

Бакинский международный гуманитарный форум служит становлению согласия и процветанию мира, как декларируется ее инициаторами. Азербайджан демонстрирует желание в проведении плодотворных дискуссий по вопросу укрепления межкультурного и межрелигиозного диалога, акцентируя внимание на то, что страна является пространством, обладающим вековым опытом в области сосуществования людей, представляющих различные культуры и религии. Эти действия позволяют привлечь внимание к Азербайджану со стороны правящей элиты других государств и создать базу для изменения репутации страны на международной арене в позитивном русле.

Президент Азербайджанской Республики И. Алиев инициировал «Бакинский процесс» для развития межкультурного диалога в 2008 г. Бакинский процесс это открытый и уважительный обмен мнениями между людьми и группами с различным этническим, культурным, религиозным и языковым происхождением и наследием, живущими на разных континентах, на основе взаимопонимания и уважения [19].

В рамках Бакинского процесса Правительством Азербайджана совместно с ЮНЕСКО, Советом Европы, Исламской организацией по вопросам образования, науки и культуры (ИСЕСКО) было принято решение о проведении с 2011 г. Всемирного форума по межкультурному диалогу. Целью данного диалога является объединение усилий международных государственных и общественных структур в деле укрепления межнационального и межрелигиозного согласия, в выработке рекомендаций и популяризации идей мультикультурализма [3]. «Мы пытаемся привлечь внимание мирового сообщества к этим важным вопросам. Я уверен, что дискуссии на форуме сегодня и завтра не только выявят проблемы и позволят спикерам выразить свои взгляды, но и будут способствовать укреплению партнерства, солидарности, сотрудничества и, как следствие, будут налаживать новые мосты между культурами», как отметил президент И. Алиев [20].

В этом направлении следует упомянуть деятельность, открытого в 2012 г., Международного центра Низами Гянджеви (МЦНГ), который наравне с сохранением культурного наследия, проведением исследований, культурной и социальной деятельностью, превратился в одну из площадок диалога. Целями МЦНГ выступают развитие просвещения, толерантности, активизация усилий по межкультурному диалогу и взаимопониманию в мире. Членами Центра Низами Гянджеви являются бывшие и нынешние руководители государств и известные политики, в основном из Центральной и Восточной Европы, Центральной Азии, которые обсуждают актуальные проблемы мира, безопасности, межкультурный диалог и проблемы глобализации. Задачами МЦНГ на сегодняшнем этапе выступает популяризация культурного достояния Азербайджана, традиции толерантности страны, где веками жили представители полиэтнического и поликонфессионального сообществ в пределах Западной Европы и всего мира.

В 2013 г. центр Низами Гянджеви наладил сотрудничество с Римским клубом, а в 2014 г. установил взаимодействие с Мадридским клубом, что весьма значимо в силу того, что главной задачей последнего является продвижение демократии в мире со стороны бывших президентов и премьер-министров. МЦНГ принимал участие в Третьем Бакинском Глобальном Форуме в 2013 г. В октябре 2015 г. в Софии при поддержке центра Низами Гянджеви прошел международный круглый стол на тему «Новые видения сотрудничества и добрососедства в Европе» [2]. С целью популяризации Азербайджана МЦНГ была утверждена «Международная премия Низами Гянджеви», одной из первых, кто ее получил, была Ее Величество Королева Иордании Нур (2013 г.). Но, справедливо ради, следует сказать, что лауреатами этой премии являются лидеры недемократических стран: королева и король Иордании, первый вице-президент Азербайджана Мехрибан Алиева.

По сравнению с другими организациями, занимающимися внешними культурными связями, МЦНГ представляет собой скорее интеллектуальную площадку для ведущих представителей политических элит и, в первую очередь Восточной Европы, где они могут обсудить актуальные проблемы межкультурного диалога и выработать свои рекомендации.

Международный центр Низами Гянджеви совместно с Мадридским клубом, Госкомитетом Азербайджана по работе с диаспорой организовал деятельность в 2013 г. Глобального форума открытых обществ. Данный форум ежегодно собирает на своих площадках политиче-

ских лидеров, действующих и бывших глав государств, ведущих политологов, аналитиков и экспертов для обсуждения текущих тенденций в сфере международных отношений, основных угроз для международного мира и безопасности и поиска путей их преодоления.

IV Глобальный форум открытых обществ 2016 г. под названием «По направлению к мультиполярному миру» принял более 300 представителей из 53 стран мира, а в 2019 г. на VII Глобальном форуме под девизом «Новая внешняя политика мира» приняли участие уже 450 представителей 70 государств. VIII Бакинский Глобальный форум на тему «2030: Вызовы и возможности предстоящего десятилетия» в связи с коронавирусом был перенесен на осень 2020 г. [8].

Предоставляя мировой элите поле дискуссии, расширяя формат диалога, Азербайджан предлагает алгоритмы универсального характера, демонстрирует креативность в контексте непростых проблем. Инициатива азербайджанского лидера И. Алиева связана с желанием донести миру послание о добрых намерениях и видениях обустройства жизни в современных условиях, предлагает присмотреться к азербайджанской модели толерантности, по мнению официальных СМИ Азербайджана [1]. Азербайджан сегодня ставит перед собой цель предъявить миру позитивный опыт сосуществования людей с различной расовой, религиозной и национальной идентичностью, отмечает политолог.

Важным инструментом публичной дипломатии Азербайджана является деятельность Фонда Гейдара Алиева, руководителем которого выступает первая леди Азербайджанской Республики, посол доброй воли ЮНЕСКО и ИСЕСКО Мехрибан Алиева. Фонд призван проводить мероприятия, направленные на повышение имиджа страны на международной арене и повышение репутации Азербайджанской Республики. Фонд Гейдара Алиева функционирует с 2004 г. и нацелен на реализацию проектов в области образования, здравоохранения, культуры, спорта, науки и технологии, окружающего мира и экологии, социальной и других сферах [7]. Под эгидой фонда проводятся международные конференции, затрагивающие различные проблемы мира и Азербайджана. Изначально конференции и круглые столы проводились лишь в Азербайджанской Республике, а с середины 2010-х гг. фонд расширил базу проведения своих конференций за счет университетов, посольств и дипломатических представительств в Румынии, России, Франции, Германии, Грузии, Италии, Турции. Так, в 2017–2018 гг. в Риме, Берлине, Париже, Тбилиси фонд провел ряд конференций, приуроченных к 100-летию

Азербайджанской Демократической Республики [7], тем самым популяризируя Азербайджан на мировой арене.

Другим доказательством изменения сферы воздействия по продвижению своего национального бренда как светского, толерантного государства, дальновидной и экономически процветающей мусульманской нации, которая имеет как региональные, так и глобальные устремления. В этом стремлении страна с середины 2010-х гг. приняла участие в общеизвестных экономических и культурных проектах. Так, на международной выставке «Milan Expo 2015» под названием «Накормим нашу планету, накопим энергию для жизни» («Feeding the Planet, Energy for Life»), проходившей с 9 июля по 31 октября 2015 г., были представлены 140 стран, но только 54 из них имели национальные павильоны. Одной из таких стран был Азербайджан, который впервые в своей истории представил национальный павильон «Азербайджан. Сокровищница биоразнообразия» [5]. Павильон состоял из трех биосфер «Пересечение культур», «Биоразнообразие», «Инновация и традиция», которые объединены одной идеей: сочетание разных компонентов в единое гармоничное целое, которое питается прошлыми и традициям, но при этом устремлено в будущее. В рамках выставки «Milan Expo 2015» Азербайджан внутри своего павильона в Милане провел форум «Инвестиции в Азербайджан: бизнес-среда и возможности». В октябре 2018 г. павильон Азербайджана с выставки «Milan Expo 2015» был демонтирован, привезен в Баку и вновь смонтирован на территории Приморского национального парка.

В 2017 г. на 57-й Венецианской художественной биеннале, проходившей в Палаццо Леззе в Кампо Санто-Стефано (Милан) под названием «Viva Arte Viva», при поддержке Фонда Гейдара Алиева Азербайджан был представлен выставкой «Под одним солнцем – искусство жить вместе». Символичным стало то, что для представления Азербайджана на этой выставке был выбран молодой художник Эльвин Набизаде, грузин по национальности, переехавший в Баку в детстве, демонстрирующий своей инсталляцией и историей своей жизни принципы мультикультурализма и толерантности [22].

Конференции Фонда Гейдара Алиева 2017–2018 гг. и участие в 57 Венецианской биеннале были призваны сгладить имидж страны после репутационных и финансовых потерь, последовавших после военных действий в Нагорном Карабахе в апреле 2016 г.

Применяя инструменты «мягкой силы», можно проектировать желаемый национальный имидж для его трансляции в мире. Такие

устремления призваны не только гибко проецировать имидж страны, но и способствовать укреплению национализма внутри страны, так и за рубежом. Привлекательный национальный имидж поможет в достижении большего объема прямых иностранных инвестиций, расширении туристической базы и расширении объема экспорта на мировые рынки [16, р. 44]. В стране прилагаются значительные усилия, как по финансированию, так и по привлечению государственных и административных ресурсов для трансляции имиджа Азербайджана как толерантной и многокультурной нации, которая является первопроходцем в экономике в евразийском регионе.

Подводя итоги, следует выделить следующее. При наличии богатых экономических ресурсов Азербайджанская Республика в международных репутационных рейтингах занимает крайне низкие места, входя в группу авторитарных государств. Данная оценка среди мирового сообщества не может не сказываться на экономическом положении страны, где экономика зависит от развития современных технологий в нефтегазовой отрасли, которая является локомотивом всей экономики страны. Обострение ситуации в Нагорном Карабахе, вылившееся в «Четырехдневную войну», привело к резкому падению (почти в 3,5 раза) иностранных инвестиций в страну в 2016–2018 гг. Такие ситуации, когда силовые действия правящей элиты сказываются негативно на репутационном рейтинге страны весьма показательны. Они также призваны обратить внимание руководства к возможности более активного применения механизмов «мягкой» силы для минимизации потерь на международной арене.

В этом плане диалоговые и дискуссионные площадки, организуемые по инициативе официального Баку, и являются примером уравнивания инструментов традиционной политики и дипломатии. В Азербайджане функционирует с 2011 г. Бакинский международный гуманитарный форум, Всемирный форум по межкультурному диалогу, Бакинский процесс, привлекая внимание мирового сообщества к проблемам межкультурного диалога и транслируя миру образ толерантного государства. С 2012 г. успешно действует Международный центр Низами Гянджеви (МЦНГ), призванный популяризировать национальные достижения Азербайджана по всему миру. По инициативе и помощи МЦНГ с 2013 г. был дан старт Бакинскому Глобальному форуму открытых обществ, который собирает политических лидеров, действующих и глав государств в отставке, ведущих политиков, ученых, аналитиков и экспертов по вопросам устойчивого и стабильного глобального развития. Также важную роль в фор-

мировании позитивного имиджа страны на международной арене на протяжении 2004–2020 гг. играет Фонд Гейдара Алиева, который инициирует, курирует и проводит мероприятия различной направленности как внутри страны, так и на мировой арене. Посредством данных мероприятий Азербайджан стремится транслировать мировому сообществу образ 1) современной,

инновационной, светской страны; 2) толерантной, гостеприимной, готовой к межкультурному диалогу нации; 3) государства, обладающего современной экономикой с достаточной долей диверсификации, с социально-ориентированной политикой, стремящегося к расширению уровня демократии в стране.

Источники

1. IV Глобальный форум: Баку озвучит послание миру // Информационное Агентство «The First News». 19 марта 2016. URL: <https://1news.az/news/iv-global-nyy-forum-baku-ozvuchit-poslanie-miru> (дата обращения: 10.04.2020).
2. В Софии завершилась конференция, организованная МЦ Низами Гянджеви // Информационное агентство «The First News». 9 октября 2015. URL: <https://1news.az/news/v-sofii-zavershilas-konferenciya-organizovannaya-mc-nizami-gyandzhevi-foto> (дата обращения: 10.04.2020).
3. Ибрагимов И. Глобальные имиджевые мероприятия как инструмент формирования государственного бренда Азербайджана // Международная жизнь. 21.01.2016. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/14521> (Дата обращения: 10.04.2020).
4. Нагорный Карабах: ошибки или происки? // BBC.com на русском языке. 4 апреля 2016. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2016/04/160404_5floor_karabakh_conflict (Дата обращения: 11.04.2020).
5. Открылась выставка «Milan Expo 2015», где представлен национальный павильон Азербайджана (ФОТО) // Информационное Агентство Trend News Agency. 2 мая 2015. <https://www.trend.az/azerbaijan/society/2390452.html> (Дата обращения: 16.04.2020).
6. Официальный сайт Бакинского международного форума. URL: <https://bakuforum.az/ru/> (Дата обращения: 15.04.2020).
7. Официальный сайт Фонда Гейдара Алиева. URL: https://heydar-aliyev-foundation.org/ru/content/index/48/-%D0%A6%D0%B5%D0%BB%D0%B8_%D0%A4%D0%BE%D0%BD%D0%B4%D0%B0 (Дата обращения: 10.04.2020).
8. Проведение Восьмого Бакинского Глобального форума отложили // Информационное Агентство az.sputniknews. 4 марта 2020. URL: <https://az.sputniknews.ru/politics/20200304/423323542/azerbaijan-globalnij-forum-otmena.html> (Дата обращения: 10.04.2020).
9. Лоренс Броерс: Руководство Азербайджана видит в гражданском обществе соперника, что мешает миротворчеству в Карабахе // Информационное Агентство АрмИнфо. 2 июня 2016. URL: https://arminfo.info/full_news.php?id=16613 (Дата обращения: 10.04.2020).
10. 2020 Index Economic Freedom // The Heritage Foundation. URL: <https://www.heritage.org/index/ranking> (Accessed: 14.04.2020).
11. 2020 Index Economic Freedom. Interactive Heat Map // The Heritage Foundation. URL: <https://www.heritage.org/index/heatmap> (Accessed: 14.04.2020).
12. Büyükdogan Birol. Azerbaijan Country Image in Context of International Public Relations: Newspaper Websites // New Approaches in Media and Communication. Prof. Dr. Ahmet Ayhan (Ed.). Berlin, 2019. P. 103-119.
13. Doing Business 2020. The World Bank. Washington, DC, 2020. 149 p. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/32436/9781464814402.pdf> (Accessed: 14.04.2020).
14. Foreign direct investment, net inflows (BoP, current US\$) – Armenia, Azerbaijan, Georgia // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.CD.WD?locations=AM-AZ-GE> (Accessed: 14.04.2020).
15. Global Peace Index 2019. Measuring Peace in a Complex World. Institute for Economics & Peace. Sydney, June 2019. 107 p. URL: <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2019/06/GPI-2019-web003.pdf> (Accessed: 10.04.2020).
16. Imran Sana. Reshaping the National Image of Azerbaijan through Nation Branding Endeavours // Khazar Journal of Humanities and Social Sciences. 2017. Volume 20, №4. P. 33-46.
17. Khalilzada Javadbay. Modernization and Social Change in Azerbaijan: Assessing the Transformation of Azerbaijan through the Theories of Modernity // New Middle Eastern Studies. 2019. №9 (2), pp. 167-188.
18. Nations in Transit 2018. Freedom House. Washington, DC, 2018. 26 p. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/2020-02/FH_NationsInTransit_Web_PDF_FINAL_2018_03_16.pdf (Accessed: 12.04.2020).
19. Official Site Baku Process. URL: <http://bakuprocess.az/baku-process/about-process/> (Accessed: 16.04.2020).
20. President Ilham Aliyev attended the opening ceremony of the 5th World Forum on Intercultural Dialogue // Official Site Baku Process. URL: <http://bakuprocess.az/president-ilham-aliyev-attended-the-opening-ceremony-of-the-5th-world-forum-on-intercultural-dialogue/> (Accessed: 16.04.2020).
21. The Economist Intelligence Unit's Democracy Index // The Economist. URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2020/01/22/global-democracy-has-another-bad-year> (Accessed: 24.03.2020).
22. Viva Arte Viva – Sotto un Unico Sole // Il Nodo di Gordio. 15 Maggio 2017. URL: <https://nododigordio.org/breaking-news/viva-arte-viva-sotto-un-unico-sole/> (Accessed: 14.04.2020).

References

1. IV Global'nyy forum: Baku ozvuchit poslanie miru (*Global forum: Baku will voice a message to the world*) // Informacionnoe agentstvo «The First News». 19 marta 2016. URL: <https://1news.az/news/iv-global-nyy-forum-baku-ozvuchit-poslanie-miru> (Accessed: 10.04.2020).
2. V Sofii zavershilas' konferenciya, organizovannaya MC Nizami Gjandzhevi (*A conference organized by the Nizami Ganjavi International Center has completed in Sofia*) // Informacionnoe agentstvo «The First News». 9 oktyabrya 2015. URL: <https://1news.az/news/v-sofii-zavershilas-konferenciya-organizovannaya-mc-nizami-gyandzhevi-foto> (Accessed: 10.04.2020).
3. Ibragimov I. Global'nye imidzhevyje meroprijatija kak instrument formirovaniya gosudarstvennogo brenda Azerbajdzhana (*Ibragimov I. Global image-building events as a tool to form the state brand of Azerbaijan*) // Mezhdunarodnaja zhizn'. 21.01.2016. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/14521> (Accessed: 10.04.2020).
4. Nagornyy Karabah: oshibki ili proiski? (*Nagorno-Karabakh: mistakes or machinations?*) // BBC.com na russkom jazyke. 4 aprelja 2016. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2016/04/160404_5floor_karabakh_conflict (Accessed: 11.04.2020).

5. Otkrylas' vystavka «Milan Expo 2015», gde predstavljen nacional'nyj pavil'on Azerbajdzhana (FOTO) (*The exhibition "Milan Expo 2015" has opened, where the national pavilion of Azerbaijan is presented (PHOTO)*) // Informacionnoe agentstvo Trend News Agency. 2 maja 2015. <https://www.trend.az/azerbaijan/society/2390452.html> (Accessed: 16.04.2020).
6. Oficial'nyj sajt Bakinskogo mezhdunarodnogo foruma (*The official website of the Baku International Forum*). URL: <https://bakuforum.az/ru/> (Accessed: 15.04.2020).
7. Oficial'nyj sajt Fonda Gejdara Alieva (*The official website of the Heydar Aliyev Foundation*). URL: https://heydar-aliyev-foundation.org/ru/content/index/48%D0%A6%D0%B5%D0%BB%D0%B8_%D0%A4%D0%BE%D0%BD%D0%B4%D0%B0 (Accessed: 10.04.2020).
8. Provedenie Vos'mogo Bakinskogo Global'nogo foruma otlozhili (*The Eighth Baku Global Forum postponed*) // Informacionnoe agentstvo az.sputniknews. 4 marta 2020. URL: <https://az.sputniknews.ru/politics/20200304/423323542/azerbaijan-globalnij-forum-otmena.html> (Accessed: 10.04.2020).
9. Lorens Broers: Rukovodstvo Azerbajdzhana vidit v grazhdanskom obshhestve sopernika, chto meshaet mirotvorchestvu v Karabahe (*Lawrence Broers: Azerbaijani leadership sees rival in civil society, which hinders peacekeeping in Karabakh*) // Informacionnoe Agentstvo ArmlInfo. 2 iyunja 2016. URL: https://arminfo.info/full_news.php?id=16613 (Accessed: 10.04.2020).
10. 2020 Index Economic Freedom // The Heritage Foundation. URL: <https://www.heritage.org/index/ranking> (Accessed: 14.04.2020).
11. 2020 Index Economic Freedom. Interactive Heat Map // The Heritage Foundation. URL: <https://www.heritage.org/index/heatmap> (Accessed: 14.04.2020).
12. Büyükdöğün Birol. Azerbaijan Country Image in Context of International Public Relations: Newspaper Websites // *New Approaches in Media and Communication*. Prof. Dr. Ahmet Ayhan (Ed.). Berlin, 2019. P. 103-119.
13. Doing Business 2020. The World Bank. Washington, DC, 2020. 149 p. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/32436/9781464814402.pdf> (Accessed: 14.04.2020).
14. Foreign direct investment, net inflows (BoP, current US\$) – Armenia, Azerbaijan, Georgia // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.CD.WD?locations=AM-AZ-GE> (Accessed: 14.04.2020).
15. Global Peace Index 2019. Measuring Peace in a Complex World. Institute for Economics & Peace. Sydney, June 2019. 107 p. URL: <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2019/06/GPI-2019-web003.pdf> (Accessed: 10.04.2020).
16. Imran Sana. Reshaping the National Image of Azerbaijan through Nation Branding Endeavours // *Khazar Journal of Humanities and Social Sciences*. 2017. Volume 20, №4. P. 33-46.
17. Khalilzade Javadbay. Modernization and Social Change in Azerbaijan: Assessing the Transformation of Azerbaijan through the Theories of Modernity // *New Middle Eastern Studies*. 2019. №9 (2), pp. 167-188. https://www.academia.edu/42016837/Khalilzade_Javadbay_2019_Modernization_and_Social_Change_in_Azerbaijan_New_Middle_Eastern_Studies20200219_110066_gxmezb (Accessed: 12.04.2020).
18. Nations in Transit 2018. Freedom House. Washington, DC, 2018. 26 p. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/2020-02/FH_NationsInTransit_Web_PDF_FINAL_2018_03_16.pdf (Accessed: 12.04.2020).
19. Official Site Baku Process. URL: <http://bakuprocess.az/baku-process/about-process/> (Accessed: 16.04.2020).
20. President Ilham Aliyev attended the opening ceremony of the 5th World Forum on Intercultural Dialogue // Official Site Baku Process. URL: <http://bakuprocess.az/president-ilham-aliyev-attended-the-opening-ceremony-of-the-5th-world-forum-on-intercultural-dialogue/> (Accessed: 16.04.2020).
21. The Economist Intelligence Unit's Democracy Index // The Economist. URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2020/01/22/global-democracy-has-another-bad-year> (Accessed: 24.03.2020).
22. Viva Arte Viva – Sotto un Unico Sole // Il Nodo di Gordio. 15 Maggio 2017. URL: <https://nododigordio.org/breaking-news/viva-arte-viva-sotto-un-unico-sole/> (Accessed: 14.04.2020).

Сведения об авторе

Садченко Валентина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / vsadchenko@yandex.ru

Information about the author

Sadchenko Valentina – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Foreign History, Political Science and Foreign Affairs Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / vsadchenko@yandex.ru

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ РАБОТЫ В КОНЦЕ 1932 ГОДА СПЕЦИАЛЬНОЙ КОМИССИИ Л. М. КАГАНОВИЧА НА КУБАНИ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕДОВОГО КОЛХОЗА)

В статье в контексте продолжающихся разоблачений публицистики пагубности советской коллективизации сельского хозяйства анализируются реальные последствия осуществления одной из одиозных акций сталинской аграрной политики, конкретным проявлением которой стало направление специальной комиссии Л. М. Кагановича в Северо-Кавказский край. Новизна предпринимаемых автором изысканий заключается в поиске позитивных исторических фактов, разрушающих негативистские тенденции в постсоветской историографии в отношении к коллективизации. Сотни передовых (или крепких, в терминологии того времени) колхозов, хоть и не составляли большинства среди сельхозартелей Северо-Кавказского края, смогли не только выстоять, но и сохранить производственный потенциал в условиях административного нажима по «слом кулацкого саботажа». На примере передового (крепкого) кубанского колхоза «Хлебороб-Ленина №2» в статье

рассматриваются базисные социально-хозяйственные показатели 1932–1934 гг. отдельной сельскохозяйственной артели, пережившей тяжёлое внешнее воздействие. Актуальность предпринятого исследования заключается в отстаивании принципа научной объективности в отношении политизированных в историографии и публицистике фактов советской истории, к числу которых относится коллективизация сельского хозяйства. Также значимость работы состоит в детализированном микроисторическом анализе поставленной проблемы с целью выявления разновекторных процессов и осмысления позитивной динамики социально-хозяйственных показателей вышеназванного передового (крепкого) кубанского колхоза как показательного примера.

Ключевые слова: аграрная политика, агроном, бригада, колхоз, коллективизация, показатели, премия, ударник, экономическое обследование.

A. Skorik

OVERCOMING THE CONSEQUENCES OF WORK AT THE END OF 1932 OF THE SPECIAL L. M. KA-GANOVICH COMMISSION IN THE KUBAN (BY THE EXAMPLE OF AN ADVANCED COLLECTIVE FARM)

Against the background of unceasing journalism generalizations about the perniciousness of Soviet collectivization of agriculture, the real consequences of one of the odious actions of the Stalinist agrarian policy related to the direction of the special L.M. Kaganovich commission in the North-Caucasus region. The novelty of the research undertaken by the author lies in the search for positive historical facts that destroy the negative trends in post-Soviet historiography in relation to collectivization. Hundreds of advanced (or strong, in the terminology of that time) collective farms, although they did not constitute the majority among the agricultural cartels of the North-Caucasus Territory, were able not only to withstand, but also to maintain production potential under the administrative pressure on the «breakdown of kulak sabotage». Using the advanced (strong) Kuban collective farm «Khleborob-Lenin No.2» as an example, the article

discusses the basic socio-economic indicators of 1932–1934 of a separate agricultural artel that survived a severe external impact. The relevance of the undertaken research consists in upholding the principle of scientific objectivity in relation to the facts of Soviet history politicized in historiography and journalism, which include collectivization of agriculture. Also, the significance of the work lies in a detailed micro historical analysis of the problem posed with the aim of identifying different vector processes and understanding the positive dynamics of the socio-economic indicators of the above-mentioned advanced (strong) Kuban collective farm as an illustrative example.

Key words: agricultural policy, agronomist, team, collectivization, collective farm, indicators, premium, drummer, economic survey.

22 октября 1932 г. высший орган большевистской партии – Политбюро ЦК ВКП(б) – принимает решение, направленное на увеличение темпов хлебозаготовок и «слом кулацкого саботажа», мешавший выполнению планов хлебосдачи урожая 1932 г. Для реализации поставленных задач в районах Украины и Северного Кавказа создаются чрезвычайные партийно-государственные комиссии. Северокавказскую чрезвычайную комиссию возглавил ближайший сподвижник И. В. Сталина, первый секретарь

Московского городского и одновременно областного комитета ВКП(б), секретарь ЦК ВКП(б), член Оргбюро ЦК ВКП(б), член Политбюро ЦК ВКП(б) Л. М. Каганович. В состав северокавказской комиссии вошли видные партийные и советские государственные деятели: заместитель председателя Комитета заготовок при СНК СССР М. А. Чернов; новоиспечённый (с 1 октября 1932 г.) первый нарком Народного комиссариата зерновых и животноводческих совхозов СССР, бывший директор (1924–1928 гг.) сов-

хоза «Хуторок» под городом Армавир (национализированное имение барона Р. В. Штейнгеля), организатор и бывший первый директор донского зерносовхоза «Гигант» (1928–1930 гг.), кандидат в члены ЦК ВКП(б) Т. А. Юркин; первый нарком Народного комиссариата снабжения СССР, бывший секретарь Северо-Кавказского крайкома партии (1924–1926 гг.), кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) А. И. Микоян; начальник Политического управления Рабоче-крестьянской Красной армии, первый заместитель наркома по военным и морским делам СССР (К.Е. Ворошилова) и заместитель председателя Реввоенсовета СССР (К. Е. Ворошилова), член Оргбюро ЦК ВКП(б) Я. Б. Гамарник; член Партколлегии ЦК ВКП(б) и коллегии наркомата Рабоче-крестьянской инспекции, один из ключевых организаторов партийных чисток М. Ф. Шкирятов; начальник Секретно-оперативного управления, заместитель председателя ОГПУ СССР (нередко подменявший председателя В. Р. Менжинского, ввиду его болезни), кандидат в члены ЦК ВКП(б) Г. Г. Ягода; первый секретарь ЦК ВЛКСМ, кандидат в члены ЦК ВКП(б) А. В. Косарев. Состав комиссии свидетельствовал о её чрезвычайных полномочиях, а также о степени важности возникшей проблемы. Кроме того, это было признаком решимости реализовать поставленные задачи. Посланцы политического центра страны резко взяли за дело, чтобы в отведённые двадцать дней выполнить постановление высшего органа правящей партии и волю её вождя. О многочисленных репрессивных мерах, предпринятых комиссией, когда высшей точкой административного нажима стало выселение населения 15 «чернодосочных» станиц, написано немало [1, с. 33–36; 5, с. 210–224; 6; 8, с. 3–23; 9, с. 78; 10, с. 131–134], в том числе и автором настоящей статьи [11, с. 179–186]. В меньшей степени акцентируется внимание на преодолении последствий жёстких мероприятий по «слому кулацкого саботажа».

За описанием репрессивных сторон коллективизации и Великого голода 1932–1933 гг. порой теряются существенные позитивные смыслы преобразований в сельском хозяйстве, которые и позволили накормить страну, повысить жизненный уровень колхозников, сделать страну богаче, если подходить к оценке коллективизации объективно и видеть её обе стороны: положительную и отрицательную. Цель настоящей статьи – проследить вот этот самый благоприятный перелом на селе на микроисторическом уровне, на примере отдельного колхоза. Это позволяют нам сделать архивные материалы, и, тем самым, реализовать концептуально-методологические подходы «новой локальной истории», отстаиваемые историками Северо-Кавказского федерального университета

(Т. А. Булыгиной [3, с. 27–34], Е. Ю. Оборским [7, с. 184–187] и др.).

В 1934 г. краевое земельное управление (крайзу) Азово-Черноморского края (начальник А. В. Одинцов, бывший нарком земледелия советской Украины), объединявшего Дон и Кубань, составило программу комплексного социально-экономического обследования для колхозов, согласно которой осуществлялось изучение состояния дел в отдельных коллективных хозяйствах края. Очевидно, что краевой орган управления намеревался установить истинную картину, реальное положение на местах. В Малобейсугском сельском совете Брюховецкого района (входившего в число районов края, «позорно проваливших хлебозаготовки» 1932 г.) по заданию крайзу с этой целью во временной период с 28 ноября по 3 декабря 1934 г. побывал очень дотошный, судя по составленному им сводному отчёту, агроном крайзу Агарков. Он лично подготовил в течение недели и завизировал у ответственных руководящих лиц (председателя колхоза и директора МТС, правда, их фамилии в виде подтверждающих подписей в самом архивном деле не разборчивы) обстоятельные экономико-статистические материалы обследования колхоза «Хлебороб-Ленина № 2». Они содержали также очень короткие комментарии, которые позже отложились в отдельном архивном деле и сохранились в архивном фонде Р-371 Кубанского окружного земельного управления, в Государственном архиве Краснодарского края [4].

По итоговому квалификационному заключению Агаркова, «являясь передовым – лучшим колхозом в районе, за выполнение всех хозполиткампаний, колхоз, кроме полученной от ЦИКа [в качестве] премии (через бригадира 4 бригады) радиоузел, крепко держит в своих руках 3 знамя: 1) Райкома ВКП(б), 2) политотдела и 3) Райисполкома» [4, л. 9].

Итак, перед нами передовой (или крепкий, в терминологии того времени) кубанский колхоз «Хлебороб-Ленина № 2» со статистическим описанием состояния дел на конец 1934 г. Имеется возможность оценить результаты «слома кулацкого саботажа» на Кубани, произведённого сформированной в конце октября 1932 г. из высших партийно-советских чиновников специальной комиссией во главе с секретарем ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановичем по личному заданию И. В. Сталина. Колхоз входил в зону хозяйственно-политической ответственности Ново-Джерелиевской машинно-тракторной станции Брюховецкого района Азово-Черноморского края, переименованной в результате административного нажима в Ворошиловскую МТС. И хотя агроном Агарков называет колхоз передовым, приводимые им показатели свиде-

тельствуют, что более справедливо его называть крепким колхозом и относить к той категории сельхозартелей, которые сохраняли устойчивость, несмотря на различные обстоятельства, выступали образцами высокой производительности труда и производства сельскохозяйственной продукции. Наличие и обоснование такой категории крепких в организационно-хозяйственном отношении колхозов в районах Дона, Кубани и Ставрополя в 1930-х гг., когда политический лозунг «за крепкие колхозы» находился в актуальной повестке дня, рассматривается и интерпретируется в специальной монографии

В. А. Бондарева [2, с. 111, 147, 256], хотя исследователь не проводит терминологической границы между передовыми и крепкими колхозами, считая возможным одновременное употребление обеих прилагательных для статусной оценки состояния дел в конкретных сельхозартелях.

В 1932 г. передовой (крепкий) кубанский колхоз «Хлебороб-Ленина №2» объединял 181 семей хлеборобов, насчитывавших 440 трудоспособных колхозников и 837 едоков. В 1933 г. количество семей колхозников выросло до 206, а число трудоспособного населения в сельсовете сократилось до 369 человек, одновременно уменьшилось и число едоков до 788 [4, л. 2]. Эти статистические данные свидетельствуют о распаде большой патриархальной семьи в Мало-Бейсугском сельском совете (на территории которого располагался единственный колхоз «Хлебороб-Ленина №2»), поэтому формально количество семей колхозников растёт, но численность населения при этом уменьшается. Снижение доли трудоспособных колхозников происходит в результате голода и репрессий, что опосредованно подтверждается данными о партийности колхозников. Членов партии и комсомольцев в колхозе становится значительно меньше (соответственно уменьшается с 10 до 6 коммунистов и с 7 до 1 комсомольца). Как указывается в отчёте агронома Агаркова, «снижение числа членов партии и комсомольцев в 1933 г. объясняется чистой парторганизацией в период саботажа» [4, л. 2]. Правда, в 1934 г. количество комсомольцев возросло до 15 человек, что свидетельствовало о поддержке молодёжью политики советской власти.

Красноречиво произошедшее в колхозе падение почти в 2,5 раза поголовья рабочих лошадей в 1933 г. по сравнению с 1932 г. (до 105 с 251). Поэтому в 1934 г. колхозники добились, чтобы все 45 кобыл покрылись, и 36 жеребых лошадей (80% от маточного поголовья), несмотря на явный недостаток в колхозе живой тягловой силы, освободили от работы [4, л. 2]. Прослеживается в колхозе «Хлебороб-Ленина

№2» заметное сокращение в 1933 г. по отношению к 1932 г. посевных площадей основных выращиваемых сельскохозяйственных культур: озимой пшеницы (с 943 до 718 га), кукурузы (с 180 до 104 га), подсолнечника (с 386 до 348 га) [4, л. 3]. В результате обязательные хлебопоставки колхозом в 1932 г. были выполнены только на 69%, а государство получило 4543 центнеров зерна. В 1934 г. ситуация по реализации установленного государственного плана сдачи зерна заметно выравнивается, поскольку колхоз не только на 100% выполняет предписанные ему хлебопоставки уже к 17 августа, возвращает накопившиеся долги государству, но и продаёт кооперации 550 центнеров зерна через систему сельского потребительского общества (сельпо) [4, л. 4]. Это удалось сделать посредством колоссального напряжения сил: «В этом колхозе главная основная тяжесть с/х работ была выполнена людской и тягловой силой колхоза» [4, л. 3]. Другими словами, объём ручного труда, в том числе использования колхозников в роли «живого тягла», имел в хозяйстве довольно широкие масштабы.

Обследуемый колхоз в хозяйственном отношении целенаправленно сосредоточился на развитии двух базисных отраслей сельского хозяйства: полеводства (4 производственные бригады) и животноводства (2 производственные бригады), причём, 6-я колхозная (животноводческая) бригада отчасти занималась полеводством. На территории земельного массива колхоза проверяющий агроном Агарков установил наличие сразу двух севооборотов (5-польного и 6-польного), но пятипольный севооборот применялся только лишь в одной полеводческой бригаде. Пахотные земли удобно располагались вокруг бригадных станков и личных усадеб колхозников. Технологически разработанные многопольные севообороты тщательно выдерживались, и переход на правильное чередование сельскохозяйственных культур в рамках двух севооборотов полностью в колхозе завершили в 1933–1934 гг. Животноводческая отрасль была представлена пятью отдельными фермами: молочно-товарной, свинотоварной, кролико-товарной (так в документе – А. С.; правильно: кролиководческой), птице-товарной, овце-товарной. Овце-товарную ферму по своей инициативе в колхозе заложили только осенью 1934 г. (для чего целенаправленным образом приобрели 16 овцематок) в расчёте на увеличение производства животноводческой продукции.

Анализ количества продуктивного поголовья животных, содержавшихся на колхозных фермах, позволяет сделать итоговое заключение о его сохранении в сложный хозяйственный период 1932–1933 гг. и общем наращивании поголовья уже в 1934 г. Главное, в колхозе «Хле-

бороб-Ленина №2» не допустили массового падежа крупного рогатого скота в условиях, когда в других хозяйствах исчезало до половины и более имеющегося в сельхозартелях поголовья. Динамика поголовья крупного рогатого скота в обследуемом колхозе складывалась следующим образом: в 1932 г. насчитывалось 89 голов, в 1933 г. насчитывалось 82 головы, и в 1934 г. стало 130 голов. Безусловно, судя по приведённым цифрам, на колхозной молочно-товарной ферме не происходило должного прироста поголовья крупного рогатого скота, но, подчеркнём, удалось сберечь продуктивных коров: в 1932 г. их было 26 голов, в 1933 г. имелось уже 43 головы, в 1934 г. стало 45 голов. По установленному количеству телят-первогодок видно, что привычного для породы животных отёла коров на колхозной молочно-товарной ферме не фиксировалось или же телята в условиях частичной бескормицы и недостаточного ухода не выживали: в 1932 г. их насчитывалось 22 головы, в 1933 г. имелась уже 31 голова, в 1934 г. стало 45 голов телят [4, л. 2].

Такая же ситуация складывалась на колхозной свиноводческой ферме. Динамика общего поголовья свиней в целом выглядела неплохо: в 1932 г. фиксировалось 70 голов, в 1933 г. их количестворосло до 127 голов, в 1934 г. оно достигло 204 голов. Правда, в начале рассматриваемого трёхлетнего периода произошло замедление прироста числа свиноматок: в 1932 г. имелось 17 голов, в 1933 г. сохранилась только 21 голова, в 1934 г. стало 58 голов. Молодняк свиней (возрастом до года) также не увеличивался характерными для плодovitых по природе свиней темпами: в 1932 г. на свиноводческой ферме колхоза числилось 50 голов, в 1933 г. насчитывалось 104 головы, в 1934 г. осталась лишь 101 голова. При этом на одну колхозную свиноматку в среднем приходилось: в 1932 г. — 7 поросят, в 1933 г. — 10 поросят, в 1934 г. — 12 поросят. Количество деловых поросят (которых получают при выращивании под свиноматкой и фиксируют на момент отъёма поросёнка от свиной, то есть за один опорос или же в целом за год) в 1932 г. составляло на одну свиноматку 6 голов (один опорос в год), в 1933 г. оно увеличилось до 9,8 голов (1,1 опороса в год), в 1934 г. ещё подросло и достигло уровня 11,3 голов (при двух опоросах в год) [4, л. 2, 5]. Тем самым, заметен общий прирост поголовья свиней (с учётом выдачи поросят на откорм в личные подсобные хозяйства колхозников), и производство свинины в колхозе постепенно выравнивалось.

На птице-товарной ферме колхоза количество куриного поголовья в обозначенное трёхлетие не получило типичной динамики. Оно не увеличивалось должным образом, характерным для данного вида домашней птицы: в 1932 г. имелось 772 кур, в 1933 г. фиксировалось только

лишь 811 голов, в 1934 г. стало уже 928 голов. Из общего колхозного куриного поголовья кур-несушек: в 1932 г. насчитывалось 712 голов, в 1933 г. отмечалось 750 голов, в 1934 г. численность подросла до 865 голов. Из сводных данных контрольного обследования видно, что колхоз явно недополучил часть продуктивных кур. Да и показатели яйценоскости в расчёте на одну курицу имели в колхозе «Хлебобороб-Ленина № 2» отчётливую зигзагообразную динамику: в 1932 г. колхозные птицеводы получили 29 яиц от одной несушки, в 1933 г. им досталось лишь по 7 штук, в 1934 г. они собирали по 47 яиц от условной несушки [4, л. 2, 5].

Досадная неудача постигла колхозных кролиководов, поскольку им пришлось вынужденно ликвидировать старое поголовье кроликов, к несчастью заразившееся кокцидиозом (смертельная болезнь для этого вида животных). В результате, если в 1933 г. насчитывалось на кролиководческой ферме всего 92 головы, то в 1934 г. осталось лишь 20 голов кроликов. Но колхоз «Хлебобороб-Ленина №2» осенью 1934 г. получил новых высокопородных 50 самок и рассчитывал на новые успехи в разведении кроликов [4, л. 2].

Что касается исполнения колхозом государственного плана поставок продукции животноводства, то в 1932 г. мясopоставки составили 51,9 центнеров (100% от плана), в 1933 г. они сохранились на том же уровне 51,9 центнеров (100% от плана к 28 декабря), а в 1934 г. мясopоставки сократились до 46,53 центнеров (122% выполнения от плана к 5 октября). Приведённые цифры свидетельствуют о явном завышении плана мясopоставок в 1932 г. и в 1933 г., ибо они с трудом выполнялись колхозом лишь к самому концу календарного года, да и данные по снижению роста поголовья подтверждают этот вывод. Иначе складывалась ситуация по производству молока: к октябрю 1933 г. (включительно) колхоз поставил государству 94 центнера молока, или 100% от плана (за 1932 г. данных в архивном деле нет), к 15 ноября 1934 г. молокопоставки достигли 228,5 центнеров, или 93% от плановых показателей [4, л.5]. Очевидно, что в 2,5 раза поднятый план по молоку оказался явно не под силу колхозу.

Состояние живой тягловой силы к зиме 1934 г. в передовом (крепком) кубанском колхозе «Хлебобороб-Ленина №2» оценивалось как вполне удовлетворительное, а молодняк тягловой силы пребывал в хорошей кондиции, что гарантировало колхозникам будущие хозяйственные успехи. На колхозной молочно-товарной ферме крупный рогатый скот находился в состоянии средней упитанности, что в общепринятых пяти оценочных категориях скота (хорошая, удовлетворительная, плохая, истощение и ожирение) считается вторым положительным

показателем. А вот упитанность содержащихся на свиноводческой ферме свиней определялась к зиме 1934 г. выше средней, то есть животные отличались округлыми формами, естественные костные выступы имели у них сглаженный вид, практически незаметными оставались рёбра, не выступали на поверхности тела остистые отростки и не проглядывали крылья лопаток.

Все хозяйственные постройки в колхозе «Хлебороб-Ленина №2» для содержания скота, за исключением птичника, относились к так называемому домашнему типу строений, то есть имели отнюдь нестандартный (непритязательный) внешний вид. Старательные колхозники их соорудили из местного старого материала, как говорится, возвели помещения для скота из собранных подручных средств, но общее состояние построек считалось вполне удовлетворительным. Тем не менее, в них непременно требовалось улучшить утепление и устранить многочисленные сквозняки, не способствовавшие продуктивности и здоровью животных. С учётом непрерывного роста поголовья и сохранения минимального уровня падежа скота колхозу было необходимо с весны 1935 г. расширять молочно-товарную ферму и свиноводческую ферму за счёт строительства новых стандартных (капитальных) тёплых помещений.

В коллективном хозяйстве имелись достаточно хорошие перспективы наращивания поголовья животных, поскольку к зиме 1934 г. весь скот удалось обеспечить грубыми кормами с избытком, и состояние этих кормов оценивалось как «хорошее и надёжное» [4, л. 3]. Кроме того, колхозники заготовили 250 центнеров концентрированных кормов, главным образом, кукурузы. Это полностью гарантировало должную прикормку лошадей в расчёте под проведение полевых работ весны 1935 г., а в зимний период 1934–1935 гг. позволяло обеспечить на 50% исходную потребность в концентрированных кормах для нормального содержания свиней и коров [4, л. 3].

Важным показателем экономического благосостояния колхоза являлся валовой доход. В 1932 г. он составил в общей сложности 103676 руб. (в том числе, финансовыми средствами в колхозе получили 75752 руб. и натурой в денежном эквиваленте произвели продукции на 27924 руб.). Суммарный годовой доход колхоза в 1933 г. достиг 158652 руб. (в том числе, финансовые средства насчитывали 84565 руб. и натуральными продуктами в денежном эквиваленте заработали 74087 руб.). Соотношение двух частей валового дохода сельхозартели в 1933 г. указывает на значительный (в 2,5 раза) рост производства сельскохозяйственной продукции в денежном эквиваленте. В 1934 г. валовой доход составил 146874 руб. (в том числе,

финансовыми средствами получили 88427 руб. и натурой в денежном эквиваленте произвели продукции на 58447 руб.). Понижение валового дохода в 1934 г. объяснялось стихийным бедствием, случившейся весенней засухой. Колхозный фонд распределения в расчёте на один трудодень в 1932 г. составлял деньгами 9,5 коп. и в натуральной форме оценивался в 13,9 коп. (или 0,96 кг сельхозпродуктами). В 1933 г. колхозникам выдавали на один трудодень деньгами 18,8 коп. и натурой в объёме на 37,7 коп. (или 4,0 кг сельхозпродуктами). В 1934 г. в колхозе «Хлебороб-Ленина №2» работники получили на один трудодень деньгами 16,7 коп. и натурой в денежном эквиваленте по 29 коп. (или 1,64 кг сельхозпродуктами, в том числе, 1,3 кг пшеницей) [4, л. 5]. Если сравнивать приведённые выше показатели с общими региональными данными, то в 1932 г. в колхозах Дона и Кубани один трудодень, в среднем, достигал в натуральных продуктах 1,3 кг, а в 1933 г. поднялся до 2,1 кг [2, с. 267]. С учётом того обстоятельства, что в 1932 г. большинство колхозов региона вообще не осуществляли выплаты на трудодни в денежной форме, показатели колхоза «Хлебороб-Ленина №2» выглядят неплохо, ведь в 1932 г. они превышают примерно на 25% средний региональный уровень, а в 1933 г. выдачи на один трудодень почти вдвое лучше региональных данных. Поэтому не случайно колхоз отнесли к числу передовых (крепких) хозяйств.

Лучшими колхозниками-ударниками с выработкой трудодней по состоянию на 1 ноября 1934 г. считались следующие 15 членов колхоза «Хлебороб-Ленина № 2»: 1) Бойко Агафья (282 трудодня); 2) Бондарь Любовь (277 трудодней); 3) Герасименко Клавдия (313 трудодней); 4) Дейнега Никифор (331 трудодень); 5) Добробаба Антон (399 трудодней); 6) Зайцева Ксения (298 трудодней); 7) Зуйкова Мария (305 трудодней); 8) Кропивка Ефросинья (283 трудодня); 9) Литвинова А.А. (260 трудодней); 10) Михайленко Ирина (287 трудодней); 11) Никитенко Анна (251 трудодень); 12) Присковский Тихон (300 трудодней); 13) Токмак Прасковья (285 трудодней); 14) Чайка Семён (356 трудодней); 15) Швыдкова Мария (283 трудодня) [4, л. 9]. Примечательно двойное преобладание женщин в составе лучших колхозников-ударников.

Основные производительные силы колхоза «Хлебороб-Ленина №2» сосредотачивались в пяти полеводческих бригадах. Полеводческая бригада №2 объединяла 48 хозяйств колхозников (52 трудоспособных лица и 163 едока), обрабатывала 538 гектаров пашни, имела 18 лошадей, 4 конных плуга, 4 железных бороны, 2 конные сеялки, 5 конных культиваторов, 1 сенокосилку, 3 конных жатки, 3 конных

граблей, 1 веялку-сортировку, 7 ходов (ход – основная часть повозки без кузова – А. С.) и арб, бригадный стан в хорошем состоянии. Полеводческая бригада № 3 объединяла 59 хозяйств колхозников (55 трудоспособных лиц и 204 едока), обрабатывала 529 гектаров пашни, имела 18 лошадей, 4 конных плуга, 5 железных борон, 3 конные сеялки, 5 конных культиваторов, 1 сенокосилку, 3 конных жатки, 3 конных граблей, 1 веялку-сортировку, 6 ходов и арб, бригадный стан в удовлетворительном состоянии. Полеводческая бригада № 4 объединяла 37 хозяйств колхозников (50 трудоспособных лиц и 130 едоков), обрабатывала 551 гектар пашни, имела 22 лошади, 5 конных плугов, 6 железных борон, 2 конные сеялки, 4 конных культиватора, 3 конных жатки, 4 конных граблей, 1 веялку-сортировку, 10 ходов и арб, бригадный стан в хорошем состоянии. Полеводческая бригада № 5 объединяла 43 хозяйства колхозников (47 трудоспособных лиц и 120 едоков), обрабатывала 450 гектаров пашни, имела 14 лошадей, 4 вола, 3 конных плуга, 3 железных бороны, 2 конных сеялки, 4 конных культиватора, 2 конных жатки, 3 конных граблей, 1 веялку-сортировку, 5 ходов и арб, бригадный стан в удовлетворительном состоянии. Животноводческая бригада № 6 имела большой земельный клин, производила посев зерновых колосовых культур, и по существу являлась также полеводческой бригадой. Она объединяла в общей сложности 25 хозяйств колхозников (15 трудоспособных лиц и 55 едоков), обрабатывала 343 гектара пашни, имела 18 лошадей, 4 вола, 2 конных плуга, 3 железных бороны, 1 конную сеялку, 3 конных культиватора, 2 сенокосилки, 2 конных жатки, 2 конных граблей, 1 веялку-сортировку, 8 ходов и арб, бригадный стан в удовлетворительном состоянии [4, л. 7]. В статистических сведениях о бригадах агроном крайзу Агарков приводит без пояснений данные о бригадных школах. Мы полагаем, что в данном случае речь идёт о школах агрономических знаний для обучения колхозников. Такие школы существовали в колхозе «Хлебороб-Ленина №2» в каждой полеводческой бригаде, причём, в 3-й и 4-й полеводческой бригадах школа агрономических знаний была объединённой. Относительно равномерное распределение живой тягловой силы и шлейфа сельскохозяйственных орудий свидетельствовало о разумном хозяйственном подходе к организации ведения полеводства, хотя с учётом возможной максимальной выработки мягкой пашни на одну лошадь по 0,8 гектара в погожий день (при наличии хороших кормов) и ограниченности количества отдельных сельскохозяйственных орудий обеспечение оптимального ухода за землёй всё же вызывает вопросы.

Имеющиеся в нашем распоряжении статистические данные позволяют судить об агротехническом уровне хозяйствования в колхозе «Хлебороб-Ленина №2». Изменение общей площади посева свидетельствует о негативном внешнем воздействии: в 1932 г. засеяли всего 2140 гектаров, в 1933 г. посевные площади сокращаются до 1929 гектаров, и в 1934 г. они возрастают до 2439 гектаров. Посевные площади 1934 г. по сравнению с 1932 г. выросли на 299 гектаров, или на 12,26%, а если сопоставлять с 1933 г., то разница составляет 510 гектаров, или получается, что одна из колхозных производственных бригад просто не работала, но на деле работали-то все бригады. По основным выращиваемым сельскохозяйственным культурам прослеживается недосев в пиковый 1933 г. по «слому кулацкого саботажа» (мероприятия начались в конце октября 1932 г., и потому повлияли на посевную кампанию следующего года): озимая пшеница (718 гектаров; 1932 г. – 943; 1934 г. – 825), яровой ячмень (292 гектара; 1932 г. – 290; 1934 г. – 506), кукуруза (104 гектара; 1932 г. – 180; 1934 г. – 180), подсолнечник (348 гектаров; 1932 г. – 386; 1934 г. – 429). Не сокращались в 1933 г. только посевы овса (119 гектаров; 1932 г. – 35; 1934 г. – 100), проса (48 гектаров; 1932 г. – 10; 1934 г. – 107) и клешевины (209 гектаров; 1932 г. – 206; 1934 г. – 175). Овёс выращивался, прежде всего, для подкормки колхозных лошадей, просо использовалось для корма животным и получения зерна, а клешевина высевалась для производства касторового масла. Двойное увеличение возделываемых земельных площадей в 1933 г. наблюдалось по овощным и бахчевым культурам (58 гектаров; 1932 г. – 25; 1934 г. – 117) [4, л. 3].

Безусловно, соблюдение агротехнических правил по срокам выполнения работ является важнейшим условием производственно-экономических успехов в полеводстве. Как отмечал агроном Агарков (на основе детальных статистических расчётов) в материалах обследования, «все показатели 1934 года в сравнении с 1932 саботажным годом дают резкое снижение (от 30 до 50%) в сроках выполнения с/х работ, тем более что посевной план 1934 года и весь объём работ выше 1932–33 годов» [4, л. 3]. Более того, в проверяемом колхозе «в 1932 году 1-я прополка пропашных культур (1-ая) не была закончена» [4, л. 3].

Тем не менее, ситуация изменилась к концу 1934 г. по ключевым социально-хозяйственным показателям (выход на работу, выполнение норм выработки, качество работ, ликвидация «обезлички», подготовка к весенней посевной кампании 1935 г., выполнение финансовой кампании). Проверяющий агроном крайзу Агарков признал все колхозные полеводческие

бригады работающими без отставания. Динамичная производственная работа полевых бригад выдвинула колхоз «Хлебороб-Ленина № 2» в число передовых коллективных хозяйств в зоне хозяйственно-политической ответственности Ворошиловской МТС и в целом Брюховецкого района Азово-Черноморского края. В краевом соревновании колхозных бригад победителем признали 4-ю бригаду (бригадир И. И. Литвинов) колхоза «Хлебороб-Ленина № 2», и она по праву вошла в число 250 лучших колхозных бригад края. Кроме того, в 1934 г. 4-ю полеводческую бригаду колхоза «Хлебороб-Ленина № 2» включили в число 10.000 передовых бригад Советского Союза. Вместе с тем, 2-я и 3-я колхозные полеводческие бригады по своим социально-хозяйственным показателям, как подчёркивал агроном крайзу Агарков, «вполне заслуживают быть включёнными в состав «250» (3-я бригада в числе «250» состоит). Это мнение о бригадах данного колхоза «Хлебороб-Ленина № 2» высказано и поддерживается политотделом МТС, Дирекцией и правлением колхоза» [4, л. 8].

По инициативе бригадиров колхозных бригад в хозяйстве целенаправленно в рабочее время проводилась политико-массовая работа среди рядовых колхозников. Ежедневно организовывались непосредственно в поле совещания и беседы с колхозниками, осуществлялась читка газет, велась проработка важных решений и постановлений партии и правительства. Безусловно, такой алгоритм политико-массовой работы с колхозниками задавался местным партийным руководством, но о нём в архивном деле ничего не говорится. Между колхозными бригадами на основе заключённых договоров развивалось и ширилось социалистическое соревнование. Два раза в месяц бригадные комиссии сверяли достижение взятых бригадами на себя обязательств в целях выявления победителей социалистического соревнования. Лучших колхозников непременно премировали за ударный труд в рамках существовавших в колхозе материальных возможностей. К примеру, в 4-й бригаде по инициативе бригадира И. И. Литвинова изыскали денежные средства в сумме 63 рублей, которые в виде премий (приобретённых мелких домашних вещей) распределили между 13 лучшими колхозниками бригады. В целом, в колхозе «Хлебороб-Ленина № 2» в 1932 г. в качестве материальных премий за ударный труд выдали 1 телку и 31 поросёнка, а в 1933 г. премии немного увеличились, и тогда передовики получили 1 телку и 42 поросёнка. Всего в колхозе насчитывалось 170 человек ударников, из которых премировали 120 человек [4, л. 7, 8, 9].

В отраслевом отношении в колхозе «Хлебороб-Ленина № 2» сложилась система распределения и закрепления колхозников по отдельным видам занятости. В 1932 г. из общего количества 439 трудоспособных колхозников в полеводстве работало 327 человек, в животноводстве было задействовано 7 человек, огородничеством занимались 17 человек, в колхозных мастерских трудились 19 человек, в МТС работали 24 человека, административно-управленческие функции исполняли 28 человек, на другие виды работ направлялись 7 человек, числились в отходниках 10 человек. В 1933 г. из общего количества 369 трудоспособных колхозников в полеводстве работало 186 человек, в животноводстве было задействовано 42 человека, огородничеством занимались 38 человек, в колхозных мастерских трудились 19 человек, в МТС работали 46 человек, административно-управленческие функции выполняли 28 человек, на другие виды работ направлялись 7 человек, числились в отходниках 3 человека. В 1934 г. из общего количества 364 трудоспособных колхозников в полеводстве работало 195 человек, в животноводстве было задействовано 42 человека, огородничеством занимались 29 человек, в колхозных мастерских трудились 19 человек, в МТС работали 46 человек, административно-управленческие функции выполняли 25 человек, на другие виды работ направлялись 4 человека, числились в отходниках 5 человек [4, л. 5]. В этой статистике просматривается тенденция развития многоотраслевого хозяйства в колхозе «Хлебороб-Ленина № 2» и преодоления первоначальной коллективизаторской «обезлички», когда в каждой отрасли складывалось ядро постоянно работающих колхозников, лошади и инвентарь закреплялись за каждым колхозником с начала весны по ведомостям-актам, хотя в колхозе на удивление оставалось небольшое количество отходников. Вместе с тем, очевидно выпадение рабочей силы, связанное с уменьшением численности трудоспособного населения в пределах 70 человек, или 15% колхозников, что можно в определённой степени назвать человеческой ценой коллективизаторских перегибов 1932–1933 гг. и их непосредственных последствий. Наблюдается отток селян на работу в МТС, и увеличивается число занятых в огородничестве, что отчасти объясняется стремлением к преодолению разразившегося тогда голода.

Упорядочивались в колхозе денежные расходы на содержание административно-управленческого персонала: в 1932 г. тратилось 3908 руб. (или 6,8% общих денежных расходов колхоза); в 1933 г. расходовали 5496 руб. (или 7,8% общих денежных расходов колхоза); в

1934 г. выделили 4080 руб. (или 6,5% общих денежных расходов колхоза). Тем самым, средняя зарплата колхозного управленца в годовом исчислении составляла: в 1932 г. – 139,6 руб., в 1933 г. – 196,3 руб., в 1934 г. – 163,2 руб. Кроме того, колхозным управленцам за выполняемые функциональные обязанности полагались оплачиваемые (частично деньгами и натуральными продуктами) трудодни. В 1932 г. 28 местным администраторам всего начислили 6411 трудодней, или примерно по 229 трудодней на одного человека, то есть 8,5% к общему количеству трудодней в колхозе. В 1933 г. 28 колхозных руководителей заработали 6473 трудодня, или примерно по 231 трудодню на человека, то есть 8,0% к общему количеству трудодней в колхозе. В 1934 г. количество «чиновничьих» заслуг возросло до 6524 трудодней, или примерно по 261 трудодню каждому из 25 управленцев (уровень выработки лучшего колхозника-ударника), то есть 7,0% к общему количеству трудодней в колхозе [4, л. 5].

О зажиточной жизни колхозников свидетельствовало значительное увеличение количества домашних животных, содержащихся в личных подсобных хозяйствах колхозников, число которых в 1934 г. приближалось к 250. Если в 1933 г. в ЛПХ колхозников всего имелось 120 коров, 20 тёлков, 67 свиней и поросят, а также выдавалось колхозом на откорм 34 тёлки и 82 поросят, то в 1934 г. в ЛПХ колхозни-

ков имелось уже 142 коровы, 114 тёлков, 496 свиней и поросят, а также выдавалось колхозом на откорм 99 поросят и 800 цыплят [4, л. 7].

Таким образом, передовой (крепкий) кубанский колхоз «Хлебороб-Ленина №2» пережил произведённый административным нажимом «слом кулацкого саботажа» с большими людскими и экономическими потерями. Колхоз потерял примерно 15% трудоспособных работников и не менее трети валового дохода, а о резком падении жизненного уровня людей говорить и вовсе не приходится. Однако, к концу 1934 г. колхоз сумел восстановиться в социально-экономическом отношении. Безусловно, сохранение хозяйства и обеспечение должной динамики его развития обеспечивалось колоссальным напряжением сил колхозников, когда все полеводческие бригады выполняли и перевыполняли установленные плановые показатели, улучшалось благосостояние людей. Иначе говоря, конкретный пример кубанского колхоза «Хлебороб-Ленина №2» показывает, что при описании противоречивых событий времён коллективизации не стоит представлять всё исключительно в «чёрных тонах», и тогда существовали опорные пункты позитивного роста сельскохозяйственного производства и развития сельской территории. Ныне бывшая центральная усадьба колхоза «Хлебороб-Ленина №2» – это село Бейсугское Новоджерелиевского сельского поселения Брюховецкого района Краснодарского края (с населением 344 человека на 2012 г.).

Источники и литература

1. Алексеев И. И. Наказание голодом // Родная Кубань. 2002. №3. С.33-36.
2. Бондарев В. А. Крестьянство и коллективизация: многоукладность социально-экономических отношений деревни в районах Дона, Кубани и Ставрополья в конце 20х–30-х годах XX века. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. 520 с.
3. Булыгина Т. А. Историческая антропология и исследовательские подходы «новой локальной истории» // Человек на исторических поворотах XX века / под ред. А. Н. Еремеевой, А. Ю. Рожкова. Краснодар: Кубанькино, 2006. С.27-34.
4. Государственный архив Краснодарского края. Ф.Р-371. Оп.1. Д.126.
5. Кокунько Г. В. «Чёрные доски» // Кубанский сборник: сборник научных статей по истории края / под ред. О. В. Матвеева. Краснодар: Книга, 2006. Т.1 (22). С.210-224.
6. Кропачёв С. А. Большой террор на Кубани. Драматические страницы истории края 30 – 40-х гг. Краснодар: Изд-во КубГУ, 1993. 113 с.
7. Оборский Е. Ю. Заметки о современной исторической науке и деятельности центра «Новая локальная история» // Новая локальная история. Вып. 2. Новая локальная история: пограничные реки и культура берегов: Материалы второй Международной Интернет-конференции, г. Ставрополь, 20 мая 2004 г. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004. С.184-187.
8. Осколков Е. Н. Трагедия «чернодосочных» станиц: документы и факты // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1993. №1–2. С.3-23.
9. Полян П. М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ, 2001. 315 с.
10. Ракачев В. Н. Голод и его демографические последствия как результат государственной политики хлебозаготовок на Кубани и Ставрополье в 1930-х гг. // Власть. 2012. №7. С.131-134.
11. Скорик А. П. Казачий Юг России в 1930-е годы: грани исторических судеб социальной общности. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. 508 с.

References

1. Alekseenko I. I. Nakazaniye golodom (*Punishment by hunger*) // Rodnaya Kuban'. 2002. No.3. P.33-36. (In Russian).
2. Bondarev V. A. Krest'yanstvo i kollektivizatsiya: mnogoukladnost' sotsial'no-ekonomicheskikh otnosheniy derevni v rayonakh Dona, Kubani i Stavropol'ya v kontse 20-kh – 30-kh godakh XX veka (*Peasantry and collectivization: the multistructure of the socio-economic relations of the village in the areas of the Don, Kuban and Stavropol in the late 20s – 30s of the twentieth century*). Rostov-on-Don: SKNTs VSh publ., 2006. 520 p. (In Russian).
3. Bulygina T. A. Istoricheskaya antropologiya i issledovatel'skiye podkhody «novoy lokal'noy istorii» (*Historical anthropology and research approaches of the «new local history»*) // Chelovek na istoricheskikh povorotakh XX veka / Ed. A. N. Eremeeva, A. Yu. Rozhkov. Krasnodar: Kubankino, 2006. P.27-34. (In Russian).
4. The State Archives of the Krasnodar Territory (SAKC). F.R-371. Inv.1. D.126.

5. Kokunko G. V. «Chornyye doski» («*Black Boards*»)// Kubanskiy sbornik: sbornik nauchnykh statey po istorii kraya / Ed. O.V. Matveev. Krasnodar: Book publ., 2006. Vol.1 (22). P.210-224. (In Russian).
6. Kropachev S. A. Bol'shoy terror na Kubani. Dramaticheskiye stranitsy istorii kraya 30 – 40-kh gg. (*The great terror in the Kuban. Dramatic pages of the history of the region of the 30s – 40s*). Krasnodar: KubSU publ., 1993. 113 p. (In Russian).
7. Oborsky E. Yu. Zametki o sovremennoy istoricheskoy nauke i deyatel'nosti tsentra «Novaya lokal'naya istoriya» (*Notes on modern historical science and the activities of the center «New local history»*) // Novaya lokal'naya istoriya. Vyp. 2. Novaya lokal'naya istoriya: pogranichnyye reki i kul'tura beregov: Materialy vtoroy Mezhdunarodnoy Internet-konferentsii, g. Stavropol', 20 maya 2004 g. Stavropol: SSU publ., 2004. P.184-187. (In Russian).
8. Oskolkov E. N. Tragediya «chernodosochnykh» stanits: dokumenty i fakty (*The tragedy of the «black» stanitsas: documents and facts*)// Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki. 1993. No.1–2. P.3-23. (In Russian).
9. Polyan P. M. Ne po svoey vole... Istoriya i geografiya prinuditel'nykh migratsiy v SSSR (*Not by their own free will... History and geography of forced migrations in the USSR*). Moscow: OGI, 2001. 315 p. (In Russian).
10. Rakachev V. N. Golod i yego demograficheskiye posledstviya kak rezul'tat gosudarstvennoy politiki khlebozagotovok na Kubani i Stavropol'ye v 1930-kh gg. (*The famine and its demographic consequences as a result of the state grain procurement policy in the Kuban and Stavropol Territory in the 1930s*)// Vlast'. 2012. No.7. P.131-134. (In Russian).
11. Skorik A.P. Kazachiy Yug Rossii v 1930-ye gody: grani istoricheskikh sudeb sotsial'noy obshchnosti (*The Cossack South of Russia in the 1930s: the verge of historical destinies social community*). Rostov-on-Don: SKNTs VSh SFU publ., 2009. 508 p. (In Russian).

Информация об авторе

Скорик Александр Павлович – доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор кафедры юриспруденции, философии и истории, директор научно-исследовательского института истории казачества и развития казачьих регионов Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова (Новочеркасск) / s_a_p@mail.ru

Information about the author

Skorik Alexander – Doctor of Science (History), Doctor of Science (Philosophy), Professor of the Department of Law, Philosophy and History, Director of the Research Institute of the History of the Cossacks and the Development of Cossack Regions, South-Russian State Polytechnic University (Novocherkassk Polytechnical Institute) (Novocherkassk) / s_a_p@mail.ru

МАСЛОВОКУТСКИЕ БУНТОВЩИКИ

В статье идет речь об одном из драматических событий в истории России, подавлении восстания крепостных крестьян помещиков Калантаровых в селении Малов Кут Ставропольской губернии в январе 1853 года. В итоге было убито, умерло от ран более 160 человек. Однако это происшествие не нашло должного отражения в литературе, видимо исходя из того, что в Ставропольской губернии были в основном государственные крестьяне, а не крепостные. Крестьяне села Маслов Кут более полувека боролись против нещадной эксплуатации помещиками, их своеволия, за свою свободу, подвергаясь жестоким наказаниям. В январе 1853 года произошло самое крупное выступление крестьян помещиков Калантаровых. Оно было подавлено с невиданной жестокостью.

На губернском дворянском собрании Г. Калантаров в третий раз был избран первым кандидатом в предводители дворянства. Выступление крестьян

вызвало серьезную озабоченность в верхах государственной власти. Император Николай I в связи со случившимся не утвердил Г. Калантарова на очередной срок предводителем губернского дворянства. Возмущенный поведением участников губернского дворянского собрания после того, как стало известно о подавлении восстания в имении Калантаровых, император объявил ставропольскому дворянству высочайший выговор, что было чрезвычайным происшествием, что делалось императорами чрезвычайно редко. Но действия губернатора Волоцкого власти посчитали правильными, и никто их не осудил. В статье также рассматриваются результаты расследования, суд над восставшими. В тоже время обращено внимание на то, что все попытки решить вопрос о масловокутских крестьянах до отмены крепостного права не увенчались успехом.

Ключевые слова: крестьяне, помещики, крепостное право, казаки, губерния, расстрел, войска, суд, местные власти, опека.

N. Sudavtsov

REBELS FROM MASLOV KUT

The article deals with one of the dramatic events in the history of Russia, the suppression of the uprising of landlord Kalantarov's serfs in the village of Malov Kut, Stavropol province, in January 1853. As a result, more than 160 people were killed and died of wounds. However, this incident is not properly reflected in the literature, apparently based on the fact that in the Stavropol province there were mainly state peasants, not serfs. Peasants of the village of Maslov Kut more than half a century fought against merciless exploitation by landlords, their willfulness, for their freedom, being subjected to cruel punishments. In January 1853, there was the largest performance of peasants of landowners of Kalantarovs. It was suppressed with unprecedented cruelty. By order of the civil Governor, General Volotsky, artillery was used on women and children. It was essentially the execution of serfs in the village of Maslov Kut.

At the provincial Assembly of the nobility G. Kalantarov for the third time was elected the first candidate for the leadership of the nobility. The performance

of the peasants caused serious concern in the upper levels of state power. The Emperor Nicholas I in connection with the incident did not approve G. Kalantarov for another term as the leader of the provincial nobility. Outraged by the behavior of the participants of the provincial noble Assembly after it became known about the suppression of the uprising in the estate of Kalantarovs, the Emperor announced the Stavropol nobility the highest reprimand, which was an emergency, which was done by the emperors is extremely rare. But the actions of Governor Volotsky authorities considered correct and no one condemned them. The article also discusses the results of the investigation, the trial of the rebels. At the same time, attention is drawn to the fact that all attempts to resolve the issue of Maslov Kut peasants before the abolition of serfdom were unsuccessful.

Key words: peasants, landowners, serfdom, Cossacks, province, execution, troops, court, local authorities, guardianship.

13 января 1853 г. в имении помещиков Калантаровых с. Маслов Кут Пятигорского уезда Ставропольской губернии состоялся самый массовый в России расстрел восставших крепостных крестьян из артиллерии. В селе было убито и умерло от ран более 160 человек. Явление по своей сути небывалое. Но оно не нашло должного отражения в исторической литературе. На наш взгляд, это связано, прежде всего, с тем, что Ставропольская губерния, будучи аграрной, почти не имела крепостных крестьян. Их здесь в середине XIX в. в 49 имениях насчитывалось 8288 мужских душ [11, с. 212].

Основную массу населения губернии составляли государственные крестьяне, которые были лично свободными. Поэтому широко о крепостном праве в губернии говорить не приходилось, тем более на общероссийском уровне. В то же время наличие в губернии большого количества государственных крестьян усиливало стремление крепостных к свободе и обостряло борьбу между ними и помещиками. Особенно острой была борьба в самом крупном на Ставрополье имении Маслов Кут помещиков Калантаровых. У них было 32050 десятин земли и 1810 ревизских душ крепостных [2; 3]. Перма-

нентно борьба между крестьянами и помещиками масловкутского имения длилась с конца XVIII в., когда императрицы Екатерины II указом в 1795 г. закрепила крестьян за своим камердинером Зотовым [2, 23 об.].

Калантаровы приобрели имение в 1825 г. и установили жёсткий крепостнический режим. С того времени борьба крестьян с помещиками не прекращалась. Доходило до того, что имение передавалось в дворянскую опеку. Но вопрос об освобождении крестьян от крепостной зависимости не решался. Имением с 1838 г. управлял один из братьев, владельцев штаб-ротмистр в отставке Герасим Калантаров. Он постоянно проживал в имении и действовал круто по отношению к крестьянам, выжимая из них по максимуму. Помещик жёстко пресекал жалобы крестьян, применял суровую систему наказаний, используя вотчинную полицию. В особых случаях для наведения порядка в имение привлекались воинские команды. Г. Калантаров в полной мере использовал своё положение губернского предводителя дворянства, которым был по выбору с 1847 г.

Г. Калантаров не брезговал ничем, чтобы извлечь из крестьян дополнительный доход. Они эксплуатировались нещадно, их заставляли работать на барщине по шесть дней в неделю вопреки законодательству. Помещик подобрал из крестьян себе верных приспешников, которые служили ему верой и правдой, являясь его глазами и ушами. За это они получали от хозяина различные подачки, поблажки. Дело дошло до того, что помещик отдавал им в услужение крепостных крестьян. И таких было несколько десятков человек [6, л. 273].

Доведённые до отчаяния, крестьяне села в конце 1852 г. стали готовиться к восстанию. В декабре после затянувшейся осени в с. Маслов Кут установились крепкие морозы. Река Кума промёрзла и была, как в ледовом панцире. Помещик Г. Калантаров, уезжая в город Ставрополь, где в январе должно было состояться губернское дворянское собрание, строго наказал должностным лицам, чтобы они своевременно и в достатке обеспечили заготовку льда для ледников.

Управляющий имением не торопился с заготовкой льда, рассчитывая на то, что его ещё добавится в крещенские морозы. Да и рождественские праздники в это время были. Так что всё равно трудно было заставить людей выйти на работу. Но неожиданно перед новым годом наступила небывалая оттепель. Снег и лёд стали быстро таять. На новый год лёд на реке Куме тронулся. Управляющий имением в страхе, что ледяной покров на реке может быстро сойти, нарядил людей на 2 января для рубки льда и закладки его в господские ледники. Многие крестьяне были недовольны тем,

что это было сделано в праздники. Поэтому крестьяне отказывались идти на работы, собираясь продолжить рождественские и новогодние праздники, да и не хотелось возиться со льдом в воде. Но приказчики были неумолимы. Угрожая суровыми карами за непослушание, они заставили людей выйти на работу.

2 января 1853 года с раннего утра полсотни крестьян выгнали на заготовку льда. Несколько недовольных крестьян во главе с Кикотем призывали крестьян прекратить работу. После обеда на работу вышла только половина крестьян, остальные присоединились к зачинщикам неповиновения. В это время наиболее боевая и организованная группа крестьян, с дубинами, пошла по селу, призывая желающих свободы собраться на общественный круг для решения вопросов, как жить дальше и какие принять меры для своей защиты от помещика и властей.

Атаман Лемешко и приказчик Башкиров предпринимали всевозможные меры противодействия нарушителям порядка, направив против недовольных десятских и сотских. Мятежники встретили их дубинами. В первом же столкновении они избили шесть человек так, что те без помощи посторонних не могли подняться. Видя такое положение, одни из посланцев начальства разбежались, а другие присоединились к мятежникам, толпа которых к вечеру достигла 300 человек.

На следующий день 3 января на площади был организован сельский круг, который проходил бурно и необычайно шумно. Недовольные крестьяне возмущались порядками, установленными в имении. На площади установили столы и учредили народную расправу. Участники круга единодушно лишили власти должностных лиц, назначенных помещиком, и избрали своих: атамана, двух выборных, более 20 стариков для подачи советов. 5 писарей из грамотных крестьян должны были «отобрать руки» от пристававших к кругу людей с произнесением присяги: «скорей погибнуть всем, но помещику, проклятому Армянину, который их угнетает, неповиноваться» [1, с. 462].

На круге была устроена расправа над прежним атаманом и двумя выборными. Собравшиеся срывали на них своё зло на помещика, припоминая все нанесённые ими обиды. Оказав неповиновение помещику и полицейским властям селения, крестьяне жестоко избили атамана Лемешко.

Затем крестьяне выбрали старшин, десятских и других должностных лиц, назначили совет из стариков, а также общий совет под председательством атамана для решения вопросов жизни сельского общества. В итоге было организовано своё настоящее крестьянское са-

моуправление в селе. У мятежников была особая сборная изба, называвшаяся канцелярией. Таким образом, в селе было организовано управление, которому должны были подчиняться все жители.

Все участники круга дали страшную клятву друг другу: умереть или освободиться из владения своего помещика. Все поклялись не повиноваться помещику, умереть, обороняясь, или добиться свободы. Записавшийся в круг не должен был уже выходить из него под опасностью побоев и даже смерти.

Обустроив так начало своих дел, разослали по слободе и хуторам гонцов созывать и брать в свой круг отсутствующих маслокутских крестьян волею и неволею. Несколько человек преданных помещику вынуждены были бежать из села и скрываться в окрестных сёлах. Затем были разосланы гонцы по другим селениям с просьбой присоединиться к ним.

Как только в городе Пятигорске стало известно о событиях в селении Маслов Кут, земский исправник, извещённый атаманом Лемешко о том, что крестьяне затеяли бунт, прибыл в село 4 января с двумя заседателями и стряпчим.

Для оперативного решения вопросов, связанных с бунтом, в селе было открыто временное отделение земского суда. В тот же день суд вышел к собравшимся на площади. Исправник спросил их о причине сбора и потребовал, чтобы они немедленно разошлись. Однако, собравшиеся категорически отказались выполнить это требование. Крестьяне отвечали, что очень обременены помещичьими работами и налогами, что их безвинно обижают распорядители по имению и что они подозревают в этом действии помещика. Поэтому они заявили, что не признают над собой его власти и не разойдутся по домам до тех пор, пока не получат полной воли. Ничего не добившись от крестьян, суд вынужден был удалиться с круга.

Временный земский суд, будучи бессильным удержать мятежных крестьян в повиновении, решил ходатайствовать перед губернскими властями о присылке в село для усмирения бунтовщиков воинских команд [2, л. 304]. В создавшейся обстановке временный земский суд, видя, что на площади собралась толпа более 700 человек, вооружённых кто чем и не имея возможности влиять на ситуацию, опасаясь за свою безопасность, утром 5 января вышел из селения Маслов Кут.

В этот день новым руководством села и имения была проведена большая подготовительная работа к обороне на случай наступления воинских команд для подавления выступления крестьян. Восставшие стали строить баррикады. Для этого они собрали к церковной ограде и расставили наподобие баррикад подводы,

бочки с водой. Соорудив укрепление, они не покидали его ни днём, ни ночью. Вместе с ними находились и женщины, которые отлучались домой только для приготовления пищи защитникам баррикад. Здесь же было немало детей и подростков, которые вместе со взрослыми хотели участвовать в борьбе за свободу.

Вооружение восставших крестьян было, что ни на есть примитивным: длинные толстые палки, на оконечности которых было набито разное железо, топоры, косы, вилы, различные предметы, чтобы не быть воинскими командами смятыми или взятыми порознь. В конечном итоге вооружены были все, не исключая женщин и детей. Была подготовлена оборона. Но с таким оружием практически невозможно было противостоять воинским командам, казакам, вооружённым огнестрельным оружием и владевших приёмами боевых действий.

6 января атаман Кикоть с помощником ездили в ближайшее село Нины для возбуждения тамошних крестьян. Но Нинское сельское общество с этим не согласилось и Кикоть с товарищем из села были удалены ни с чем. Дело в том, что в с. Нины проживали государственные крестьяне, интересы которых не совпадали с интересами маслокутцев. Поэтому они и не поддерживали их, да и не хотели ввязываться в создавшуюся ситуацию. Они считали, что маслокутцы должны сами разобраться со своим помещиком, до которого им никакого дела не было. А ссориться с властями им было ни к чему.

7 января приходской священник Миловидов и прибывшие по его приглашению два священника из соседних сёл призывали восставших прекратить бунт против власти, которая дана богом. Но, натолкнувшись на возмущение крестьян, вынуждены были удалиться под крики: «Никогда не согласимся признавать власти помещичьей... никогда не станем повиноваться, а если затронут, будем защищаться... пусть хоть из пушек бьют... нам всё равно... с площади не сойдем, и намерения своего не оставим» [2, л. 305 об.].

Сообщение Пятигорского уездного исправника о событиях в имении Калантаровых Ставропольский гражданский губернатор генерал Волоцкий получил только 7 января, о чём сразу доложил управляющему гражданской частью в губернии, командующему войсками на Кавказской линии генералу Заводовскому. Тот приказал генералу Волоцкому немедленно отправиться в Маслов Кут, наделив его особыми полномочиями для наведения порядка, действуя по обстановке и своему усмотрению. Для этой цели ему было поручено привлечь расквартированные недалеко войска, казаков. Генерал Заводовский был уверен, что Волоцкий,

как боевой генерал, непосредственный участник Кавказской войны сумеет справиться с безоружной толпой крестьян.

Тем временем к селению Маслов Кут по приказанию генерала Волоцкого стали подходить воинские команды. Поскольку им необходимы были вода и фураж для лошадей, в село были посланы фуражиры. Однако восставшие им ничего не дали и даже не позволили купить в селе водку для порций воинским чинам.

Ни генерал Заводовский, ни его окружение не поняли до конца всей серьёзности случившегося, поскольку подобного рода неповиновения в Масловом Куте происходили неоднократно и их силой подавляли. Участников сурово наказывали и на какое-то время всё утихомиривалось. Генерал Заводовский направил наместнику Кавказскому М.С. Воронцову подробный рапорт о событиях в Масловом Куте только 13 января. Задержку информации он объяснял следующим образом: «Так как беспорядки случились во время праздников, когда в простом народе бывает пьянство, то я не доносил Вашей Светлости по первой почте, в надежде, что крестьяне по отрезвлении опомнятся; да и теперь, думаю, дело обойдётся без крайних мер, ибо желание вольности не в первый раз вовлекает их в беспорядки, прекращавшиеся Полициейскими средствами; по сему, прежде получения отзыва генерала Волоцкого, я не решаюсь доводить настоящий случай до Высочайшего сведения. О том, что найдёт и сделает г. Гражданский Губернатор, не примину представить Вашей Светлости без малейшего отлагательства» [7, л. 15].

Императору он отправил рапорт только 16 января и затем уж более подробный 20 января после получения донесения генерала Волоцкого о подавлении бунта, в котором тот привёл цифры убитых и раненых. Только тогда генерал Заводовский понял, что на самом деле произошло. Хотя, как военный, он понимал, что подавить выступление крестьян можно было с гораздо меньшими потерями. Но он понимал и то, что нужно было действовать быстро, решительно, чтобы не допустить распространения бунта.

Генерал Волоцкий, отправившийся 8 января из Ставрополя в с. Маслов Кут, прибыл туда только 12 января к вечеру. Это было связано с тем, что по дороге он решал многие вопросы подготовки подавления выступления крестьян, собирая и направляя войска, которых оказалось не так уж много. Селение Маслов Кут было крупным населённым пунктом, в котором проживало более четырёх тысяч человек, а мужчин около двух тысяч. Так что для сопротивления войскам могло быть достаточно сил, исходя из противостояния между помещиком и крестьянами.

К подавлению восстания были привлечены артиллерийские команды с четырьмя орудиями, две сотни казачьего Волжского полка №1, рота Кавказского линейного батальона №5, сборная команда Хопёрского полка в составе 200 льготных казаков с офицером [1, с. 463]. Всего более 800 человек, что было немало для проведения военных действий против безоружной толпы. Им противостояли крестьяне, вооружённые толстыми палками с различным железом на конце, вилами, косами и т.д. Однако генералу Волоцкому казалось этого мало потому, что среди воинских подразделений было немало колеблющихся и ненадёжных нижних чинов и казаков. Трудно было себе представить, как они поведут себя. Как военные, они могли не пойти против безоружных, среди которых были женщины и дети.

Генерал Волоцкий, прибыв в Маслов Кут и ознакомившись с положением дел, в 6 часов вечера 12 января заслушал всех причастных к подавлению восстания. Был выработан план действий на следующий день. 13 января, прежде чем начать военные действия, губернатор решил ещё раз провести увещания восставших. Он в очередной раз направил благочинного, священника г. Георгиевска В. Попова провести переговоры с крестьянами, чтобы убедить их прекратить сопротивление и покориться. Восставшие отнеслись к благочинному с должной почтительностью, однако не поддались ни на какие уговоры и отвечали: «ни сам Николай святой и ни сам бог не переменит наших намерений, мы поклялись и дали друг другу страшную клятву не повиноваться помещику и не принадлежать ему». К благочинному подошёл один из главных руководителей и сказал: «Мы Батюшка, довольно слышали от вас назиданий... Теперь просим удалиться... Мы не желаем больше слышать никаких убеждений» После этого благочинному В. Попову ничего не оставалось делать, как, печально вздохнув, удалиться восвояси. Свой рапорт губернатору В. Попов закончил словами: «Из таких ответов их, я видел, что усмирить крестьян посредством увещаний есть дело невозможное» [2, л. 312].

После того, как благочинный возвратился ни с чем, в 10 часов 30 минут губернатор со свитой выехал к восставшим, чтобы лично вразумлять их. Но всё было бесполезно. Крестьяне упорно твердили «Мы хотим воли». Губернатор тоже понял, что его переговоры с крестьянами безрезультатны, сколько бы они не продолжались.

Видя всю бесполезность своего разговора с крестьянами, губернатор как можно спокойнее повернул свою лошадь и больше полтора тысяч дубин, длинных кистеней и вил поднялись вверх, с криками «Ура! Воля! Не пойдём!

Воли хотим!». Крестьяне расступились, и генерал вместе с сопровождавшими без всяких препятствий выехал из толпы и направился к расположенным здесь же воинским частям. А крестьяне остались на месте, продолжая кричать «Хотим воли».

Губернатор Волоцкий подъехал к артиллеристам и отдал приказ стрелять из орудий согласно ранее данным указаниям, надеясь на то, что крестьянская масса после первого пушечного выстрела в страхе разбежится с площади и рассеется.

Первым выстрелило то орудие, которое согласно приказу Волоцкого, было наведено на то место, где он вёл переговоры с главарями восставших. Ядро угодило в группу руководителей восстания, убив главных бунтовщиков. Это ошеломило восставших, но не поколебало их уверенности, и они не поддались чувству страха. Расчёт генерала Волоцкого на то, что это приведёт к панике среди восставших, не оправдался. Люди продолжали стоять на месте, даже не зашевелившись, и кричали: «Хотим воли! Ура! Воля! Ура!» Они продолжали упорствовать.

Тогда по приказу генерала казаки ринулись в атаку на восставших, но она был отбита. Генерал Волоцкий приказал казакам Волгского полка снова атаковать мятежников. Но и эта атака закончилась безрезультатно. Это ободрило масловокутцев, собравшихся на площади, и придало им уверенности в победе. Только два человека не верили в победу, которые хорошо знали силу и возможности артиллерийского огня. Это были отставной унтер-офицер Шелест и рядовой артиллерист Величкин, пытавшиеся до этого навести порядок и организовать восставших. Но их не захотели слушать, будучи уверенными в победе.

Генерал, как истинный военный, не хотел упускать инициативу. И снова, по его приказу, в дело вступила артиллерия. Пушки, расположенные вблизи, стреляли картечью по толпе прямой наводкой. Это был настоящий артиллерийский расстрел безоружных людей. В то же время среди крестьян не было паники. Но они ничем не могли ответить на артиллерийский обстрел, так как были безоружны и могли только потрясать своим примитивным оружием, бесильным против артиллерии и кричать о воле. Так долго продолжаться не могло.

Значительная часть крестьян перебралась за церковную ограду, считая, что теперь они защищены от кавалерии. Остальные разбежались. Бежавших крестьян не преследовали. Генерал Волоцкий приказал вокруг ограды установить цепь и никого не пропускать к засевшим там мятежникам. К ним был отправлен посланец, который сказал крестьянам о том, что те из них, кто будет выходить добровольно, не будут

задерживаться. Примерно в течение часа бунтовавшие, побросав свои дубины, кистени и прочее оружие, выбрались из ограды и разбежались. Площадь была усеяна трупами погибших, а также ранеными, которые громко стонали и просили о помощи [2, л. 315].

Восставшие разбежались в разные стороны. Часть из них бросилась к своим домам. Многие спрятались по хуторам, в других поселениях Новогригорьевском, Нины, Прасковее, Архангельском у родственников, знакомых. Генерал Волоцкий немедленно дал указание сельским властям окрестных поселений задерживать таких крестьян и отправлять к помещику в селение Маслов Кут.

Быстро наступил январский вечер и ночь. Село погрузилось в тревожную темноту. В людей вселился ужас. К площади шли люди, чтобы убрать трупы и подобрать раненых. Всё громче стали голосить женщины над телами убитых и раненых. На площади также подбирались раненые, которым оказывалась первая помощь, убитые.

Несмотря на холод, ни в одну из крестьянских изб солдат и казаков на ночлег не пустили. Солдаты оставались на улице на крепившем морозе и не могли обогреться, так как нечем было развести костры. Тогда генерал Волоцкий приказал из собранных на площади и вблизи кольев, дубин и другого оружия крестьян, как вещественных доказательств, часть раздать в войска вместо дров. Для перевоза их в команды в селе удалось собрать несколько подвод.

Сразу же генералом Волоцким была дана команда о немедленном аресте участников выступления. К этому были привлечены казаки, солдаты, полицейские, которые группами пошли по дворам в первую очередь тех, на кого указали сельские должностные лица, как на наиболее активных участников выступления. По горячим следам по наводке сельских должностных лиц было схвачено 18 человек, замеченных в активном участии в бунте, наибольшим сопротивлением и подстрекательстве. Под сильным караулом они были отправлены в Ставрополь из-за недостатка арестантских помещений в Пятигорске, Георгиевске. По горячим следам было возбуждено уголовное дело.

Затем были подготовлены списки на тех, кто скрылся, и с их приметам разосланы казачьему начальству, приставам кочующих народов, уездным исправникам, полиции. По приказу генерала Заводовского был направлен «Именный Список крестьян с. Маслова Кута помещиков Калантаровых, бежавших из имения при усмирении бунта, 23 ч. Генваря» [4; 10].

Генерал Волоцкий, дав приказание о погребении убитых, призрении раненых, поимке бунтовщиков, не стал задерживаться в селе и

на следующий день уехал в г. Ставрополь, возложив старшинство в Масловом Куте на подполковника Головина, выдав ему соответствующие инструкции.

Сведения о количестве убитых и раненых были противоречивыми. В своём рапорте от 17 января генералу Заводовскому, генерал-майор Волоцкий подробно доложил о своих действиях в селении Маслов Кут. Он сообщил, что было убито 79 человек, ранено и контужено 158. В течение 13, 14 и 15 января умерло от ран 44 человека, что свидетельствовало о тяжёлых ранениях и низком уровне медицинской помощи. Но и после этого оставалось ещё 114 раненых. Эти же цифры были названы и в рапорте генерала Заводовского императору Николаю I [7; 8]. Цифры были явно заниженные. Но и они выглядели страшно, так как погибли ни в чём не повинные люди только потому, что они не хотели принадлежать помещику, терпеть его измывательства и жить свободно.

Подполковник Головин 20 января 1853 года доносил губернатору Волоцкому: «По собранным мною сведениям оказывается: убитыми в с. Масловом куте мужска пола 85; женска пола 29 и посторонних 5. Раненых в с. Масловом куте мужска пола 93; женска пола 29 и посторонних из села Нины 1 и женщина с младенцем [10, л. 72]. Есть данные, что 14 картечными выстрелами были убиты 89 мужчин, 35 женщин, ранены 149 человек, из которых 33 умерли. По официальным данным было убито 160 и ранено 111 человек [1, с. 459].

По словам Г. Калантарова, бывшего в это время в Масловом Куте, генерал Волоцкий объяснил ему, что крестьяне его были достойны такой меры наказания за неповиновение властям, законам и решительное, упорное их требование дать им свободу, и что он иначе в этой ситуации поступить не смог [7, л. 61–66].

Точное количество убитых, как оказалось, до конца так и осталось неизвестным. Когда Военно-судная комиссия, занимаясь расследованием произошедшего в имении, потребовала точный список убитых и раненых в селе Маслов Кут, то Пятигорский земский суд сделать этого не смог. Суд донёс рапортом генералу Волоцкому о том, что такой список не представлен потому, что «местное вотчинное начальство во время возмущения и усмирения крестьян, не могло привести в известность убитых и раненых, а собранный ими ныне список об них оказался слишком разноречивым с имеющимся при деле Временного отделения Земского Суда» [8, л. 315 об.].

Большое количество раненых и убитых удивило всех, в том числе и самого генерала Волоцкого, который не думал, что могут быть такие большие потери среди бунтовщиков. Он

не учёл того, что восставшие могут оказать такое упорное сопротивление и проявить непредвиденную стойкость и выдержку. Но дело было сделано. И главная задача, поставленная управляющим гражданской частью в Ставропольской губернии генералом Заводовским перед губернатором Волоцким, перед воинскими частями и казаками, была решена: бунт подавлен, не важно какой ценой.

Генерал Заводовский наместнику на Кавказе М.С. Воронцову в рапорте 20 января, с горечью констатировал, что неповиновение крестьян селения Маслов Кут не обошлось без жертв, так как генерал Волоцкий «вынужден был, в подавление мятежа, разогнать толпу картечными выстрелами». Генерал представил наместнику копию рапорта ему генерала Волоцкого [8, л. 41].

В рапорте императору о событиях в с. Маслов Кут генерал Заводовский, оправдывая действия генерала Волоцкого писал: «Я скорблю душевно о пролитой крови и погибших и жертвах непреклонного упорства, и не могу не согласиться, что нельзя было оставлять толпы неусмирённую и что, при недействительности принятых мер, Гражданскому Губернатору оставалось только употребить оружие. Нерешительность в таком крайнем случае, послужила бы к поощрению мятежников и произвела бы вредное влияние на другие имения. Поэтому нахожу, что Генерал-Майор Волоцкий поступил так, как требовала служба» [8, л. 37–40].

Дворяне Ставропольской губернии, участвовавшие 23, 24 января 1853 года в выборах губернского предводителя дворянства избрали, как ни в чём не бывало, первым кандидатом на эту должность Г. Калантарова. Это свидетельствовало об их равнодушии к тому, что произошло в имении. Возмущённый такими действиями дворян, император Николай I, назначил губернским предводителем дворянства второго кандидата подполковника Ростованова, а дворянам Ставропольской губернии объявил высочайший выговор за избрание в губернские предводители дворянства Г. Калантарова [5, л. 28].

Произошедшее в селении Маслов Кут не на шутку взволновало власти. Генерал Заводовский, стремясь ослабить напряжение в селении, 20 января предложил губернскому правлению сделать распоряжение об учреждении временной опеки над имением, как по случаю назначенного следствия, так и для охранения безопасности владельцев. Главное же, этим предусматривалось удаление Герасима Калантарова от управления имением [7, л. 59]. Эти распоряжения были утверждены наместником Кавказским М. С. Воронцовым, который в свою очередь приказал запретить Калантаровым бывать в имении, оказывать какое бы то ни было

влияние на крестьян селения, для чего лишить их права въезда в него на всё время следствия.

Генерал Заводовский срочно образовал комиссию для раскрытия и исследования всех обстоятельств, произведших «в крестьянах ожесточённое восстание против владельцев» по делу крестьян селения Маслов Кут во главе с генералом Д. А. Всеволожским, управляющим Кавказскими Минеральными водами [8, л. 344].

Следственная комиссия работала с 27 января по 15 августа 1853 года. Перед следствием прошли сотни людей, которые давали показания не только о том, что происходило на площади, но и о положении дел в имении, взаимоотношениях помещика с крестьянами. В результате проделанной работы комиссия представила материалы в 29 томах, которые потом были положены в основу работы военно-судной комиссии, образованной по указанию императора Николая I для окончательного расследования выступления масловкутских крестьян и вынесения приговора по этому делу.

Николай I, ознакомившись в сентябре с материалами и оценив всю серьёзность случившегося, решил придать делу широкое звучание и направил его на рассмотрение в Государственный совет.

Более того, император, недовольный тем, что дворянское собрание, знавшее о произошедшем в с. Маслов Кут «принимая во внимание, что беспокойство в имении Калантарова происходило в начале января и что Калантаров обвинялся крестьянами в различных притеснениях и незаконных требованиях, что по этому предмету проводится особое следствие и что, невзирая на это следствие и поступки Калантарова, Ставропольские дворяне на выборах 23–24 января избрали его 1-м кандидатом в губернские предводители, соизволил повелеть: за этот выбор объявить участвовавшему в нём дворянству Высочайший выговор» [5, л. 2].

Никто не ожидал такого поворота дела. Этот шаг императора произвёл ошеломляющее впечатление на Ставропольское дворянство. Решение императора вызвало шок у ставропольских дворян. Не часто император объявлял выговор дворянам целой губернии. Это было чрезвычайным происшествием. Такой подход был как гром среди ясного неба. Он свидетельствовал о том, что данное выступление крестьян помещиков Калантаровых и его жестокое подавление вызвало серьёзную озабоченность в верхах государственной власти. Одновременно свидетельствовало и о том, что ставропольские дворяне, участвовавшие в собрании, посчитали произошедшее обычным явлением, мало ли чего не бывает между помещиком и его крепостными. Тем более о плохих взаимоотношениях между хозяевами и крепостными в Масловом Куте знали давно. Но дворяне знали и то,

что бунты надо подавлять так, чтобы их больше не было, и чтобы у крестьян отпала всякая охота выступать против своих помещиков.

До понимания дворян суть произошедшего не дошла даже и тогда, когда канцелярия Ставропольского гражданского губернатора 25 апреля 1853 г. сообщила Ставропольскому дворянскому депутатскому собранию о выговоре императора. Российское общество на этот счёт не получило никакой информации, так как в печати на этот счёт хранили молчание.

Но по престижу ставропольского дворянства был нанесён чувствительный удар. Оно очень переживало по поводу объявленного ему высочайшего выговора. Для многих, особенно служивших дворян, это было настоящим потрясением. Полковник Кусаков, состоявший для особых поручений при командующем войсками на Кавказской линии и в Черномории, губернскому предводителю дворянства писал: «Подпасть под гнев Государя Императора есть одно из величайших несчастий. Поэтому Высочайший выговор его величества я принимаю с совершенным душевным прискорбием, тем более, что продолжаю службу 35 лет, которая сопровождалась постоянным вниманием ко мне начальства и рядом отличий, я никогда не имел несчастия подвергаться никаким замечаниям. Аттестация начальства при удостоянии меня к наградам и полученные мною знаки отличия, служат верным доказательством как усердия моего к службе с пользой для оной, так способностей моих и неукоризненности в поведении, служа верно и честно и имея правилом соблюдать строгую справедливость и не нарушать основных законов, я ничем и никогда не запятнал ни по службе, ни в образе жизни ни в частных отношениях. Поэтому принимая Высочайший выговор как знак особой немилости Государя императора ко мне в числе прочих, и передавая себя совершенно воле Августейшего Монарха осмелюсь представить в оправдание себя» [5, л. 8].

Полковник считал, что Калантаров в предыдущие два трёхлетия был предводителем Ставропольского губернского дворянства, под его председательством проходили и эти выборы на предстоящее трёхлетие и он «не знал и теперь не знаю никаких поступков Калантарова, которые могли бы препятствовать ему участвовать в выборах и быть избранным».

Как видим, даже после выговора императора дворяне губернии не видели ничего особенного в том, что Калантаров был фактически избран ими губернским предводителем дворянства. По их мнению, он ничего дурного не сделал. Выходит, то, что Калантаров довёл крестьян своими действиями до бунта, не в счёт. Это было для них обычным явлением отношений между помещиком и крепостными крестьянами, являвшимися его собственностью. Их беспокоило только то, что

выговором были задеты их честь и достоинство. А то, что бунт доведённых помещиком до отчаяния крестьян в имении Калантарова, подавлен с такою жестокостью, было не в счёт. Крестьяне получили своё по заслугам, а Калантаров к этому не имел никакого отношения. Это делали войска по указанию местных властей при наведении порядка в имении.

Рассматривая представленные материалы, Государственный совет нашёл, что обстоятельства дела возбуждают два вопроса:

1. Юридический, о степени ответственности причастных к следствию лиц.

2. Административный, о мерах, которые следует принять в отношении к самому имению [9, л. 1,2].

Дело это довольно продолжительное время всесторонне рассматривалось в департаментах Государственного совета. Члены Совета не торопились. После обсуждения и принятия Государственным советом 9 июня 1854 г. постановления, император повелел:

1. Всё производство следственной комиссии передать в смешанный военный суд при Ставропольском уездном суде для рассмотрения и законного постановления о зачинщиках, руководителей и вообще главных виновников в возмущении.

2. Суду вменялось в обязанность, рассмотреть и решить о мерах ответственности распорядителей по имению и других причастных лиц, кроме братьев Калантаровых. Если же окажется, что нужно привлечь к ответственности кого-либо из Калантаровых, то представить о том по начальству так как «помещики, изблечённые в жестоких с крепостными людьми поступками, предаются суду не иначе, как по Особому Высочайшему повелению».

3. Смешанному суду открыть заседания без малейшего отлагательства, вместо смешанной комиссии «возможно поспешнее и отнюдь не далее, как через шесть месяцев со дня открытия суда.

4. Представить главному на Кавказе начальству, по окончании военно-судного дела, войти с особым представлением о мерах, которые должны быть приняты для отвращения на будущее время возмущения крестьян Масловского имения.

5. Сие имение, впредь до окончания военно-судного дела до разрешения означенного представления Главного на Кавказе начальства, оставить в опеке [8, л. 3–4].

Приступая к работе, суд потребовал представить ему всех обвиняемых. Поскольку арест такого большого количества людей мог вызвать новый взрыв недовольства в селе с непредсказуемыми последствиями, то по требованию председателя суда Иванова для обеспечения безопасности в селе в Маслов Кут были

направлены дополнительные воинские силы. В конечном итоге в село была введена только одна рота солдат из резервного батальона егерского полка, расквартированного в Георгиевске.

Нахождение её в Масловом Куте было, по мнению Пятигорского уездного исправника, очень важно и её постоянное «квартирование в селении совершенно необходимо до тех пор, пока будут продолжаться действия военно-судной комиссии, в отношении требования высылки людей из имения... теперь люди отправлены без больших затруднений, но при невежественности их понятий, со временем может встретиться земской полиции надобность в содействии с военной стороны» [8, л. 176].

Суд начал работать в ноябре 1854 года, несмотря на то, что к этому времени было доставлено только 40 виновных из 56 и «прикосновенных» 9 человек, «для скорейшего скончания дела» [8, л. 122]. Остальные отсутствовали в Масловом Куте, по словам Пятигорского уездного исправника «по разным отдалённым местам, вследствие чумацкой промышленности» [8, л. 166 об.].

Наконец 5 мая 1855 года, через два с лишним года после событий в селении Маслов Кут, смешанный военный суд вынес приговор по масловкутскому делу. Всего было осуждено 65 человек. Кроме того, за время следствия 7 человек умерло, один находился в бегах и один не был доставлен из воинской части. Никто к смертной казни приговорён не был, так как главные виновники погибли при подавлении выступления, да и время в стране в это время было напряжённое. 24 человека были приговорены ударами шпицрутенами 7–8 раз сквозь строй в 500 человек и каторжным работам на 12–14 лет. После такого наказания многие просто становились инвалидами. 24 человека приговорены к 80 ударам и ссылке в Восточную Сибирь. Остальные осуждены были к наказанию розгами 80 ударов и освобождению [9, л. 8–9].

Но экзекуция не состоялась. После смерти императора Николая I новый император Александр II при коронации в 1856 году своим манифестом помиловал осуждённых к телесным наказаниям. Летом 1856 года стали постепенно освобождать масловкутцев из тюремного замка, в первую очередь наименее сурово наказанных [8, л. 382].

Правительство искало пути освобождения масловкутских крестьян от крепостной зависимости. Даже рассматривался вопрос об их выкупе у помещиков Калантаровых. Но этот вопрос так и не был решён до отмены крепостного права в 1861 году. Само восстание крепостных крестьян селения Маслов Кут было одним из тех явлений, которое ускорило проведение крестьянской реформы.

Источники и литература

1. Записка по Масло-Кутскому имению, Канцелярии наместника Кавказского в 1856 году. Акты Кавказской археографической комиссии // Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией: [В 12-ти т.] / под общ. ред. А. Д. Берже. Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавк., 1904. С. 460-468.
2. ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 3254.
3. ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 3589.
4. ГАСК. Ф. 249. Оп.3. Д. 5144.
5. ГАСК. Ф. 52. Оп.1. Д. 408.
6. ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 3176.
7. ГАСК. Ф. 70. Оп. 1. Д. 758.
8. ГАСК. Ф. 70. Оп. 1. Д. 900.
9. ГАСК. Ф.101. Оп. 1. Д. 3253.
10. ГАСК.Ф. 79. Оп.1. Д.758.
11. Очерки истории Ставропольского края / ред. В.П. Невская. Т.1. Ставрополь: Книжное издательство, 1986. 485 с.

References

1. Zapiska po Maslov-Kutскому imeniyu, Kantselyarii namestnika Kavkazskogo v 1856 godu. Akty Kavkazskoy arkheograficheskoy komissii (*Note on the Maslov-Kut estate, the Office of the Viceroy of the Caucasus in 1856. Acts of the Caucasus Archaeographic Commission*) // Akty, sobrannye Kavkazskoy Arkheograficheskoy komissiyey: [In 12 Vols]. Tiflis: Printing House of the Viceroy of the Caucasus, 1904. P.460 – 468. (In Russian).
2. State archive of Stavropol territory (GASK). F. 101. Inv. 1. D. 3254. (In Russian).
3. GASK. F. 101. Inv. 1. D. 3589. (In Russian).
4. GASK. F. 249. Inv.3. D. 5144. (In Russian).
5. GASK. F. 52. Inv.1. D. 408. (In Russian).
6. GASK. F. 68. Inv. 1. D. 3176. (In Russian).
7. GASK. F. 70. Inv. 1. D. 758. (In Russian).
8. GASK. F. 70. Inv. 1. D. 900. (In Russian).
9. GASK. F.101. Inv. 1. D. 3253. (In Russian).
10. GASK.F. 79. Inv.1. D.758. (In Russian).
11. Ocherki istorii Stavropol'skogo kraya (*Essays on the history of the Stavropol Territory*) / ed V.P. Nevskaya. Vol.1. Stavropol': Book publishing house, 1986. 485 p. (In Russian).

Информация об авторе

Судавцов Николай Дмитриевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / 249609@mail.ru

Information about the author

Sudavtsov Nikolay – Doctor of Science (History), Leading Researcher, Department of Russian History, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / 249609@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ПЕЧАТИ В 1920-е ГОДЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»)

В статье рассматриваются практики репрезентации образа советской власти на страницах массового советского еженедельника «Огонек» в 1920-е гг. Утверждение новой государственной модели и политической власти в исследуемый период было сопряжено с массой противостоящих факторов. В условиях постреволюционной ситуации и постоянной борьбы за власть, советская власть стояла перед необходимостью не только своего силового утверждения, но и применения идеологического диктата и мифотворческих практик. Репрезентация образа советской власти была напрямую связана с политическими задачами рассматриваемого исторического периода и представляла собой различные стороны единого процесса становления советской власти. Журналом «Огонек» были выработаны определенные практики репрезентации образа власти с применением разнообразных тематических линий, с помощью которых он отражался. Немалое значение имело построение эмоционально-психологической привлекательности данного образа. Это в большей степени достигалось посредством отбора и представления фигур вождей, героев революции, мифологизации личности В. И. Ленина. Немаловажной со-

ставляющей образа власти стала позитивная репрезентация образа партии с помощью широкого представления партийных съездов. Инструментом репрезентации идеального образа власти было применение форм визуальной пропаганды. Образ советской власти являлся самым персонифицированным и мифологизированным в журнале, что было связано с необходимостью транслирования сценариев нового государственного и политического устройства, для которого еще не сформировались определённые социокультурные и политические условия в стране. Работая в русле официальной идеологии, «Огонек» оставлял в тени негативные и проблемные элементы политики власти, а также отрицательные и непривлекательные черты происходящих явлений. Так формировался позитивный образ власти, модель политического управления, обязательная для всей вертикали власти, и одновременно модель социального поведения советских людей, которая сводилась к приемам поддержки и одобрения любых действий власти.

Ключевые слова: образ советской власти, имажология, репрезентация, идеология, журнал «Огонек», визуальные формы пропаганды.

A. Tantseva

REPRESENTATION OF THE IMAGE OF SOVIET POWER IN THE PRESS IN THE 1920s ON PAGES OF THE WEEKLY OGONYOK

The article discusses the practice of representing the image of Soviet power on the pages of the mass Soviet weekly weekly Ogonyok in the 1920s. The approval of the new state model and political power during the study period was fraught with a host of opposing factors. In the conditions of the post-revolutionary situation and the constant struggle for power, the Soviet government faced the need not only for its forceful assertion, but also for the application of ideological dictatorship and myth-making practices. Representation of the image of Soviet power was directly related to the political tasks of the historical period under consideration and represented various aspects of the unified process of the formation of Soviet power. The weekly Ogonyok proposed practices for representing the image of power using a variety of thematic lines, through which it was reflected. Of considerable importance was the construction of the emotional and psychological attractiveness of this image. This was achieved through the selection and presentation of figures of leaders, heroes of the revolution, mythologization of the personality of V. I. Lenin. An important component

of the image of power was a positive representation of the image of the party with the help of a broad representation of party congresses. The tool for representing the ideal image of power was the use of forms of visual propaganda. The image of Soviet power was the most personified and mythologized in the weekly, which was associated with the need to broadcast scenarios of a new state and political system, for which certain sociocultural and political conditions in the country had not yet been formed. Working in line with the official ideology, Ogonyok did not reflect the negative and problematic elements of government policy, as well as the negative and unattractive features of the events. Thus a positive image of power was formed, a model of political governance, mandatory for the entire vertical of power, and at the same time a model of social behavior of Soviet people, which boiled down to methods of support and approval of any actions of the authorities.

Key words: image of the Soviet power, imagology, representation, ideology, the weekly Ogonyok, visual forms of propaganda.

Период 1920-х гг. является наименее изученным в исторической науке. Это время становления советской политической системы и выработки средств и форм управления всеми сферами жизни общества, формирование но-

вой идеологии, период поисков ответов советской власти на вызовы послереволюционного времени. Одним из инструментов пропаганды, воздействия на массовое сознание с целью формирования новой идеологии являлась периодическая печать. Обращение к журналу

«Огонек», который синтезирует в себе черты источников различных типов, словесную, цифровую и изобразительную информацию, официальные сообщения и авторские выступления, является актуальным в условиях новых подходов к изучению периодики, т.к. пресса всегда принимает форму и окраску тех социальных и политических структур, в рамках которых она функционирует, что позволяет проследить эволюцию конструирования и транслирования образа советской власти в 1920-е гг.

В статье под «образом власти», мы понимаем систему представлений общества о власти, включающую базовые аспекты (понятие о ее сущности, форме, функциях, обязанностях) и конъюнктурные аспекты (ожидания от конкретной власти определенных социально-политических действий) [35, с. 16]. Образ власти рассматривается как продукт соответствующей эпохи, как образ, конструируемый самой властью, что, безусловно, влияло на отражение в массовом повседневном сознании существующей социально-политической действительности. Мы разделяем точку зрения современных исследователей о том, что он имеет двойственную природу. С одной стороны, он является специфической социально-политической реальностью, а с другой, выступает как субъективный образ объективной реальности, как выражение социальных чувств, настроений, мнений, оценок. Поэтому образ формируется как целенаправленно (как результат воздействия идеологии), так и стихийно, являясь спонтанным отражением политических реалий в массовом сознании [11, с. 125–126]. Основными источниками при анализе образа власти в нашем случае служат позиционируемые авторами (корреспондентами, фотокорреспондентами, редакцией) образы, представленные в различных формах, в материалах журнала «Огонек».

При исследовании механизмов формирования и транслирования образа власти важное значение имели методологические основания междисциплинарного направления историческая имагология, которое изучает конкретно-исторические условия появления образов в общественном сознании. Как отмечают исследователи, сформированный образ представляет собой «динамическую систему представлений и мнений, обладающую как стереотипными, так и дифференцированными чертами, как рациональными, так и эмоциональным компонентами» [6, с. 10–11]. Важными являются стереотипы, которые отличаются «стабильностью, исторической устойчивостью и могут выступать как мифы и символы, объясняющие социально-исторический опыт той или иной национальной общности» [31, с. 96]. Характеристике образа власти как феномена массового повседневного

сознания, идее социального политико-властного конструкта, посвящена монография Т. М. Зуевой и Е. М. Шкилевой [11]. Базовые аспекты образа власти, историко-культурные предпосылки построения традиционной модели образа власти рассмотрены в монографии Н. А. Романович [35]. В трудах В. Брянцева, Е. В. Киселевой, показана репрезентация образа советской власти средствами агитации и пропаганды [3]. В исследованиях О.С. Поршневой рассмотрена эволюция образа верховной власти в сознании массовых слоев российского общества в XX в. [32] Осмыслению знаково-символического бытия власти посвящена работа Е. Г. Прилуковой, в которой показано, как образ власти, созданный и отражаемый с помощью знаков и символов, превращается в «силу, которая способна управлять обществом и человеком» [34].

Утверждение новой государственной модели в 1920-е годы происходило в противоречивых и сложных условиях постреволюционной ситуации, постоянной борьбы за власть, необходимости силового утверждения власти, применения идеологического диктата и мифотворческих практик. Репрезентация образа советской власти была напрямую связана с политическими задачами конкретного исторического периода и представляла собой различные стороны единого процесса утверждения советской власти. Одним из основных трансляторов новых ценностей и идей выступала печать, обладающая богатым набором медиальных инфраструктур, что в разы повышало эффективность ее воздействия.

Уже в начале 1920-х гг. в системе советской печати формируется самостоятельная группа изданий журнального типа универсального содержания. Специфика еженедельников заключалась в том, что они были нацелены на работу с массовым читателем, на освещение событий из различных областей жизни, формируя представление о новом обществе, через публикации и фотоматериалы, которые являлись в первую очередь репрезентантами советской власти. Одним из таких еженедельников был «Огонек», занимающий особое место в советском медиальном пространстве с момента своего воссоздания на новой советской основе в 1923 г. [37, с. 192] Редактором «Огонька» был выдающийся отечественный журналист Михаил Ефимович Кольцов (Фридлянд). За небольшой промежуток времени журнал расширил масштабы издательской деятельности, что в итоге привело к возникновению в феврале 1926 г. Смешанного акционерного издательского общества «Огонек», которое представляло собой крупнейшее издательство массовой периодики журнального и серийно-книжного типа, имевшее значительные хозяйственные

успехи [4, л. 31 об.]. Журнал «Огонек» стал тем еженедельником, который, отвечая на читательский спрос, не только давал разнообразную, развлекательную информацию, но и акцентировал внимание читателя на наиболее важных социально-политических и экономических проектах власти, информационно-пропагандистски сопровождая их претворение в жизнь.

Сам по себе образ советской власти, конструируемый в 1920-е гг. печатью, не являлся однородным. Его отражение в журнале раскрывалось, через серию основных тематических линий: Красная армия; государственная власть; партийная жизнь, культ вождя (В. И. Ленин); дореволюционное прошлое; революция и ее герои. С помощью этих тем журнал транслировал необходимые ценности и идеи, тем самым влияя на процесс формирования общественного сознания. В журнале сочетались различные формы информации: текстовой и визуальной, которая по-разному была представлена в зависимости от жанра, с помощью которого она передавалась: очерк (воспоминания), статья, фотоочерк, фотоколлаж, фотозаметка, фоторепортаж. Следует подчеркнуть, что инструментом репрезентации идеального образа власти было не только содержание материалов, но и их расположение. Визуальная и вербальная информация о политике советской власти всегда помещалась на первых страницах журнала. Таким же инструментом было разделение содержания издания на различные рубрики, которые включали в себя описание политических событий, трудовую и досуговую повседневность советской страны, материалы, направленные на формирование исторической памяти.

Тема «Красная армия» являлась ключевой составляющей образа власти. Военная тематика стала освещаться в журнале с 1923 г., но особую популярность получила в 1927 г., что было связано с ухудшением внешнеполитической ситуации в мире, разрывом СССР дипломатических отношений с Англией и Китаем. Об усилении военной риторики свидетельствует статья Председателя СНК СССР А.И. Рыкова «К неделе обороны», опубликованная в №28 «Огонька» 1927 г., в которой отмечалось: «Разрыв отношений Англии и СССР, произошедший по инициативе твердолобых консерваторов Великобритании, является угрозой мирной работе... Единственно достойным Октябрьской революции ответом на эту опасность может быть только новое мощное усилие широчайших народных масс в деле обеспечения обороны СССР» [36]. Публикации на эту тему чаще всего носили агитационный характер, должны были побуждать к действию. Например, очерк начальника Военной Академии РККА Р. Эйдемана «Красная армия на чеку», заканчивался

традиционным элементом агитации – призывом: «Мы не демобилизовали и не сократили свою готовность по первому призыву правительства и партии стать на защиту своего Октября. Красная армия – на чеку!» [46]. В журнале часто публиковались материалы о помощи Красной армии, в которых красноармеец предстал в образе народного защитника.

Представляя тему Красной армии, журналисты не освещали негативных моментов, таких как слабое материальное обеспечение, отсутствие мотивации и желания служить в армии, низкая боевая подготовка кадрового состава и т.д. А. А. Смирнов указывает, что: «в СССР 1920–30-х гг. командирами Красной Армии становились и люди, которые не только не видели в военной службе своего призвания, но и никогда бы не выбрали военную профессию по другим мотивам. Власть заставляла их сделаться профессиональными военными принудительно» [38, с. 145]. Данный факт автор объясняет стремлением советской власти иметь лояльные вооруженные силы. Поэтому командный состав формировался «из представителей тех социальных слоев, которые считались наиболее заинтересованными в социализме – из рабочих или, на худой конец, из крестьян-бедняков» [38, с. 145].

Ведущей в процессе раскрытия образа советской власти была тема «государственная власть», с помощью которой раскрывалась деятельность различных органов управления, публиковались материалы о проделанной работе, репрезентовалось так называемое «лицо власти». Распространёнными жанрами подачи материала являлись статья, очерк, фотозаметка, фотоочерк, фотоколлаж. Важную роль в конструировании образа власти играли формы визуальной пропаганды. С их помощью можно было достигнуть быстрого эмоционально-образного восприятия у читателя. С первых номеров журнал «Огонек» знакомил читателей с обликом новой власти, публикуя портреты государственных и партийных деятелей. В № 17 журнала за 1923 г. был помещен фотоколлаж «Портретный ряд – членов Совнаркома СССР» [45, с. 2]. Для репрезентации образа советской власти активно использовалась и обложка журнала. Так, на обложке журнала №20 за 1927 г. была опубликована фотография членов нового состава Президиума ЦИК СССР [28]; в № 8 за 1925 г. обложку украшал портрет М.И. Фрунзе [27]. В журнале можно встретить и биографии видных партийных и государственных деятелей, информацию о различных назначениях чиновников, освещение публичных церемоний траура по усопшим деятелям.

При раскрытии темы государственная власть в журнале использовался и жанр фото-

заметка. Так, в №4 за 1925 г. была опубликована фотозаметка «Совещание по советскому строительству», которая информировала читателей о совещании при президиуме ЦИК СССР, которое состоялось в январе 1925 г. в г. Москве и было посвящено вопросам работы низового советского аппарата [40, с. 10]. В №22 за этот же год была размещена фотозаметка «Малый Совнарком в новом составе» [20, с. 1] и рядом – статья его председателя М.С. Богуславского «Совнарком лицом к деревне», в которой автор писал о тесной связи с местными органами власти [1, с. 1]. С помощью фотозаметок журнал освещал поездки государственных деятелей и партийных функционеров по стране. Так, в №36 журнала за 1924 г. был опубликован целый фотояр от пятигорского корреспондента «Огонька» Коломенского: «Г. Е. Зиновьев на Кавказе» [16, с. 4], «Л. Б. Каменев на Кавказе» [13, с. 4]. Единству власти и народа был посвящен фотоочерк П. Оцупа «Всесоюзный староста на отдыхе», в котором рассказывалось об участии М. И. Калинина вместе с крестьянами своего села в полевых работах [30, с. 4]. Такие публикации имели определенное пропагандистское значение – давали возможность почувствовать свою сопричастность с властью, показывали близость ее народу, создавая контраст с образом царской власти.

Статьи в журнале помогали бороться с политической аморфностью, представляли образ открытой для народа власти. Очень часто авторами статей были руководители различных наркоматов, начальники управлений и служб. Так в «Огоньке» за 1923 г. в №10 была опубликована статья народного комиссара социального обеспечения Н. А. Милютин «Пять лет работы Наркомбеса». В ней от первого лица рассказывалось о работе ведомства, о той помощи инвалидам войны и жертвам контрреволюции, которую оказывал Собес [22, с. 7].

Органы власти – Советы также олицетворяли ценности коллективизма и идеи торжества масс. Они объединяли народные массы, обеспечивали все более полное вовлечение трудящихся в управление государством, организовывали контроль, привлекая к его осуществлению широкую общественность. Деятельности высшего органа власти г. Москвы – Моссовету – был посвящён фотоочерк Д. Маллори «Хозяин столицы советской», освещающий работу руководящего органа «пролетарской столицы» [19, с. 7]. В публикации использовались исключительно положительные оценки, социальный маркер «пролетарский» в тексте подчеркивал, что это власть рабочая, близкая народу.

Партийные органы оказывали значительное влияние на политические процессы и социально-экономические процессы в стране: «в обществе государственно-монополистического

социализма рекомендации, в том числе устные, партийных органов и руководителей имели силу гораздо большую, чем писанные законы. Страна жила на основе не Конституции, не законов, принятых безвластным Верховным Советом, а на основе партийных рекомендаций, секретных инструкций и т.д.» [12, с. 57]. Опора на государственную власть, ее всеисие неизбежно предполагала и оправдывала диктатуру государственных институтов, открывала путь к тоталитаризму, а государственная власть рассматривалась в качестве машины классового подавления. Через средства массовой информации большевики декларировали идеи сосредоточения законодательной и исполнительной власти в руках народа, выражавшееся в функционировании Советов, без создания разветвленного бюрократического аппарата. Провозглашенные идеи полностью воплотить в жизнь не представлялось возможным по многим причинам. После революции принцип комплектования органов власти сводился, прежде всего, к наличию революционных заслуг и членства в партии, поэтому зачастую у власти оказывались некомпетентные люди, не имевшие опыта управления.

Первоначально образ власти ассоциировался с новыми лидерами пролетарского государства и участниками Октябрьской революции, однако уже с начала 1920-х гг. он начинает приобретать персонифицированные черты в лице В. И. Ленина. В неустойчивый для власти период выдвижение В.И. Ленина, как лидера Советской России нашло отражение в культе вождя появление которого было обусловлено тем, что его фигура достаточно быстро приобрела знаковый характер и сознательно ассоциировалась с образом власти. До середины 1924 г. публикации, посвященные В. И. Ленину, были не так многочисленны, но уже в них можно проследить черты формирующегося культа, вылившиеся после смерти вождя в сакральный почитаемый образ. Об увековечивании памяти вождя повествует и очерк Г. Граева «В.И. Ленин в Салдатенковской больнице», посвященный установлению мемориальной доски в палате, где находился на лечении вождь [7, с. 4].

Публикации, посвященные переживанию народом утраты, постепенно сменяются на новые, в которых Ленин жив. Так постепенно рождался новый идеологический миф: «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!» Уже в апрельском номере журнала «Огонек» 1924 г. была напечатана фотография Ленина за трибуной с ярким заголовком: «Живой Ленин» [10]. Обложку №35 журнала за 1924 г. украшает фотография клумбы, в центре которой из цветов создан портрет В.И. Ленина в детском возрасте [26]. О сохранении голоса Ленина на граммо-

фонные пластинки рассказывал фотоочерк «Голос Ленина сохранен для потомков» [5, с. 11]. Лениниана была одним из элементов конструирования и отражения образа власти в 1920-е гг. Репрезентация в журнале «Огонек» идеализированного образа вождя в его различных ипостасях стало средством укрепления самой власти, с помощью ее представлялась тесная связь между вождем и обществом, которая не была утрачена после его смерти, а наоборот стала еще сильнее. Процесс формирования культа вождя окончательно будет завершён в 1930-е созданием культа личности Сталина. К концу 1920-х годов количество материалов, касающихся И. В. Сталина, возрастает, что также свидетельствует о начале формирования его культа личности [29].

Важнейшим конструктом образа власти выступает и тема «революция и ее герои», именно в ней была идеологически обоснована легитимность власти большевиков, и обозначены пути революционных преобразований. В журнале использовалась тематика революции и Гражданской войны с резким противопоставлением величия Октября как народного движения Февралю, для которого подбирались сатирические краски. Это противопоставление как метод пропаганды наблюдается при сравнении «своих» и «чужих». Уже с первых номеров в журнале «Огонек» появилась рубрика, которую условно можно назвать «Из революционного прошлого». В ней рассказывалось об истории революции, ее участниках и героях. Так, в № 8 – были напечатаны воспоминания члена общества старых большевиков Струве «Нелегальная типография ЦК большевиков» [41, с. 9].

Прошлое не только выступало важной частью настоящего в советском дискурсе, но и актуализировало практики коммеморации. Как отмечает И.Е. Кознова, «одной из форм коммеморации является празднование знаменательных и юбилейных дат значимых событий и исторических личностей. Они позволяют конкретизировать представления о взаимодействии культуры и политики» [15, с. 266–267]. В год десятилетнего юбилея революции в журнале «Огонек» №44 был опубликован большой фотоколлаж под названием «Борцы Октября, жизнь свою отдавшие делу революции – их нет с нами! Нарождающийся коммунистический мир веками будет чтить их имена» [2, с. 10–11]. Образ революции напрямую был связан с образом времени, осмыслением исторического прошлого. В теме «дореволюционное прошлое», представленной в «Огоньке» в различных визуальных формах пропаганды, корреспонденты рассказывали о самодержавии, Первой мировой войне, о тяжелом положении простого народа. В 1923 г. в «Огоньке» появилась специальная

рубрика «Кулисы истории», в которой печатались документы и материалы из недавнего исторического прошлого страны. Одним из первых был помещен очерк «Манифест великих князей», рассказывающий об отречении царя [21, с. 6–7].

Немало внимания уделял журнал и истории революционного движения, статья с говорящим названием «Крепость царизма», была посвящена узникам Шлиссельбургской крепости. Статья начиналась словами: «В Англии – Тауэр, во Франции – Бастилия. А у нас – Шлиссенбург, там сидели наши революционеры во времена Александра III и Николая II...» [17, с. 3]. О важности данной темы в дискурсе советской власти, пишут и современные исследователи: «Власть обращается к историческому прошлому для формирования идентичности «сегодня». Память о прошлом включает в себя ценностно окрашенные образы и эталонные образцы как ориентиры для поведения членов советского общества. Власть, конструируя память, формирует нужные ей установки и актуализирует те события и персонажи из прошлого, которые выстраиваются в соответствии с логикой советского исторического мифа» [18, с. 66].

На позитивный образ власти работали и тема народности власти, и демонстрация заботы о благополучии трудового народа, по средствам представления материалов с различных съездов и партийных конференций. Материалы, посвященные теме «партийная жизнь», как правило, располагались на первых страницах журнала в виде фотозаметок, фоторепортажей и фотоколлажей, в которых явно виден приоритет фотографии над словом. Только за 1923 г. в разных номерах журнала были помещены материалы с открытия партсъезда [8], съезда работников искусства [24, с. 7], заседания Центральной избирательной комиссии, утвержденной на XII съезде РКП (б) [25, с. 2].

Фотоколлаж – еще один пропагандистский визуальный жанр, активно используемый «Огоньком», позволяющий компоновать различные фотографии, связанные одной темой на формирование определенного образа. Например, фотоколлаж «III-й Всесоюзный съезд Советов», подготовленный П. Оцупом, С. Тулесом, А. Шайхетом был напечатан в №23 за 1925 г. [42, с. 9–10] На фотографиях изображались не только известные политические лидеры, но и простые советские граждане. Улыбающиеся счастливые лица создавали новый канон для визуальных форм пропаганды, который был узнаваем, представлял новые черты советского человека.

При раскрытии темы «партийная жизнь» использовался и такой жанр, как фоторепортаж – фотохроника событий, когда на читателя влиял именно образ, созданный фотографом (ракурс

снимка, отбор снимков для публикации, расположение фото в журнале, акценты и т.д.). Так, например, в №4 за 1923 г. был напечатан фоторяд (фотографии делегатов), посвященный открытию XII съезда РКП (б) [8, с. 8]. Уже в следующем номере публиковались снимки рабочих, крестьян выбирающих своих делегатов на этот съезд, фоторепортаж П. Оцуца и В. Лободы о работе самого съезда [9, с. 1–3], фоторепортаж «XIV съезд РКП(б)» [44, с. 1], освещавший ход заседаний. Значительное количество публикаций по данной теме во многом объяснялось относительной демократизацией политической жизни, существовавшим в тот период плюрализмом мнений.

Число публикаций по теме возрастает в 1925 г. и в 1927 г., что объясняется работой XIV и XV съездов партии, которая нашла отражение на страницах журнала. Целая серия публикаций была посвящена XV съезду партии: фотоколлаж С. Фридлянда «Избранникам великой партии, передовым строителям социализма, бойцам грядущей международной революции, XV съезду – наш привет» [43, с. 10–11.], фотоочерк «Привет XV съезду партии» [33, с. 1]. Корреспонденты делали акцент на массовости и значимости проводимых мероприятий, разнообразии участников. Как отмечают исследова-

тели такие материалы не только создавали всеобщую гегемонию позитива, но и «показывали сегодняшний день страны Советов как мир уже снятых противоречий» [39, с. 193]. Репрезентация достижений советского государства в различных сферах способствовала укреплению власти, одобрению обществом проводимых реформ.

Конструируемый в журнале «Огонек» образ советской власти выступал как образец тех черт, которые в представлении народа и составляли сущность народной власти – стремление создать новый справедливый общественный строй, тесная связь с народом, глубокое понимание народных чаяний. Это достигалось, прежде всего, посредством персонификации образа, подробной текстовой визуальной информации о работе органов власти, освещение их деятельности исключительно с положительных сторон. Следуя в русле официальной идеологии, «Огонек» оставлял в тени негативные и проблемные элементы политики советской власти. Так формировалась общая модель политического управления, обязательная для всей вертикали власти, и одновременно модель социального поведения советских людей, которая сводилась к приемам поддержки и одобрения любых действий власти.

Источники и литература

1. Богуславский М. С. Совнарком лицом к деревне // Огонек. 1925. №22. С.1.
2. Борцы Октября, жизнь свою отдавшие делу революции // Огонек. 1927. №44. С.10-11.
3. Брянцев М. В. Образ Советской власти в представлении крестьян в годы Гражданской войны (на материалах Государственного архива Брянской области) // Проблемы истории советского государства и общества. Сборник научных трудов. Вып. II. Брянск, 2008. С.93-108.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 2306. Оп. 69. Д.2088.
5. Голос Ленина сохранен для потомков // Огонек. 1924. №27. С.11.
6. Голубев А. В., Поршнева О. С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М.: Новый хронограф, 2012. 392 с.
7. Граев Г. В. И. Ленин в Солдатенковской больнице // Огонек. 1924. №19. С.4.
8. Двенадцатый съезд РКП (б) (открытие) // Огонек. 1923. №4. С.8.
9. Двенадцатый съезд РКП (б) (фото Оцуп П., Лобода В.) // Огонек. 1923. № 5. С.1-3.
10. Живой Ленин (фото Леонидова Я.Л.) // Огонек. 1924. №14. Обложка.
11. Зуева Т. М., Шкилева Е. М. Образ власти: социальные конструкты повседневного дискурса современных россиян. Зерноград: Азово-Черноморский инженерный ин-т ФГБОУ ВПО ДГАУ, 2015. 200 с.
12. Ильин В. И. Государство и социальная стратификация советского общества 1917–1966 гг.: Опыт конструктивистского-структуралистского анализа. Сыктывкар: СГУ, 1996. 349 с.
13. Каменев Л. Б. на Кавказе // Огонек. 1924. № 36. С. 4.
14. Киселева Е. В. Власть Советов: у истоков создания образа (по материалам Орловской и Брянской губерний). Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования Российская акад. народного хоз-ва и гос. службы при Президенте Российской Федерации, Брянский фил. Брянск: Ладомир, 2013. 201 с.
15. Кознова И. Е. Прошлое в пространстве советской культуры и политики // Ярославский педагогический вестник. 2016. №4 С.266-271.
16. Коломенский. Г. Е. Зиновьев на Кавказе // Огонек. 1924. №36. С.4.
17. Крепость царизма // Огонек. 1925. №3. С.3.
18. Кутдусова В. А. Первая мировая война в советском печатном дискурсе 1920–1940-х гг. // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. №3. С.66-76.
19. Маллори Д. Хозяин столицы советской // Огонек. 1929. № 27. С. 7.
20. Малый Совнарком в новом составе // Огонек. 1925. № 22. С. 16.
21. Манифест великих князей // Огонек. 1923. № 1. С.6-7.
22. Милютин Н. А. «Пять лет работы Наркомсбеса» // Огонек. 1923. №10. С.7.
23. Нелегальная типография ЦК большевиков // Огонек. 1923. №8. С.9.
24. Огонек. 1923. № 7. 16 с.
25. Огонек. 1923. № 8. 16 с.
26. Огонек. 1924. № 35. Обложка. 16 с.
27. Огонек. 1925. № 8. Обложка. 16 с.
28. Огонек. 1927. № 20. Обложка. 20 с.
29. Огонек. 1929. № 51–52. Обложка. 25 с.

30. Оцуп П. Всесоюзный староста на отдыхе // Огонек. 1924. №34. С.4.
31. Поляков О. Ю., Полякова О. А. Имагология: теоретико-методологические основы. Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования "Вятский гос. гуманитарный ун-т". Киров: Радуга-Пресс, 2013. 162 с.
32. Поршнева О. С. Эволюция образа верховной власти в сознании массовых слоев российского общества в начале XX в. // Российский политический менталитет: образ власти в глазах общества XX в.: Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции. Москва: РУДН, 18-19 мая 2007 г. М.: Изд-во РУДН, 2007. С. 188-196.
33. Привет XV съезду партии // Огонек. 1927. №50. С.1.
34. Прилукова Е. Г. Власть образов: знаково-символическое бытие власти. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2011. 204 с.
35. Романович Н. А. Формирование и воспроизводство образа власти в российском обществе. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2009. 400 с.
36. Рыков А. И. К неделе обороны // Огонек. 1927. №28. С.1.
37. Скороходов Г. А. Михаил Кольцов: Критико-биографический очерк. М.: Советский писатель, 1959. 237 с.
38. Смирнов А. А. Принудительное комплектование Красной армии командными начальствующим составом в 1920–1930-е гг. // Пространство и время. 2014. №4. С.144-149.
39. Советская власть и медиа. Сб. статей / под. ред. Х. Гюнтера и С. Хэнсген. СПб.: Академический проект, 2005. 621 с.
40. Совещание по советскому строительству // Огонек. 1925. №4. С.16.
41. Струве. Нелегальная типография ЦК большевиков // Огонек. 1923. №8. С.9.
42. III-й Всесоюзный съезд Советов (фото Оцуп П., Тулес С., Шайхет А.) // Огонек. 1925. №23. С. 9-10.
43. Фридлянд С. Фотоколлаж // Огонек. 1927. №50. С.10-11.
44. XIV съезд РКП(б) (фото ВЦИК) // Огонек. 1926. №2. С.1.
45. Члены Совнаркома СССР // Огонек. 1923. №17. С.16.
46. Эйдеман Р. Красная армия на чеку // Огонек. 1927. №39. С.1.

References

1. Boguslavskij M. S. Sovnarkom licom k derevne (*Council of People's Commissars facing the village*) // Ogonyok. 1925. No. 22. P.1. (In Russian).
2. Borcy Oktyabrya, zhizn' svoyu otdavshie delu revolyucii (*The fighters of the October Revolution, who gave their lives to the cause of the revolution*) // Ogonyok. 1927. No.44. P.10-11. (In Russian).
3. Bryancev M. B. Obraz Sovetskoj vlasti v predstavlenii krest'yan v gody Grazhdanskoj vojny (na materialah Gosudarstvennogo arhiva Bryanskoj oblasti) (*The image of Soviet power in the view of peasants during the Civil War (based on materials from the State Archive of the Bryansk Region)*) // Problemy istorii sovetskogo gosudarstva i obshchestva. Sbornik nauchnyh trudov. Issue. II. Bryansk, 2008. P.93-108. (In Russian).
4. State archive of Russian Federation. F. 2306. Inv. 69. D.2088. (In Russian).
5. Golos Lenina sohranen dlya potomkov (*The voice of Lenin is reserved for posterity*) // Ogonек. 1924. No.27. P.11. (In Russian).
6. Golubev A. V., Porshneva O. S. Obraz soyuznika v soznanii rossijskogo obshchestva v kontekste mirovyh vojn. (The image of an ally in the minds of Russian society in the context of world wars). Moscow: Novyj hronograf publ., 2012. 392 p. (In Russian).
7. Graev G. V.I. Lenin v Soldatenkovskoj bol'nice (*Lenin in the Soldatenkovsky hospital*) // Ogonек. 1924. No.19. P. 4. (In Russian).
8. Dvenadcatyj s'ezd RKP (b) (otkrytie) (*The Twelfth Congress of the RCP (B.) (Opening)*) // Ogonек. 1923. No.4. P. 8. (In Russian).
9. Dvenadcatyj s'ezd RKP (*The Twelfth Congress of the RCP*) (b (foto Ocup P., Loboda V.) // Ogonек. 1923. No.5. P.1-3. (In Russian).
10. Zhivoj Lenin (*Living Lenin*) (foto Leonidova Ya. L.) // Ogonек. 1924. No.14. Cover. (In Russian).
11. Zueva T.M., Shkileva E. M. Obraz vlasti: social'nye konstrukty povsednevnogo diskursa sovremennyh rossiyan (*The image of power: social constructs of the everyday discourse of modern Russians*). Zernograd: Azov-Black Sea Engineering Institute publ., 2015. 200 p. (In Russian).
12. Il'in V. I. Gosudarstvo i social'naya stratifikaciya sovetskogo obshchestva 1917–1966 gg.: Opyt konstruktivistskogo-strukturalistskogo analiza. (*The state and social stratification of Soviet society 1917-1966: The experience of the constructivist-structuralist analysis*). Syktyvkar: SSU publ., 1996. 349 p. (In Russian).
13. Kamenев L. B. na Kavkaze (*Kamenев L. B. in the Caucasus*) // Ogonек. 1924. No.36. P.4. (In Russian).
14. Kiseleva E. V. Vlast' Sovetov: u istokov sozdaniya obraza (po materialam Orlovskoj i Bryanskoj gubernij) (*Power of the Soviets: at the origins of creating the image (based on materials from the Oryol and Bryansk provinces)*). Bryansk: Lodomir, 2013. 201 p. (In Russian).
15. Koznova I. E. Proshloe v prostranstve sovetskoj kul'tury i politiki (*The past in the space of Soviet culture and politics*) // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2016. No.4. P.266-271. (In Russian).
16. Kolomenskij, G. E. Zinov'ev na Kavkaze (*Zinoviev in the Caucasus*) // Ogonек. 1924. No.36. P.4. (In Russian).
17. Krepost' carizma (*The fortress of tsarism*) // Ogonек. 1925. No.3. P.3. (In Russian).
18. Kutdusova V. A. Pervaya mirovaya vojna v sovetskom pechatnom diskurse 1920-1940-h gg. (*The First World War in the Soviet printed discourse of the 1920–1940s.*) // Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnyh issledovanij. 2014. No.3. P. 66-76. (In Russian).
19. Mallori D. Hozyain stolicy sovetskoj (*The owner of the Soviet capital*) // Ogonек. 1929. No.27. P. 7. (In Russian).
20. Malyj Sovnarkom v novom sostave (*Sovnarkom in the new composition*) // Ogonек. 1925. No.22. P.16. (In Russian).
21. Manifest velikih knyazej (*The manifesto of the great princes*) // Ogonек. 1923. No.1. P.6-7. (In Russian).
22. Milyutin N. A. Pyat' let raboty Narkombsba (*Five years of the work of the People's Commissariat of Labor*) // Ogonек. 1923. No.10. P.7. (In Russian).
23. Nelegal'naya tipografiya CK bol'shevikov (*Illegal typography of the Central Committee of the Bolsheviks*) // Ogonек. 1923. No.8. P.9. (In Russian).
24. Ogonек. 1923. No.7. 16 p. (In Russian).
25. Ogonек. 1923. No.8. 16 p. (In Russian).
26. Ogonек. 1924. No.35. Cover. 16 p. (In Russian).
27. Ogonек. 1925. No.8. Cover. 16 p. (In Russian).
28. Ogonек. 1927. No.20. Cover. 20 p. (In Russian).
29. Ogonек. 1929. No.51–52. Cover. 25 p. (In Russian).
30. Ocup P. Vsesoyuznyj starosta na otdyhe (*All-Union Warden on vacation*) // Ogonек. 1924. No.34. P.4. (In Russian).
31. Polyakov O. Yu., Polyakova O. A. Imagologiya: teoretiko-metodologicheskie osnovy (*Imagology: theoretical and methodological foundations*). Kirov: Raduga-Press publ., 2013. 162 p. (In Russian).

32. Porshneva O. S. Evolyuciya obraza verhovnoj vlasti v soznanii massovyh sloev rossijskogo obshchestva v nachale XX v. (*The evolution of the image of the supreme power in the consciousness of the mass layers of Russian society at the beginning of the XX century*) // Rossijskij politicheskij mentalitet: obraz vlasti v glazah obshchestva XX v.: Materialy XI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Moskva: RUDN, 18–19 maya 2007 g. Moscow: RUPF publ., 2007. P. 188-196. (In Russian).
33. Privet XV s"ezdu partii (*Hello XV Party Congress*) // Ogonek. 1927. No.50. P.1. (In Russian).
34. Prilukova E. G. Vlast' obrazov: znakovo-simvolicheskoe bytie vlasti (*The power of images: the sign-symbolic existence of power*). CHelyabinsk: Izdatel'skij centr YUUrGU, 2011. 204 p. (In Russian).
35. Romanovich N. A. Formirovanie i vosproizvodstvo obraza vlasti v rossijskom obshchestve (*Formation and reproduction of the image of power in Russian society*). Voronezh: VSU publ., 2009. 400 p. (In Russian).
36. Rykov A. I. K nedele oborony (*To the week of defense*) // Ogonek. 1927. No.28. P.1. (In Russian).
37. Skorohodov G. A. Mihail Kol'cov: Kritiko-biograficheskij ocherk (*Mikhail Koltsov: Critical and Biographical Essay*). Moscow: Sovetskij pisatel', 1959. 237 p. (In Russian).
38. Smirnov A. A. Prinuditel'noe komplektovanie Krasnoj armii komandnymi nachal'stvuyushchim sostavom v 1920–1930-e gg. (*Forced recruitment of the Red Army by commanding officers in the 1920-1930s.*) // Prostranstvo i vremya. 2014. No.4. P.144-149. (In Russian).
39. Sovetskaya vlast' i media (*Soviet power and the media*) / ed. by H. Gyunter and S. Hensgen. St. Petersburg: Akademicheskij proekt, 2005. 621 p. (In Russian).
40. Soveshchanie po sovetскому stroitel'stvu (*Meeting on Soviet construction*) // Ogonek. 1925. No.4. P.16. (In Russian).
41. Struve. Nelegal'naya tipografiya CK bol'shevikov (*Illegal typography of the Central Committee of the Bolsheviks*) // Ogonek. 1923. No.8. P.9. (In Russian).
42. III-j Vsesoyuznyj s"ezd Sovetov (*III-th All-Union Congress of Soviets*) (foto Ocup P., Tules S., SHajhet A.) // Ogonek. 1925. No.23. P. 9-10. (In Russian).
43. Fridlyand S. Fotokollazh (*Photocollage*) // Ogonek. 1927. No.50. P.10-11. (In Russian).
44. XIV s"ezd RKP(b) (*XIV Congress of the RCP (b)*) (foto VCIK) // Ogonek. 1926. No.2. P.1. (In Russian).
45. Chleny Sovnarkoma SSSR (*Members of the Council of People's Commissars of the USSR*) // Ogonek. 1923. No.17. P.16. (In Russian).
46. Ejdeman R. Krasnaya armiya na cheku (*The Red Army on the alert*) // Ogonek. 1927. No.39. P.1. (In Russian).

Сведения об авторе

Танцевова Анастасия Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии, истории и социальных технологий Российского университета транспорта (РУТ, МИИТ) (Москва) / tantsevova@mail.ru

Information about the author

Tansevova Anastasia – PhD in History, Associate Professor, Chair of Political Science, History and Social Technologies Russian University of Transport (RUT, MIIT) (Moscow) / tantsevova@mail.ru

ТЕНДЕНЦИИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА МАЙКЛА КОЛЛИНЗА В ИРЛАНДИИ

В плеяде героев и мучеников ирландского национального движения личность Майкла Коллинза, одной из ярчайших фигур Ирландской революции, выделяется не только постоянным и неослабевающим вниманием со стороны историков, политологов, но и постоянно привлекает внимание литераторов, средств массовой информации. Фактически, начиная с момента его трагической гибели и до сегодняшнего дня образ Коллинза как не сходит со страниц специальных изданий, так и проявляет себя в Интернет-ресурсах, таким образом, расширяя круг читающей аудитории. Интернет-сообщество, к тому же, позволяет читателям мгновенно высказывать свою точку зрения на представления различных граней его личности и многогранной деятельности героя. Наблюдается довольно активная трансформация образа Коллинза с течением времени. Новые поколения авторов и потребности и запросы новых поколений читателей диктуют необходимость раскрывать новые стороны личности Коллинза. От традиционной для начала XX в. героизации Коллинза в настоящее время наблюдается трансформация в оценочных характеристиках личности. Всё больше внимания уделяется чисто человеческим характеристикам персонажа. Такие новации продиктованы не только расширением «ойкумены» стандартного образа героя, вторжением в те сферы, например, его личной жизни, которые ранее были либо на периферии интереса, либо вообще не затрагивались. Не

меньшее влияние на формирование многогранного образа Майкла Коллинза оказывает изменение ментальных особенностей современного общества, формирование нового культурного кода. Такая «всеядность» читателей нового поколения свидетельствует о том, что создана новая историко-культурная парадигма. Трансформация образа Майкла Коллинза в исследовательской литературе, в публицистике, в популярных изданиях, в мировой Сети не призвана каким-то коренным образом изменить представление читающей публики в направлении негатива в отношении героя, а лишь раз свидетельствует о новых «стандартах», свойственных западной культуре. Внимание к персонажам Ирландской революции ожидаемо усилилось в связи со столетней годовщиной этого важнейшего события национальной истории, празднование которого продолжается и в настоящее время. Предложенная тема актуальна, таким образом, в нескольких аспектах и выходит за границы анализа только личности Коллинза. В отечественной историографии нет исследований, посвящённых анализу представления Коллинза в специальной литературе, как и в общественном мнении и восприятии.

Ключевые слова: Майкл Коллинз, Ирландия, ирландский национализм, Шинн Фейн, Ирландское Республиканское Братство, Имон де Валера, Гражданская война в Ирландии.

I. Shishkina

TRENDS IN IMAGE REPRESENTATION OF MICHAEL COLLINS IN IRELAND

In the galaxy of heroes and martyrs of the Irish national movement, the personality of Michael Collins, one of the most prominent figures of the Irish Revolution, stands out not only by constant and unflagging attention from historians, political scientists, but also constantly attracts the attention of writers and the media. In fact, from the moment of his tragic death to the present day, the image of Collins both does not leave the pages of special publications and manifests itself in Internet resources, thus expanding the areola of the reading audience.

The online community, in addition, allows readers to instantly express their point of view on the representations of the various facets of his personality and the multifaceted activities of the hero. A rather active transformation of the Collins image over time is observed. New generations of authors and the needs and demands of new generations of readers dictate the need to reveal new aspects of Collins' personality. From the Collins's heroization, traditional for the beginning of the 20th century, a transformation is currently observed in the evaluative characteristics of the personality. More and more attention is paid to the purely human characteristics of the character. Such innovations are dictated not only by the expansion of the "ecumenical" standard image of the hero, by the invasion of those areas, for example, his personal life, which were previously either on the periph-

ery of interest or were not touched at all. No less influence on the formation of the multifaceted image of Michael Collins has a change in the mental characteristics of modern society, the formation of a new cultural code. This "omnivorous" readers of the new generation indicates that a new historical and cultural paradigm has been created. The transformation of the image of Michael Collins in research literature, in journalism, in popular publications, on the World Wide Web is not called to somehow fundamentally change the reading public's direction in the direction of negative attitude towards the hero, but once again testifies to new "standards" inherent in Western culture. The attention to the characters of the Irish Revolution was expectedly strengthened in connection with the centennial of this most important event in national history, the commemoration of which continues to this day. The proposed topic is, therefore, relevant in several aspects and goes beyond the analysis of only Collins' personality.

In domestic historiography there are no studies devoted to the analysis of Collins' representation in the specialized literature, as well as in public opinion and perception.

Key words: Michael Collins, Ireland, Irish Nationalism, Sinn Féin, Irish Republican Brotherhood, Eamon de Valera, Civil war in Ireland.

Майкл Коллинз является одной из ключевых политических фигур Ирландской революции – член националистической организации Ирландское Республиканское Братство и партии Шинн Фейн впоследствии, он занимал посты министра внутренних дел и министра финансов в Правительстве самопровозглашенной в 1918 г. Ирландской Республики и был одним из подписантов Англо-ирландского договора. После этого он стал главой временного правительства и главнокомандующим Ирландского Свободного Государства. При этом дополнительный авторитет его фигуре придавало участие в Пасхальном Восстании 1916 г., с которого началась Ирландская революция, и участники которого стали героями в глазах ирландского общества. Безусловно Майкл Коллинз, будучи яркой фигурой на политической арене Ирландии, не мог ещё при жизни не стать объектом живого интереса населения, средств массовой информации и спецслужб Великобритании.

Но особенно характерен образ, сформировавшийся *post mortem*, вошедший навсегда в историю. Здесь стоит отметить, что первая половина века после его смерти – это время, когда его имя звучало со страниц прессы, которая и была главным рупором и фактором формирования общественного мнения. Позднее акценты смещаются, про него снимают фильмы, телепередачи, однако публикации в прессе, теперь зачастую в Интернет-изданиях, продолжают играть важную роль – они доступны населению, написаны простым языком, на знакомство с ними требуется совсем немного времени. Кроме того, это удобный индикатор, который мгновенно подстраивается под читательский интерес и отражает его в большей степени. Хотя с исторической точки зрения конечно на первый план выходят варианты его биографии, число которых продолжает расти, особенно в последние годы, когда страна отмечает «десятилетие столетия» революции. Монографии о Коллинзе отчасти отражают трансформацию его образа, но стоит отметить, что серьезные исторические издания не подвержены существенным пересмотрам в силу изначально высокого уровня своей объективности.

Образ Коллинза, представляемый на первых порах в основном средствами массовой информации, проходил определенные этапы трансформаций. Во-первых, стоит отметить, что прижизненный этап характеризуется, по мнению историков, сознательными усилиями Коллинза по формированию имиджа активного политика, «человека действия» [10, р. 19–21]. Подобный вывод делается из двух фактов:

1) Коллинз в переписке поднимал тему важности роли средств массовой информации,

прессы и фото- и кинофиксации в информационной политике и «политике памяти», как мы бы сегодня сказали, молодого государства. То есть, он демонстрировал уверенное понимание важности визуальных средств пропаганды [10, р. 19–20].

2) Его отказ от статичного позирования для фото. Все его фотографии – это образы Коллинза, спешащего [10, р. 20–21]. В Вестминстер на обсуждение статей договора Ирландии и Великобритании, в Правительство Ирландии, в военный штаб... В большинстве случаев Майкл Коллинз не останавливался ни на минуту видя, что его фотографируют, какие бы важные для страны моменты это ни были, например, не пожелал позировать он в самый кульминационный момент борьбы за независимость – при передаче полномочий английской стороной национальному Правительству, хотя данную церемонию можно было обставить со всей пышностью и это было бы уместно с учетом ее исторического значения.

Считается, что такой подход в сочетании с первым фактором означает его стремление создать имидж «занятого» политика, непрерывно заботящегося о государственных интересах и экономящего каждую минуту для этого. Но нам кажется, что такой до крайности целостный, продуманный и прагматичный подход, достойный скорее протестанта, чем католика, является в большей степени поздним конструктом, современной и не обязательно благожелательной интерпретацией поведения Коллинза. Так мы знаем, что и в ранний период своей жизни он старался избегать фотографирования. Объясняется это как правило тем, что, будучи весьма активным не только в риторике, но и в делах националистом, он не желал снабжать британскую разведку своим фото. Когда фотографии избежать не удавалось, например, на свадьбе у боевого соратника, он использовал головной убор и наклон головы, чтобы «смазать» портрет. Возможно, дело не только в разведке, т.к. «легализовавшемся», полностью угодно у Великобритании фристейтеру Коллинзу не имело никакого смысла продолжать играть в игры в упоминаемый выше момент трансфера власти. Поэтому с нашей точки зрения его настойчивую «неуловимость» для фотографов можно объяснить помимо традиционной трактовки и личной антипатией к позированию.

Сразу после гибели Майкла Коллинза начинает формироваться окружающий его ореол павшего в неравном бою героя. В прессе, вышедшей в последующие дни, прослеживается характерный посмертный образ, который с

интересом анализируется современными исследователями, например, Йеном МакКином, который дает подробное освещение последовавших за национальной трагедией статей [8]. Он отмечает, что большой вклад в формирование такого образа внесло одно из старейших националистических изданий страны *Freeman's Journal*, который не только напомнил читателям о лучших чертах павшего героя, о его смелости и готовности пожертвовать жизнью ради своей страны, но и положил начало формированию мифа вокруг его гибели. Характерно, что *Freeman's Journal* с момента своего основания в 1763 г. никогда не являлся сторонником революционного направления в ирландском национальном движении. Однако его влияние на массы было всегда значительным, и в этом смысле издание, безусловно, внесло свою лепту в формирование такого стереотипа личности Коллинза.

Журнал сильно преувеличил количество нападавших и показал Коллинза не только ожесточенно и упорно обороняющимся, что в общем-то не вполне согласовалось с длительностью столкновения, но и символически простившим в предсмертное мгновение своих политических оппонентов [8, р. 24].

На этом фоне отличалась сравнительной «политизированностью» традиционно оппозирующая *Freeman's Journal Irish Independent*, так как в посмертных статьях больше внимания уделяла деятельности Коллинза, в том числе и антибританской [8, р. 24]. Издание также акцентирует причины, которые побудили его поддерживать Договор даже ценой раскола страны. Таким образом, газета не останавливала своей деятельности по убеждению населения в правильности позиций Коллинза и новых официальных властей Ирландии и в неправоте сил, сплотившихся вокруг де Валеры и развязавших Гражданскую войну.

Главный рупор противников англо-ирландского договора *Poblacht na hÉireann* опубликовал статью Эрскина Чайлдерза, бывшего соратника Коллинза, генерального секретаря ирландской делегации, подписавшей Англо-ирландский договор, который, однако, стал ярким противником документа и присоединился к лагерю де Валеры. В статье Чайлдерз выражал сожаление о гибели старого товарища и признавал его храбрость, вину же за происходящее он возлагал на британцев, приведших, по его мнению, Ирландию к Гражданской войне [8, р. 25].

The Irish Times, принадлежащая протестантским кругам, старалась быть сдержанной, однако обращала внимание на то, что Майкл Коллинз несомненно был позитивной политической фигурой, здравомыслящим и заботящимся об интересах страны политиком [8, р. 24–25].

Belfast Telegraph также счел необходимым выдержать нейтральный и уважительный тон, однако обратил внимание на то, что практика нападения на силы правопорядка из заставы, столь распространившаяся в Южной Ирландии за время борьбы за независимость, ударила по их собственному главнокомандующему [8, р. 25]. Здесь стоит отметить, что он и был одним из инициаторов использования подобных методов, что добавляет статье некоторой остроты. Также газета выразила надежду, что соотечественники последуют тем путем, к которому их призывал Коллинз – откажутся от Гражданской войны и решат придерживаться англо-ирландского договора.

Cork Examiner, который в тот момент строго цензурировался в связи с особо напряженной ситуацией в Корке, был корректно информативен, но в одном был солидарен с британской прессой – после смерти Коллинза Гражданская война станет более ожесточенной [8, р. 25]. Данная мысль повторяется в разных изданиях по обе стороны от Ирландского моря. Очевидно, что Коллинз выглядел наиболее трезвомыслящим, сдержанным и рациональным политическим деятелем, с которым можно было успешно сотрудничать. Хорошей иллюстрацией позиций британской прессы можно считать статьи в *The Times*, например, от 24 августа 1922 г., где еще раз дается обзор жизни Коллинза с упоминанием и участия в событиях 1916 года, и периодах тюремного заключения, и того времени, когда он скрывался от британских властей [12]. Тем не менее, статья рисует Коллинза в некоторой степени авантюристом, в частности внимание привлекают красочные истории о том, как ловко он уходил от сил правопорядка. Однако звучат и ноты уважения в упоминаниях его преданности своей миссии на посту министра финансов, его борьбы за Англо-ирландский договор и стремления выйти из Гражданской войны с наименьшими потерями. Характеристика Коллинза как «самого прилежного из тех, кто трудился ради свободы Ирландии» является лейтмотивом статьи [12].

В итоге подобные публикации заложили фундамент дальнейших оценок Коллинза в прессе, историографии и общественном мнении Ирландии. В относительно современной рефлексии отмечается несколько моментов характерных для тона посмертных статей. Во-первых, это гиперболизация военного героизма Коллинза в конкретном бою, масштабы которого часто преувеличивались, во-вторых, смещение акцентов с государственной деятельности Майкла Коллинза на военную [10]. Вторая точка зрения остается дискуссионной из-за многогранного характера его деятельности. Тем не менее, долгое время эти особенности

репрезентации образа оставались типическими. Вероятно, не в последнюю очередь это связано с тем, что подобная подача материала добавила легитимности молодому ирландскому государству.

Здесь стоит обратить внимание на особенности культурных героев Ирландии. Безусловно, временное отсутствие суверенной государственности на протяжении долгого времени и борьба за нее привели к тому, что в Ирландии сложился культ павших борцов за независимость, возведенных в ряд сакральных фигур, которые почитаются вне зависимости от их конкретных политических взглядов, и в то же время не сложилось традиции почитания государственных деятелей. Хотя Коллинз – это одна из фигур, заложивших ирландскую государственность, за которую так долго боролись. Таким образом, здесь стоило бы его возвести в более высокую степень почитания именно в этом качестве, как человека, реализовавшего цель, ради которой пали эти сакральные герои, а не ставить его искусственно в один ряд с ними. Однако фактически мы наблюдаем сакрализацию Коллинза именно как павшего в бою борца за независимость, особенно в первые полвека после его смерти.

Стоит отметить и ещё один момент. Коллинз – чуть ли не единственный почитаемый командующий гражданских войн, причём почитаемый обеими сторонами. Здесь в некоторой степени смерть «спасла его» от молвы. При жизни его могли обвинять и обвиняли в том, что он продался Ллойд Джорджу и подписал «предательский» договор. Но он оплатил свои взгляды жизнью, чем заслужил уважение своей позиции. Кроме того, он был избавлен от ошибок, которые совершают все политические деятели, например, тот же Имон де Валера, который остается дискуссионнейшей фигурой. К слову, по мнению автора ряда книг о революционном периоде Тима Кугана и однобокое «боевое», и долгое более скромное освещение образа Коллинза, может быть связано с позицией Имона де Валеры, занимавшего противоположную сторону в Гражданской войне, впоследствии закрепившегося на ключевых государственных постах до 1973 года [3]. Ни освещение смерти прославленного лидера фристейтеров от рук формально подконтрольных де Валере вооруженных формирований, ни формирование имиджа Коллинза как яркого политического деятеля не были в интересах весьма авторитарного де Валеры, который, очевидно, как раз старался закрепитесь в качестве первого представителя нового образа культурного героя – строителя ирландской государственности. Казалось бы, это правильная оценка применительно к суверенному государству, республике, но традици-

онно отсчет «новой эры» независимой Ирландии начинается все же с Ирландского Свободного Государства, в котором Коллинз бесспорно был первой ключевой фигурой. Здесь стоит отметить, что вероятно причины опасаться подобного у де Валеры были, и сравнения и аналогии естественны в отношении этих двух ярких лидеров революции. Небезынтересно и то, что впоследствии в фильме «Майкл Коллинз» Нила Джордана мы видим не только игру на этих сравнениях, но и то, что подспудно де Валера становится антагонистом и гораздо более слабым героем по сравнению с Коллинзом.

Наконец, в современном изображении Майкла Коллинза последних десятилетий появляется указанная рефлексия, новые ракурсы. Начинает более равномерно освещаться его политическая и административная деятельность, пересматриваются прошлые оценки на предмет объективности, наблюдается уход от пропагандистской риторики в публицистических публикациях и исторических исследованиях. Кроме того, обращается внимание на ранее малоизвестные грани его деятельности. Так, например, Джим Пауэр, видный экономический эксперт, приглашенный в качестве почетного гостя на церемонию одной из последних годовщин смерти героя, отметил, что Коллинз – представитель наиболее прогрессивных экономических взглядов среди представителей революционного поколения, равный Шону Лемассу, знаменитому реформатору ирландской экономики [11]. Он обратил внимание на то, что идеи Коллинза во время его пребывания в должности министра экономики были весьма прогрессивны, однако его ранняя гибель привела к тому, что на многих начинаниях был поставлен крест, и страна обратилась к протекционизму, введшему ее в многолетнюю стагнацию.

Обращает на себя внимание символизм происходящего – в 2019 году, когда прошел почти век после гибели человека, занимавшего пост министра финансов, впервые на почетной церемонии выступает экономист. Это очень важный поворот к адекватному оцениванию фигуры Коллинза.

Стоит отметить также, что подобные церемонии, в том числе и с привлечением военных, проводятся ежегодно, и всегда привлекают внимание патриотов, их посещение становится доброй традицией в некоторых семьях [1].

Однако, возвращаясь к современным оценкам Майкла Коллинза, можно констатировать, что совсем уйти от символизма не получается, так как, несмотря на разницу в подходах к оценке, его фигура и сегодня остается краеугольным камнем, лежащим в фундаменте ирландской государственности. Поэтому традиция символической репрезентации продолжена

в современных работах, здесь, например, интересны повторяющиеся аналогии с апостолами и, вероятно, еще более возвышенные христологические намеки [2, 7]. Безусловно, это особое и крайне важное прочтение фигуры Коллинза для католической Ирландии, подчеркивающее сакральность героя революции. Стоит отметить, что его религиозные воззрения также вызывают живой интерес [4].

Еще одной характерной чертой сегодня становится романтизация и сексуализация образа, что в большей степени прослеживается на материалах массовой прессы и Интернет-изданий. В частности, отношения между Майклом Коллинзом и Китти Кирнан позиционируются не только как романтические, а зачастую и как любовные. Этому начинает уделяться больше внимания, начиная с 90-х годов, а недавно эта пара была включена в список шести великих ирландских историй любви по версии *The Irish Times*, что придало новый символизм фигуре Коллинза [9]. В немалой степени обогатила данную грань личности героя Меда Райан, историк, написавшая книгу «Майкл Коллинз и женщины в его жизни» [13]. Она существенно «расширила список» женщин, связанных с Коллинзом, включая сюда и его родственниц, добрых знакомых, женщин, активно участвующих в ирландском национальном движении и его секретаря. Позже книга была переиздана в несколько исправленном и дополненном виде с еще более громким заголовком «Майкл Коллинз и женщины, которые шпионили в пользу Ирландии» [14]. Тенденция продолжается в новом веке, в частности ведутся исследования, «дорисовывающие» образ Коллинза через изучение его «любовных» писем, в которых, тем не менее, основной темой являются военно-политические события [6]. Кроме того, появляются и упоминания о других женщинах, которые были близки в каком-либо смысле с Коллинзом. В частности, в прессе активно освещалась продажа на аукционе его переписки с Мойей Ллевелин-Дэвис, сотрудничавшей с Коллинзом и предоставлявшей ему убежище, когда он скрывался от британских властей [15]. Эти тенденции заходят настолько далеко, что в прессе встает вопрос не только о наличии сексуального опыта у Коллинза, но и о количестве партнеров и о его ориентации [5].

На наш взгляд, такое «очеловечивание» героя созвучно современным тенденциям в отношении видных персон мировой или национальной истории. Герои, не переставая быть таковыми, получают черты, пусть неординарные, но всё-таки человека. Это вполне нормальный подход, однако крен в интимную жизнь нередко приводит даже не к перекосам в характеристике персонажей, а невольно затеняет их деяния, их

значимость в истории. Грань эта тонка и часто неуловима. Хотелось бы полагать, что в большинстве случаев, «интимизация» той или иной личности носит характер не столько сенсационности, сколько является попыткой дать всеобъемлющую характеристику персоны.

Проследив отдельные, представляющие на наш взгляд наибольший интерес, этапы трансформаций образа Майкла Коллинза в Ирландии, можем заметить, что, безусловно, сегодня наиболее актуальными являются кажущиеся довольно нестандартными, непервостепенными, измерения его личности и деятельности. Объективно мы должны отметить, что ключевые аспекты – это его революционная деятельность в Ирландском Республиканском Братстве и Шинн Фейн, политическая – на посту министра финансов, и военная – в качестве главнокомандующего. Тем не менее, сегодня ярко проявляется интерес к иным граням. И здесь мы должны понимать, что это вопрос не характеристик Коллинза, а характеристик современного общества. Какой бы не была фигура, ее восприятие и оценка возможны только сквозь призму общественного восприятия, обусловленного определенной культурной парадигмой. И данная парадигма естественно динамична, эту динамику мы и наблюдаем – образ Майкла Коллинза ожидаемо трансформируется, и процессы, происходящие в ирландском обществе, проходящие в ирландском ментальном пространстве, подсвечивают то одну, то другую грань его личности и деятельности, при этом отражая не столько их важность в жизни самого героя или в истории страны, а именно эти культурные трансформации. Вероятно, происходящие трансформации помогают адаптировать образ Майкла Коллинза для современного поколения ирландцев, замещая экспрессивно-символический и военный аспекты почитанием объективных заслуг и «очеловечиванием» Майкла Коллинза, что показывает важные изменения в мировоззрении, ценностях и культуре Ирландии. Безусловно, в некоторых моментах мы видим негативный аспект в виде происходящего некоего искажения картины, как в случае с гипертрофированным вниманием к его личной жизни. Однако помимо естественности данного процесса, что не позволяет нам его каким-либо образом оценивать, есть и позитивное его измерение, которое заключается в обогащении образа Майкла Коллинза, реактуализации его как культурного героя для новых поколений ирландцев. И, вероятно, мы увидим и новые трансформации его образа, а настоящие тенденции позволяют надеяться на то, что это будет как минимум более сбалансированный, с более пропорционально выстроенными характеристиками, реалистичный образ.

Источники и литература / References

1. Béal na mBláth Annual Commemoration. URL: <http://www.bealnamblathcommemoration.com/> (Accessed: 05.09.2019).
2. Coogan T. P. The Twelve Apostles: Michael Collins, the Squad, and Ireland's Fight for Freedom. New York: Skyhorse, 2018. 336 p.
3. Coogan T. P. Michael Collins: A Biography. London: Hutchinson, 1991. 480 p.
4. Kenny M. Michael Collins's Religious Faith // Studies: An Irish Quarterly Review. Vol. 96. No. 384 (Winter 2007). P.423-431.
5. McEvoy D. Michael Collins was a great lover as well as a fearsome fighter // Irish Central. 2016. Nov 15. URL: <https://www.irishcentral.com/roots/history/was-michael-collins-irelands-answer-to-don-juan-a-virgin-or-gay> (Accessed: 05.09.2019).
6. McEvoy D. New Michael Collins love letters to Kitty Kiernan discovered // Irish Central. 2018. Oct 18. URL: <https://www.irishcentral.com/roots/history/new-michael-collins-love-letter-to-kitty-kiernan-discovered> (Accessed: 05.09.2019).
7. McEvoy D. The 13th Apostle: A Novel of Michael Collins and the Irish Uprising. New York: Skyhorse Publishing, 2014. 592 p.
8. McKeane I. Michael Collins and the media—then and now // History Ireland. 1995. Vol.3. No. 3 (Autumn). P.23 – 27.
9. O'Connell S. Six great Irish love stories, six great romantic getaways // The Irish Time. – 2019. Feb 9. URL: <https://www.irishtimes.com/life-and-style/travel/ireland/six-great-irish-love-stories-six-great-romantic-getaways-1.3774497> (Accessed: 05.09.2019).
10. Regan J. Looking at Mick Again; demilitarising Michael Collins // History Ireland. 1995. Vol.3. No. 3 (Autumn). P.17-23.
11. Roche B. Michael Collins most progressive economic view of revolutionaries - Jim Power // The Irish Time. 2019. Aug 15. URL: <https://www.irishtimes.com/news/ireland/irish-news/michael-collins-most-progressive-economic-view-of-revolutionaries-jim-power-1.3987499> (Accessed: 01.09.2019).
12. Romantic career. Elusive Michael Collins. Hairbreadth escapes // The Times. 1922. August. 24.
13. Ryan M. Michael Collins and the Women in His Life. Cork: The Mercier Press Ltd, 1996. 208 p.
14. Ryan M. Michael Collins and the Women who Spied for Ireland. Cork: Mercier Press, 2006. 224 p.
15. The women in Collins's life // The Irish Time. 2007. May 5. URL: <https://www.irishtimes.com/news/the-women-in-collins-s-life-1.1204662> (Accessed: 01.09.2019).

Информация об авторе

Шишкина Ирина Борисовна – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории зарубежных стран и востоковедения Воронежского государственного университета (Воронеж) / shi-alte@mail.ru

Information about the author

Shishkina Irina – PhD in History, Lecturer, Chair of History of Foreign States and Oriental Studies, Voronezh State University (Voronezh) / shi-alte@mail.ru

УДК: 347.73

А. В. Гладчук

АУДИТ В СФЕРЕ ЗАКУПОК КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАСХОДОВАНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ В КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ

Процесс расходования бюджетных средств страны неразрывно связан с осуществлением финансового контроля по их эффективному и целевому использованию. В значительной степени финансовый контроль затрагивает сферу осуществления получателями бюджетных средств закупочных процедур для обеспечения своей деятельности и выполнения своих функций. Через контрактную систему в сфере закупок происходит расходование большей части бюджетных средств государства.

Законодательство о контрактной системе согласно ч. 1 ст. 2 Закона № 44-ФЗ основывается на положениях Бюджетного кодекса Российской Федерации и при проведении процедур закупок товаров, работ, услуг заказчиками используются бюджетные средства, в целях осуществления качественного и всестороннего финансового контроля, в рамках аудита в сфере закупок контрольно-счетными органами Российской Федерации охватываются вопросы по эффективному использованию заказчиками бюджетных средств при осуществлении закупок.

В данной научной статье раскрываются содержание, проблематика и направление развития аудита в сфере закупок, механизмы аудита эффективности, проводимого контрольно-счетными органами Российской Федерации, как необходимого условия реализации внешнего финансового контроля сферы закупок в целях повышения эффективности расходования бюджетных средств в контрактной системе.

При этом в статье классифицируются типы наиболее распространенных нарушений законодательства о контрактной системе в сфере закупок и

практика контрольных органов по их выявлению и предупреждению в дальнейшем, а также предлагаются меры по совершенствованию результатов процедур закупок с точки зрения качества, результативности и достижения необходимых задач, определяемых Законом № 44-ФЗ, в том числе совершенствования мероприятий, проводимых в рамках аудита закупок. В рамках осуществления деятельности по аудиту закупок необходимо ориентировать вопросы мероприятий проверок главным образом на выявление фактов, обеспечивающих связь выявленного нарушения с не эффективным расходованием бюджетных средств и не достижением определенных законодательством о контрактной системе и бюджетным законодательством Российской Федерации результатов закупки.

Учитывая изложенное выше, а также связь между бюджетными правоотношениями и осуществлением аудита в сфере закупок контрольно-счетными органами Российской Федерации с целью соблюдения бюджетного законодательства и иных нормативных правовых актов, регулирующих правоотношения по составлению, исполнению и расходованию бюджетных средств страны в сфере закупок, подтверждается актуальность темы рассматриваемой в данной статье.

Ключевые слова: аудит в сфере закупок, контрактная система в сфере закупок, контрольно-счетные органы, бюджетные средства, аудит эффективности, финансовый аудит, ИНТОСАИ, ФАС России.

A. Gladchuck

AUDIT PROCUREMENT AS A TOOL TO IMPROVE THE EFFICIENCY OF SPENDING BUDGET FUNDS IN THE CONTRACT SYSTEM

The process of spending the country's budget is inextricably linked to the implementation of financial controls on their effective and targeted use. To a considerable degree of financial control affect the implementation of the budget holders of purchasing procedures to ensure its activities and the performance of its functions. Through the contract system in the field of procurement is spending most of the budget of the state.

The legislation on the contract system in accordance with part 1 of article 2 of the Law № 44-FZ is based on the provisions of the Budget code of the Russian Federation and during the procurement procedures of goods, works and services customers use budget funds

in order to implement quality and comprehensive financial control, in the audit in the field of procurement control and accounting bodies of the Russian Federation cover issues on the effective use of budget funds by customers in procurement.

This scientific article reveals the content, problems and direction of development of audit in the field of procurement, mechanisms of efficiency audit conducted by the control and accounting bodies of the Russian Federation as a necessary condition for the implementation of external financial control of procurement in order to improve the efficiency of budget spending in the contract system.

At the same time, the article classifies the types of the most common violations of the legislation on the contract system in the field of procurement and the practice of control bodies to identify and prevent them in the future, and also proposes measures to improve the results of procurement procedures in terms of quality, effectiveness and achievement of the necessary tasks defined by Law No. 44-FZ, including the improvement of activities carried out in the framework of procurement audit. As part of the implementation of procurement audit activities, it is necessary to focus the issues of audit activities mainly on the identification of facts that link the identified violation with the inefficient spending of budgetary funds and the failure to achieve the results of procurement determined by the legislation on the contract

Аудит в сфере закупок (далее – аудит закупок) регламентированный в соответствии со статьей 98 Федерального закона от 05.04.2013 №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон №44-ФЗ, Закон о контрактной системе) осуществляется в соответствии с полномочиями, закрепленными за Счетной палатой Российской Федерации (далее – Счетная палата) и контрольно-счетными органами субъектов и муниципальных образований [9].

Полномочия по осуществлению аудита в сфере закупок (далее – аудит закупок) закреплены в соответствии с российским законодательством за контрольно-счетными органами (далее – КСО) так, например, указанное полномочие осуществляется органами государственного внешнего финансового контроля, а именно Счетной палатой РФ, КСО субъектов РФ, КСО муниципальных образований [9]. Согласно положениям части 2 статьи 98 Закона №44-ФЗ Счетной палатой РФ и КСО субъектов и муниципальных образований проводится оценка деятельности и анализируются результаты закупок по достижению целей, определенных в соответствии с Законом №44-ФЗ [9].

В целях проведения аудита закупок установлен необходимый перечень мероприятий, регламентированных нормами Закона №44-ФЗ. К указанным мероприятиям относятся: экспертно-аналитическая деятельность, информационная и иная деятельность, целью которой является проверка, анализ и оценка информации о законности, целесообразности, обоснованности, эффективности и результативности расходов на закупки [9, ч. 3 ст. 98].

Деятельность по осуществлению финансового контроля в виде государственного аудита закупок представляет собой новый институт финансовых правоотношений, что подтверждается недостаточной разработанностью российского законодательства, регулирующего указанную сферу. Несовершенство и недоста-

system and the budget legislation of the Russian Federation.

Taking into account the above, as well as the relationship between budget relations and the implementation of audit in the field of procurement by control and accounting bodies of the Russian Federation in order to comply with budget legislation and other regulatory legal acts regulating legal relations on the preparation, execution and expenditure of budget funds of the country in the field of procurement, the relevance of the topic discussed in this article is confirmed.

Keywords: audit in the field of procurement, contract system in the field of procurement, control and accounting bodies, budget funds, efficiency audit, financial audit, INTOSAI, FAS Russia.

точность разработки правовых норм подтверждается, например, положениями Закона №44-ФЗ устанавливающего лишь общий порядок осуществления аудита закупок. Учитывая изложенное выше, Законом №44-ФЗ регламентируются положения отражающие общий порядок осуществления проверок и проведения мероприятий аудита закупок. Указанное подтверждает в свою очередь недостаточность качества и эффективности проведения проверок в сфере закупок [9].

В основе аудита закупок, при осуществлении его уполномоченными органами Российской Федерации, субъектов и муниципальных образований используются принципы финансового контроля.

Деятельность уполномоченных органов на осуществление аудита закупок регламентируется не только нормами правовых актов о контрактной системе, но и нормами финансово-правовых актов, а именно нормами Бюджетного кодекса Российской Федерации, Федерального закона от 5 апреля 2013 года №41-ФЗ «О счетной палате Российской Федерации» (далее – Закон № 41-ФЗ), Федеральным законом от 7 февраля 2011 года №6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований», нормативными правовыми актами, издаваемыми самими КСО, в том числе о порядке проведения аудита закупок.

Аудит закупок неразрывно связан с определением аудита эффективности в сфере закупок и при определении указанного понятия необходимо отражать взаимосвязь процедур закупок с бюджетным процессом, учитывая, что эффективность использования бюджетных средств, в том числе при осуществлении закупок, является основополагающим принципом бюджетной системы. Согласно статье 34 БК РФ указанный принцип определяет достижение участниками бюджетного процесса необходимого результата с использованием наименьших

затрат на каждой из стадий бюджетного процесса, а именно при составлении и исполнения бюджетов [2].

Необходимо отметить, что при сравнении данного принципа с закрепленными стандартами ИНТОСАИ, понимание эффективности в системе российского права соответствует международным стандартам, закрепленным в международных правовых актах.

Процедура закупки представляет собой длительный процесс осуществления последовательных действий заказчика, начиная с планирования путем формирования плана и план-графика закупок на очередной финансовый год и плановый период, с целью обоснования бюджетных ассигнований на осуществление закупок и заканчивая отчетами об исполнении заключенных контрактов по окончании финансового периода.

Учитывая связь при осуществлении закупочных процедур с бюджетным процессом на разных его стадиях при планировании, предоставлении и использовании бюджетных средств на закупку товаров, работ, услуг, критерием эффективности закупок является отношение результата качества и соответствия требований, устанавливаемых для товаров, работ, услуг к размеру израсходованных бюджетных средств.

Учитывая изложенное выше, можно определить понятие аудит эффективности в сфере закупок (далее – аудит эффективности закупок, аудит закупок), как совокупность методов оценки экономической эффективности и результативности деятельности государственных и муниципальных заказчиков по расходованию средств бюджета и достижению целей, определяемых законодательством о контрактной системе в сфере закупок в установленные сроки и с заданным результатом качества при осуществлении закупок товаров, работ, услуг.

Законом №44-ФЗ в рамках проведения аудита закупок регламентирована проверка направляемых на закупки расходов с точки зрения целесообразности, обоснованности и своевременности [9, ч. 3 ст. 98].

Проведение процедур закупок заказчиками в соответствии с установленными Законом №44-ФЗ целями подпадает под понятие целесообразность закупок, осуществление установленных функций учреждения; реализация государственных и муниципальных программ; выполнение международных обязательств [9].

Обоснованность закупок включает в себя соблюдение требований, установленных законодателем к формированию и утверждению плана и план-графика закупок [9].

В законодательстве о контрактной системе отсутствует понятие своевременность закупок и не регламентируется принцип своев-

временности, но учитывая правоприменительную практику, под своевременностью закупки понимается планирование закупок с учетом норм бюджетного планирования и проведение процедур закупки заблаговременно, учитывая срок проведения закупок, для достижения ее целей. Так, например, при обосновании закупок на следующий год и формировании плана закупок Заказчик обязан соблюдать требования нормативных затрат, утвержденных главным распорядителем бюджетных средств по общему правилу до доведения лимитов бюджетных обязательств, в некоторых случаях по решению высшего исполнительного органа субъекта, муниципального образования Российской Федерации до представления субъектами бюджетного планирования обоснований бюджетных ассигнований в порядке, установленном финансовым органом.

При проведении аудита эффективности закупок проверке подлежат, как отдельные закупочные процедуры, так и вся совокупность действий по осуществлению деятельности проверяемого объекта как заказчика [5].

Понятие аудита эффективности отражается в научной литературе, как проверка экономичности, эффективности и продуктивности использования организацией собственных ресурсов при осуществлении задач и обязательств [8].

По результатам проведения аудита эффективности закупок у контрольных органов нет задачи оценить законность процедуры закупки, так как в процессе аудита осуществляется анализ и оценка результатов проведения закупочных процедур. В законе о контрактной системе не регламентировано положения о достижении заказчиками наилучшего результата с использованием наименьшего объема бюджетных средств, основной целью закупок для государственных и муниципальных нужд и осуществление только аудита эффективности закупок не позволяет сформировать условия для прозрачности таких закупок, укрепления правосознания конкурентности в обществе.

Таким образом, аудит эффективности закупок не содержит в себе основной задачи по выявлению незаконных действий со стороны должностных лиц заказчиков проверяемых объектов, а обеспечивает оценку степени их профессионализма, в том числе соответствие занимаемой должности и целесообразность предоставления финансовых ресурсов в их распоряжение.

Согласно положениям пункта 13 части 1 статьи 13 Закона № 41-ФЗ деятельность Счетной палаты по осуществлению аудита закупок в рамках выполнения своих задач, [10] является самостоятельным видом контроля, осуществляемого, указанным КСО. Следует отметить,

что при установлении, указанного выше полномочия отсутствует законодательное закрепление положений, регламентирующих порядок проведения данного вида аудита.

Необходимо отметить, что согласно международными правовыми актам финансовый аудит и аудит эффективности являются видами аудита, в соответствии с положениями Лимской декларации руководящих принципов контроля (далее – Лимская декларация) [3].

С точки зрения научного подхода основными формами деления финансового контроля являются: финансовый аудит, аудит соответствия, аудит эффективности [1, с. 98–100].

Согласно нормам Закона №41-ФЗ, с точки зрения развития установленный международными стандартами подхода, закрепляются положения о деятельности Счетной палаты в рамках финансового аудита, аудита эффективности, в том числе положения о стратегическом аудите и о возможности проведения иных видов аудита [10, ч. 4 ст. 14].

Отдельные полномочия Счетной палаты согласно Закону №41-ФЗ должны рассматриваться в дополнение к правоотношениям, складывающимся в рамках финансового аудита специальным предметом: аудит в сфере закупок товаров, работ и услуг [10, ч. 12 ст. 14].

Согласно части 5 статьи 14 Закона №41-ФЗ предметом проверок в рамках финансового аудита является документальная проверка в целях выявления в пределах полномочий Счетной палаты достоверности финансовых операций, бюджетного учета, бюджетной и иной отчетности, целевого использования федеральных и иных бюджетных средств, в рамках проверок финансово-хозяйственной и иной деятельности контрольных объектов [10]. Учитывая изложенное, к предмету контроля можно отнести соответствие принятых расходных обязательств, бюджетных средств установленным требованиям российского законодательства о контрактной системе на всех этапах закупки, наличие и соответствие установленным требованиям всех форм исполнительной и отчетной документации.

При осуществлении закупочных процедур, соответствующие правоотношения содержат в себе нормы требования и запреты, в том числе технического характера, например, работа в ЕИС или на электронных торговых площадках [4]. В понятии финансового аудита не содержится положений по осуществлению процедуры оценки процессов технического характера. Исходя из практической деятельности по осуществлению финансового контроля за процедурами закупок, совершаются формальные ошибки по содержанию, отраженному в установленных формах документов, и нарушению

сроков, установленных законодательством Российской Федерации о контрактной системе. Указанные нарушения допускаются, ввиду невнимательности или в связи с неправильным пониманием норм действующего законодательства благодаря отсутствию профессиональных знаний необходимых для исполнения обязательных норм действующего законодательства.

Контроль за законностью проводимых заказчиком процедур относится к аудиту соответствия.

Учитывая положения статьи 72 БК РФ процедуры закупок осуществляются с учетом положений БК РФ, таким образом процедура закупок является составной частью бюджетного процесса, а законность и обоснованность начальных максимальных цен контрактов и сумм принятых бюджетных обязательств включает в себя законность правоотношений, складывающихся при осуществлении заказчиками процедур закупок. Учитывая изложенное выше, аудит соответствия необходимо рассматривать в качестве составной части финансового аудита в рамках проведения проверок в отношении закупочных процедур на предмет их «соответствия действующему бюджетном законодательству» [10].

При проведении аудита закупок необходимо включать в вопросы мероприятия: соблюдение заказчиками требований по составлению документации, утверждаемой для проведения закупочных процедур, соблюдение требований по проведению отдельных видов закупочных процедур, соблюдение общих требований к заказчику о наличии необходимых локальных актов для осуществления закупок, наличия необходимого количества обученных сотрудников, членов комиссии по закупкам.

Учитывая изложенное выше, а также положения ст. 98 Закона №44-ФЗ под предметом аудита закупок в широк смысле можно понимать соблюдение нормативных правовых актов в сфере закупок.

Необходимо отметить, что при проведении аудита закупок уполномоченные должностные могут отражать в актах проверки нарушения норм иного законодательства, выявленные в ходе проведения аудит с целью дальнейшей передачи информации о выявленных нарушениях в органы по соответствующей компетенции.

Согласно статье 98 Закона №44-ФЗ устанавливаются полномочия органов аудита по проверке эффективности и результативности расходов, направляемых на закупки для достижения целей их осуществления [9].

Отдельный вид аудита подразумевается согласно статье 4 Лимской декларации основным вопросом осуществления, которого является достаточность эффективности и экономности расходования государственных средств,

и который охватывает в своем осуществлении специфику управленческой деятельности, с точки зрения организации и административного элемента [3].

Российским законодательством о контрактной системе аудит закупок закрепляется в качестве специфического полномочия КСО Российской Федерации, КСО субъектов и муниципальных образований. Нерешенным остается вопрос по разграничению компетенции КСО и иных органов, уполномоченных на осуществление контроля в сфере закупок.

Учитывая наличие формального разграничения компетенции указанных органов согласно положениям статьи 99 Закона №44-ФЗ, необходимо регламентированное решение вопроса об организации взаимодействия при «пересечении» мероприятий по проведению отдельных проверок деятельности заказчиков и деятельности складывающейся в рамках правоотношений по использованию бюджетных средств, учитывая, что в действующем законодательстве РФ не находят отражения нормы устанавливающие порядок согласования мероприятий проверок и их планов между КСО и иными контрольными органами.

Законодательством о контрактной системе определены органы, осуществляющие контрольную деятельность: осуществляющие функции по кассовому обслуживанию исполнения бюджетов, в части соответствия информации об объемах финансового обеспечения, органы внутреннего государственного финансового контроля, в части соблюдения требований закона №44-ФЗ и иных нормативных правовых актов в сфере закупок, главные распорядители бюджетных средств, в рамках ведомственного контроля [9].

Открытым остается вопрос о мерах реагирования, применяемых по итогам деятельности контрольных органов и КСО. В силу требований законодательства контрольные органы имеют право осуществлять административное производство. Выдавать обязательные для исполнения предписания и обращаться в суд с требованиями о признании проведенных закупок недействительными, то КСО специальных мер реагирования в рамках аудита закупок лишены и могут пытаться препятствовать незаконному и неэффективному использованию средств в рамках общей компетенции. Отсутствие права на судебное оспаривание итогов закупок существенно ограничивает эффективность деятельности КСО.

Счетной палатой за период с января по декабрь 2017 год было проведено 175 контрольных мероприятий, включающих в себя проверку закупочной деятельности заказчиков 340 объектов контроля [6].

В результате проведенных в 2017 году контрольных мероприятий было выявлено 2178 нарушений законодательства о контрактной системе в сумме 104,6 млрд. рублей, в 2016 году 823 нарушения в сумме более 48,8 млрд. рублей. Выявленные Счетной палатой нарушения за период с января по декабрь 2017 года по применению законодательства о контрактной системе увеличились в 2 раза по сравнению с предыдущим годом [6].

Указанное увеличение по нарушениям законодательства о контрактной системе напрямую связано с утверждением методических рекомендаций по проведению аудита закупок, в том числе, учитывая большее количество проверок и проверяемых объектов, а также совершенствование доступности и открытости информации, размещаемой на портале ЕИС [6].

Наиболее распространенные нарушения законодательства о контрактной системе в зависимости от суммы выявляемых Счетной палатой нарушений, можно выделить следующие:

- нарушения обязательных условий исполнения контрактов, в том числе установленных сроков, включая выполнение заказчиками условий по соблюдению сроков оплаты контракта (68,2% от общей суммы выявленных нарушений);
- нарушения установленных правил при обосновании начальной цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (13,1%);
- неисполнение обязательств по заключению и оплате контрактов в нарушение бюджетного законодательства Российской Федерации с превышением пределов доведенных лимитов бюджетных обязательств (11,2%);
- неисполнение обязательных условий заключенных контрактов по приемке и оплате товаров, работ, услуг (2,4%);
- неисполнение обязанности заказчиком по применению мер ответственности по контракту, установленной в соответствии с Законом № 44-ФЗ, а именно не применение мер взыскания неустойки (пени, штрафов) в результате нарушения поставщиком, подрядчиком условий заключенного контракта (1,4%);
- несоблюдение требований, установленных Законом № 44-ФЗ по внесению изменений в контракт (0,8%).

Согласно сведениям по ФАС России, за период с января по декабрь 2017 г. от Счетной палаты было зарегистрировано 110 обращений, предположительно имеющих состав правонарушений нарушения законодательства о контрактной системе, из них подтверждено 65 обращений. В результате оценки поступивших фактов по указанным обращениям были подтверждены 181 нарушение, из которых 105 фактов (58%) подпадали под административное

правонарушение. Всего ФАС России было взыскано по результатам административного производства на сумму 743 тыс. рублей [6].

В целях выполнения своих полномочий и достижения задач, определенных Законом №41-ФЗ Счетная палата на основании соглашений осуществляет взаимодействие с КСО субъектов РФ в целях координирования и совершенствования деятельности по осуществлению внешнего финансового контроля, в том числе аудита закупок.

В целях совершенствования результатов процедур закупок с точки зрения качества, результативности и достижения необходимых задач, определяемых Законом №44-ФЗ, в том числе совершенствования мероприятий, проводимых в рамках аудита закупок, особое внимание требуется уделить внедрению следующих элементов контрактной системы:

- разработка и утверждение на уровне Российской Федерации большего количества с учетом разнообразия отдельных видов объекта закупок типовых контрактов;

- разработка и законодательное утверждение обязательных императивных норм, регламентирующих порядок обоснования начальных максимальных цен при осуществлении закупок;

- разработка и включение в открытой единой информационной системе в виде единого каталога цен, как по отдельным субъектам

Российской Федерации, так и на Федеральном уровне для государственных нужд о средних рыночных ценах на товары, работы, услуги с целью применения заказчиками доступной информации для обоснования начальных максимальных цен контракта методом сопоставимых рыночных цен;

- совершенствование функций портала ЕИС в целях обеспечения своевременного контроля за деятельностью заказчиков по осуществлению закупок на всех стадиях закупочного процесса.

В рамках осуществления деятельности по аудиту закупок необходимо ориентировать вопросы мероприятий проверок не только на выявление фактов несоблюдения условий заключенных контрактов, как со стороны заказчика, так и поставщика, но и главным образом фактов, обеспечивающих связь выявленного нарушения с не эффективным расходованием бюджетных средств и не достижением определенных законодательством о контрактной системе и бюджетным законодательством Российской Федерации результатов закупки. Элементы указанные выше должны обеспечить необходимый уровень качества проводимых закупок и их результатов, а также послужить необходимым катализатором к повышению эффективности и результативности использования бюджетных средств используемых при проведении закупочных процедур.

Литература

1. Бровкина Н. Д. Основы финансового контроля: учебное пособие. М.: Магистр, 2007. 382 с.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Гарант: комп. справ. правовая система. URL: <http://base.garant.ru> (Дата обращения: 09.01.2019).
3. Лимская декларация руководящих принципов контроля (принята IX Конгрессом Международной организации высших органов финансового контроля (ИНТОСАИ) в г. Лиме (Республика Перу) в 1977 году). Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации URL: <http://www.ach.gov.ru> (Дата обращения: 09.01.2019).
4. Мирошник О. А. Методика и практика осуществления контрольно-счетными органами аудита в сфере закупок // Местное право. 2017. № 3. С.29-42.
5. Мирошник О. А. Полномочия контрольно-счетных органов по аудиту в сфере закупок: реалии и перспективы // Вестник АКСОР. 2013. №2. С.66-69.
6. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг развития системы государственных и корпоративных закупок в Российской Федерации». Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации. URL: <http://www.ach.gov.ru> (Дата обращения: 09.01.2019).
7. Пономарев С. Счетная палата как орган аудита в сфере закупок: проблемы правового регулирования государственного аудита // Бюджетные организации: бухгалтерский учет и налогообложение. 2015. № 2. // Гарант: комп. справ. правовая система. URL: <http://base.garant.ru> (Дата обращения: 09.01.2019).
8. Саунин А. Н. Аудит эффективности в государственном финансовом контроле // Финансы. 2004. №2. С.15.
9. Федеральный закон от 05.04.2013 г. №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Гарант: комп. справ. правовая система. URL: <http://base.garant.ru> (Дата обращения: 09.01.2019).
10. Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» // Гарант: комп. справ. правовая система. URL: <http://base.garant.ru> (Дата обращения: 09.01.2019).

Reference

1. Brovkina N. D. Osnovy finansovogo kontrolya (*Foundation of financial control*): textbook. Moscow: Magistr, 2007. 382 p. (In Russian).
2. Byudzhetyj kodeks Rossijskoj Federacii (*The budget code of the Russian Federation*) 31.07.1998 g. No. 145-FZ // Garant: komp. sprav. pravovaya sistema. URL: <http://base.garant.ru> (Accessed: 09.01.2019). (In Russian).
3. Limskaya deklaratsiya rukovodyashchikh printsipov kontrolya (prinyata IX Kongressom Mezhdunarodnoy organizatsii vysshikh organov finansovogo kontrolya (INTOSAI) v g. Lime (Respublika Peru) v 1977 godu). (*The Lima Declaration of Guidelines on Auditing Precepts*) The official website of the Accounts Chamber of the Russian Federation URL: <http://www.ach.gov.ru> (Accessed: 09.01.2019). (In Russian).

4. Miroshnik O. A. Metodika i praktika osushchestvleniya kontrol'no-schetnymi organami audita v sfere zakupok (*Methods and practice of implementation of audit in the field of procurement by control and audit authorities*) // Mestnoe pravo. 2017. No. 3. P. 29-42. (In Russian).
5. Miroshnik O. A. Polnomochiya kontrol'no-schetnykh organov po auditu v sfere zakupok: realii i perspektivy (*Powers of audit and audit authorities in the field of procurement: realities and prospects*) // Vestnik AKSOR. 2013. No. 2. P. 66-69. (In Russian).
6. Otchet o rezul'tatakh ekspertno-analiticheskogo meropriyatiya «Monitoring razvitiya sistemy gosudarstvennykh i korporativnykh zakupok v Rossiyskoy Federatsii» (*Report on the results of the expert-analytical event «Monitoring the development of the system of state and corporate procurement in the Russian Federation»*). The official website of the Accounts Chamber of the Russian Federation. URL: <http://www.ach.gov.ru> (Accessed: 09.01.2019). (In Russian).
7. Ponomarev S. Schetnaya palata kak organ audita v sfere zakupok: problemy pravovogo regulirovaniya gosudarstvennogo audita (*Audit chamber as an audit body in the field of procurement: problems of legal regulation of state audit*) // Byudzhetye organizacii: buhgalterskij uchet i nalogooblozhenie. 2015. № 2. // Garant: komp. sprav. pravovaya sistema. URL: <http://base.garant.ru> (Accessed: 09.01.2019). (In Russian).
8. Saunin A. N. Audit effektivnosti v gosudarstvennom finansovom kontrole (*Audit of efficiency in State Financial Control*) // Finansy. 2004. № 2. P. 15. (In Russian).
9. Federal'nyi zakon ot 05.04.2013 g. № 44-FZ «O kontraktnoi sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd» (*On the contract system in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs*) // Garant: pravovaya sistema. URL: <http://base.garant.ru> (Accessed: 09.01.2019). (In Russian).
10. Federal'nyi zakon ot 05.04.2013 g. № 41-FZ «O Schetnoi palate Rossiiskoi Federatsii» (*On the Accounts Chamber of the Russian Federation*) // Garant: pravovaya sistema. URL: <http://base.garant.ru> (Accessed: 09.01.2019). (In Russian).

Сведения об авторе

Гладчук Антон Владимирович – аспирант юридического института кафедры административного и финансового права Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / gladchukavzakupki@yandex.ru

Information about the author

Gladchuck Anton – Post Graduate, Chair of Administrative and Financial Law, Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / gladchukavzakupki@yandex.ru

ПОРЯДОК СОЗДАНИЯ НАСЛЕДСТВЕННОГО ФОНДА ПО РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Актуальность вопросов, связанных с правовым положением наследственного фонда predetermined рядом обстоятельств. Прежде всего, институт наследственного фонда выступает новеллой российского законодательства, его нормы вступили в силу сравнительно недавно, а именно с 1 сентября 2018 г. Несмотря на то, что новый правовой институт еще не прошел проверку временем и не получил солидной практической апробации, в юридической среде, как в профессиональной, так и в научной отмечается назревшая необходимость его изменения ввиду несовершенства некоторых законодательных решений. На этом фоне группа депутатов выступила с инициативой реформирования института наследственного фонда. На сегодняшний день в Государственной Думе РФ обсуждается законопроект о прижизненных личных фондах. Таким образом, проблематика в сфере правового положения наследственных фондов особенно актуальна в свете перспективы обновления данного правового института.

Новизна работы проявляется в используемых автором научных приемах и способах исследования

особенностей правового положения наследственного фонда. Автор использовал исторический метод исследования, позволяющий наиболее глубоко, полно и всесторонне изучить феномен наследственного фонда как в мировой, так и в отечественной правовой практике. Ретроспективный анализ правового института наследственного фонда, основанный на принципе учета традиций гражданско-правового регулирования общественных отношений, способствует выявлению тенденций правового регулирования в рассматриваемой сфере. Некоторые сделанные автором выводы стали результатом использования сравнительно-правового инструментария. Применение метода сравнительного правоведения при изучении правовой конструкции наследственного фонда видится нам особенно эффективным, что обусловлено новизной данного института для российского правопорядка на фоне богатого зарубежного опыта его применения.

Ключевые слова: наследственное право, наследственный фонд, юридическое лицо, завещание.

Z. Dzhambidaeva

PROCEDURE FOR CREATING AN INHERITANCE FUND UNDER RUSSIAN LAW

The relevance of issues related to the legal status of the inheritance fund is predetermined by the following circumstances. First of all, the legislative innovations entered into force relatively recently, namely from September 01, 2018, and to date, there has not yet been a stable practice of applying these rules. Despite the fact that the new legal institution has not yet passed the test of time and has not received a solid practical approbation, in the legal environment, both professional and scientific, there is an urgent need to change it due to the imperfection of some legislative decisions. Against this background, a group of deputies took the initiative to reform the Institute of the inheritance fund. To date, the state Duma of the Russian Federation is discussing a bill on lifetime personal funds. Thus, the problem of the legal status of inheritance funds is particularly relevant in the light of the prospects for updating this institution.

The novelty of the work is shown in the scientific methods and methods used by the author to study the

peculiarities of the legal status of the inheritance fund. The author used a historical research method that allows the most profound, complete and comprehensive study of the phenomenon of the inheritance fund in both world and domestic legal practice. Retrospective analysis of the legal Institute of the inheritance fund, based on the principle of taking into account the traditions of civil law regulation of public relations, helps to identify trends in legal regulation in the field under consideration. Some of the author's conclusions were the result of using comparative legal tools. The use of the method of comparative law in the study of the legal structure of the inheritance fund seems to us particularly effective, which is due to the novelty of this Institute for the Russian law and order based on rich foreign experience of its application.

Key words: inheritance law, inheritance fund, legal entity, testament.

В науке гражданского права принято различать способы (порядок) создания (учреждения или образования) юридического лица. Традиционно выделяют следующие способы учреждения юридического лица: распорядительный, разрешительный (концессионный), нормативно-явочный, явочный. В российском правопорядке в качестве общего правила действует нормативно-явочный порядок создания юридических лиц, когда в регистрирующий орган

предоставляется необходимый пакет документов, который затем проверяется на предмет соответствия требованиям законодательства. Однако, в литературе отмечается, что в последнее время усиливается влияние явочного порядка [2]. Нормативно-явочный порядок создания юридического лица основывается на нескольких юридических фактах: принятие решения об учреждении юридического лица и легитимация юридического лица, то есть его государственная регистрация.

На сегодняшний день в России появилась возможность создать юридическое лицо путем фиксации соответствующего решения в завещании, что является новеллой российского законодательства. В данном случае мы ведем речь о создании наследственного фонда. Специфика механизма создания наследственного фонда отличает данное юридическое лицо от иных организаций. Подобный механизм создания юридического лица известен достаточно давно в мировой юридической практике.

Закономерно возникает вопрос: когда именно появились нормы, закрепляющие возможность совершения завещательных распоряжений в пользу юридических лиц, создание которых предполагалось после смерти завещателя? Римское право, выступающее основой современного гражданского права, как западноевропейского, так и российского, не допускало подобных распоряжений. В целом вопросы правосубъектности юридических лиц в плоскости наследственного права попадали в поле зрения римского законодателя. Так, например, римское право регламентировало ситуацию прекращения корпорации ввиду смерти ее участника. Н. С. Суворов в своей знаменитой работе «Об юридических лицах по римскому праву» рассматривает правовые последствия смерти главного руководителя товарищества применительно к деятельности товариществ государственных откупщиков, арендаторов и мытарей [6, с. 290]. В связи с тем, что главный руководитель товарищества считался незаменимым, так как на нем держалось все товарищество, его смерть влекла за собой прекращение товарищества как юридического лица. Что касается посмертного создания юридического лица на основании волеизъявления завещателя, то подобная практика по нормам римского права не считалась легитимной ввиду строгих требований к личности наследника. Наследник по завещанию должен был обладать пассивной завещательной правоспособностью – так называемой *testamentifactio passiva* [1, с. 945]. Однако, таким качеством обладали далеко не все субъекты. В частности, его были лишены *personae incertae*, то есть лица не совсем определенные, которых было запрещено указывать в завещании в качестве наследников. К числу неопределенных лиц относились *postumi*, то есть физические лица, которые к моменту составления завещания не только не родились, но и не были еще зачаты. По аналогии, не могли быть указаны в завещании в качестве наследников юридические лица, даже если они существовали на момент составления завещания. В этой связи о завещании в пользу несуществующих юридических лиц даже речи не могло идти в рамках римской правовой системы.

Что касается отечественного опыта в данной сфере, то идея создания юридического лица после смерти его учредителя (завещателя) имеет свою историю и берет начало еще в дореволюционный период.

Основным источником дореволюционного наследственного права в период XIX – начало XX в. выступали положения Свода законов Российской Империи (т. X часть 1). На практике признавались действительными завещательные акты, составленные в пользу юридических лиц, созданных к моменту совершения завещания [3, с. 113]. Вместе с тем, в Своде законов отсутствовали нормы, которые бы четко и лаконично предусматривали механизм «посмертного» создания юридического лица. Кроме того, в ст. 1026 Свода законов говорилось, что в завещании должны быть точно «означены» лица, которым завещается имущество. В противном случае завещание следовало считать недействительным. Принимая во внимание указанную норму, судебная практика иногда шла по пути признания недействительными завещания в пользу несуществующих юридических лиц, создание которых предполагалось после смерти завещателя [7, с. 51].

На территории национальных окраин Российской Империи складывалась аналогичная правовая ситуация. Так, например, нормы Французского Гражданского Кодекса 1804 г., который действовал на территории губерний Царства Польского устанавливали недействительность завещания, составленного в пользу юридического лица, которого не существовало на момент открытия наследства. В соответствии с законодательством, действующем на территории Остзейских губерний, наследниками могли выступать только те субъекты, которые существовали не только на момент открытия наследства, но и на момент совершения завещания. В данном случае законодатель проявил категоричность в большей мере, нежели в нормах французского права. В целом, указанные правила о невозможности наследования имущества несуществующими на момент открытия наследства юридическими лицами, были основаны на формализме римского права.

Вместе с тем, некоторые западноевропейские законодательства были более прогрессивными в рассматриваемом вопросе. Так, например, Германское уложение, а также Саксонское уложение прямо предусматривали возможность завещания имущества юридическим лицам, которые должны быть созданы после открытия наследства на денежные средства наследодателя. Однако, подобное законодательное решение появилось не сразу, а стало результатом оживленной научной дискуссии в среде германских ученых-правоведов. Катализатором научного спора послужило известное в

то время судебное дело о завещании немецкого купца Штеделя (1815 г.), в соответствии с которым все принадлежащее купцу имущество, в том числе коллекция картин было завещано в пользу несуществующего на момент совершения завещания художественного института имени Штеделя, который надлежало создать на основании его завещания после его смерти.

Необходимо отметить, что в отечественной научной литературе периода действия Свода законов вопрос о возможности создания юридического лица во исполнение последней воли наследодателя стал предметом оживленного обсуждения. Так, например, Я. М. Затворницкий рассматривал проблему посмертного создания юридического лица через призму вопроса о завещаниях с благотворительными назначениями [4]. Другие авторы также уделяли особое внимание проблеме составления завещаний в пользу несуществующих юридических лиц [7]. Правоведы отмечали важность решения вопроса о возможности посмертного создания юридического лица на средства наследодателя ввиду его огромного общественного и государственного значения. С течением времени, возможно, под влиянием западноевропейской практики, особенно германской, российские суды пошли по пути признания действительными завещательных распоряжений, сделанных в пользу юридического лица, еще несуществующего на момент открытия наследства, но подлежащего учреждению на средства наследодателя. Так, в решениях Правительствующего Сената подчеркивалась легитимность условий завещания, в соответствии с которыми имущество наследодателя передавалось в пользу «нового учебного заведения» или в адрес «благотворительных установлений, которые, согласно воле завещателя, должны быть учреждены», или когда «благотворительное установление должно быть устроено именно на средства, в завещании указанные» [3].

В вопросе правового регулирования посмертного создания юридических лиц наметился значительный сдвиг благодаря работе Редакционной комиссии по составлению проекта Гражданского уложения. Так, возможность отражения в завещании соответствующих распоряжений была нормативно закреплена в дореволюционный период в проекте Гражданского уложения Российской Империи. В частности, ст. 1418 Проекта предоставляла возможность наследования имущества юридическим лицом, которое будет создано после открытия наследства на денежные средства наследодателя. Посмертное создание юридических лиц, таким образом, выступало особым завещательным распоряжением. Завещатель мог создать не только благотворительное «установление»,

но также и учебное заведение, и пр. Примечательно, что в Проекте получил разрешение вопрос о сроке, в течение которого следовало создать юридическое лицо в соответствии с волей наследодателя, изложенной в завещании. Очевидно, что данный вопрос имел огромное практическое значение, так как от его решения зависела определенность правового режима наследства, которое могло пострадать, находясь слишком долгое время в "лежачем" состоянии. Итак, в соответствии с абз. 2 ст. 1418 Проекта юридическое лицо, о создании которого было указано в завещании, должно было быть учреждено в течение тридцати лет с момента открытия наследства. В противном случае завещание следовало считать недействительным. В связи с указанным правилом актуализировался вопрос о правовой судьбе наследства, которое не было использовано для создания юридического лица в установленный срок. Данный аспект не получил нормативного разрешения и требовал внимания законодателя.

Ретроспективный анализ наследственного законодательства позволяет утверждать, что отраженное в завещании решение о создании наследственного фонда относится к особому виду завещательных распоряжений – посмертному созданию юридических лиц. Подобные распоряжения были нормативно закреплены в дореволюционный период в проекте Гражданского уложения Российской Империи.

На современном этапе развития российского наследственного законодательства отчетливо наметилась тенденция расширения принципа свободы завещания за счет законодательного отражения новых возможностей наследодателя по распоряжению своим имуществом. Как мы уже отмечали, среди новелл наследственного законодательства, которая расширяет принцип свободы завещания (ст. 1119 ГК РФ) и возможности завещателя по распоряжению своим имуществом на случай смерти особое место занимает институт наследственного фонда. Эта новелла, пожалуй, одна из самых обсуждаемых сегодня, она касается нового особого завещательного распоряжения – учреждения наследственного фонда. Соответствующие нормативные правила о наследственном фонде вступили в силу с 1 сентября 2018 г. [8].

В западно-европейской правовой практике известны две модели наследственных фондов: прижизненные и посмертные. Можно провести параллель между западно-европейским фондом и английским трастом, однако, в отличие от траста, фонд наделен самостоятельным статусом юридического лица. В России на современном этапе получила нормативное закрепление лишь одна модель наследственного фонда – посмертная. В данном случае наследственный фонд до момента смерти

завещателя существует лишь «на бумаге», а после смерти завещателя становится реальным, легитимным субъектом правоотношений. Известные зарубежному правопорядку прижизненные наследственные фонды отличаются тем, что они создаются гражданином еще при его жизни, проходят процесс легитимации и выступают в обороте как правосубъектные участники. После смерти гражданина созданный им прижизненный фонд продолжает свою деятельность в соответствии с условиями, изложенными в завещании. Итак, в рамках российской юрисдикции на сегодняшний день возможно создание только посмертных наследственных фондов. Закономерно возникает вопрос: по какой причине у нас невозможно создать прижизненный наследственный фонд? Депутаты Государственной Думы РФ посчитали необходимым устранить данный пробел путем подготовки соответствующего законопроекта о создании прижизненных фондов [9]. В случае принятия законопроекта у российских граждан появится возможность создать так называемый личный (частный) фонд еще при жизни, который сможет продолжить свою деятельность после смерти гражданина, учредившего его. В этом случае прижизненный личный (частный) фонд станет наследственным.

Вкратце обозначим наиболее принципиальные моменты рассматриваемого нововведения. Прежде всего, наследственный фонд позиционируется как самостоятельная организационно-правовая форма юридического лица, некоммерческая, по своей сути, о чем нам говорит норма ст. 123. 17 ГК РФ в ред. Федерального закона от 29.07.2017 №259-ФЗ. Однако, нормы закона о наследственных фондах получили неоднозначную оценку, ученые ставят под сомнение даже некоммерческий характер данного фонда. Так, например, профессор Л. В. Щенникова задается вопросом: что же осталось от фонда с учетом изъятий, определенных для фонда наследственного? Ученый дает следующий ответ на свой вопрос: а не осталось, по сути, ничего из основополагающих характеристик этой организационно-правовой формы некоммерческой организации. Наследственный фонд уже и фондом-то назвать нельзя. Его некоммерческий характер неочевиден. Условия деятельности закрыты. Он ни перед кем не отчитывается. Получается, что в системе юридических лиц российского гражданского права наследственный фонд должен занимать совершенно обособленное место, не являясь однозначно некоммерческой организацией. При этом юридическое лицо – это будет «хитрое» и тайное, живущее по «собственноручно» установленным правилам, сформулированным в завещании наследодателя [10]. Со своей стороны, отметим, что, дей-

ствительно в новых нормах не уточняется характер деятельности наследственного фонда, он будет действовать в том направлении, которое укажет завещатель в завещании. В этом смысле наследственный фонд в чистом виде не подпадает под понятие некоммерческой организации, которая в своей деятельности преследует социально значимые цели.

Еще один важный момент – учредить наследственный фонд можно только путем составления нотариально удостоверенного завещания (ст. 1125 ГК РФ). При этом существует запрет учреждения наследственного фонда в закрытом завещании, вступивший в силу с 1 сентября 2018 г. п.5 ст. 1126 ГК РФ содержит правило о ничтожности закрытого завещания, условия которого предусматривают создание наследственного фонда. Необходимо отметить специфику содержания завещания, в котором создается наследственный фонд. Она заключается в том, что неотъемлемой частью такого завещания будут являться: решение завещателя об учреждении наследственного фонда, его устав, а также условия управления наследственным фондом.

Общий порядок создания юридического лица регламентирован гражданским законодательством. В соответствии с нормами ГК РФ, любое юридическое лицо должно быть зарегистрировано в установленном законом порядке. Процессу государственной регистрации юридического лица предшествует принятие решения об его учреждении (ст. 50.1 ГК РФ). В п.п. 1–3 ст. 50.1 ГК РФ регламентированы особенности принятия решения об учреждении юридического лица. В соответствии с п.1 указанной статьи, основанием для создания юридического лица выступает решение его учредителя или учредителей. В п.2 прописан порядок принятия решения: если учредитель один, то решение принимается им единолично, если учредителей несколько (два и более), то решение ими должно быть принято единогласно. Данные правила распространяются на юридические лица всех организационно-правовых форм, за исключением наследственного фонда. Особые правила принятия решения об учреждении наследственного фонда прописаны в п. 4 ст. 50.1 ГК РФ. Рассмотрим их более подробно. Наследственный фонд, как и юридические лица иных организационно-правовых форм создается на основании решения об его учреждении. Порядок принятия такого решения весьма специфичен: оно может быть принято гражданином при составлении им завещания (абз.1 п. 4 ст. 50.1 ГК РФ). Содержание решения об учреждении наследственного фонда также строго регламентировано: оно должно содержать сведения об учреждении наследственного фонда

после смерти этого гражданина, об утверждении этим гражданином устава наследственного фонда и условий управления наследственным фондом, о порядке, размере, способах и сроках образования имущества наследственного фонда, лицах, назначаемых в состав органов данного фонда, или о порядке определения таких лиц (абз.1 п. 4 ст. 50.1 ГК РФ).

По смыслу закона, необходимо различать такие понятия как «условие завещания о создании наследственного фонда» и «решение завещателя об учреждении наследственного фонда» (п. 5 ст. 1124 ГК РФ). В первом случае речь идет об особом виде завещательного распоряжения, которое отражается в содержании завещания. Решение завещателя об учреждении наследственного фонда, наряду с уставом наследственного фонда и условиями его управления выступают неотъемлемой частью завещания.

На практике может возникнуть вопрос о том, допускается ли включать в наследственный договор условие о создании наследственного фонда. В науке пока нет ответа на данный вопрос. М. А. Карташов пишет, что распоряжение о создании наследственного фонда рассматривается как неотъемлемая часть завещания, тем самым расширяя сферу договорного наследования [5]. При этом автор не дает комментария своему выводу, не объясняет почему он проводит параллель между завещанием и договорным наследованием. Со своей стороны, отметим, что в норме о наследственном договоре отсутствуют какие-либо указание по обозначенному вопросу (ст. 1140.1 ГК РФ). В соответствии с принципом свободы завещания, который также распространяется и на наследственный договор, теоретически возможно предположить создание наследственного фонда путем заключения наследственного договора. Но, принимая во внимание специфику законодательно закрепленной процедуры со-

здания наследственного фонда, который учреждается единолично завещателем, без содействия посторонних лиц, мы считаем наследственный договор, в котором предполагается участие другой стороны, помимо наследодателя, не пригодным инструментом для создания наследственного фонда. Аналогичный по содержанию вопрос возникает в контексте совершения совместного завещания супругов. Кроме того, систематическое толкование норм ст.ст. 123.17 и 123.20-1 ГК РФ позволяет сформулировать вывод о том, что создание наследственного фонда возможно только путем составления завещания единолично одним завещателем и другие правовые конструкции для этой цели непригодны (совместное завещание супругов или наследственный договор). Так, в соответствии с п. 1 ст. 123.17 ГК РФ фонд создается гражданами, то есть законодатель говорит о нескольких учредителях фонда. В п.5 этой же статьи сказано о том, что общие положения о фондах применяются также к статусу наследственного фонда, если только особые правила не предусмотрены специальными статьями о наследственном фонде (123.20-1 – 123.20-3 ГК РФ). В специальной норме ст. 123.20-1 ГК РФ сказано, что наследственный фонд - это фонд, созданный во исполнение завещания гражданина, то есть законодатель говорит об учредителе наследственного фонда в единственном числе, что исключает возможность совместного учреждения фонда супругами или сторонами наследственного договора.

В итоге мы приходим к выводу о необходимости конкретизации правил об оформлении решения о создании наследственного фонда. Требуется разъяснение высшей судебной инстанции или же внесение изменений в законодательство с целью разрешения таких вопросов, как: допустимо ли распоряжение о создании наследственного фонда в содержании наследственного договора или же совместного завещания супругов.

Литература

1. Барон Ю. Система римского гражданского права: В 6 кн. СПб.: Издательство Р.Арсланова "Юридический центр Пресс", 2005. 1102 с.
2. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т.1 / под ред. А. П. Сергеева, М.: Проспект, 2018. 1040 с.
3. Гражданское уложение. Кн.4. Наследственное право: проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения (с объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной комиссии) / под ред. И.М. Тютрюмова. М.: Волтерс Клувер, 2008. 296 с.
4. Затворницкий Я. М. Завещания с благотворительными назначениями // Журнал министерства юстиции. 1909. №3. С.117-153.
5. Карташов М. А. Наследственный фонд: новое российское законодательство и иностранный опыт // Современное право. 2017. № 10. С.83-90.
6. Суворов Н. С. Об юридических лицах по римскому праву. М.: Статут, 2000. 299 с.
7. Т. Составление завещаний в пользу несуществующих юридических лиц // Юристь. 1904. №2. С. 48-52.
8. Федеральный закон от 29.07.2017 N 259-ФЗ "О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации" // Официальный интернет-портал правовой информации URL:<http://www.pravo.gov.ru>. (Дата обращения: 07.02.2020).
9. Чернявская Е. В Госдуму внесен законопроект о создании прижизненных личных фондов с 1 июня 2019 года // URL: <https://www.garant.ru/news/1204996/> (Дата обращения: 28.02.2020).
10. Щенникова Л. В. Наследственный фонд как новелла российского гражданского права // Наследственное право. 2017. №4. С.3-7.

References

1. Baron Ju. Sistema rimskogo grazhdanskogo prava (*Roman civil law system*): In 6 Books. St. Petersburg: "Juridicheskij centr Press" publ., 2005. 1102 p. (In Russian).
2. Grazhdanskoe pravo: uchebnik (*Civil law: the textbook*): In 3 vols. Vol. 1 / ed by A.P. Sergeev. Moscow: Prospekt, 2018. 1040 p. (In Russian).
3. Grazhdanskoe ulozhenie (*Civil code*). Book 4. / ed by I.M. Tjutrumov. Moscow: Volters Kluver, 2008. 296 p. (In Russian).
4. Zatvornickij Ja. M. Zaveshhanija s blagotvoritel'nymi naznachenijami (*Wills with charitable purposes*) // Zhurnal ministerstva justicii. - 1909. - №3.- S. 117-153.
5. Kartashov M. A. Nasledstvennyj fond: novoe rossijskoe zakonodatel'stvo i inostrannyj opyt (*Inheritance Fund: new Russian legislation and foreign experience*) // Sovremennoe pravo. 2017. No. 10. P.83 – 90. (In Russian).
6. Suvorov N. S. Ob juridicheskikh lichah po rimskomu pravu (*On legal entities under Roman law*). Moscow: Statut, 2000. 299 p. (In Russian).
7. T. Sostavlenie zaveshhanij v pol'zu nesushhestvujushchih juridicheskikh lic (*Making wills in favor of non-existent legal entities*) // Jurist#. 1904. No.2. S.48-52. (In Russian).
8. Federal'nyj zakon ot 29.07.2017 N 259-FZ "O vnesenii izmenenij v chasti pervuju, vtoruju i tret'ju Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii" (*Federal law of 29.07.2017 N 259-FZ "On amendments to parts one, two and three of the Civil code of the Russian Federation"*) // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii URL:<http://www.pravo.gov.ru>. (Accessed: 07.02.2020) (In Russian).
9. Chernjavskaja E. V Gosdumu vnesen zakonoproekt o sozdanii prizhiznennyh lichnyh fondov s 1 ijunja 2019 goda (*The state Duma introduced a bill on the creation of lifetime personal funds from June 1, 2019*) // URL: <https://www.garant.ru/news/1204996/> (Accessed: 28.02.2020) (In Russian).
10. Shhennikova L. V. Nasledstvennyj fond kak novella rossijskogo grazhdanskogo prava (*Inheritance Fund as a novel of Russian civil law*) // Nasledstvennoe pravo. 2017. No. 4. P.3-7. (In Russian).

Информация об авторе

Джанбидева Зарина Шамильевна – аспирант кафедры гражданского права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / Zarachka01@mail.ru

Information about the author

Dzhanbidaeva Zarina – postgraduate student, Chair of civil law and procedure, Law Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / Zarachka01@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В статье подвергаются анализу административно-правовые основы регулирования деятельности органов исполнительной власти в условиях цифровой реальности. Авторы отмечают, что процесс формирования в России демократического правового государства, находится в дихотомической связи с постоянно развивающимся и эволюционирующим информационным обществом. Как известно развитие информационного общества в настоящее время связано с реализацией проектов развития цифровой экономики. В связи, чем в юридической литературе все чаще встречается термин цифровизация.

Цифровые технологии позволяют расширить возможности граждан, в сфере реализации важнейшего конституционного права – права на доступ к информации. И в тоже время налагает на государство обязанность по обеспечению этого права. Таким образом, применение цифровых технологий в деятельности органов государственной власти позволяет повысить прозрачность их деятельности, сделать их более открытыми и в тоже время доступными для граждан. В этих условиях, право на доступ к информации приобретает новое содержание, связанное с возможностью доступа к информации посредством цифровых технологий, и обязанностью органов государственной власти обеспечить доступ к такой информации.

В заключении авторы приходят к выводу о том, что, административно- правовое регулирование в исследуемой сфере, позволяет модернизировать процесс внутриорганизационного управления, с целью повышения его прозрачности, быстроты и т.д. Цифровая трансформация меняет сам подход в организации государственного управления, так как происходит качественное его изменение. Однако, цифровые технологии в государственном управлении могут использоваться не только для целей оказания государственных услуг. Их сфера применения является намного более широкой. Учитывая опыт зарубежных государств, в государственном управлении могут применяться такие технологии как «большие данные», блокчейн, искусственный интеллект и т.д. Видится, что применение цифровых технологий в государственном управлении позволит не только повысить его эффективность, но и будет способствовать оптимизации расходов государства.

Ключевые слова: административное право, информационное право, административно-правовое регулирование, цифровизация, цифровая экономика, информационное общество, цифровые технологии, цифровая трансформация.

B. Koybaev, Z. Zoloeva

SOME ASPECTS OF ADMINISTRATIVE-LEGAL REGULATION OF ACTIVITY OF EXECUTIVE POWER BODIES IN THE DIGITAL REALITY

The article analyzes the administrative and legal basis for regulating the activities of executive authorities in the digital reality. The authors note that the process of formation of a democratic legal state in Russia is in a dichotomous relationship with the constantly developing and evolving information society. As you know, the development of the information society is currently associated with the implementation of projects for the development of the digital economy. In this regard, the term digitalization is more common than in the legal literature.

Digital technologies allow to expand opportunities of citizens in the sphere of realization of the most important constitutional right-the right to access to information. At the same time, it imposes an obligation on the state to ensure this right. Thus, the use of digital technologies in the activities of public authorities can increase the transparency of their activities, make them more open and at the same time accessible to citizens. In this context, the right of access to information acquires new content related to the possibility of access to information

through digital technologies and the obligation of public authorities to ensure access to such information.

The authors conclude that administrative and legal regulation in the studied area allows to modernize the process of internal management in order to increase its transparency, efficiency, etc. Digital transformation changes the approach to the organization of public administration, as there is a qualitative change. However, digital technologies in public administration can be used not only for the purposes of providing public services. Their scope is much wider. Taking into account the experience of foreign countries, such technologies as "big data", blockchain, artificial intelligence, etc., can be used in public administration. It is clear that the use of digital technologies in public administration will not only increase its efficiency, but will also contribute to the optimization of public spending.

Key words: administrative law, information law, administrative regulation, digitalization, digital economy, information society, digital technologies, digital transformation.

Процесс формирования в России демократического правового государства, находится

в дихотомической связи с постоянно развивающимся и эволюционирующим информацион-

ным обществом. Как известно развитие информационного общества в настоящее время связано с реализацией проектов развития цифровой экономики. В связи, чем в юридической литературе все чаще встречается термин цифровизация. Мы полностью разделяем мнение В. Д. Зорькина, о том, что в условиях развития цифровой реальности «прежнее нормативно-правовое регулирование различных сфер социальной жизни нуждается в существенной модернизации» [2].

Цифровые технологии вносят важные метаморфозы в жизнь граждан. Так, они позволяют расширить возможности граждан, в сфере реализации важнейшего конституционного права – права на доступ к информации. И в тоже время, реализация данного права налагает на государство обязанность по его обеспечению. В связи с чем деятельность государства, также становится немыслимой без применения цифровых технологий. Исследователи зачастую используют термины «цифровое государство», цифровое государственное управление.

Так, например, все европейские страны приняли стратегии, направленные на содействие цифровизации государственного сектора. Девять государств членов ЕС приняли законы, стимулирующие развитие ИКТ. С ростом важности и популярности цифровых государственных услуг среди граждан и предприятий национальные правительства начали реорганизацию своих структур управления, выделив одно ответственное министерство или орган по вопросам цифрового управления. Некоторые страны больше внимания уделяют предоставлению цифровых общественных услуг на местном уровне, что делает важным приоритетом цифровизацию при помощи небольших офисов. Предоставление государственных услуг, ориентированных на граждан и бизнес, является постоянно растущим приоритетом во всех государствах-членах ЕС.

Важное значение, в процессе административно-правового регулирования исследуемого вопроса, занимает изучение правовых основ открытости органов исполнительной власти и обеспечения доступа к информации об их деятельности при помощи сети Интернет.

Применение цифровых технологий в деятельности органов государственной власти позволяет повысить прозрачность их деятельности, сделать их более открытыми и в тоже время доступными для граждан. В этих условиях, право на доступ к информации приобретает новое содержание, связанное с возможностью доступа к информации посредством цифровых технологий, и обязанностью органов государственной власти обеспечить доступ к такой информации [1, с. 40].

Кроме того, развитие правового государства, непременно должно сопровождаться расширением участия институтов гражданского общества в управлении государством. В связи, с чем государством должна быть обеспечена возможность участия граждан в принятии решений государством и контроле за его деятельностью. Так, например, механизм общественного обсуждения законопроектов на официальных сайтах органов власти, позволяет учесть мнение населения, что является современным проявлением реализации права на участие в управлении делами государства. Механизм общественного контроля за деятельностью органов государственной власти и принятых ими решений, так же способствует развитию гражданского общества и правового в нашей стране. Таким образом, цифровые технологии при помощи присущих их качеств, способствуют повышению открытости и ответственности государства перед обществом. Как справедливо отмечает, Т.Я. Хабриева, новые технологии подвергают существенной трансформации всю сферу государственной деятельности [8, с. 6].

По нашему мнению, информационная открытость органов государственной власти, позволяет обеспечить процесс наиболее эффективного взаимодействия государства, граждан и институтов гражданского общества. Обеспечение открытости в деятельности органов государственной власти, повышает доверие к власти, способствует повышению доступности, снижению административных барьеров. Кроме того, открытость органов государственной власти повышает снизить коррупционные риски и прямым образом влияет на повышение качества государственного управления.

Видится, что в современных условиях без применения новых информационно-коммуникационных технологий осуществление государственного управления представляется затруднительным. В связи, с чем возрастает важность административно-правового регулирования применения цифровых технологий в деятельности органов государственной власти.

Несмотря на то, что о необходимости повышения информационной открытости органов государственной власти активно стали говорить только в последние годы. Данная концепция не является новой. Так, нормативные основы открытости государства в России, начали зарождаться, начиная с 1991 г., что сопровождалось принятием Закона «О средствах массовой информации». В последствии, они были закреплены в Конституции РФ, Указе Президента «О дополнительных гарантиях права граждан на информацию», а затем Закона «Об информации, информатизации и защите информации» и других нормативно-правовых актах.

В начале двухтысячных годов, в рамках проводимой административной реформы были заложены основы для формирования принципов «открытого» правительства в России. Важное место в регулировании вопросов применения цифровых технологий в деятельности органов государственной власти занимала программа «Электронная Россия (2002–2010 гг.)». Однако реализация программы столкнулась с рядом трудностей, в связи с чем ее цели не были достигнуты.

Процесс развития информационного общества и внедрения цифровых технологий в деятельности органов государственной власти, сопровождался проведением административной реформы, обусловившей существование новых направлений развития государственного управления. В соответствии с Концепцией административной реформы в РФ, в стране реализовались проекты по повышению эффективности работы органов исполнительной власти и повышению доступности государственных услуг. Так, в 2008 г. начался процесс разработки и внедрения в органах исполнительной власти основных стандартов государственных услуг и административных регламентов, в том числе электронных. Таким образом, в ходе административной реформы была предпринята попытка внедрения электронных административных регламентов, регулирующих оказание электронных государственных услуг. В последствии было принято распоряжение Правительства РФ утвердившее перечень из 46 видов государственных услуг осуществляемых в электронной форме. В соответствии с данным распоряжением с 2011 г. органы исполнительной власти РФ предписывалось предпринять меры по созданию условий для осуществления указанных в перечне государственных услуг.

На развитие процесса цифровизации государственного управления значительное влияние оказала программа «Информационное общество (2011 – 2020 гг.)», которая в числе своих результатов, предполагает, в том числе: высокое качество предоставления государственных услуг в электронном виде, осуществление подавляющего большинства юридически значимых действий в электронном виде; сокращение «цифрового неравенства» субъектов Российской Федерации до пределов, предупреждающих изолированность отдельных граждан и социальных групп.

Постановление Правительства Российской Федерации 24 ноября 2009 №953 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти» закрепившее перечень данных о деятельности органов исполнительной власти, размещение которых в сети Интернет является обязательным.

Важное значение, в рамках исследуемой темы имеет Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», создавший правовые рамки для использования открытых данных размещаемых в сети Интернет, а также установивший обязанность органов государственной власти и местного самоуправления размещать информацию о своей деятельности и обеспечивать доступ к ней.

Использование цифровых технологий органами исполнительной власти во многом связано с обработкой персональных данных, в связи с чем, важность представляет Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №152-ФЗ «О персональных данных». Целью, которого является обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, в том числе защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну.

Особое место в регулировании деятельности органов исполнительной власти РФ в условиях использования цифровых технологий занимает Федеральный закон №210-ФЗ от 27 июля 2010 «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», который, по сути, выступил первым шагом на пути к формированию в России электронного правительства. Закон создал правовые рамки для оказания государственных и муниципальных услуг в электронной форме.

Внедрение в РФ электронного правительства, как известно, сопровождалось внедрением системы электронного документооборота, функционирование которого во многом зависит от использования электронной цифровой подписи. Так, 6 апреля 2011 г. был принят Федеральный закон №63-ФЗ «Об электронной подписи», регулирующий отношения в сфере использования электронных подписей в процессе оказания государственных (муниципальных) услуг, а также при исполнении государственных (муниципальных) функций и др.

В 2012 г. началась реализация проекта «Открытое правительство». Однако к этому времени, уже были созданы правовые основы для реализации мероприятий данного проекта. Кроме того, необходимость повышения открытости органов государственной власти отмечалась и в Указе Президента 2012 г. №601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления. Указ обращен на модернизацию всей системы государственного управления, в первую очередь посредством перехода к новой модели взаимоотношений граждан и государства. Новая модель предполагает интенсификацию процесса автоматизации и информатизации всей системы

государственного управления, а также внедрение сервисной модели государства и переход к оказанию государственных услуг в электронной форме.

В целях осуществления координационных мероприятий в сфере использования цифровых технологий в деятельности органов государственной власти 24 мая 2010 г. было принято постановление Правительства РФ от №394, утвердившее Положение о координации мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности государственных органов. Органом ответственным за координацию мероприятий по информатизации является Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Важное значение, в рамках исследуемой темы имеют также Правила подготовки планов информатизации государственных органов и отчетов об их выполнении [6].

В регулировании вопросов повышения открытости органов государственной власти существенное значение имеют также: Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти; Постановление Правительства РФ №851 «О порядке раскрытия федеральными органами власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения»; Распоряжение Правительства РФ №1187-р «О Перечнях информации о деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, размещаемой в сети «Интернет» в форме открытых данных» и др.

Государственная программа РФ «Информационное общество (2011–2020 гг.)», включающая подпрограмму «Информационное государство». Данной подпрограммой в качестве задач предусматривается осуществление мероприятий по развитию механизмов предоставления услуг населению, повышению открытости и развитию «сквозных» цифровых технологий в области цифровой экономики.

Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. призвана обеспечить реализацию национальных интересов РФ, среди которых наряду с развитием человеческого капитала и обеспечением безопасности, выделяется формирование в стране цифровой экономики и необходимость повышения эффективности государственного управления.

Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. №1632-р включает в качестве одного из направлений «Цифровое государственное управление». В соответствии с данным направлением программы, к 2024 г. доля элек-

тронного документооборота между государственными органами, а также в рамках ЕАЭС должна достигнуть 90%; государственные услуги оказываются онлайн и проактивно [5].

По нашему мнению, представляется важным отметить, что, несмотря на существование широкого круга, нормативно-правовых актов, регулирующих право на доступ к информации, в стране сохраняется цифровой разрыв между субъектами РФ. В этой связи, мы полностью разделяем мнение Н. Н. Ковалевой, о существовании необходимости обеспечения стандартами качества предоставления информации органами государственной власти и местного самоуправления, а также административно-правовые меры, направленные на ликвидацию цифрового разрыва между регионами [3, с. 20].

Административно-правовое регулирование процесса использования цифровых технологий в государственном управлении, является ступенью к достижению цели формирования информационного общества. Административно-правовое регулирование применения цифровых технологий в государственном управлении направлено на обеспечение его эффективности, как на федеральном, так и на региональном уровне.

Цифровизация повлияла еще на одно направление развития административно-правового регулирования – на развитие инструментов электронной демократии. Однако, как справедливо отмечает Э. В. Талапина, имеются серьезные опасения использования Интернета и социальных сетей [7, с. 5]. Должностные лица, и органы государства имеют аккаунты в социальных сетях, однако их статус не регламентирован. В связи, с чем высказываются мнения о необходимости ведения цифрового реестра, фиксирующего официальные страницы государственных органов и должностных лиц в социальных сетях [4, с. 186].

В качестве еще одного из векторов правового регулирования применения цифровых технологий в деятельности органов исполнительной выступает формирование правовых основ в сфере обеспечения информационной безопасности органов исполнительной власти.

Так, 26 июля 2017 г. был принят Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» №187-ФЗ вступивший в силу с 1 января 2018 г. Законом закреплена необходимость формирования Государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы РФ. Кроме того, Закон установил, необходимость создания Национального координационного центра по компьютерным инцидентам. Кроме того, закон закрепил необходимость ведения Федеральной

службой безопасности Российской Федерации, Реестра значимых объектов критической информационной инфраструктуры.

По нашему мнению, в современных условиях проблематика организации государственного управления с области обеспечения информационной безопасности носит первостепенный характер. Так как эффективность осуществления мероприятий по обеспечению информационной безопасности, прямым образом зависит от организации системы управления.

Представляется важным также отметить и необходимость совершенствования механизмов обеспечения информационной безопасности личности [9, с. 116]. Так как при использовании цифровых технологий (например, больших данных) создается угроза нарушения конфиденциальности данных. Таким образом, возникает противоречие, между необходимостью обеспечения открытости органов государственной власти и защитой прав физических лиц. Все это свидетельствует о необходимости дальнейшего развития административно-правовых основ применения цифровых технологий в государственном управлении.

Процесс развития информационного общества является непрерывным, он будет постоянно эволюционировать, что непременно будет требовать реакции со стороны законодателя. Это обуславливает важность мер административно-правового регулирования в сфере применения цифровых технологий в области государственного управления. Таким образом, можно заключить что административно-правовое регулирование использования информационных технологий в деятельности органов исполнительной власти направлено на обеспечение оказания различных государственных услуг, в том числе в электронной форме. Кроме того, административно-правовое регулирование в исследуемой сфере, позволяет модернизировать

процесс внутриорганизационного управления, с целью повышения его прозрачности, быстроты и т.д.

По нашему мнению, существует необходимость в постоянном совершенствовании и развитии направлений повышения эффективности системы комплексных административно-правовых средств. Так, важнейшие методы административно-правового регулирования – принуждение, разрешительный и регистрационный, показывают недостаточную эффективность в условиях цифровой реальности. Это во многом связано сложностью урегулированию отношений в информационной сфере и несовершенством законодательных конструкций.

Резюмируя, важно отметить, что применение цифровых технологий при осуществлении государственного управления, является неотъемлемым атрибутом современного государства. Это требует развития соответствующих правовых основ. Существующие правовые регуляторы зачастую показывают неспособность регулировать новые отношения в условиях цифровой реальности. Цифровая трансформация меняет сам подход в организации государственного управления, так как происходит качественное его изменение. Однако, цифровые технологии в государственном управлении могут использоваться не только для целей оказания государственных услуг. Их сфера применения является намного более широкой. Учитывая опыт зарубежных государств, в государственном управлении могут применяться такие технологии как «большие данные», блокчейн, искусственный интеллект и т.д. Видится, что применение цифровых технологий в государственном управлении позволит не только повысить его эффективность, но и будет способствовать оптимизации расходов государства. Однако процесс их применения должен опираться на действенные правовые основы.

Литература

1. Золоева З. Т. Некоторые проблемы реализации права на доступ к информации (на материалах РСО-Алания) (Часть 1) // Информационные ресурсы России. 2017. № 1 (155). С. 40-45.
2. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. 2018. Столичный выпуск. № 115.
3. Ковалева Н. Н. Административно-правовое регулирование использования информационных технологий в государственном управлении. Дисс. ... д.ю.н. Саратов, 2013. 366 с.
4. Парфенчик А. А. Использование социальных сетей в государственном управлении // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. №2. С. 186 – 200.
5. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 №7). URL: <http://government.ru/info/35568/> (Дата обращения: 05.10.2019).
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 24.05.2010 № 365 «О координации мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности государственных органов // Собрание законодательства Российской Федерации от 2010 г. № 22.Ст. 2778
7. Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. №2. 2018. С. 5-17.
8. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. №9. 2018. С. 6.
9. Чаннов С. Е. Большие данные в государственном управлении: возможности и угрозы // Журнал Российского права. №10.2018. С. 116.

References

1. Zoloeva Z. T. Nekotorye problemy realizacii prava na dostup k informacii (na materialah PCO-Alanija) (Chast' 1) (*Some problems of realization of the right to access to information (on materials of PCO-Alania) (part 1)*) // Informacionnye resursy Rossii. 2017. No.1 (155). P.40-45. (In Russian).
2. Zor'kin V. D. Pravo v cifrovom mire Razmyshlenie na poljah Peterburgskogo mezhdunarodnogo juridicheskogo foruma (*Law in the digital world reflection on the sidelines of the St. Petersburg international legal forum*) // Rossijskaja gazeta. 2018. Stolichnyj vypusk. No. 115. (In Russian).
3. Kovaleva N. N. Administrativno-pravovoe regulirovanie ispol'zovanija informacionnyh tehnologij v gosudarstvennom upravlenii (*Administrative and legal regulation of the use of information technologies in public administration*). thesis. Saratov, 2013. 366 p. (In Russian).
4. Parfenchik A. A. Ispol'zovanie social'nyh setej v gosudarstvennom upravlenii (*The use of social networks in public administration*) // Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija. 2017. No.2. P.186- 200. (In Russian).
5. Pasport nacional'nogo proekta «Nacional'naja programma «Cifrovaja jekonomika Rossijskoj Federacii»» (*Passport of the national project "national program "Digital economy of the Russian Federation"*). URL:<http://government.ru/info/35568/> (Accessed: 05.10.2019). (In Russian).
6. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 24.05.2010 № 365 «O koordinacii meroprijatij po ispol'zovaniju informacionno-kommunikacionnyh tehnologij v dejatel'nosti gosudarstvennyh organov (*Resolution of the government of the Russian Federation of 24.05.2010 № 365 "On coordination of measures for the use of information and communication technologies in the activities of state bodies"*) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 2010. No. 22. Art.2778. (In Russian).
7. Talapina Je. V. Pravo i cifrovizacija: novye vyzovy i perspektivy (*Digitalization and Law: new challenges and prospects*) // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. No.2. P.5-17. (In Russian).
8. Habrieva T. Ja. Pravo pered vyzovami cifrovoj real'nosti (*Law before the challenges of digital reality*) // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. No.9. P.6. (In Russian).
9. Channov S. E. Bol'shie dannye v gosudarstvennom upravlenii: vozmozhnosti i ugrozy (*Big data in public administration: opportunities and threats*) // Zhurnal Rossijskogo prava. 2018. No.10. P.116. (In Russian).

Информация об авторах

Койбаев Борис Георгиевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и исторической политологии Северо-Осетинского государственного университета (Владикавказ) / koibaevbg@mail.ru

Золоева Зарина Тамерлановна – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского горно-металлургического института (государственного технологического университета) (Владикавказ) / 4noiabria@mail.ru

Information about the authors

Koibaev Boris – Dr. of Political Sciences, Professor, Chair of Theory and History of State and Law, North-Caucasian Institute of Mining and Metallurgy (State Technological University) (Vladikavkaz) / koibaevbg@mail.ru

Zoloeva Zarina – Senior Teacher, Chair of Theory and History of State and Law, North-Caucasian Institute of Mining and Metallurgy (State Technological University) (Vladikavkaz) / 4noiabria@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ЛЬГОТ ПО ЗЕМЕЛЬНОМУ НАЛОГУ ДЛЯ РЕЗИДЕНТОВ ТОСЭР В МОНОГОРОДАХ

В Российской Федерации больше внимание уделяется развитию монопрофильных муниципальных образований, в том числе путем создания в них территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР). Создание ТОСЭР предполагает установление особого режима ведения предпринимательской деятельности, в том числе предоставление налоговых льгот резидентам. Поскольку льготы по земельному налогу Налоговым кодексом РФ не закреплены, то такая обязанность в силу закона ложится на представительные органы муниципальных образований, поскольку соглашением о создании ТОСЭР предусматривается обязанность исполнительно-распорядительного органа муниципального образования по разработке и внесению в представительный орган муниципального образования соответствующего правового акта.

В статье рассматриваются особенности установления льгот по земельному налогу представительными органами муниципальных образований. На примере ряда моногородов (анализа муниципальных правовых актов) показываются отличия момента

установления и окончания действия налоговой льготы, а также срока, на который она предоставляется. Делается вывод о необходимости закрепления налоговой льготы по земельному налогу для резидентов ТОСЭР в Налоговом кодексе РФ.

Налоговую льготу можно назвать стимулирующей для резидентов ТОСЭР, поскольку средства, высвобождаемые от уплаты земельного налога, могут быть направлены на развитие инвестиционных проектов. С другой стороны, для муниципалитетов, обремененных обязанностью федерального законодателя по предоставлению льготы, необходима компенсация выпадающих доходов, особенно по тем муниципальным образованиям, где земельный налог составляет существенную долю в доходах местных бюджетов. Предлагаются пути решения данного вопроса.

Ключевые слова: земельный налог; налоговые льготы; фискальные полномочия; моногорода; резиденты; территория опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР).

S. Mironova

LEGAL REGULATION OF ESTABLISHMENT OF LAND BENEFITS ON LAND TAX FOR RESIDENTS OF TASED IN SINGLE-INDUSTRY TOWNS

In the Russian Federation, more attention is paid to the development of single-industry municipalities, including through the creation of territories of advanced social and economic development (TASED) in them. The creation of the TASED implies the establishment of a special regime for doing business, including the provision of tax benefits to residents. Since land tax benefits are not fixed by the Tax Code of the Russian Federation, such a duty by law rests with the representative bodies of municipalities, since the agreement on the establishment of the TASED provides for the obligation of the executive-administrative body of the municipal formation to develop and introduce the corresponding legal act into the representative body of the municipal formation. The article discusses the features of establishing land tax benefits by representative bodies of municipalities. By the example of a number of single-industry towns (analysis of municipal legal acts), differences are shown in the

moment of establishment and expiration of the tax benefit, as well as the period for which it is granted. The conclusion is drawn about the need to consolidate the tax privilege on land tax for residents of TASED in the Tax Code of the Russian Federation. The tax incentive can be called stimulating for residents of TASED, since the funds released from the payment of land tax can be used to develop investment projects. On the other hand, for municipalities burdened with the obligation of the federal legislator to provide benefits, compensation for shortfalls is necessary, especially for those municipalities where the land tax makes up a significant share in the revenues of local budgets. Ways to resolve this issue are proposed.

Key words: land tax; tax incentives; fiscal authority; single-industry towns; residents; territory of advanced social and economic development (TASED).

Монопрофильные муниципальные образования (моногорода) являются особыми типами муниципальных образований в силу своего социально-экономического положения. Моногорода имеют ряд особенностей в своей деятельности, а государство в целом придает важное значение развитию данных территорий [8].

Перечень моногородов утвержден Распоряжением Правительства РФ от 29.07.2014 №1398-р [12] и по состоянию на 21 января 2020 г.

в него входит 321 монопрофильное муниципальное образование (число моногородов меняется в связи с объединением муниципальных образований), разделенных на три категории: 1) с наиболее сложным социально-экономическим положением (в том числе во взаимосвязи с проблемами функционирования градообразующей организации) – 97 моногородов; 2) имеющие риски ухудшения социально-экономиче-

ского положения – 148 моногородов; со стабильной социально-экономической ситуацией – 76 моногородов.

Большую роль в развитии моногородов государство отводит созданию территорий опережающего социально-экономического развития (далее -ТОСЭР) в таких городах. Такая возможность появилась с принятием Федерального закона от 29 декабря 2014 г. №473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации», который на первые три года его действия предусмотрел возможность создания ТОСЭР не только в Дальневосточном федеральном округе, но и в моногородах по всей территории РФ.

Первые ТОСЭР в моногородах появились в 2016 г., а с принятием программы «Комплексное развитие моногородов» [6], которая в качестве результатов предусмотрела создание в 2018 г. ТОСЭР в 100 моногородах, поставив это как одно из приоритетных направлений развития моногородов, число ТОСЭР значительно увеличилось. В то же время данных показателей не удалось достичь – по состоянию на 1 января 2020 г. в России создано 87 ТОСЭР в моногородах (включая те, которые одновременно являются и ЗАТО), что не соответствует обозначенным планам.

Таким образом, создание в ТОСЭР в моногородах является перспективным направлением для развития территорий, что предопределяется создание привлекательных условий для развития предпринимательства, в том числе налоговые переференции.

Одно из полномочий моногородов, создавших ТОСЭР, является обязательство по освобождению резидентов ТОСЭР от уплаты земельного налога (наряду с льготами по другим налогам, которые устанавливаются на федеральном и региональном уровне). Федеральный закон о ТОСЭР в п. 8 ч. 1 ст. 17 устанавливает, что особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности включает в себя освобождение от уплаты земельного налога на основании законодательства РФ о налогах и сборах и нормативных правовых актов представительных органов муниципальных образований. В литературе отмечается обоснованность такой государственной политики, направленной на увеличение экономической привлекательности территории [3].

Налоговый кодекс РФ не устанавливает льгот по земельному налогу для резидентов ТОСЭР в отличие, например, от земельных участков, расположенных на территории особой экономической зоны. На это же обращается внимание и применительно к установлению льгот по земельному налогу в отношении резидентов Свободного порта Владивосток [4]. Таким образом, льгота будет устанавливаться на

уровне муниципального образования. При этом соглашением о создании ТОСЭР предусматривается обязанность исполнительно-распорядительного органа муниципального образования по разработке и внесению в представительный орган муниципального образования соответствующего правового акта [30].

В целом во всех ТОСЭР муниципальные образования решают вопросы налогообложения в части, касающейся компетенции муниципалитетов, а также определяют для резидентов ТОСЭР льготы по земельному налогу. Компетенция по установлению налоговых льгот представительными органами муниципальных образований закреплена ст. 12 Налогового кодекса РФ, что вызывает необходимость контроля за местным нормотворчеством, а отсутствие такого контроля, а защита прав будет возможна только через оспаривание соответствующего акта муниципального образования [2].

Муниципальными правовыми актами устанавливаются льготы по земельному налогу в виде полного освобождения резидентов от его уплаты. В связи с тем, что статус резидента ТОСЭР имеет ограниченный срок, как правило, ограниченный сроком действия самой ТОСЭР (10 лет) или может быть прекращен досрочно, целесообразно при установлении льготы устанавливать срок, в течение которого резидент может ей пользоваться. Также имеет значение категория земель, на которых распространяется льгота. Например, освобождены от уплаты земельного налога:

– резиденты ТОСЭР «Пикалево» в отношении земельных участков, используемых для реализации инвестиционного проекта в рамках соглашения об осуществлении деятельности на территории ТОСЭР, на срок действия соглашения [26];

– резиденты ТОСЭР «Белебей» на срок действия Соглашения об осуществлении деятельности в ТОСЭР с момента возникновения права собственности на каждый земельный участок, но не более срока существования ТОСЭР [21];

– резиденты ТОСЭР «Кумертау» в отношении земельных участков, используемых для реализации инвестиционного проекта, в течение срока существования ТОСЭР [19];

– резиденты ТОСЭР «Кондопога» в отношении земельных участков, расположенных в границах ТОСЭР в течение пяти налоговых периодов начиная с налогового периода, в котором организация включена в реестр резидентов (налога, исчисленного по налоговой ставке, превышающей 0,3 процента, в течение пяти налоговых периодов начиная с шестого налогового периода, в котором организация включена в реестр резидентов) [27];

– резиденты ТОСЭР «Емва» (без каких-либо дополнительных условий) [20];

– резиденты ТОСЭР «Рузаевка» в отношении земельных участков, используемых в целях осуществления деятельности в соответствии с соглашением об осуществлении деятельности в ТОСЭР, начиная с 1 числа месяца, следующего за месяцем, в котором организация была включена в реестр резидентов, на срок действия соглашения об осуществлении деятельности на территории опережающего социально-экономического развития, но не более чем на 10 лет (Право на применение налоговой льготы утрачивается с того квартала, в котором организация была исключена из реестра резидентов ТОСЭР) [24];

– резиденты ТОСЭР «Набережные Челны» в отношении земельных участков, используемых для реализации инвестиционного проекта в рамках соглашения об осуществлении деятельности в ТОСЭР, на срок до 10 лет с даты внесения соответствующей записи в реестр резидентов [15];

– резиденты ТОСЭР «Сарапул» в отношении земельных участков, используемых для реализации инвестиционного проекта в рамках соглашения об осуществлении деятельности в ТОСЭР, на срок действия Соглашения [18];

– резиденты ТОСЭР «Абаза» в отношении земельных участков, расположенных на ТОСЭР «Абаза», начиная с налогового периода, в котором такой налогоплательщик был включен в реестр резидентов (установлены в виде ставки 0 процентов) [23];

– резиденты ТОСЭР «Невинномысск» в отношении земельных участков, используемых в целях выполнения соглашения об осуществлении деятельности в ТОСЭР, с момента включения в реестр резидентов территории опережающего социально-экономического развития «Невинномысск» [16];

– резиденты ТОСЭР «Губкин» в отношении земельных участков, используемых в целях осуществления деятельности в соответствии с соглашением об осуществлении деятельности в ТОСЭР, на срок действия указанного соглашения, начиная с налогового периода, в котором такой налогоплательщик был включен в реестр резидентов [7];

– резиденты ТОСЭР «Камешково» в отношении земельных участков, расположенных в ТОСЭР, сроком на пять календарных лет с момента возникновения права собственности на земельный участок [29];

– резиденты ТОСЭР «Юрга» в отношении земельных участков, используемых для реализации инвестиционных проектов в рамках заключенных соглашений об осуществлении деятельности на территории ТОСЭР сроком на

пять лет с месяца возникновения права собственности на каждый земельный участок, но не ранее даты внесения в реестр резидентов ТОСЭР «Юрга» [10];

– резиденты ТОСЭР «Вятские Поляны» в отношении земельных участков, расположенных в ТОСЭР [13];

– резиденты ТОСЭР «Новотроицк» в отношении земельных участков, расположенных в границах ТОСЭР, используемых для исполнения соглашений об осуществлении деятельности в ТОСЭР сроком до 10 лет, начиная с налогового периода, в котором такой налогоплательщик был включен в реестр резидентов [14];

– резиденты ТОСЭР «Тольятти» в отношении земельных участков, используемых для реализации инвестиционного проекта в рамках соглашения об осуществлении деятельности, на срок действия Соглашения [9];

– резиденты ТОСЭР «Петровск» в отношении земельных участков, используемых для реализации инвестиционных проектов в рамках заключенных соглашений об осуществлении деятельности на территории ТОСЭР «Петровск» сроком на пять лет с месяца возникновения права собственности на каждый земельный участок, но не ранее даты внесения в реестр резидентов ТОСЭР «Петровск» [25];

– резиденты ТОСЭР «Михайловка» в отношении земельных участков, используемых для реализации инвестиционных проектов в рамках соглашения об осуществлении деятельности на территории опережающего социально-экономического развития «Михайловка», на 10 (десять) лет с даты внесения соответствующей записи в реестр резидентов [17];

Анализ муниципальных правовых актов об установлении льготы по уплате земельного налога показывает, что муниципальные образования по-разному подходят к установлению критериев предоставления такой льготы: различается начало действия такой льготы, а также срок, на который она предоставляется.

С одной стороны, с учетом ограниченных возможностей по установлению элементов налогообложения представительные органы муниципальных образований тем самым реализуют свои фискальные компетенции. С другой стороны, установление ограниченного действия льготы (например, на 5 лет при создании ТОСЭР на срок 10 лет) представляется не совсем оправданным, поскольку окончание данного срока предполагает последующее продление льготы, в противном случае это будет противоречить Федеральному закону о ТОСЭР, который не устанавливает каких-либо временных рамок налоговых льгот.

Начало действия льготы может быть с даты внесения записи в реестр резидентов; с момента возникновения права собственности

на земельных участках; с момента заключения соглашения; с месяца возникновения права собственности на каждый земельный участок, но не ранее даты внесения в реестр резидентов; может быть не установлен.

Как правило, муниципальные правовые акты, устанавливающие льготы по земельному налогу, не содержат специальных положений о действии данных норм во времени, но можно встретить и придание им обратной силы. Например, для резидентов ТОСЭР Белорецк действие нормы об установлении льготы по земельному налогу установлено с 12 февраля 2019 г. (с момента создания ТОСЭР), хотя в целом нормативный акт вступает в силу с 1 января 2020 г. [22].

Окончание действия льготы тоже может отличаться в разных ТОСЭР, но в целом должна сохраняться гарантия, установленная п. 4.2. ст. 5 Налогового кодекса РФ, направленная на обеспечение стабильности положения резидентов и недопущение увеличения или отмены для них пониженных ставок.

В силу того, что «с экономической точки зрения налоговые льготы есть уменьшение дохода бюджета» [31, с. 64], экономические выгоды и эффекты от создания ТОСЭР в муниципальном образовании должны быть выше, чем те суммы земельного налога, который местный бюджет не получит.

Для примера в Тольятти в бюджете на 2015 г. доходы от земельного налога были запланированы в размере 1 196 685 тыс. руб. на плановый период 2017 г. – 1 245 383 тыс. руб. Доходы от поступления земельного налога занимают второе место после доходов от НДФЛ. А в бюджете г. Тольятти на 2017 г. поступления от земельного налога запланированы уже в размере 863 806 тыс. руб. Очевидно, что такое снижение произошло из-за предоставления льготы по земельному налогу для резидентов ТОСЭР.

Такую льготу можно назвать стимулирующей для резидентов ТОСЭР, поскольку средства, высвобождаемые от уплаты земельного налога, могут быть направлены на развитие инвестиционных проектов. С другой стороны, для муниципалитетов, обремененных обязанностью федерального законодателя по предоставлению льготы, необходима компенсация выпадающих доходов, особенно по тем муниципальным образованиям, где земельный налог

составляет существенную долю в доходах местных бюджетов, что требует «особого подхода и высокого уровня проработки создаваемых юридических механизмов и инструментов региональной политики РФ» [1]. Частично такая компенсация могла бы быть восполнена за счет отчислений от НДФЛ от работников резидентов ТОСЭР. Следует признать, что количество рабочих мест в ТОСЭР пока нельзя признать высоким, поэтому такой механизм будет работать не во всех моногородах. В силу этого необходимо предусмотреть компенсации выпадающих доходов путем выделения межбюджетных трансфертов из регионального бюджета или передачи в муниципалитет части отчислений от федеральных и региональных налогов. Например, в Тольятти сумма безвозмездных поступлений в местный бюджет в 2017 г. по сравнению с 2015 г. выросла в 22 раза за счет субвенций и субсидий.

В рамках компетенции по определению отдельных элементов налогообложения по специальным налоговым режимам муниципальные образования могут устанавливать более льготные условия по таким режимам налогообложения. Например, для резидентов ТОСЭР «Белебей» с 1 января 2018 г. установлено значение корректирующего коэффициента базовой доходности К₂, применяемого при исчислении ЕНВД, в размере 0,005. Данная льгота действует до окончания соглашения об осуществлении деятельности на территории ТОСЭР, но не более срока существования ТОСЭР [21].

Таким образом, с одной стороны, муниципалитеты связаны предоставлением обязательной льготы по земельному налогу, поскольку это предусмотрено федеральным законодательством, с другой стороны, муниципальные образования могут предоставлять и дополнительные льготы по своему усмотрению. Соглашаясь с точкой зрения о необходимом правовом инструментарии, который применяют государство и муниципальные образования, для реализации фискального интереса и аккумулирования средств в бюджетные фонды [5], представляется целесообразным установить льготу по земельному налогу для резидентов ТОСЭР в отношении земельных участков, расположенных в границах ТОСЭР непосредственно в ст. 395 Налогового кодекса РФ.

Литература

1. Бойко Н. Н. Налогово-правовое регулирование территорий опережающего социально-экономического развития в моногородах // *Налоги*. 2017. №5. С.3-6.
2. Копина А. А. Установление налогов и сборов субъектами России и муниципальными образованиями: проблемы соблюдения принципа единства налоговой системы // *Финансово-правовое*. 2020. №1. С.19-24.
3. Кукелко Д. В. Правовое регулирование устойчивого развития территорий публично-правовых образований в Российской Федерации // *Финансовое право*. 2017. №10. С.37-42.
4. Миронова С. М. Правовые коллизии установления налоговых льгот по земельному налогу (на примере Свободного порта Владивосток) // *Правоприменение*. 2019. Т.3. №4. С.51-62.

5. Омелехина Н. В. К вопросу о фискальном суверенитете государства // Юридическая наука и практика. 2014. Т. 10. № 1. С. 17-23.
6. Паспорт приоритетной программы Комплексное развитие моногородов, утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам, протокол от 30.11.2016 № 11 URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 12.01.2020). В настоящий момент документ не применяется.
7. Положение о земельном налоге на территории Губкинского городского округа от 10.11.2008 N 45, утв. решением Совета депутатов Губкинского городского округа Белгородской обл. от 30.10.2008 №1 (ред. от 13.04.2018) URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 12.01.2020).
8. Постановление СФ ФС РФ от 22.03.2017 №59-СФ «О мерах Правительства Российской Федерации по реализации приоритетной программы "Комплексное развитие моногородов"» // СЗ РФ. 2017. №13. Ст. 1792.
9. Постановление Тольяттинской городской Думы Самарской области от 19.10.2005 №257 «О Положении о земельном налоге на территории городского округа Тольятти» URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 12.01.2020).
10. Постановление Юргинского городского Совета народных депутатов от 19.10.2005 №54 (ред. от 04.04.2017) «О земельном налоге на территории Юргинского городского округа» URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 12.01.2020).
11. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 N 207-р (ред. от 31.08.2019) «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2019. №7 (часть II). Ст. 702.
12. Распоряжение Правительства РФ от 29.07.2014 №1398-р (ред. от 21.01.2020) «Об утверждении перечня монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4448.
13. Решение Вятскополянской городской Думы Кировской области от 24.04.2014 №35 (ред. от 27.03.2018) «Об утверждении Положения о земельном налоге на территории города Вятские Поляны» URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 12.01.2020).
14. Решение городского Совета депутатов муниципального образования город Новотроицк Оренбургской области от 06.04.2017 №250 "Об утверждении Положения «О земельном налоге на территории муниципального образования город Новотроицк» в новой редакции URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 12.01.2020).
15. Решение Горсовета муниципального образования «г. Набережные Челны» от 09.11.2016 № 11/6 "О земельном налоге" URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 12.01.2020).
16. Решение Думы г. Невинномыска Ставропольского края от 28.09.2011 №97-8 «О земельном налоге» URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 12.01.2020).
17. Решение Михайловской городской Думы Волгоградской обл. от 28.09.2018 №115 «Об установлении земельного налога» URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 12.01.2020).
18. Решение Сарapulьской городской Думы от 28.06.2018 №2-449 «О земельном налоге на территории муниципального образования "Город Сарapulь"» URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 12.01.2020).
19. Решение Совета городского округа г. Кумертау РБ от 19.11.2008 №14-3 «Об установлении земельного налога» URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 12.01.2020).
20. Решение Совета городского поселения «Емва» от 27.03.2015 №1-31/173 «О земельном налоге» URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 12.01.2020).
21. Решение Совета городского поселения г. Белебей муниципального района Белебеевский район РБ от 17.11.2006 №90 «Об установлении земельного налога» URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 12.01.2020).
22. Решение Совета городского поселения г. Белорецк муниципального района Белорецкий район РБ от 30.10.2019 N 168 «Об установлении земельного налога на территории городского поселения город Белорецк муниципального района Белорецкий район Республики Башкортостан» URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 12.01.2020).
23. Решение Совета депутатов г. Абазы от 20.08.2014 №195 «Об установлении земельного налога на территории муниципального образования город Абазы» URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 12.01.2020).
24. Решение Совета депутатов городского поселения Рузаевка муниципального образования Рузаевка Республики Мордовия от 17.11.2005 № 1/6 «Об установлении земельного налога» URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 12.01.2020).
25. Решение Совета депутатов МО г. Петровск Петровского муниципального района от 18.07.2018 №30-133 «Об установлении земельного налога на территории муниципального образования город Петровск Петровского муниципального района Саратовской области» URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 12.01.2020).
26. Решение Совета депутатов муниципального образования «Город Пикалево» Бокситогорского муниципального района Ленинградской области от 23.11.2010 №71 «О земельном налоге на территории муниципального образования "Город Пикалево" Бокситогорского района Ленинградской области» URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 12.01.2020).
27. Решение Совета Кондопожского городского поселения Кондопожского городского поселения URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 12.01.2020).
28. Решение Совета муниципального района Белебеевский район РБ от 16.11.2017 №180 «Об установлении значений корректирующего коэффициента базовой доходности К2, применяемого при исчислении единого налога на вмененный доход для отдельных видов деятельности юридических лиц, включенных в реестр резидентов территории опережающего социально-экономического развития "Белебей" № // Официальный сайт Администрации муниципального района Белебеевский район Республики Башкортостан <http://www.belebey-mr.ru> (Дата обращения: 12.01.2020).
29. Решение Совета народных депутатов города Камешково от 20.09.2013 №170 (ред. от 21.09.2017) «Об утверждении Положения о земельном налоге на территории города Камешково» URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 12.01.2020).
30. Соглашение о создании на территории муниципального образования город Камешково Владимирской области территории опережающего социально-экономического развития «Камешково» URL: [http://admkam.ru/normdocСОГЛАШЕНИЕ о создании%20ТОСЭР Камешково от 21 сентября 2018.pdf](http://admkam.ru/normdocСОГЛАШЕНИЕ%20ТОСЭР%20Камешково%20от%2021%20сентября%202018.pdf) (Дата обращения: 15.01.2020).
31. Соловьева С. А. Налоговые вычеты и налоговые льготы: проблемы соотношения и законодательного закрепления: монография / под науч. рук. М. В. Сенцовой. М.: Кнорус, 2012. 216 с.

References

1. Boyko N. N. *Nalogovo-pravovoye regulirovaniye territoriy operezhayushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya v monogorodakh (Tax and legal regulation of territories of priority social and economic development in single-industry towns)* // Nalogi. 2017. No.5. P.3-6. (In Russian).
2. Kopina A. A. *Ustanovleniye nalogov i sborov sub'yektami Rossii i munitsipal'nyimi obrazovaniyami: problemy soblyudeniya printsipa yedinstva nalogovoy sistemy (Establishment of taxes and fees by subjects of Russia and municipalities: problems of compliance with the principle of unity of the tax system)* // Finansovoye pravo. 2020. No.1. P.19-24. (In Russian).

3. Kukelko D. V. Pravovoye regulirovaniye ustoychivogo razvitiya territoriy publichno-pravovykh obrazovaniy v Rossiyskoy Federatsii (*Legal regulation of sustainable development of territories of public law entities in the Russian Federation*) // Finansovoye pravo. 2017. No. 10. P. 37-42. (In Russian).
4. Mironova S. M. Pravovyye kollizii ustanovleniya nalogovykh l'got po zemel'nomu nalogu (na primere Svobodnogo porta Vladivostok) (*Legal conflicts with the establishment of tax benefits for land tax (by the example of the Free port of Vladivostok)*) // Pravoprime-neniye. 2019. Vol. 3. No. 4. P. 51-62. (In Russian).
5. Omelekhina N. V. K voprosu o fiskal'nom suverenitete gosudarstva (*To the question of fiscal sovereignty of the state*) // Yuridicheskaya nauka i praktika. 2014. Vol. 10. No. 1. P. 17-23. (In Russian).
6. Pasport prioritetnoy programmy Kompleksnoe razvitie monogorodov, utv. prezidiumom Soveta pri Prezidente RF po strate-gicheskomu razvitiyu i prioritetnym proektam, protokol ot 30.11.2016 No. 11 (*The priority program passport Integrated development of single-industry towns, approved by the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and Priority Projects, Minutes No. 11 of 11/30/2016*) URL: <http://www.consultant.ru> (Accessed: 12.01.2020). V nastoyashchiy moment dokument ne primenyaetsya. (In Russian).
7. Polozhenie o zemel'nom naloge na territorii Gubkinskogo gorodskogo okruga ot 10.11.2008 N 45, utv. resheniem Soveta dep-utatsiy Gubkinskogo gorodskogo okruga Belgorodskoy obl. ot 30.10.2008 No. 1 (red. ot 13.04.2018) (*Regulation on land tax in the territory of the Gubkinsky city district "dated 10.11.2008 No. 45, approved by the decision of the Council of Deputies of the Gubkinsky city district of the Belgorod region of 10.30.2008 N 1 (as amended on 04/13/2018)*) URL: <http://www.consultant.ru> (Accessed: 12.01.2020). (In Rus-sian).
8. Postanovlenie SF FS RF ot 22.03.2017 No. 59-SF «O merakh Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii po realizatsii prioritetnoy programmy "Kompleksnoe razvitie monogorodov"» (*Resolution of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Feder-ation dated March 22, 2017 No. 59-SF "On measures of the Government of the Russian Federation to implement the priority program" Integrated development of single-industry towns"*) // Collection the legislation of the Russian Federation (SZ RF). 2017. №13. SVol. 1792. (In Russian).
9. Postanovlenie Tol'yatinskoy gorodskoy Dumy Samarskoy oblasti ot 19.10.2005 №257 «O Polozhenii o zemel'nom naloge na territorii gorodskogo okruga Tol'yatti» (*Resolution of the Togliatti City Council of the Samara Region dated 19.10.2005 No. 257 "On the Regulation on Land Tax in the Territory of the Togliatti City District"*) URL: <http://www.consultant.ru> (Accessed: 12.01.2020). (In Russian).
10. Postanovlenie Yurginskogo gorodskogo Soveta narodnykh deputatov ot 19.10.2005 №54 (red. ot 04.04.2017) «O zemel'nom naloge na territorii Yurginskogo gorodskogo okruga» (*Resolution of the Yurginsky City Council of People's Deputies of 19.10.2005 No. 54 (as amended on 04.04.2017) "On Land Tax in the Yurginsky City District"*) URL: <http://www.consultant.ru> (Accessed: 12.01.2020). (In Russian).
11. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 13.02.2019 N 207-r (red. ot 31.08.2019) «Ob utverzhdenii Strategii prostranstvennogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda» (*The order of the Government of the Russian Federation of February 13, 2019 No 207-r (as amended on August 31, 2019) "On the approval of the Strategy for the spatial development of the Russian Federation for the period until 2025"*) // SZ RF. 2019. No. 7. Art. 702. (In Russian).
12. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 29.07.2014 №1398-r (red. ot 21.01.2020) «Ob utverzhdenii perechnya monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovaniy Rossiyskoy Federatsii (monogorodov)» (*The order of the Government of the Russian Federation of July 29, 2014 No. 1398-r (as amended on January 21, 2020) "On the approval of the list of single-industry municipalities of the Russian Federation (single-industry towns)"*) // SZ RF. 2014. No. 31. SVol. 4448. (In Russian).
13. Reshenie Vyatskopolyanskoy gorodskoy Dumy Kirovskoy oblasti ot 24.04.2014 №35 (red. ot 27.03.2018) «Ob utverzhdenii Polozheniya o zemel'nom naloge na territorii goroda Vyatskie Polyany» (*Decision of the Vyatskopolyan City Council of the Kirov Region of 04.24.2014 N 35 (as amended on 03/27/2018) "On approval of the Regulation on land tax in the city of Vyatskiye Polyany"*) URL: <http://www.consultant.ru> (Accessed: 12.01.2020). (In Russian).
14. Reshenie gorodskogo Soveta deputatov munitsipal'nogo obrazovaniya gorod Novotroitsk Orenburgskoy oblasti ot 06.04.2017 No. 250 «Ob utverzhdenii Polozheniya «O zemel'nom naloge na territorii munitsipal'nogo obrazovaniya gorod Novotroitsk» v novoy redaktsii (*Decision of the City Council of Deputies of the municipal formation of the city of Novotroitsk of the Orenburg Region dated 04.04.2017 N 250 "On approval of the Regulation" On the land tax in the territory of the municipality of the city of Novotroitsk "in the new edition"*) URL: <http://www.consultant.ru> (Accessed: 12.01.2020). (In Russian).
15. Reshenie Gorsoвета munitsipal'nogo obrazovaniya «g. Naberezhnye Chelny» ot 09.11.2016 No. 11/6 «O zemel'nom naloge» (*Decision of the City Council of the municipality "Naberezhnye Chelny" dated 09.11.2016 No 11/6 "On land tax"*) URL: <http://www.consultant.ru> (Accessed: 12.01.2020).
16. Reshenie Dumy g. Nevinnomysska Stavropol'skogo kraya ot 28.09.2011 №97-8 «O zemel'nom naloge» (*The decision of the Duma of the city of Nevinnomyssk, Stavropol Territory of September 28, 2011 N 97-8 "On land tax"*) URL: <http://www.consultant.ru> (Ac-cessed: 12.01.2020). (In Russian).
17. Reshenie Mikhaylovskoy gorodskoy Dumy Volgogradskoy obl. ot 28.09.2018 №115 «Ob ustanovlenii zemel'nogo naloga» (*The decision of the Mikhailovsky City Council of the Volgograd Region. dated 28.09.2018 No 115 "On the establishment of land tax"*) URL: <http://www.consultant.ru> (Accessed: 12.01.2020). (In Russian).
18. Reshenie Sarapul'skoy gorodskoy Dumy ot 28.06.2018 No. 2-449 «O zemel'nom naloge na territorii munitsipal'nogo obra-zovaniya "Gorod Sarapul"» (*Decision of the Sarapul City Council of June 28, 2018 N 2-449 "On land tax in the territory of the municipal formation" City of Sarapul*) URL: <http://www.consultant.ru> (Accessed: 12.01.2020). (In Russian).
19. Reshenie Soveta gorodskogo okruga g. Kumertau RB ot 19.11.2008 №14-3 «Ob ustanovlenii zemel'nogo naloga» (*Decision of the Council of the city district of Kumertau of the Republic of Belarus dated 19.11.2008 No. 14-3 "On the establishment of land tax"*) URL: <http://www.consultant.ru> (Accessed: 12.01.2020). (In Russian).
20. Reshenie Soveta gorodskogo poseleniya «Emva» ot 27.03.2015 No. I-31/173 «O zemel'nom naloge» (*Decision of the Coun-cil of the urban settlement "Emva" dated 03/27/2015 N I-31/173 "On land tax"*) URL: <http://www.consultant.ru> (Accessed: 12.01.2020). (In Russian).
21. Reshenie Soveta gorodskogo poseleniya g. Belebey munitsipal'nogo rayona Belebeyvskiy rayon RB ot 17.11.2006 No. 90 «Ob ustanovlenii zemel'nogo naloga» (*Decision of the Council of the urban settlement of Belebey of the municipal district of Belebeyevsky district of the Republic of Belarus dated 17.11.2006 No. 90 "On the establishment of land tax"*) URL: <http://www.consultant.ru> (Ac-cessed: 12.01.2020). (In Russian).
22. Reshenie Soveta gorodskogo poseleniya g. Beloretsk munitsipal'nogo rayona Beloretskiy rayon RB ot 30.10.2019 No. 168 «Ob ustanovlenii zemel'nogo naloga na territorii gorodskogo poseleniya gorod Beloretsk munitsipal'nogo rayona Beloretskiy rayon Respu-bliki Bashkortostan» (*Decision of the Council of the city settlement of Beloretsk of the municipal region Beloretsky district of the Republic of Belarus dated 30.10.2019 N 168 "On the establishment of land tax on the territory of the city settlement of the city of Beloretsk of the municipal region of Beloretsky district of the Republic of Bashkortostan"*) URL: <http://www.consultant.ru> (Accessed: 12.01.2020). (In Rus-sian).

23. Reshenie Soveta deputatov g. Abazy ot 20.08.2014 №195 «Ob ustanovlenii zemel'nogo naloga na territorii munitsipal'nogo obrazovaniya gorod Abaza» (*Decision of the Council of Deputies of the city of Abaza dated 08.20.2014 N 195 "On the establishment of land tax on the territory of the municipality of the city of Abaza"*) URL: <http://www.consultant.ru> (Accessed: 12.01.2020). (In Russian).
24. Reshenie Soveta deputatov gorodskogo poseleniya Ruzaevka munitsipal'nogo obrazovaniya Ruzaevka Respubliki Mordoviya ot 17.11.2005 No. 1/6 «Ob ustanovlenii zemel'nogo naloga» (*Decision of the Council of Deputies of the urban settlement Ruzayevka of the municipality of Ruzayevka of the Republic of Mordovia dated November 17, 2005 N 1/6 "On the Establishment of Land Tax"*) URL: <http://www.consultant.ru> (Accessed: 12.01.2020). (In Russian).
25. Reshenie Soveta deputatov MO g. Petrovsk Petrovskogo munitsipal'nogo rayona ot 18.07.2018 №30-133 «Ob ustanovlenii zemel'nogo naloga na territorii munitsipal'nogo obrazovaniya gorod Petrovsk Petrovskogo munitsipal'nogo rayona Saratovskoy oblasti» (*Decision of the Council of Deputies of the city of Petrovsk of the Petrovsky municipal district of July 18, 2018 No. 30-133 "On the establishment of a land tax on the territory of the municipal formation of the city of Petrovsk of the Petrovsky municipal district of the Saratov region"*) URL: <http://www.consultant.ru> (Accessed: 12.01.2020). (In Russian).
26. Reshenie Soveta deputatov munitsipal'nogo obrazovaniya «Gorod Pikalevo» Boksitogorskogo munitsipal'nogo rayona Leningradskoy oblasti ot 23.11.2010 №71 «O zemel'nom naloge na territorii munitsipal'nogo obrazovaniya "Gorod Pikalevo" Boksitogorskogo rayona Leningradskoy oblasti» (*Decision of the Council of Deputies of the Municipal Formation "Pikalevo City" of the Boksitogorsk Municipal District of the Leningrad Region of 11.23.2010 N 71 "On Land Tax in the territory of the municipality" Pikalevo City "of the Boksitogorsky District of the Leningrad Region"*) URL: <http://www.consultant.ru> (Accessed: 12.01.2020). (In Russian).
27. Reshenie Soveta Kondopozhskogo gorodskogo poseleniya Kondopozhskogo munitsipal'nogo rayona ot 01.06.2016 №76 «O zemel'nom naloge na territorii Kondopozhskogo gorodskogo poseleniya» (*Decision of the Council of the Kondopoga city settlement of the Kondopoga municipal region dated 01.06.2016 No. 76 "On land tax in the territory of the Kondopoga city settlement"*) URL: <http://www.consultant.ru> (Accessed: 12.01.2020). (In Russian).
28. Reshenie Soveta munitsipal'nogo rayona Belebeevskiy rayon RB ot 16.11.2017 №180 «Ob ustanovlenii znacheniy korek-tiruyushchego koeffitsienta bazovoy dokhodnosti K2, primenyaemogo pri ischislenii edinogo naloga na vmenennyy dokhod dlya otel'nykh vidov deyatel'nosti yuridicheskikh lits, vkluchennykh v reestr rezidentov territorii operezhayushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya "Belebey"» (*Decision of the Council of the municipal district of Belebeevsky district of the Republic of Belarus dated 16.11.2017 N 180 "On establishing the values of the correcting coefficient of basic profitability K2, used in calculating the single tax on imputed income for certain types of activities of legal entities included in the register of residents of the territory of priority social and economic development "Belebey" // Ofitsial'nyy sayt Administratsii munitsipal'nogo rayona Belebeevskiy rayon Respubliki Bashkortostan* <http://www.belebey-mr.ru>, (Accessed: 12.01.2020). (In Russian).
29. Reshenie Soveta narodnykh deputatov goroda Kameshkovo ot 20.09.2013 №170 (red. ot 21.09.2017) «Ob utverzhdenii Polozheniya o zemel'nom naloge na territorii goroda Kameshkovo» (*Decision of the Council of People's Deputies of the city of Kameshkovo dated September 20, 2013 No. 170 (as amended on September 21, 2017) "On approval of the Regulation on land tax in the city of Kameshkovo"*) URL: <http://www.consultant.ru> (Accessed 12.01.2020). (In Russian).
30. Soglasenie o sozdanii na territorii munitsipal'nogo obrazovaniya gorod Kameshkovo Vladimirskoy oblasti territorii operezhayushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya «Kameshkovo» (*Agreement on the establishment on the territory of the municipality of the city of Kameshkovo, Vladimir Region, the territory of the advanced socio-economic development "Kameshkovo"*) URL: [http://admkmam.ru/normdocSOGLASHENIE o sozdanii%20 TOSER Kameshkovo ot 21 sentyabrya 2018.pdf](http://admkmam.ru/normdocSOGLASHENIE%20OSER%20Kameshkovo%2021%20sentyabrya%202018.pdf) (Accessed: 15.01.2020). (In Russian).
31. Solov'yeva S. A. Nalogovyye vychety i nalogovyye l'goty: problemy sootnosheniya i zakonodatel'nogo zakrepleniya: monografiya (*Tax deductions and tax benefits: problems of correlation and legislative consolidation*) / pod nauch.ruk. M.V. Sentsovoy. M.: Knorus, 2012. P. 216 (In Russian).

Информация об авторе

Миронова Светлана Михайловна – кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового и предпринимательского права, Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС (Волгоград) / Smironova2017@gmail.com

Information about the author

Mironova Svetlana – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Financial and Business Law, Volgograd Institute of Management - RANEPA branch (Volgograd) / Smironova2017@gmail.com

СОВРЕМЕННОЕ ДОКТРИНАЛЬНОЕ ПОНИМАНИЕ ТЕРМИНА «ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ»

Автор подчеркивает, что формирование юридического концепта «военных преступлений» связано со становлением международного гуманитарного права с середины XIX в. В настоящее время общепризнанно, что основополагающими международными документами, определяющими формально-правовой характер военных преступлений, являются: Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним 1977 г.; ряд конвенций о запрещении использования тех или иных методов и средств ведения вооруженного конфликта; «устанавливающие» документы современных органов международной уголовной юстиции. Также особое значение для понимания военных преступлений имеют решения Нюрнбергского и Токийского трибуналов, а также международных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии.

По мнению автора, в современной российской доктрине, несмотря на терминологическую разницу, имеется определенное смысловое единство в понимании термина «военные преступления». При этом в основу определения этого термина предложено принципы международного гуманитарного права (гуманность, ограничение противоборствующих сторон в выборе средств и методов ведения военных действий, защита гражданского населения и гражданских объектов в ходе вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера). Однако, как подчеркивает большинство российских авторов, военное преступление, изначально являюще-

еся нарушением норм международного гуманитарного права, подразумевает индивидуальную уголовную ответственность лица, его совершившего.

В современной зарубежной доктрине также говорится о том, что термин «военные преступления» часто используется в различных и противоречивых значениях. Однако и зарубежные авторы все чаще используют «узкое» определение: военное преступление – это нарушение нормы международного гуманитарного права, влекущее уголовную ответственность.

Автор отмечает, что в российской и зарубежной доктрине дебатруется вопрос о применимости международно-правового определения «военные преступления» в национальной уголовно-правовой системе. Данный тезис особенно важен для государств, не участвующих в Римском Статуте Международного уголовного суда, но для которых обязательными являются нормы международного обычного права.

В результате автор делает вывод о том, что для современной российской и зарубежной доктрины характерно принципиально схожее понимание термина «военное преступление» в международном уголовном праве.

Ключевые слова: военные преступления, доктрина международного уголовного права, доктрина национального уголовного права, обычное международное право, международное гуманитарное право.

N. Troitsky

CONTEMPORARY DOCTRINAL UNDERSTANDING OF THE TERM «WAR CRIMES»

The author underlines that the formation of the legal concept of «war crimes» is connected with the formation of international humanitarian law from the middle of the 19th century. It is now generally recognized that the fundamental international documents defining the formal legal nature of war crimes are: the Geneva Conventions for the Protection of Victims of the War (1949) and their Additional Protocols (1977); a number of conventions banning the use of certain methods and means of warfare; «establishing» documents of modern bodies of international criminal justice. Decisions of the Nuremberg and Tokyo Tribunals, as well as international tribunals for Rwanda and the former Yugoslavia, are also of particular importance for understanding war crimes.

According to the author, in modern Russian doctrine, despite the terminological difference, there is a certain semantic unity in the understanding of the term «war crimes». At the same time, the principles of international humanitarian law are proposed as the basis for the definition of this term (humanity, limiting the warring parties in choosing means and methods of conducting military operations, protecting civilians and civil objects during armed conflicts of an international and non-international nature). However, as most Russian authors emphasize,

a war crime, which was initially a violation of international humanitarian law, implies the individual criminal responsibility of the person who committed it.

The modern foreign doctrine also states that the term «war crimes» is often used in different and conflicting meanings. However, foreign authors are increasingly using a «narrow» definition: a war crime is a violation of international humanitarian law, entailing criminal liability.

The author notes that the question of the applicability of the international legal definition of «war crimes» in the national criminal law system is debated in Russian and foreign doctrine. This thesis is especially important for states not participating in the Rome Statute of the International Criminal Court, but for which the rules of customary international law are binding.

As a result, the author concludes that the modern Russian and foreign doctrine is characterized by a fundamentally similar understanding of the term «war crime» in international criminal law.

Key words: war crimes, doctrine of international criminal law, doctrine of national criminal law, customary international law, international humanitarian law.

Прежде всего, надо отметить, что термин «военные преступления» используется в самых разных значениях для определения различных нарушений, так или иначе связанных с военными действиями и/или наличествующим вооруженным конфликтом. При этом многие авторы отмечают, что истоки понимания какого-либо деяния в качестве военного преступления уходят корнями в глубокую древность. Прообразы военных преступлений, по мнению отечественных и зарубежных исследователей, имеются уже в Ветхозаветном запрете на убийство военнопленных (4 Книга Царств; 6:21–23), а также в установлении особых «правил» ведения войн в Древней Греции [1, с. 22–24; 3, с. 19–20; 4, с. 470].

Как указывается в литературе, формирование собственно юридического концепта «военных преступлений» связано со становлением международного гуманитарного права с середины XIX в. Прямые запреты на применение определенных средств и методов ведения войны («законы и обычаи войны») появились с принятием первых конвенций защите во время войны раненых и больных лиц из состава вооруженных сил (в частности, Женевской конвенции 1864 г.), а также международно-правовых актов конца XIX – начала XX вв. о запрещении использования того или иного вида оружия в ходе вооруженного конфликта. В настоящее время не подвергается сомнению то обстоятельство, что основополагающими международными документами, определяющими формально-правовой характер военных преступлений, являются:

1) Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним 1977 г.;

2) ряд конвенций о запрещении использования тех или иных методов и средств ведения вооруженного конфликта (например, Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г.; Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия 1993 г.);

3) «устанавливающие» документы современных органов международной уголовной юстиции: уставы международных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии, Римский Статут Международного уголовного суда 1998 г.

Особое значение для понимания сущности военных преступлений имеют решения Нюрнбергского и Токийского трибуналов, а также международных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии. Эти решения являются повсеместно приемлемыми актами международного обычного права, признаваемыми по-

давливающим большинством современных государств, включая Россию [2, с. 44–48; 5, с. 440–442; 11, с. 63–65; 12, с. 131–133].

Российская доктрина. В современной российской доктрине национального и международного уголовного права, несмотря на терминологическую разницу, имеется определенное смысловое единство в понимании термина «военные преступления». При этом особо подчеркивается, что в основе регламентации правил ведения военных действий и всемерной защиты военнопленных и представителей гражданского населения в ходе вооруженных конфликтов находится тезис, выдвинутый русским профессором Ф.Ф. Мартенсом на Гаагской конференции 1899 г. (так называемая «оговорка Мартенса»). Смысл этой «оговорки» заключается в том, что население и воюющие стороны всегда «остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания» [1, с. 52].

В начале XXI в. в отечественной доктрине отмечен отход от распространенных во второй половине XX в. идей о том, что понимание военных преступлений базируется на сформировавшемся ранее «праве войны», распространявшем свое действие лишь на государства в ходе международного вооруженного конфликта. Также наблюдается постепенный отказ от использования термина «законы и обычаи ведения войны». В конце прошлого столетия все чаще говорилось о «праве вооруженных конфликтов», которое, в силу II Дополнительного Протокола к Женевским конвенциям, распространено в отношении вооруженных конфликтов немеждународного характера. В чем наблюдается последовательное единство российских авторов: практически все они связывают современное понимание военных преступлений с нарушениями международного гуманитарного права, призванного всемерно защищать лиц, не принимавших или прекративших участвовать в военных действиях, а также на ограничение средств и методов ведения войны [1, с. 54–55; 3, с. 25–27; 7, с. 71–72].

При этом в основу определения термина «военные преступления» предлагается положить следующие принципы, вытекающие из предписаний международного гуманитарного права:

1) принцип гуманности, включивший в себя основополагающие соображения гуманности в отношении лиц, не принимающих либо прекративших участие в военных действиях, как

они предписываются статьей 3, общей для Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г.;

2) принцип ограничения воюющих (противоборствующих) сторон в выборе средств и методов ведения военных действий, впервые сформулированный в ст. XXII Гаагского положения о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. («Воюющие не пользуются неограниченным правом в выборе средств нанесения вреда неприятелю») и многократно повторенный в международных конвенциях, посвященных вопросам регламентации ведения вооруженных конфликтов;

3) принцип защиты гражданского населения и мирных (гражданских) объектов в ходе вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера (ст. 51–57 I Дополнительного протокола и ст. 13–17 II Дополнительного протокола к Женевским конвенциям о защите жертв войны); составной частью данного принципа является «правило толкования сомнений»: в случае возникновения сомнения в том, используется ли объект в мирных или гражданских целях, предполагается, что такой объект не является военным [1, с. 56–57; 9, с. 229].

Одним из «краеугольных» вопросов современной доктрины является обсуждение тезиса о том, относятся ли военные преступления только к «сфере действия» международного гуманитарного права?

И на этот вопрос подавляющее большинство авторов дает отрицательный ответ. Например, по словам А.В. Берко, нельзя оспорить «того обстоятельства, что определение недопустимых средств и методов ведения вооруженной борьбы (военного конфликта), интересы защиты прав человека в ходе вооруженного конфликта установлены именно международным гуманитарным правом». Однако преступность и наказуемость индивидов за совершение таких нарушений определена нормами не международного гуманитарного, а международного уголовного права. Поэтому военным преступлением надо признавать «использование любого метода или средства ведения вооруженного конфликта, запрещенного международным гуманитарным правом, преступность которого и ответственность за которое установлена в международном уголовном праве» [3, с. 20, 43].

Данная позиция находит поддержку у большинства современных российских авторов. Так, по мнению Р. А. Адельханяна, «нарушение норм международного гуманитарного права, расцениваемое как преступное, является юридическим фактом для международного и (или) национального уголовного права». В итоге данный автор дает очень близкое вышеприведенному определение военного преступления как «деяния, состоящего в нарушении установленных основополагающими прин-

ципами международного права и международным гуманитарным правом правил ведения вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера, преступность которого определена в акте международного уголовного права» [1, с. 64, 86].

С теми или иными вариациями и уточнениями, не меняющими общего смысла, российские авторы определяют термин «военные преступления». Например, И. Ю. Белый определяет военное преступление как «предусмотренное в акте международного уголовного права виновно совершенное общественно опасное деяние, посягающее на установленное основополагающими принципами международного права и международным гуманитарным правом правила ведения вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера» [2, с. 50].

В докторской диссертации С. А. Лобанова военные преступления определены как «серьезные нарушения международного гуманитарного права, применяемого в вооруженных конфликтах (международных и немеждународного характера), влекущие индивидуальную уголовную ответственность в соответствии с международным уголовным правом» [8, с. 217].

Соглашаясь, в принципе, с вышеприведенными позициями, П.П. Степанов предлагает дефиницию военного преступления добавить указание на его «контекстуальный элемент», разработанный в решениях международных судов *ad hoc* – непосредственную связь с вооруженным конфликтом международного либо немеждународного характера. По его словам, «контекстуальный элемент, то есть связь деяния с вооруженным конфликтом международного или немеждународного характера, таким образом, является существенным характерным признаком всех военных преступлений. Представляется, что дефиниция военных преступлений, как отдельного вида преступлений, так и характеристика каждого военного преступления будет неполной без указания на этот признак» [10, с. 96].

По большому счету, с этим предложением можно согласиться. Как указывает А. Г. Кибальник, в решениях Международного трибунала по бывшей Югославии (в частности, по делам *Prosecutor v. D. Tadić*; *Prosecutor v. M. Kordić and M. Čerkez*) указано, что обязательным «контекстуальным элементом» военного преступления является «очевидная связь» совершенного деяния с фактически существующим вооруженным конфликтом международного или немеждународного характера [9, с. 231]. Более того, необходимость установления «контекстуального элемента» военного преступления существует при квалификации такого деяния не только по международному уголовному праву, но и по соответствующим нормам внутреннего

уголовного законодательства (например, по ст. 356 УК РФ). Это правило следует в силу выполнения международных обязательств о признании практики современных международных трибуналов *ad hoc* в деятельности органов национальной уголовной юстиции [5, с. 453].

Тем не менее, необходимо сказать, что некоторые российские авторы при определении термина «военные преступления» продолжают исходить из доктрины «законов и обычаев ведения войны» – правда, с рядом оговорок. Например, Н. И. Костенко к военным преступлениям относит международные преступления, представляющие собой «сложные и разнообразные по характеру» преступные деяния, которые «посягают на законы или обычаи войны» [6, с. 234]. В соответствии с положениями Женевских конвенций о защите жертв войны и Дополнительными Протоколами к ним, а также ст. 8 Римского Статута Международного уголовного суда, он (в зависимости от объективных характеристик деяний, их последствий и субъекта) выделяет порядка семидесяти конкретных видов военных преступлений.

В итоге Н. И. Костенко делает общий вывод о том, что признание того или иного деяния в качестве военного преступления ставится в зависимость от следующих «специфических критериев»: 1) совершено ли оно «в рамках целенаправленного плана или политики»; 2) наличествует ли «широкомасштабность» совершения таких деяний. В итоге, по его мнению, «в постановочном плане ответственность ... наступает без каких-либо различий в отношении правовой оценки исполнителем факта существования вооруженного конфликта или его характеристики как международного или немеждународного». Такое отсутствие «знания исполнителем фактов, определяющих характера конфликта как международного или немеждународного» обусловлено тем обстоятельством, что, «согласно праву существует только требование в отношении знания конкретно фактических обстоятельств, определяющих существование вооруженного конфликта» [6, с. 265–266].

Зарубежная доктрина. В современной зарубежной доктрине также говорится о том, что термин «военные преступления» часто используется в «различных и нередко противоречивых значениях». В частности, под военным преступлением предложено понимать:

- 1) любое преступное поведение, имевшее место во время войны либо иного вооруженного конфликта;
- 2) любое нарушение международного гуманитарного права вне зависимости от его признания актом именно преступного поведения;
- 3) любое преступление по международному праву, совершенное в связи с вооруженным конфликтом, даже если оно представляет

собой преступление против человечности либо акт геноцида.

Тем не менее, в зарубежной литературе начинает превалировать «узкое, юридически более точное определение: военное преступление – это нарушение нормы международного гуманитарного права, влекущее уголовную ответственность непосредственно по международному праву» [4, с. 468–469].

Один из отцов-основателей международного уголовного права А. Кассезе (A. Cassese) в общем определении термина «военные преступления» пишет, что они представляют собой «серьезные нарушения» обычных и договоренных норм международного гуманитарного права, которое также называется «международным правом вооруженных конфликтов». С учетом практики международных судов *ad hoc* (прежде всего, уже упоминавшегося решения по делу *Prosecutor v. D. Tadić*), военное преступление должно обладать следующими признаками:

- 1) совершенное деяние является «серьезным нарушением» международного гуманитарного права и «наносит значительный ущерб» важным защищаемым ценностям либо влечет «серьезные последствия» для жертвы;
- 2) нарушение права должно выражаться в нарушении обычного права либо нормы применимого договора;
- 3) нарушение должно влечь индивидуальную уголовную ответственность для лица, его совершившего;
- 4) совершенное деяние должно состоять в прямой связи с идущим вооруженным конфликтом международного либо внутреннего характера.

Военное преступление, по словам А. Кассезе, может быть совершено комбатантами или гражданскими лицами, являющимися частью вооруженного конфликта, против комбатантов, гражданских лиц и «невоенных целей» (например, объектов частной собственности) другой стороны, являющейся участницей вооруженного конфликта [11, с. 65–67].

Схожее по смыслу определение военного преступления предлагает К. Киттичайзари (K. Kittichaisaree). По его мнению, таким преступлением является нарушение норм международного гуманитарного права, совершенное в ходе вооруженного конфликта (как международного, так и внутреннего). Однако «не каждое преступление, совершенное в ходе вооруженного конфликта, является военным преступлением». Оно должно быть «тесно связанным» с вооруженным конфликтом, являться частью «политики или практики», «санкционированной или допускаемой стороной конфликта», либо совершаться в целях достижения «целей политики, ассоциируемой с актуальными интересами

стороны конфликта». Наконец, любой человек может нести уголовную ответственность за совершение военных преступлений: «не только солдаты, ... члены правительства, политики и официальные лица, промышленники и бизнесмены, судьи и прокуроры, врачи и медперсонал, палачи и надзиратели концентрационных лагерей» – ответственности может подлежать любой «человек с улицы» [12, с. 130–133].

По авторитетному мнению Г. Верле (G. Werle), международное гуманитарное право «содержит значительное количество достаточно подробно сформулированных норм, не каждое нарушение которых является преступлением». Военное преступление представляет собой, прежде всего, «нарушение нормы международного гуманитарного права, отраженное в договоре либо признанного в международном обычном праве». При этом обязательным является то обстоятельство, что «в соответствии с международным договором или международным обычным правом, норма гуманитарного права дополняется уголовной санкцией за ее нарушение». И эта «уголовная санкция» всегда связана с нарушением предписания международного гуманитарного права в отношении вооруженного конфликта международного или немеждународного характера [4, с. 482–485].

Также в зарубежной доктрине (равно, как и в российской) остро дебатировался вопрос о применимости международно-правового определения «военные преступления» в национальной уголовно-правовой системе. Надо отметить, что в последнее время все большее количество авторов доказывают возможность (а

иногда – даже обязательность) восприятия национальным законодателем и правоприменителем понятия и юридической сущности военных преступлений, выработанных в нормах международного уголовного права и практике органов международной уголовной юстиции. Данный тезис особенно важен для государств, не участвующих в Римском Статуте Международного уголовного суда, но для которых обязательными являются нормы международного обычного права, ведь ссылка на обычное право решает вопрос о «ясности и четкой формулировке военных преступлений. Прямое применение обычного права может оказаться наиболее востребованным в государствах, где нет национального законодательства [о военных преступлениях – Н. Т.]» [13, с. 9–10].

Для современной российской и зарубежной доктрины характерно принципиально схожее понимание термина «военное преступление» в международном уголовном праве. Произошел отказ от ранее предложенного понимания военного преступления как нарушения «законов и обычаев войны». В настоящее время понимание военного преступления связано с серьезным нарушением норм международного гуманитарного права, связанного с идущим вооруженным конфликтом, за которое установлена уголовная ответственность. Одной из наиболее значимых тенденция стало требование признания сущности и признаков военных преступлений, выработанных обычным международным правом, в национальной уголовной юрисдикции.

Литература

1. Адельханян Р. А. Военные преступления как преступления против мира и безопасности человечества: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М.: Институт государства и права РАН, 2003. 438 с.
2. Белый И. Ю. Производство по делам о военных преступлениях в органах международного уголовного правосудия. М.: Права военнослужащих, 2011. 288 с.
3. Берко А. В. Уголовная ответственность за применение запрещенных средств и методов ведения войны: дисс. ... канд. юрид. наук. Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2002. 180 с.
4. Верле Г. Принципы международного уголовного права. М.: Транслит, 2011. 910 с.
5. Кибальник А. Г. Понимание военных преступлений в решениях современных международных трибуналов // Российский ежегодник уголовного права. 2013. №7. С.439-453.
6. Костенко Н.И. Международное уголовное право на современном этапе: тенденции и проблемы развития. М.: Юрлитинформ, 2014. 424 с.
7. Курносова Т. И. Имплементация международно-правовых норм о военных преступлениях и преступлениях против человечности в российское уголовное законодательство: дисс. ... канд. юрид. наук. М.: Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина, 2015. 292 с.
8. Лобанов С. А. Международная уголовная ответственность за военные преступления: дисс. ... д-ра юрид. наук. М.: Московский государственный институт международных отношений, 2018. 487 с.
9. Наумов А. В., Кибальник А. Г., Орлов В. Н., Волосюк П.В. Международное уголовное право. 4-е изд. / под ред. А. В. Наумова, А. Г. Кибальника. М.: Юрайт, 2019. 509 с.
10. Степанов П. П. Современные военные преступления: их причины и меры противодействия: дисс. ... канд. юрид. наук. М.: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2017. 276 с.
11. Cassese A., Gaeta P., Baig L., Fan M., Gosnell C., Whiting A. Cassese's International Criminal Law. 3rd ed. Oxford University Press, 2013. 414 p.
12. Kittichaisaree K. International Criminal Law. Oxford University Press, 2001. 482 p.
13. Reka V. Challenges of Domestic Prosecution of War Crimes with Special Attention to Criminal Justice Guarantees: abstract of PhD thesis. Budapest: Pázmány Péter Catholic University, 2012. 26 p.

References

1. Adelhanyan R. A. Voennye prestupleniya kak prestupleniya protiv mira i bezopasnosti chelovechestva (*War crimes as crimes against peace and security of mankind*): LLD thesis in Law. Moscow: Russian Academy of Science, Institute of State and Law publ., 2003. 438 p. (In Russian).

2. Bely I. Yu. Proizvodstvo po delam o voennykh prestupleniyakh v organakh mezhdunarodnogo ugolovnogo pravosudia (*War criminal proceeding in international criminal justice bodies*). Moscow: Prava Voennosluzhashchikh Publ., 2011. 288 p. (In Russian).
3. Berko A. V. Ugolovnaya otvetstvennost za primeneniye zapreshchennykh sredstv i metodov vedeniya voyny (*Criminal liability for the use of prohibited means and methods of warfare*): PhD thesis in Law. Stavropol State University, 2002. 180 p. (In Russian).
4. Werle G. Printsipy mezhdunarodnogo ugolovnogo prava (*Principles of international criminal law*). Moscow: TransLit Publ., 2011. 910 p. (In Russian).
5. Kibalnik A. G. Ponimaniye voennykh prestupleniy v resheniyakh sovremennykh mezhdunarodnykh tribunyalov (*Understanding war crimes in the decisions of modern international tribunals*) // Rossiyskiy ezhegodnik ugolovnogo prava. No. 7. St. Petersburg: Yuridicheskaya kniga, 2013. P. 439–453. (In Russian).
6. Kostenko N. I. Mezhdunarodnoye ugolovnoye Pravo na sovremennom etape: tendentsii i problem razvitiya (*International criminal law at the present stage: trends and development problems*). Moscow: Yurilitinform Publ., 2014. 424 p. (In Russian).
7. Kurnosova T. I. Implementatsiya mezhdunarodno-pravovykh norm o voennykh prestupleniyakh i prestupleniyakh protiv chelovechnosti v rossiiskoe Ugolovnoye zakonodatelstvo (*Implementation of international law norms on war crimes and crimes against humanity in Russian criminal legislature*): PhD thesis in Law. O. E. Kutafin's Moscow State Law University, 2015. 292 p. (In Russian).
8. Lobanov S. A. Mezhdunarodnaya ugolovnaya otvetstvennost za voennyye prestupleniya (*International criminal liability for war crimes*): LLD thesis in Law. Moscow State Institute of International Relationships, 2018. 487 p. (In Russian).
9. Naumov A. V., Kibalnik A. G., Orlov V. N., Volosyuk P. V. Mezhdunarodnoye ugolovnoye pravo. 4-e izd. (*International criminal law. 4th ed.*) / ed. by A.V. Naumov, A.G. Kibalnik. Moscow: Yurait Publ., 2019. 509 p. (In Russian).
10. Stepanov P. P. Sovremennyye voennyye prestupleniya: ikh prichiny i mery protivodeystviya (*Contemporary war crimes: their causes and counter measures*): PhD thesis in Law. M. V. Lomonosov's Moscow State University, 2017. 276 p. (In Russian).
11. Cassese A., Gaeta P., Baig L., Fan M., Gosnell C., Whiting A. Cassese's International Criminal Law. 3rd ed. Oxford University Press, 2013. 414 p.
12. Kittichaisaree K. International Criminal Law. Oxford University Press, 2001. 482 p.
13. Reka V. Challenges of Domestic Prosecution of War Crimes with Special Attention to Criminal Justice Guarantees: abstract of PhD thesis. Budapest: Pázmány Péter Catholic University, 2012. 26 p.

Информация об авторе

Троицкий Николай Сергеевич – аспирант кафедры уголовного права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / ug_pravo11a@mail.ru

Information about the author

Troitsky Nikolay – Postgraduate, Chair of Criminal Law and Criminal Procedure, Law Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / ug_pravo11a@mail.ru

АЛКОГОЛЬ И РЕЖИМ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ

В статье проводится исследование актуальных вопросов правового регулирования оборота алкогольной продукции в условиях военного положения. Действующее законодательство России и ряда бывших стран СССР, регулирующее порядок введения и осуществление указанного правового режима содержит в перечне мероприятий, положение об особом обороте спиртных напитков. На сегодняшний день, в России сложился как официальный, так и неофициальный рынок производства спиртного и его потребления, сформировался определенный баланс между количеством производимого алкоголя и его продаж, который изменить путем ограничения его производства или потребления, без финансово-экономических и социальных последствий вряд ли удастся.

Возможный запрет на официальное производство и его реализацию, спровоцирует рост самогонварения и другие негативные последствия, которые продемонстрированы в статье. Подобный вывод ставит вопрос о целесообразности включения в перечень мероприятий, проводимых в условиях военного положения «особого режима оборота алкоголя», как не отражающего не только объективных реалий современного состояния дел, но и опыта исторического прошлого России и ряда других европейских стран. В рамках действующего правового регулирования имеется достаточно гибких и эффективных мер,

направленных на ограничение употребления спиртных напитков, которые не нуждаются в закреплении их в соответствующем Федеральном конституционном законе.

Сравнительный анализ схожего законодательства европейских стран подобных ограничений не содержит. Историческое исследование ограничения оборота спиртных напитков в годы первой мировой войны показало, как положительные, так и, в большей степени, его негативные последствия для России. Правовое регулирование употребления алкоголя во время второй мировой войны в корне отличается от имевших место ограничений в период 1914–1918 гг. Государство учло ошибки и их последствия для общества и армии и избегало введения «сухого закона» в период войны. Продемонстрированы сферы общественных отношений, для которых алкогольный запрет принес положительный эффект. Вскрыты отрицательные результаты ограничения оборота алкогольной продукции для экономики и социальной сферы, как в условиях военного положения, так и в мирное время. Сформулированы выводы о нецелесообразности запрета на оборот алкоголя в условиях режима военного положения.

Ключевые слова: режим военного положения, особый оборот алкогольной продукции, последствия.

E. Utyashov

ALCOHOL AND MARTIAL LAW REGIME

The article deals with topical issues of legal regulation of alcohol turnover in the conditions of martial law. The current legislation of Russia and a number of former Soviet countries regulating the procedure for the introduction and implementation of this legal regime contains a provision on special turnover of alcoholic beverages on the list of measures. To date, Russia has developed both an official and unofficial market for the production of alcohol and its consumption, and a certain balance has been formed between the amount of alcohol produced and its sales, which is unlikely to be changed by limiting its production or consumption without financial, economic and social consequences.

A possible ban on official production and its implementation will provoke an increase in moonshine and other negative consequences, which are demonstrated in the article. This conclusion raises the question of whether it is appropriate to include on the list of events held under martial law "a special regime of alcohol trafficking", as it does not reflect not only the objective realities of the current state of affairs, but also the experience of the historical past of Russia and a number of other European countries. Within the framework of the current legal regulation, there are enough flexible and effective

measures aimed at limiting the use of alcoholic beverages, which do not need to be fixed in the relevant Federal constitutional law.

A comparative analysis of similar legislation in European countries does not contain such restrictions. A historical study of restrictions on the turnover of alcoholic beverages during the First World War showed both positive and, to a greater extent, its negative consequences for Russia. The legal regulation of alcohol consumption during the Second World War is fundamentally different from the restrictions that took place in the period 1914–1918. The state took into account mistakes and their consequences for society and the army and avoided the introduction of "prohibition" during the war. Areas of public relations for which the alcohol ban has had a positive effect are demonstrated. The negative results of restricting the turnover of alcoholic beverages for the economy and social sphere, both in conditions of martial law and in peacetime, are revealed. Conclusions are formulated about the inexpediency of the ban on alcohol trafficking in the conditions of the martial law regime.

Key words: regime of martial law, special turnover of alcoholic products, consequences.

Правовой режим как юридическая конструкция представляет собой особый вид правового регулирования, как правило, связанный

с установлением государством особых, специфических юридических норм и методов, имеющих основной целью расширение действующих

пределов правового регулирования с целью достижения позитивного результата, который при прочих равных условиях достичь было бы невозможно. К таким правовым режимам относится режим, направленный на сохранение государственного суверенитета в условиях войны, который в отечественной юриспруденции называется режимом военного положения. При реализации ряда мер, предусмотренных им, законодатель, исходя из объективно складывающихся общественных отношений, спланировал возможность ограничения ряда прав и свобод своих граждан, установления специальных правил экономической и финансовой деятельности, особого режима работы государственных и муниципальных органов власти. В частности, к таким мерам, применяемым на территории, на которой введено военное положение, российское законодательство относит норму об установлении особого режима оборота лекарственных средств и препаратов, содержащих наркотические и иные сильнодействующие вещества, спиртных напитков [18].

О допустимости введения подобных мер говорит и ч. 2 ст. 129 Гражданского кодекса РФ, которая предусматривает возможность введения ограничения оборотоспособности объектов гражданских прав, либо совершение сделок по специальному разрешению. Можно предположить, что установление «особого режима» связано с ограничением производства и потребления алкоголя, так как сложно представить, что в условиях возможной или начавшейся агрессии против государства, оно отменит уже имеющиеся ограничения по его обороту. Например, в Российской Федерации они связаны и возрастом покупателя, временем суток, расстоянием от различных учреждений, перечнем и площадью мест его реализации, специальным налогообложением и т.п. Поэтому можно с достаточной степенью вероятности предположить, что законодатель предполагает возможность именно ограничения или полного запрета оборота алкоголя.

Целесообразность введения законодателем подобных ограничений в условиях военного положения видится в его желании достичь следующих основных целей.

Во-первых, стремлением сократить количество правонарушений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения, и укрепления трудовой дисциплины. На сегодняшний день по данным Генеральной прокуратуры РФ, МВД и Росстата около 30% из примерно 2 млн. ежегодно совершаемых преступлений, совершается в состоянии алкогольного опьянения [20]. В пользу этого довода говорит исторический опыт России – частичный запрет продажи спиртного с началом первой мировой войны

привел к снижению общего потребления спиртного и резкому уменьшению количества преступлений, совершенных на почве алкоголизма. Не говоря уже о том, что подобные ограничения в последующие периоды развития России: 1919 г., 1929 г., 1958 г., 1972 г. также приводили к уменьшению количества правонарушений, совершенных в состоянии опьянения [1, 2].

Во-вторых, не допустить деградацию общества вследствие «спивания» его части. Для реализации функции обороны государства в условиях военного положения, для его вооруженной структуры, экономики нужны трезвые, психически и эмоционально-здоровые люди, способные вынести тяжелое бремя войны. Ограничение оборота алкоголя приводит к улучшению качества демографии, рождению полноценных, здоровых детей, не обремененных наследственными заболеваниями родителей – алкоголиков. По оценкам историков, ограничение алкоголя в период 1914–1918 гг. привело к резкому снижению количества душевнобольных алкоголиков и алкоголиков-самоубийц [16]. С началом антиалкогольной компании 1985 г. в СССР за два года употребление алкоголя снизилось в два с половиной раза. Снизилась смертность, увеличилась рождаемость. Статистика свидетельствует, что было сохранено больше 1.000.000 жизней граждан. Проблема алкогольной деградации актуальна и для современной России. Только по официальным данным численность больных алкоголизмом и алкогольным психозом, состоящих на учете в лечебно-профилактических организациях в 2017 г. в целом по России составила 164 тыс. человек и дополнительно 60 тыс. с диагнозом наркомания [7]. По данным Национального научного центра наркологии Минздравсоцразвития на 2011 г., в наркологической службе было зарегистрировано более двух миллионов больных алкоголизмом. Это почти 1,4% общей численности населения [11]. (Разница в цифрах, по-видимому, объясняется различием методик отнесения заболевания к категории алкоголизм.) В «Концепции реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения РФ на период до 2020 г.» [15] подчеркивается, что в настоящее время от случайного отравления алкогольной продукцией умирает более 23 тысяч человек, а от болезней, связанных со злоупотреблением алкогольной продукцией – более 75 тысяч человек в год. Поэтому вполне объяснимо стремление государства сохранить численность и здоровье населения в период военного положения за счет ограничения оборота алкоголя.

В-третьих, вследствие реализации выше-названных факторов, в условиях военного положения предполагается достижение экономии денежных средств, выделяемых на лечение алкогольно-зависимых и их адаптацию. Всемирная организация здравоохранения считает, что расходы, связанные с алкоголизмом, составляют для общества от 2 до 5% ВВП [10]. Показательными являются цифры расходов на эти цели, выделенные из бюджета в 2007 г., то есть до начала затяжного кризиса в России. Величина экономического бремени, связанного с алкоголизмом составляла 649 миллиардов рублей в год, т.е. 1,98% от всего объема ВВП за 2007 год. Таким образом, на одного больного алкогольной зависимостью расходовалось в среднем 449 тысяч рублей в год. Из них прямые расходы – на лечение многочисленных травм, возникающих вследствие неумеренного употребления большими количествами алкоголя, приходятся основные расходы — более 71 миллиарда рублей в год. Затраты на лечение заболеваний печени находятся только на втором месте — более 20 миллиардов рублей в год. Остальную часть составляют расходы на ликвидацию различных немедицинских последствий, связанных с алкоголизмом (непрямые). Это затраты из-за снижения производительности труда по причине алкоголизма или лечения его осложнений, теряемая прибыль за счет преждевременного снижения трудовой деятельности или ее прекращения в результате смерти, пожаров, суицидов и т.д. [22]. Если говорить в целом о затратах на лечение пациентов, больных алкоголизмом, то это колоссальное экономическое бремя для страны.

Все эти и другие, не менее важные факторы, характерные для специфики каждого государства, послужили причиной принятия схожей правовой нормы о специальном режиме оборота алкоголя в законодательстве о военном положении ряда государств бывшего СССР. Так п.13 ст. 8 Закона Украины «О правовом режиме военного положения» содержит запрет на «торговлю... алкогольными напитками и веществами, произведенными на спиртовой основе» [6]. Ст. 15 Закона Республики Беларусь «О военном положении» предусматривает «ограничение или запрещение продажи... алкогольной продукции, установление особого режима обращения лекарственных средств, особого режима оборота наркотических средств и психотропных веществ» [4]. П. «р» ст. 7 Закона Республики Армении «О правовом режиме военного положения» закрепляет «установление особого порядка приобретения, хранения, учета, использования, распределения и перевозки ... психотропных, сильнодействующих ядовитых или химических веществ, наркотиков, алкогольных напитков» [3]. П. 15 ст. 6 Закона

Республики Казахстан устанавливает «особый режим оборота лекарственных средств и медицинских препаратов, содержащих наркотические и иные сильнодействующие вещества, алкогольной продукции» [5], и т.д.

В то же время сравнительный анализ правового регулирования многих государств Европы и США по вопросам военного положения (или схожих по названию и содержанию) не содержит подобных ограничений. Их историческое прошлое, имеющийся опыт, правовые и социальные последствия вводимых ограничений в период первой и второй мировой войны показал неэффективность подобных мер. Такой же опыт имелся и у Советского Союза.

Во французской армии алкоголь раздавался на регулярной основе. С началом первой мировой войны военный министр Франции Массими приказал распределять вино среди солдат. Военнослужащие в дополнение к пайку стали получать по четверти литра вина в день. Солдатам-мусульманам из колониальных войск вино заменяла увеличенная порция кофе и сахара. В конце войны французская военная газета «Окопное эхо» отдала должное вину, как составляющему победы: «Без сомнения, наши блестящие генералы и героические солдаты были бессмертными творцами победы, но именно французское вино позволило им идти до конца, наделяло их мужеством, возвышенным духом, презрением к опасности и заставляло их повторять с нерушимой убежденностью: «Мы победим!» [24].

В 1914 г. правительство Великобритании ввело некоторые ограничения на торговлю алкоголем, связанные с установлением времени работы пабов и баров. В них нельзя было продавать алкоголь более шести часов в день. В результате они закрывались к 23.00, и делали перерыв днем. Это при том, что министр финансов, а в дальнейшем премьер – министр Великобритании Дэвид Ллойд Джордж крайне негативно относился к алкоголю как явлению. Именно ему приписывают следующую фразу: «Мы сражаемся с немцами, австрийцами и пьянством, и, насколько я понимаю, самый смертельный враг среди них – пьянство» [23]. Первая мировая выявила зависимость Великобритании от импортного продовольствия, по этой причине цены на продовольствие и алкоголь выросли, но прямых запретов на его оборот не существовало.

Отсутствие в нормах продовольственного пайка алкоголя у солдат немецкой армии (в отличие от австрийской) объяснялся начавшимся продовольственным кризисом. Произошло двукратное падение производства сельского хозяйства. Поэтому только по усмотрению командования частей солдатам на фронте могли выдаваться бутылка пива или стакан вина, большая

рюмка бренди. На регулярной основе спиртное стало входить в рацион вермахта в период второй мировой войны. В целом на территории Германии ограничений оборота алкоголя в период первой и второй мировой войны не существовало.

История снабжения солдат в русской армии порциями «хлебного вина» началась с Петра I и продолжалась до 1908 г. Так, строевым нижним чинам русской армии в военное время полагалось 3 чарки «хлебного вина» в неделю, нестроевым — 2 чарки. Объем одной чарки составлял 160 грамм. В мирное время водка выдавалась солдатам по праздникам, но не менее 15 чарок в год. Плюс каждый командир имел право «наливать» своим подчинённым «для поддержания здоровья»: как правило, под этим подразумевалось проведение занятий и парадов в холодное время года или в условиях ненастья. При этом современниками отмечалась устойчивая зависимость от алкоголя возвращавшихся после службы в армии домой рекрутов. В 1908 году, подводя итоги поражения в русско-японской войне, одной из причин которого было названо злоупотребление алкоголем среди солдат и офицеров, военное ведомство России приняло решение о прекращении выдачи алкоголя в армии. Кроме того, была запрещена продажа крепких спиртных напитков в солдатских буфетах.

С началом первой мировой войны военное положение в России, в соответствии с указом Императора, вводилось на территории современного Северо-Запада, Прибалтики, Белоруссии, Украины, Крыма и частично Кавказа. Но согласно стратегии Министерства финансов, уже в августе 1914-го г. на всей территории государства прекращена казённая торговля алкоголем. Как подчеркивают историки [9, 21], такое решение привело к следующим положительным результатам.

Официальное потребление алкоголя на душу населения упало. В 1915 г. оно сократилось на 0,2 литра на душу населения. Производительность труда выросла на 9 – 13%, и это при том, что значительное число работников было призвано в армию, например, в Петрограде до 70%. Произошло снижение количества задержанных в пьяном виде и самоубийств на почве алкоголизма. Снизилось количество прогулов, связанных с пьянством. Создавались многочисленные товарищества и общества трезвости, которые проводили активную антиалкогольную пропаганду.

Казалось бы, что подобная статистика лишь подтверждает вышеназванные доводы необходимости ограничения оборота спиртных напитков в условиях военного положения. Однако, наряду с положительными сторонами по-

добного ограничения проявились и крайне негативные факты, дающие повод задуматься об эффективности запрета алкоголя.

В экономической сфере

Во-первых, происходило снижение доходности бюджета государства. За 3 года, с 1914 по 1917 гг. акцизные сборы с питейных заведений и доходы от продажи снизились в 5,7 раза, с 545 млн. руб. до 95 млн. руб. В связи с чем, выпадающие доходы стали компенсироваться за счет повышения налогов на спички, соль, дрова, лекарства и т.п. Например, табачный налог принес дохода больше в 2,5 раза, на сахар – почти в 1,5 раза. Введены чайный налог – в 23 млн. руб. и пошлины с пассажиров, и с грузов до 231 млн. руб. Тем самым правительство инициировало рост цен и спровоцировало инфляцию. В целях восполнения утраченной винной доходности министром финансов в 1915–1916 гг. последовательно, четырежды увеличивался объем бумажных денег (эмиссия), что привело к падению покупательной способности рубля к 1917 г. на одну треть в сравнении с 1914 г.

Для современной России ситуация с доходами на алкоголь не является столь значительной для бюджета, так как, к примеру, в 2017 г. сумма поступивших акцизов на алкогольную продукцию увеличилась на 11% и составила около 363 млрд. руб. [20]. Это незначительная часть бюджета. Но в условиях военного положения, введенного в стране, необходимо прогнозировать резкое изменение доходной части бюджета, а именно, снижение доходов от реализации углеводородов. И тогда стабильная и гарантированная сумма в треть трлн. рублей из 19 трлн. доходной части бюджета не покажется неактуальной.

Во-вторых, введение ограничения на оборот алкоголя привело к закрытию или перепрофилированию сотни спиртовых заводов. В целом за время действия «сухого закона» работу на них потеряли 300 тысяч рабочих. Кроме того, государство было вынуждено платить компенсацию владельцам закрытых производств. Так, до 1917 г. на эти цели было выделено 42 млн. рублей.

В-третьих, рост самогонварения в деревнях, привел к тому, что крестьяне сократили поставки зерна государству. По этой же причине, через два года, из продажи пропал сахар. Поэтому в конце 1916 г. была введена вынужденная мера в виде продразвёрстки.

В-четвертых, запрет на употребление алкоголя не оказал прямого влияния на рост производительности труда. Ее рост в течение первого года войны на 5–7% вырос вследствие повышения дисциплины в условиях войны, в частности за счет уменьшения на 23% прогулов.

В социальной сфере

Во-первых, отрезвление населения как цель проводимых ограничений достигнута не была. Крестьяне (почти 85–90% населения страны), как отмечалось выше, стали массово гнать самогон, его примерный объем составлял от 24 до 60 млн. литров. Количество применяемой при самогоноварении браги, как самого востребованного товара не подлежало оценке. Кроме того, вводя запрет на производство и потребление алкоголя на территории империи, власть почему-то разрешила его продажу в прифронтовой полосе.

Борьба с алкоголем в мирное время – в конце 80-х гг. лишь подтверждает такую тенденцию. По оценкам специалистов МВД СССР, в период 1985–1987 гг. снижение реализации алкоголя в 3 раза было в значительной мере, если не полностью, компенсировано алкогольными суррогатами и подпольно изготовленным самогомом. По данным Госкомстата СССР, в 1987 г. на самогоноварение израсходовано 1,4 млн. тонн сахара, что примерно равно 140–150 млн. декалитров самогона и практически компенсировало сокращение продажи водки и ликеро-водочных изделий, при этом госбюджет ежегодно недополучал минимум 20–25 млрд. рублей (по курсу 1991 г.). [13].

Во-вторых, запрет на продажу алкоголя в России привел к погромам винных складов в мае 1915 года в Москве, спровоцированными антигерманскими настроениями, грабили и убивали людей, имевших немецкое происхождение.

В-третьих, произошло расслоение общества по признаку его доступности к спиртному. Осенью 1914 г. разрешена продажа алкоголя в ресторанах первого разряда и аристократических клубах. Простой народ видел, избирательность действия запрета на оборот алкоголя, что породило очередное недовольство населения. В стремлении каким-то образом сгладить складывающуюся ситуацию, правительство поступило еще более не последовательно, разрешив местным властям самостоятельно определять необходимость введения запрета на продажу спиртного.

В-четвертых, запрет на алкоголь подтолкнул часть городского населения к употреблению наркотиков. Как отмечают историки, уже в 1915 г. греки и персы наладили поставку в Россию опия, а союзники по Антанте – кокаина. В отличие от Москвы, где это явление особо не проявлялось, в Петрограде оно спровоцировало рост преступности и самоубийств на почве наркотических психозов. Свободное хождение в первые годы войны наркотических средств в странах Европы обусловило формирование огромного количества наркозависимых [8].

Таким образом, на основе приведенного анализа можно сделать вывод, что правовое

регулирование оборота алкоголя, связанное с ограничением или его полным запретом в первую мировую войну в России привело больше к отрицательному, нежели положительному эффекту.

По-видимому, в том числе и этими причинами, можно объяснить то, что, несмотря на категорическое неприятие Советской властью в довоенный период идей алкоголизации населения, с началом финской, а в дальнейшем Великой отечественной войны особых ограничений в части оборота спиртного не существовало. В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 22.06.1941 «О военном положении» [17] нет ни слова о подобных запретах. На территории страны осуществлялся свободный оборот алкогольной продукции. Снижение производства алкоголя в начальном периоде войны связано с перенаправлением всех усилий на выпуск военной продукции и продовольствия. По сравнению с 1940 г. централизованные рыночные фонды водки и ликеро-водочных изделий в 1941 г. снизились на 25 млн. дал., в 1942 г. – на 67. Начиная с 1944 г. наблюдается увеличение их объемов. Цены на рынках различных городов СССР за пол-литровую бутылку водки сложились в июле 1943 г. следующие: в Москве – 400 руб., в Горьком – 450 руб., в Куйбышеве – 450 руб., в Свердловске – 400 руб., в Ташкенте – 200 руб., в Алма-Ате – 200 руб. Самые рекордные цены на водку в этот период были зафиксированы в Ленинграде – 1 200 руб. [12].

С началом войны, ровно через месяц, 22 августа 1941 года издается секретное постановление Государственного комитета обороны № ГКО-562с: «О введении водки на снабжение в действующей Красной Армии» [14], которым предусмотрена выдача 40° водки в количестве 100 граммов в день на человека состава войск первой линии действующей армии. В дальнейшем эта норма регулировалась на протяжении всей войны и отменена только по ее окончании.

В современной России производство и продажа алкоголя регулируется законом №171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» [19]. В соответствии с ним, продажа алкогольных напитков допускается лицам старше 18 лет. Его реализация запрещена с 23:00 до 08:00 за исключением территории кафе и ресторанов. Законами субъектов Российской Федерации эти временные рамки могут быть изменены.

Для торговли алкоголем необходимо приобрести лицензию на его продажу (в Москве, стоит 65 тыс. рублей), за исключением пива. Запрещено торговать на участках вблизи образовательных, медицинских, спортивных

сооружений, в городском и пригородном общественном транспорте, на рынках, военных объектах, на митингах и шествиях. Запрещена дистанционная продажа спиртного. Для торговли спиртным в городской местности необходимо помещение площадью не менее 50 кв. м, а в сельской – свыше 25 кв. м.

Изготовление алкоголя для собственных нужд закон не запрещает, и лицензия для этого не нужна. Вероятно, по этой причине последние годы в России наметилась устойчивая тенденция роста продаж самогонных аппаратов, которые не требуют государственной регистрации, если его мощность не превышает 200 декалитров в год (т.е. 5,5 литров в сутки). Весь алкоголь, предназначенный для продажи, облагается акцизом: 21 рубль на литр пива; 5 или 18 рублей на литр вина (в зависимости от происхождения сырья), 14 или 36 рублей за литр шампанского и 523 рубля за литр крепкого алкоголя.

Таким образом, в современной России сложился как официальный, так и неофициальный рынок производства спиртного и его потребления, сформировался определенный баланс между количеством производимого алкоголя и его продаж, который изменить путем ограничения его производства или потребления

вряд ли удастся. Установив запрет на официальное производство, государство, о чем свидетельствует исторический опыт, столкнется с ростом самогонварения и всеми другими негативными последствиями, которые анализировались в статье.

В связи с вышеизложенным, возникает вопрос о целесообразности включения в перечень мероприятий, проводимых в условиях военного положения «особого режима оборота алкоголя» как не отражающего не только объективных реалий современного положения, но и опыта исторического прошлого России и ряда других европейских стран. В рамках действующего правового регулирования имеется достаточно гибких и эффективных ограничительных средств, направленных на эту сторону общественных отношений, которые не нуждаются в дополнительном дублировании и закреплении их в соответствующем Федеральном конституционном законе.

В качестве практических рекомендаций, предлагается исключить из действующего законодательства о военном положении Российской Федерации норму об особом обороте алкоголя как избыточную, не эффективную и не способствующую достижению целей указанного режима.

Литература

1. Вапилин Е. Г. Все беды в России от праздников? // Военно-исторический журнал. 2003. №2. С. 70-73.
2. Введенский И. Н. Опыт принудительной трезвости. Екатеринбург: ООО «ИРА УТК», 2008. 44 с.
3. Закон Республики Армения 17.01.2007 года «О правовом режиме военного положения» // Официальные ведомости Республики Армения. 2007. №4 (528). Ст.27.
4. Закон Республики Беларусь 22.01.2015 года «О военном положении». Собрание законодательства Российской Федерации. 2002 г. №5. ст. 375.
5. Закон Республики Казахстан «О военном положении» 5.03.2003 года // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2003. №4. Ст.22.
6. Закон Украины 10.07.2015 года «О правовом режиме военного положения» // Відомості Верховної Ради України. 2015. №28. Ст. 250.
7. Здравоохранение в России. Статистический сборник 2017 года. Федеральная служба государственной статистики. М.: Информационно-издательский центр «Статистика России», 2017. 170 с.
8. Корниенко С. Кокаин для нужд войны // Свобода. 26.07. 2010. <https://www.svoboda.org/a/2109881.html>. (Дата обращения: 11.01.2020).
9. Маюров А.Н. Сухой закон в Российской империи – РСФСР (1014–1929 гг.) // Экономические стратегии. 2014. №4. С. 96.
10. Немцов А. В. Алкогольная смертность в России 1980–1990-е годы. М.: Фонд Макаруров. 2001. 60 с.
11. Основные показатели деятельности наркологической службы в 2011 году. М.: ФГУ Национальный научный центр наркологии Минздравсоцразвития РФ. 2012. 145 с.
12. Пашин В. П. Алкоголь в социальном пространстве советского общества. Курск: ЮЗГУ, 2011. 215 с.
13. Пашин В. П., Богданов С.В, Богданова Ю.С. Антиалкогольная кампания 1985-1987 гг. в СССР. // Вестник архивиста. 2011. №4. С.182-194.
14. Приказ Народного Комиссара Обороны Союза ССР «О выдаче военнослужащим передовой линии действующей армии водки по 100 граммов в день» // Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2-2). М.: Терра, 1997. С. 73.
15. Распоряжение Правительства РФ от 30 декабря 2009 года №Ф2128-р. «Концепции реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения РФ на период до 2020 г.» // Собрание законодательства РФ (далее – СЗ РФ). 2010. №2. Ст. 264.
16. Стогов Д. И. Антиалкогольная политика царского правительства в годы первой мировой войны. // Межвузовская научная конференция «Россия в первой мировой войне: проблемы истории и историографии». 28 ноября 2014 г. Сборник докладов. СПб: Издательство СПб ГЭТУ «ЛЭТИ», 2014. С.150 – 157.
17. Указ Президиума ВС СССР от 22.06.1941 года (с изм. от 07.07.1943 г.) «О военном положении» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. - июль 1956г. / под ред. Мандельштам Ю. И. М.: б.и.. 1956. С. 213-215.
18. Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 года №1-ФКЗ (ред. от 01.07.2017) «О военном положении» // СЗ РФ. 04.02.2002. №5. ст. 375. Федеральный закон от 22.11.1995 года N 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» // СЗ РФ. 27.11.1995. №48. Ст. 4553.

19. Федеральная служба государственной статистики. http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/. (Дата обращения: 05.01.2020).
20. Чагадаева О.А. «Сухой закон» в Российской империи в годы Первой мировой войны: по материалам Петрограда и Москвы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 32 с.
21. Ягудина Р.И. Алкоголизм: экономическое бремя для страны // Катрен Стиль. Российские исследования. Онлайн-журнал для фармацевтов и медицинских работников. №124. декабрь 2013. <https://www.katrenstyle.ru/archive/124>. (Дата обращения 20.12. 2019).
22. Sober thoughts: Myths and Realities of National Prohibition after fifty year -D.E. Kyvig //Law, alcohol and order. Perspectives on National Prohibition / ed. D.E. Kyvig. London., 2019. P.3-21.
23. Ian Sumner. They Shall Not Pass: The French Army on the Western Front 1914–1918. South Yorkshire. 2012. 171 p.

References

1. Vapilin E. G. Vse bedy v Rossii ot prazdnikov? (*All the troubles in Russia from the holidays?*) // Voенно-istoricheskii jurnal. 2003. No. 2. P. 70-73. (In Russian).
2. Vvedenskii I.N. Opyt prinuditelnoi trezvosti (*Experience of forced sobriety*). Ekaterinburg: ООО «IRA UTK» publ., 2008. 44 p. (In Russian).
3. Zakon Respubliki Armenii 17.01.2007 goda «O pravovom rejime voennogo položeniiia» (*On martial law*) // Ofitsialnye vedomosti Respubliki Armeniia. 2007. No. 4 (528). Art. 27. (In Russian).
4. Zakon Respubliki Belarus 22.01.2015 goda «O voennom položenii». Sbornie zakonodatelstva Rossiiskoi Federatsii (*Law of the Republic of Armenia of 17.01.2007 "On the legal regime of martial law"*). 2002 g. No. 5. Art. 375. (In Russian).
5. Zakon Respubliki Kazahstan «O voennom položenii» 5.03.2003 goda (*Law of the Republic of Kazakhstan "On martial law" of 5.03.2003*) // Vedomosti Parlamenta Respubliki Kazahstan. 2003. No. 4. Art. 22. (In Russian).
6. Zakon Ukrainy 10.07.2015 goda «O pravovom rejime voennogo položeniiia» (*Law of Ukraine 10.07.2015 year "On the legal regime of martial law"*) // Vidomosti Verhovnoi Radi Ukraїni. 2015. №28. St. 250. (In Russian).
7. Zdravooohranenie v Rossii. Statisticheskii sbornik 2017 goda. Federalnaia slujba gosudarstvennoi statistiki (*Health in Russia. Statistical collection of 2017. Federal state statistics service*). Moscow: Statistika Rossii publ., 2017. 170 p. (In Russian).
8. Kornienko S. Kokain dlia nujd vojny (*Cocaine for the needs of war*) // Svoboda. 26.07. 2010. <https://www.svoboda.org/a/2109881.html>. (Accessed: 11.01.2020). (In Russian).
9. Maiurov A.N. Suhoi zakon v Rossiiskoi imperii – RSFSR (1014–1929 gg.) (*Prohibition law in the Russian Empire-RSFSR (1014–1929)*) // Ekonomicheskie strategii. 2014. No. 4. P. 96. (In Russian).
10. Nemtsov A. V. Alkogolnaia smertnost v Rossii 1980–90 e gody (*Alcohol mortality in Russia 1980-90's*). Moscow: Makartur Fond publ., 2001. 60 p. (In Russian).
11. Osnovnye pokazateli deiatelnosti narkologicheskoi slujby v 2011 godu (*Key performance indicators of drug treatment services in 2011*). Moscow: National Center for Addiction Medicine, Ministry of Health, 2012. 145 p. (In Russian).
12. Pashin V.P. Alkogol v sotsialnom prostranstve sovetskogo obestva (*Alcohol in the social space of Soviet society*). Kursk: SWSU publ., 2011. 215 p. (In Russian).
13. Pashin V.P., Bogdanov S.V., Bogdanova Iu.S. Antialkogolnaia kampaniia 1985-1987 gg. v SSSR. (*Anti-Alcohol campaign of 1985 – 1987 in the USSR*) // Vestnik arhivista. 2011. No. 4. P.182-194. (In Russian).
14. Prikaz Narodnogo Komissara Oborony Soiuza SSR «O vydache voennoslujaim peredovoi linii deistvuiuei armii vodki po 100 grammov v den» (*Order of the People's Commissar of Defense of the USSR "On the issue of vodka 100 grams per day to the front line of the active army"*) // Prikazy narodnogo komissara oborony SSSR. 22 iunija 1941 g. – 1942 g. Vol. 13 (2-2). Moscow: Terra, 1997. P. 73. (In Russian).
15. Rasporiajenie Pravitelstva RF ot 30 dekabria 2009 goda N 2128-r. «Kontseptsii realizatsii gosudarstvennoi politiki po snijeniuiu masshtabov zloupotrebleniia alkogolnoi produktsiei i profilaktike alkogolizma sredi naseleniia RF na period do 2020 g.» (*Order of the government of the Russian Federation of December 30, 2009 N 2128-R. "Concepts of implementation of the state policy on reduction of alcohol abuse and prevention of alcoholism among the population of the Russian Federation for the period up to 2020"*) // Sbornie zakonodatelstva RF. 2010. No. 2. P. 264. (In Russian).
16. Stogov D.I. Antialkogolnaia politika tsarskogo pravitelstva v gody pervoi mirovoi vojny (*The anti-alcohol policy of the tsarist government during the First World War*) // Mezhvuzovskaia nauchnaia konferentsiia «Rossiia v pervoi mirovoi vojne: problemy istorii i istoriografii». 28 noiabria 2014 g. Sbornik dokladov. St.Petersburg: LETI publ., 2014. P.150-157. (In Russian).
17. Ukaz Prezidiuma VS SSSR ot 22.06.1941 goda (s izm. ot 07.07.1943 g.) «O voennom položenii» (*Decree of the Presidium of the armed forces of the USSR from 22.06.1941 (with ed. from 07.07.1943) "on the military situation"*) // Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR. 1938 g. - iyul 1956g. / ed. by Mandelshtam Iu. I. Moskva. 1956. P. 213-215. (In Russian).
18. Federalnyi konstitutsionnyi zakon ot 30.01.2002 goda N 1-FKZ (red. ot 01.07.2017) «O voennom položenii» (*Federal constitutional law of 30.01.2002 N 1-FKZ (ed. of 01.07.2017) "On martial law"*) // Sbornie zakonodatelstva RF. 04.02.2002. No.5, Art. 375 (In Russian).
19. Federalnyi zakon ot 22.11.1995 goda N 171-FZ «O gosudarstvennom regulirovanii proizvodstva i oborota etilovogo spirta, alkogolnoi i spirtosoderjajei produktsii i ob ogranichenii potrebleniia (raspitiia) alkogolnoi produktsii» (*Federal law of 22.11.1995 N 171-FZ "On state regulation of production and turnover of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products and on restriction of consumption (drinking) of alcoholic products"*) // Sbornie zakonodatelstva RF. 27.11.1995. No.48. St. 4553. (In Russian).
20. Federalnaia slujba gosudarstvennoi statistiki (*Federal state statistics service*) http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/. (Accessed: 05.01.2020). (In Russian).
21. Chagadaeva O. A. «Suhoi zakon» v Rossiiskoi imperii v gody Pervoi mirovoi vojny: po materialam Petrograda i Moskvy: abstract of thesis (*"Prohibition law" in the Russian Empire during the First World War: based on the materials of Petrograd and Moscow*). Moscow: MSU named after M.V. Lomonosov publ., 2013. 32 p. (In Russian).
22. Iagudina R. I. Alkogolizm: ekonomicheskoe bremia dlia strany (*Alcoholism: economic burden for the country*) // Katren Stil. Rossiiskie issledovaniia. Onlain-jurnal dlia farmatsevtov i meditsinskih rabotnikov. №124. dekabr 2013. <https://www.katrenstyle.ru/archive/124>. (Accessed: 20.12. 2019). (In Russian).
23. Sober thoughts: Myths and Realities of National Prohibition after fifty year -D.E. Kyvig //Law, alcohol and order. Perspectives on National Prohibition / ed. D.E. Kyvig. London., 2019. P.3-21.
24. Ian Sumner. They Shall Not Pass: The French Army on the Western Front 1914–1918. South Yorkshire. 2012. 171 p.

Сведения об авторе

Утяшов Эдуард Климентьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Российского государственного университета нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И. М. Губкина», полковник юстиции запаса (Москва) / ueknet@rambler.ru

Information about the author

Utyashov Eduard – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Theory and History, Law Faculty, National University of Oil and Gas "Gubkin University" (Gubkin University), Colonel Justice of a reserve (Moscow) / ueknet@rambler.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ В ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОТНОШЕНИИ ЗЕМЕЛЬ И ИНЫХ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ В XVIII СТОЛЕТИИ

Государственные интересы обусловлены исторической необходимостью и всегда занимают особое место в сложных общественных отношениях. Государственный интерес в отношении земель и иных природных ресурсов в Российской империи в XVIII столетии реализуется законодателем в виде применения принципа ограничения государством частного землевладения в различных сферах деятельности.

Актуальность темы настоящей статьи обусловлена проблемами, возникшими у государства в XVIII столетии в связи со становлением государственных прав и государственных задач по отношению к землевладению и природным ресурсам, при использовании главного экономического ресурса — земли.

Научная новизна исследования состоит в том, что в работе впервые рассмотрено влияние некоторых правовых актов, выражавших, по мнению автора, государственные интересы, на поземельную политику Российской империи. Некоторые правовые акты представляли собой справедливые установления, необходимые государству и обществу в целом, реализация же других правовых актов, не отвечающих экономическим интересам помещиков, потерпела неудачу.

Настоящая статья представляет собой аналитическое исследование вопросов реализации законодателем полномочий для обеспечения государственных

интересов в виде установления ограничений, запретов или изъятия земель, а также тенденций политики Российской империи в отношении земель и некоторых природных ресурсов, в XVIII столетии.

В XVIII столетии, при формировании поземельной политики государство преследует цели урегулирования вопросов частного землевладения и установления порядка распоряжения землей. На особенности поземельной политики государства при этом оказывают влияние смежные к земельным правоотношениям направления, такие как горное дело и лесное хозяйство.

Обеспечение государственных интересов Российской империи в XVIII столетии со стороны законодателя не отличается стабильностью, что выражено в первоначальном установлении ограничения или запрета в целях реализации государственного интереса. Далее со стороны государства следует уступка частным интересам землевладельцев, выраженная в последующем издании правового акта, противоречащего целям ранее установленных запретов или отменяющего ограничения. Затем запреты и ограничения устанавливались вновь, что свидетельствует о противостоянии частных и государственных интересов и неспособности к сотрудничеству привилегированных слоев общества и законодателя.

Ключевые слова: государственные интересы, политика, земли, природные ресурсы, леса, горное дело, ограничения прав, запреты, экспроприация.

E. Filippova

STATE INTERESTS IN THE POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN RELATION TO LANDS AND OTHER NATURAL RESOURCES IN THE XVIII CENTURY

State interests are conditioned by historical necessity and always occupy a special place in complex social relations. State interest in land and other natural resources in the Russian Empire in the XVIII century is realized by the legislator in the form of application of the principle of restriction by the state of private land ownership in various spheres of activity.

The relevance of the topic of this article is due to the problems that arose in the state in the XVIII century in connection with the formation of state rights and state tasks in relation to land ownership and natural resources, when using the main economic resource - land.

The scientific novelty of the research consists in the fact that for the first time the influence of some legal acts expressing, in the author's opinion, state interests on the land policy of the Russian Empire is considered. Some legal acts were just institutions necessary for the state and society as a whole, while the implementation of other legal acts that did not meet the economic interests of the landlords failed.

In the XVIII century, in the formation of land policy, the state pursues the goals of settling issues of private land ownership and establishing the order of land

disposal. At the same time, the features of the land policy of the state are influenced by areas related to land relations, such as mining and forestry.

Ensuring the state interests of the Russian Empire in the XVIII century by the legislator is not stable, which is expressed in the initial establishment of restrictions or prohibitions in order to implement the state interest. Further, on the part of the state, there is a concession to the private interests of landowners, expressed in the subsequent issuance of a legal act that contradicts the objectives of the previously established prohibitions or cancels restrictions. Then prohibitions and restrictions were established again, which indicates the confrontation of private and public interests and the inability to cooperate with the privileged strata of society and the legislator.

Key words: state interests, politics, lands, natural resources, forests, mining, restrictions of rights, prohibitions, expropriation.

Актуальность темы государственного интереса в отношении земель и иных природных ресурсов обусловлена происходившими в Российской империи в XVIII столетии кардинальными политическими, экономическими и культурными изменениями. Целью исследования указанной темы является определение направлений, в которых действовало государство при реализации полномочий законодателя, в государственных интересах, для удовлетворения общенародных потребностей.

Ведущим мотивом темы интереса в римском праве являлось обеспечение защиты справедливых интересов свободных людей. Немецкий юрист Р. Иеринг возвел тему интереса в основную правовую категорию. Интересы признавались им детерминантом, содержанием и целью права. «С интересами народа так же изменяется его право, назначение которого в том и заключается, чтобы охранять непреложные жизненные требования общества путем принуждения» [3, с. 83].

Используя понятие «интерес», исследователи в различных отраслях науки вкладывают в него содержание, соответствующее предмету и задачам своей науки. В Большом экономическом словаре «интерес» определяется как «предмет заинтересованности, желания и побудительных мотивов действий экономических субъектов» [1, с. 312]. Однако теме интереса уделяется внимание и в юридической литературе. Интересы во всем многообразии их проявления имеют прямое отношение к предмету правового регулирования.

Тема интереса в праве подробно раскрыта современными исследователями И. В. Першиной и О. Ю. Кравченко. Так, И. В. Першина, по результатам рассмотрения узкоспециализированных толкований понятия «интерес», пишет, что многие из них включают понятие «мотив» [5, с. 54]. Главное в мотиве то, что он задает направление движения или блокирует действие. Мотивом является то, что отвечает на вопросы: зачем или ради чего осуществляется деятельность. С появлением мотива формируется предмет интереса. О. Ю. Кравченко отмечает, что законодатель, издавая норму права, всегда имеет в виду охрану определенных интересов [4, с. 82]. В охранительных правоотношениях претерпевание правонарушителем применяемых к нему мер государственно - правового воздействия рассматривается как определенного рода обязанность. Чтобы определить, какой интерес выражает норма права, необходимо отталкиваться от вида правоотношения и соответствующего ему способа правового регулирования, выражающегося, в свою очередь, в конкретном виде норм.

Подлежащие регулированию правовыми нормами сложные общественные отношения представляют собой синтез различных интересов: политических, экономических, социальных и многих других, среди которых государственные интересы занимают особое место. Историческая необходимость и свобода в деятельности законодателя определили смысл и цель государственных интересов Российской империи в политике в отношении земель и иных природных ресурсов в XVIII столетии. Учет государственных интересов в процессе законотворческой деятельности, выражение их посредством издания правовых актов, определяют цели правового регулирования социальных отношений. Государственный интерес используется законодателем при формулировании общих предписаний в сферах регулируемых им правоотношений, и выражается в установлении ограничений, прав и обязанностей, не предусматривающих свободу поведения. Основным смыслом реализации государственных интересов в отношении земель и иных природных ресурсов состоит в установлении пределов вторжения государства в сферу имущественных отношений. При этом, выражая свой интерес, государство выступает не в классической роли арбитра для участников гражданского оборота, а само является таким участником.

Изучая вопросы государственно-правовой политики в области систематизации земельного законодательства в Российской империи, в XVIII столетии отмечается разнообразное применение общего принципа ограничения государством частного землевладения в различных сферах деятельности. Права частных землевладельцев в пользовании и распоряжении наделами земли, особенно в начале XVIII столетия, ограничивались государством в целях организации какого-либо проекта в сфере промышленности, для общественного блага, или для пополнения казны.

Основным источником для изучения тенденций поземельной политики Российской империи в XVIII столетии является Полное собрание законов Российской империи. Влияние на поземельную политику государства оказали смежные к земельным правоотношениям направления, такие как лесное хозяйство и горное дело.

От Московского царства к Российской империи перешли широкие государственные поземельные права. При формировании поземельной политики государство преследует две цели: урегулирование вопросов частного землевладения и установление порядка распоряжения землей.

Исследователь В. Е. Якушкин писал, что Петр I Указом от 23 марта 1714 года «О порядке

наследования движимого и недвижимого имущества» [6, с. 91] закрепил на законодательном уровне свершившийся в XVII столетии факт объединения вотчин и поместий в один раздел частного землевладения - имение, при этом не ослабив государство и поощрив частные интересы [26, с. 3–7]. Петр I, издавая Указ, как и в других своих указах, изложил цель его издания: «разделение недвижимых имений после отцов детьми есть вред в государстве нашем, как интересам государственным, так и подданным».

Законодатель полагал, что единонаследие оградит крестьян от обеднения, наследование недвижимого имущества одним сыном, а движимого имущества другими сыновьями, сохранит государственные доходы, так как крестьянам будет легче при одном господине; сыновья, не получившие наследного имения, будут вынуждены зарабатывать на проживание службой, торговлей или прочей приносящей доход деятельностью, в чем также имеется государственная польза. Из Указа следует забота о благосостоянии крестьян как реализация основного государственного интереса. Законодатель ясно определил связь между государственными интересами и благосостоянием крестьян.

Положения Указа 1714 года установили одинаковые правила для распоряжения поместными и вотчинными владениями, что в свою очередь является ярким выражением поземельных прав государства. Ограничения прав землевладельцев сопровождались последующими уступками со стороны законодателя. Уступка интересам частного землевладения зависела от внутренних политических условий, в которые было поставлено правительство, и в некоторой степени от воздействия западноевропейских философских воззрений.

В это же время в Российской империи происходит замена пожалования вотчинных земель за государственную службу на оплату жалования в денежной форме. Государство, преследуя свои интересы, ужесточило условия вотчинного и поместного землевладения. Положения Указа 1714 года не дали дополнительных прав помещикам, а установили новые ограничения в интересах государства, в том числе допуская продажу имений по нужде, облагая такую сделку пошлиной в размере 10%: «А с сего указу кто принужден будет из недвижимых продать вотчину или поместье, или иное что, и за то иметь пошлины с рубля по гривне для того, чтоб никто ничего из недвижимого вымыслом для укрепления не продавали», тем самым пресекая попытки обойти новые правила.

Несмотря на то, что Указ занимает в истории российской поземельной политики выдающееся место, он принадлежит к числу мер, которые потерпели полную неудачу: вскоре после

смерти Петра I, 9 декабря 1730 года Указ был отменен Анной Иоанновной Указом «О разделе детьми движимых и недвижимых имений по уложению и об отмене Указа 714 и дополнительных к нему пунктов 725 года» [7, с. 345].

Необходимо признать, что Указ 1714 года, представляя собой важное и справедливое установление, достиг бы своих целей при строгом его исполнении. Последовавшая отмена Указа, выражавшего государственные интересы в поземельной политике, подтверждает тот факт, что его положения противоречили как интересам дворянства, так и частным стремлениям служилого сословия. И те, и другие желали получать от государства землю во владение. Несмотря на то, что Указ действовал на территории Российской империи очень ограниченное время, возможно вполне логично предположить о последствиях, к которым бы он привел: служилое сословие лишается прав получения в наследство поместий и вотчин, при этом сохраняет обязанность состоять на службе, оплата за которую уже происходит не землями, а деньгами. Указ ограничивал и наследодателей в порядке распоряжения недвижимым имуществом.

Впервые в истории Российской империи, также преследуя государственные интересы, появились государственные права по отношению к охране лесов, что нашло проявление в поземельной политике.

Цель лесных законов Петра I заключалась в удешевлении строительных материалов для кораблестроения. Первый указ об охране лесов от 30 марта 1701 года «О нерасчистке лесов под пашни и сенные покосы за 30 верст от рек, удобных к сгонке леса» [8, с. 162] содержал суть в своем названии и прямо ограничивал землевладельцев запретом расчищать лес под пашни и сенные покосы на 30 верст от сплавных рек, ведущих к Москве. В этом Указе проявилась одна из основных тенденций современного природоохранного законодательства - леса охраняются на определенном расстоянии от русла рек, что является прообразом современной водоохранной зоны [2].

В 1703 году Указ 1701 года получил расширение и обобщение: ограничения в пользовании лесами распространились на всю территорию России [8, с. 288], следовательно, все большее количество земель подпадало под государственный надзор. При этом от русла больших рек охранный зона устанавливалась уже в 50 верст, от русла малых рек в 20 верст, запрещалось рубить дуб, клен, вяз, лиственницу и сосну. Государство изъяло перечисленные сорта дерева из оборота частных лиц, преследуя цель развития кораблестроения. В 1718, 1719, 1720, 1722 годах законодатель повторил ранее изданные законоположения об охране

лесов, адаптируя их под государственные нужды [6, с. 533, 716. 9, с. 200, 361, 510, 515, 749. 10, с. 27, 33, 57, 126, 166, 174, 362, 367], установив еще большие ограничения на земле- владельцев.

Таким образом, лесное законодательство Петра I представляет собой строгую систему государственного надзора за сохранением лесов в государственных интересах. Многократное последовательное издание указов в части недопустимости нарушений ранее изданных актов свидетельствует о трудностях, с которыми столкнулся законодатель - нежеланием землевладельцев соблюдать изданные предписания.

Преемники Петра I не усматривали государственного интереса и не поддерживали идеи по охране лесов в целях развития флота, в связи с чем уже в 1725 году были изданы первые ограничения лесных законов Петра: Указы от 24 февраля 1725 года «Об управлении лесов в Лифляндии, Эстляндии и на островах Эзель по прежнему» [10, с. 427], от 2 июня 1725 года «О неопределении Вальдмейстеров в пограничные места Сибирской губернии» [10, с. 498], от 27 сентября 1725 года «О расчистке лесов под поселения по реке Неве вверх до Шлис- сельбурга по Копорской стороне до Нарвы и по всей Ингерманландии и о нерубке заповедных рощей» [10, с. 538], от 30 декабря 1725 года «О назначении мест удобных для сплавки лесов, годных для корабельного строения; об уничтожении Вальдмейстерской канторы, о небытии Вальдмейстерам, и о надзоре за лесами Воеводам каждому в своем уезде» [10, с. 725].

Ослабление лесных законов привело к укреплению позиций частных землевладельцев, так как земли, занятые лесами, естественно являясь составной частью земельных ресурсов страны, вызвали экономическую заинтересованность у их владельцев. Уже к 1729 году государство отказалось от своих прав на частные леса, однако массовое истребление многолетних насаждений не отвечало государственным интересам, и способствовало возобновлению внимания законодателя к этому вопросу, что подтверждается Указом от 28 августа 1730 года «Об определении Валдмейстеров для охранения в Казанской губернии и в других местах годных к корабельному строению лесов» [7, с. 319]. Государство, реализуя курс на развитие и укрепление промышленности, стимулировало землевладельцев к посеву на принадлежащих им землях дубовых рощ, что подтверждается Указами от 15 августа 1731 года «О сборе денег для содержания Адмиралтейства и флота, о размножении дубовых лесов в Казанской Губернии, об исправлении Рогервикского строения находящимися там каторжными работниками, и о содержании Навигационной школы» [7, с. 533], от 27 апреля 1732 года «О

бережении и размножении Поволжских лесов и о переводе Чувашей и Черемис, живущих близ оных на земли Закамских пригородных служивых людей» [7, с. 762]. Эти законоположения представляют собой дополнения к лесному законодательству Петра I и основаны на общих принципах – государство ограничивает права частных землевладельцев в государственных интересах, считая себя вправе устанавливать ограничения в пользовании лесной землей. Эти случаи также являются выражением государственной поземельной политики: законодатель не только устанавливает правила пользования лесами для землевладельцев, но и разрешает себе пользоваться владельческими лесами для государственных нужд [8, с. 822, 831, 840. 6, с. 76, 744. 9, с. 240, 361. 10, с. 160, 174].

В дальнейшем, в царствование Анны Иоанновны, принципы лесоохранного законодательства Петра I легли в основу издаваемых правительством указов. Елизавета Петровна сохранила все правила в отношении лесов, установленные при Анне Иоанновне, дополнительно издавая указы от отпуске лесов за пределы Российской империи, например, Указы от 10 декабря 1747 года «О покупке содержателям Выборгских пильных мельниц лесу для пилования досок; о позволении рубить бревна, брусья и дрова для отпуски за море в довольном количестве; о рубке лесов одиннадцати вершков в корню и ниже; и о непозволении рубить мачтовые деревья; о запрещении отпускать за море с мельниц пилованные брусья» [11, с. 794], от 10 марта 1749 года «О запрещении пилить на Нарвских пильных мельницах большие брусья и отпускать за мор» [12, с. 20], от 6 июля 1750 года «О описи лежащих около города Пернова лесов и снятии оных на карту; о запрещении рубить в сих местах лес и отпускать за море из Перновского порта» [12, с. 323], от 22 июня 1754 года «О дозволении отпускать за границу лес и доски, по контрактам, прежде заключенным, только на один 1754 год» [13, с. 170].

Указом от 3 сентября 1747 года «О нестроении около Москвы вновь винных и стеклянных заводов, к которым коммуникации водяной нет, и о покупке и заготовлении на таковые заводы лесу и дров, из дальних, а не из ближних мест» [11, с. 753] подмосковным заводам было запрещено пользоваться близлежащим лесом, а Указом от 30 августа 1754 года «Об уничтожении всех хрустальных, стеклянных и железных заводов...и о строгом наблюдении в Московской и Тверской Губерниях о сбережении лесов» [13, с. 210] предписано было уничтожить винокуренные, стеклянные и железные заводы, расположенные ближе 200 верст от Москвы. В этих законоположениях ясно прослеживается стремление государства ограничить частное

землевладение и сохранить леса от истребления. Лесное законодательство сохраняет основной принцип, установленный Петром I: «государственная и общая всем польза есть в сбережении лесов» [13, с. 694].

Екатерина II уничтожила государственный контроль над лесами, за сохранностью лесов должны были смотреть сами владельцы, что отражено в Указах от 12 июля 1762 года [14, с. 19], от 6 октября 1765 года [15, с. 349]. В 1782 году происходит значительная перемена в государственной политике по отношению к лесам – леса предоставлены в полное распоряжение дворян – владельцев, в их полную собственность [16, с. 676. 17, с. 344]. В этих актах указано, что правительство считает интересы флота в поставках леса достаточно обеспеченными. Правительство постоянно отказывалось от принципа «государственной и общей всем пользы в сбережении лесов» по отношению к частным лесам, установленного Петром I, аналогичная тенденция сохранилась до второй половины XIX столетия.

Ярким выражением государственной политики в отношении земель и лесного хозяйства на протяжении всего XVIII столетия является разрешение законодателя рубить лес для государственных нужд в любых землях не только для судостроения. Так, разрешалось использовать лес с земель, находящихся в частном владении, для строительства дорог [11, с. 22. 18, с. 589] и заводов [9, с. 244]. Кроме того, законодатель обязывал вырубать лес на землях, прилегающих к дорогам, с целью борьбы с преступностью [19, с. 547, 588, 900. 11, с. 224] при этом расчищенные от леса земли запрещалось использовать для каких-либо нужд.

Особый интерес у законодателя в XIII столетии – период бурного развития производительных сил, вызывала потребность регулирования добычи полезных ископаемых как на казенных, так и на частных землях. Указы Петра I по отношению к горному (рудному) делу имели то же выражение к частному землевладению, что и по лесным вопросам: разрешалось искать руду везде [20, с. 284, 335. 8, с. 79. 6, с. 133], а также минеральные воды [6, с. 498]. Рудное дело представляется делом государственной важности, в связи с чем Указ от 10 декабря 1719 года определил его основы, где все полезные ископаемые признаются собственностью монарха, а частное землевладение ограничивается тем, что рудокопатель не только вправе искать руду на чужих землях, но требовать для расширения завода перехода прав на землю от владельца, за плату [6, с. 760]. После Петра I правовые акты в области рудного дела последовали судьбе лесного законодательства: частные интересы постепенно вытеснили государственные. Указом от 26 сентября 1727 года «О

дозволении свободно отыскивать и обрабатывать руду в отдаленных местах Сибири» разрешалось искать руду только на собственных или свободных землях, а на чужих только с согласия владельца [10, с. 863]. Ослабление горных законов временно прекратилось при Анне Иоанновне. Указом от 3 марта 1739 года – право искать и разрабатывать руду на землях, чьи бы они ни были, установлено вновь [21, с. 739]. Такое ограниченное землевладение сохранилось вплоть до 1782 года: Манифестом от 28 июня 1782 года Екатерина II распространила права собственности владельцев «на все произведения земли на поверхности и в недрах ее содержащиеся» [16, с. 613]. Принципы Петра I в горном законодательстве были частично восстановлены Павлом I: разрешалось добывать каменный уголь на казенных землях без оброка, а на частных землях по соглашению с собственником (Указ от 24 августа 1798 года «О разработке каменного угля, для доставления оного для употребления в обе столицы» [22, с. 355]).

Из сказанного следует, что государство «для нужного дела, общенародной пользы» широко применяло ограничения прав частных землевладельцев.

Отдельным способом реализации государственных интересов Российской империи в XVIII столетии выступала экспроприация, когда государство по тем же мотивам отписывало себе земли частных владельцев.

Так, имеются случаи принудительного изъятия земель в пользу государства, например, для военных целей, под крепости, для надела ландмилиции, при этом взамен выделялась другая земля или выплачивалось денежное вознаграждение. Случаи экспроприации подтверждаются Указами от 25 июня 1735 года «Об отводе жителям пригорода Сергиевска земли, вместо взятой у них под ландмилицкие полки» [19, с. 535], от 31 мая 1740 года «О размежевании Башкирских земель от участков, взятых у них под построенные крепости» [23, с. 134], от 13 ноября 1758 года «Об отобрании от владельцев проданных им казенных земель с возвратом внесенных в казну денег, если на тех землях не находится еще поселения и о наделении оными прежних служеб служилых людей, исправляющих ландмилицкую повинность, тридцати-десятиною на душу пропорцією» [18, с. 283], от 23 мая 1759 года «О неподавании впредь ее Величеству докладов о даче кому либо в награждении Дворцовых деревень» [18, с. 350]. Так же известны случаи изъятия земель у частных владельцев для строительства кирпичных и оружейных заводов и обеспечения земель мастеровых и ямщиков [11, с. 184. 21, с. 915].

В. Е. Якушкин отмечал любопытные случаи экспроприации земли в интересах организации путей сообщения и соляной перевозки [26, с. 76], когда Указом от 18 сентября 1749 года «Об отводе лугов из порозжих земель Саратовским жителям вместо взятой у них окружной земли и острова для продовольствия скота солепромышленников» были изъяты земли селитренного завода и земель, ставших выморочным имуществом и находившихся в пользовании населения [12, с. 126]. Также интересен случай экспроприации вотчины у землевладельца Демидова ввиду притеснения им крестьян. Аналогичный случай изъятия частной земли с предоставлением взамен других земель закреплен Указом от 23 июня 1735 года «Об отводе жительствовавшим у Гжатской пристани купецким людям земли в прибавок из дворцовых земель» [19, с. 533].

В 1749 и 1750 годах также отдельными указами произведено изъятие земель для строительства церкви и для устройства на новых местах торговых лавок, с целью отдаления от церкви, что подтверждается Указами от 8 августа 1750 года «О даче Казанским слободским Татарам вместо отнятой у них из пожалованных им дач земли, такого же количества оной из монастырских порожних земель» [12, с. 342], от 23 октября 1749 года «Об отводе мест в Кизляре под монастырское и дворовое строение; об увольнении священно и церковно-служительских домов от простоя и о производстве им жалованья» [12, с. 145]. Имеются случаи экспроприации земли для целей переустройства городского хозяйства, например, после пожаров в Москве и Санкт-Петербурге в целях установления безопасных расстояний между постройками произведен передел улиц и незастроенной земли [21, с. 459, 307, 838, 319. 18, с. 741. 23, с. 454. 15, с. 20, 692. 24, с. 488].

Межевая инструкция 1754 года также содержит нормы об экспроприации, например, всякому владельцу предписывалось намерить земли во все стороны от его деревни, а при межевании около рек предписывалось формировать земельные участки так, чтобы с каждого участка имелся выход к воде [13, с. 104].

Мы видим, что на каждый случай экспроприации законодатель издавал отдельный, персональный правовой акт высочайшего порядка. Исследовав перечисленные случаи изъятия земель для государственных нужд, следует отметить, что в правовых актах XVIII столетия термин «экспроприация» не встречается, однако изъятие земель полностью подпадает под определение экспроприации, приведенное в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона [25, с. 314].

Помимо того, Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон отмечали, что недостатки русского порядка экспроприации состоят в крайней медленности производства, обусловленной бюрократическим его характером, а при экстренном сокращении - в лишении заинтересованных лиц гарантий справедливой оценки [25, с. 319].

При рассмотрении перечисленных ситуаций с ограничением прав, установлением запретов и изъятием земель у владельцев, случаи последующей отмены ограничений и запретов, ясно прослеживается становление государственных прав и государственных задач по отношению к землевладению и природным ресурсам. Государство, стремясь в первой половине XVIII столетия обеспечить государственные интересы за счет главного экономического ресурса - земли, уже во второй половине столетия, а иногда вслед за установлением ограничения или запрета, последовательно издавало правовые акты, содержание которых противоречило целям, ради которых и реализовывался государственный интерес, однако затем вновь возвращалось к контролю и установлению ограничений. Периодические уступки со стороны государства частным интересам землевладельцев связаны как с историческими событиями, так и со случайными факторами, например, некоторой обязанностью правящего лица вознаградить своих сторонников, что ярко выражено в действиях Екатерины II. Именно при Екатерине II частное землевладение было освобождено от ограничений в пользовании и распоряжении землей, установленных Петром I. Однако при этом государство не отказалось от своего верховного права управлять земельными ресурсами.

Подводя итог, можно сказать, что соотношение государственных и частных интересов не имело характера сотрудничества и единства, а выражалось в постоянном противостоянии и борьбе.

Проведенный анализ проблемы выражения государственных интересов позволяет сделать вывод, что государственные интересы в политике Российской империи в XVIII столетии в отношении земель и иных природных ресурсов характеризуется периодическим вниманием законодателя к решению внутренних общенациональных проблем посредством ограничения частных интересов привилегированных сословий. Расхождение в степени выражения государственного интереса в издаваемых правовых актах свидетельствует как об излишнем доверии монархов к лицам, обладающими представляющими экономическую ценность земельными и иными природными ресурсами, так и о недостаточно четком закреплении приоритета государственных интересов над частными

интересами, связанными с благосостоянием узкой группы лиц (отдельного сословия).

Издаваемые законодателем указы и узаконения могли и должны были выражать государственные интересы стабильно, сдерживая,

или, возможно, полностью ограничивая частные интересы избранных социальных групп. Однако законодатель, проводя мониторинг общественных интересов, периодически допускал уничтожение степени важности государственных интересов перед частными интересами.

Литература

1. Большой экономический словарь / под. ред. А. Н. Азрилияна. М: Институт новой экономики, 1999. 1245 с.
2. Водный кодекс Российской Федерации. ст. 65. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60683/ (Дата обращения: 01.09.2019)
3. Иеринг Р. Интерес и право. Ярославль: Типография губернской земской управы, 1880. 300 с.
4. Кравченко О.Ю. Публичные и частные интересы в праве: политико-правовое исследование: диссертация канд. юр. наук. Казань, 2004. 156 с.
5. Першина И.В. Интерес в праве: диссертация канд. юр. наук. Нижний Новгород, 2002. 183 с.
6. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание первое. Т.V. 1713 – 1719. СПб: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. 780 с.
7. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание первое Т.VIII. 1728 - 1732. СПб: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. 1014 с.
8. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание первое. Т.IV. 1700 - 1712. СПб: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. 881 с.
9. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание первое. Т.VI. 1720-1722. СПб: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. 815 с.
10. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание первое. Т.VII. 1723-1727. СПб: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. 922 с.
11. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание первое. Т.XII. 1744-1748. СПб: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. 960 с.
12. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание первое. Т.XIII. 1749-1753. СПб: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. 957 с.
13. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание первое. Т. XIV. 1754-1757. СПб: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. 863 с.
14. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание первое. Т.XVI. С 28 июня 1762 года по 1764. СПб: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. 1016 с.
15. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание первое. Т.XVII. 1765-1766. СПб: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. 1115 с.
16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т.XXI. С 1781 по 1783. СПб: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. 1083 с.
17. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание первое. Т.XXII. 1784-1788. СПб: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. 1158 с.
18. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание первое. Т.XV. С 1758 по 26 июня 1762. СПб: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. 1048 с.
19. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание первое. Т.IX. 1733-1736. СПб: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. 1022 с.
20. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание первое. Т.III. 1689-1699. СПб: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. 690 с.
21. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание первое. Т.X. 1737-1739. СПб: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. 995 с.
22. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание первое. Т.XXV. 1798-1799. СПб: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. 931 с.
23. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т.XI. 1740-1743. СПб: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. 988 с.
24. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание первое. Т. XVIII. 1767-1769. СПб: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. 1031 с.
25. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), Т.79, 1904. 487 с.
26. Якушкин В.Е. Очерки по истории русской поземельной политики в XVIII и XIX в. Выпуск 1, XVIII век. М: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1890. 150 с.

References

1. Bol'shoj jekonomicheskij slovar' (*Great economic dictionary*) Pod. Red. A.N. Azrilijana. Moscow: Institute new economy publ., 1999. 1245 p. (In Russian).
2. Vodnyi kodeks Rossijskoi Federatsii. st. 65 (*Water code of the Russian Federation. Article 65*) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60683/ (Accessed: 01.09.2019)
3. Iering R. Interes i parvo (*Interest and the right*). Yaroslavl': Tipografiya gubernskoj zemskoj upravj', 1880. 300 p. (In Russian).
4. Kravchenko O.Ju. Publichnye i chastnye interesy v prave: politiko-pravovoe issledovanie (*Public and private interests in law: political and legal research*): dissertacija kand. jur. nauk Kazan', 2004. 156 p. (In Russian).
5. Pershina I.V. Interes v prave (*Interest in law*): dissertacija kand. jur. nauk. Nizhnij Novgorod. 2002. 183 p. (In Russian).
6. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, s 1649 goda. Sobranie pervoe (*The complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649. First meeting*). T.V. 1713 – 1719. St. Petersburg: Printing house 2 department of the imperial office publ., 1830. 780 p. (In Russian).
7. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, s 1649 goda. Sobranie pervoe (*The complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649. First meeting*). T.VIII. 1728 - 1732. St. Petersburg: Printing house 2 department of the imperial office publ., 1830. 1014 p. (In Russian).

8. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, s 1649 goda. Sobranie pervoe (*The complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649. First meeting*). T.IV. 1700 - 1712. St. Petersburg: Printing house 2 department of the imperial office publ., 1830. 881 p. (In Russian).
9. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, s 1649 goda. Sobranie pervoe (*The complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649. First meeting*). T.VI. 1720-1722. St. Petersburg: Printing house 2 department of the imperial office publ., 1830. 815 p. (In Russian).
10. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, s 1649 goda. Sobranie pervoe (*The complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649. First meeting*). T.VII. 1723-1727. St. Petersburg: Printing house 2 department of the imperial office publ., 1830. 922 p. (In Russian).
11. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, s 1649 goda. Sobranie pervoe (*The complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649. First meeting*). T.XII. 1744-1748. St. Petersburg: Printing house 2 department of the imperial office publ., 1830. 960 p. (In Russian).
12. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, s 1649 goda. Sobranie pervoe (*The complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649. First meeting*). T.XIII. 1749-1753. St. Petersburg: Printing house 2 department of the imperial office publ., 1830. 957 p. (In Russian).
13. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, s 1649 goda. Sobranie pervoe (*The complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649. First meeting*). T. XIV. 1754-1757. St. Petersburg: Printing house 2 department of the imperial office publ., 1830. 863 p. (In Russian).
14. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, s 1649 goda. Sobranie pervoe (*The complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649. First meeting*). T.XVI. S 28 iyunya 1762 goda po 1764. St. Petersburg: Printing house 2 department of the imperial office publ., 1830. 1016 p. (In Russian).
15. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, s 1649 goda. Sobranie pervoe (*The complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649. First meeting*). T.XVII. 1765-1766. St. Petersburg: Printing house 2 department of the imperial office publ., 1830. 1115 p. (In Russian).
16. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe (*The complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649. First meeting*). T.XXI. S 1781 po 1783. St. Petersburg: Printing house 2 department of the imperial office publ., 1830. 1083 p. (In Russian).
17. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, s 1649 goda. Sobranie pervoe (*The complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649. First meeting*). T.XXII. 1784-1788. St. Petersburg: Printing house 2 department of the imperial office publ., 1830. 1158 p. (In Russian).
18. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, s 1649 goda. Sobranie pervoe (*The complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649. First meeting*). T.XV. S 1758 po 26 iyunya 1762. St. Petersburg: Printing house 2 department of the imperial office publ., 1830. 1048 p. (In Russian).
19. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, s 1649 goda. Sobranie pervoe (*The complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649. First meeting*). T.IX. 1733-1736. St. Petersburg: Printing house 2 department of the imperial office publ., 1830. 1022 p. (In Russian).
20. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, s 1649 goda. Sobranie pervoe (*The complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649. First meeting*). T.III. 1689-1699. St. Petersburg: Printing house 2 department of the imperial office publ., 1830. 690 p. (In Russian).
21. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, s 1649 goda. Sobranie pervoe (*The complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649. First meeting*). T.X. 1737-1739. St. Petersburg: Printing house 2 department of the imperial office publ., 1830. 995 p. (In Russian).
22. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, s 1649 goda. Sobranie pervoe (*The complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649. First meeting*). T.XXV. 1798-1799. St. Petersburg: Printing house 2 department of the imperial office publ., 1830. 931 p. (In Russian).
23. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe (*The complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649. First meeting*). T.XI. 1740-1743. St. Petersburg: Printing house 2 department of the imperial office publ., 1830. 988 p. (In Russian).
24. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, s 1649 goda. Sobranie pervoe (*The complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649. First meeting*). T. XVIII. 1767-1769. St. Petersburg: Printing house 2 department of the imperial office publ., 1830. 1031 p. (In Russian).
25. E'nciklopedicheskij slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona (*The encyclopedic dictionary of F. A. Brockhaus and I. A. Efron*). St. Petersburg: Semenov's printing house publ., T.79, 1904. 487 p. (In Russian).
26. Yakushkin V.E. Ocherki po istorii russkoj pozemel'noj politiki v XVIII i XIX v. Vy'pusk 1, XVIII vek (*Essays on the history of Russian land policy in the XVIII and XIX centuries*). Moscow: Mamontov and C° printing house publ., 1890. 150 p. (In Russian).

Информация об авторе

Филиппова Елена Сергеевна – аспирант кафедры экологического, земельного и трудового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / madam-e-filippova@yandex.ru

Information about the author

Filippova Elena Sergeevna – postgraduate student, Chair of Environmental, Land and Labor Law, Law Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / madam-e-filippova@yandex.ru

ОХРАННОЕ ПРАВО: ОТРАСЛЬ, НАУКА И УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА

В статье обосновывается целесообразность формирования новой отрасли права — охранного права как своевременного реагирования государства на необходимость упорядочивания сложившихся охранных правоотношений.

На основе анализа российских правовых источников авторами доказывается то, что методологической предпосылкой предмета изучаемой отрасли является понятие «охрана», содержание которого заключается в совершении субъектами фактических действий, направленных на защиту объектов от противоправных посягательств и осуществляемых на основе правовых средств. Придание содержательным элементам названного понятия публично- или частноправовых свойств позволяет заявлять об обладании подобными свойствами как предмета правового регулирования, так и самой отрасли.

Выявляются материальные и юридические предпосылки охранных правоотношений, дается их краткая характеристика на современном этапе общественного развития. Такой подход позволяет рассматривать эти отношения как упорядоченные правовыми нормами общественные отношения, складывающиеся в виде правовой связи между субъектами,

возникающие по поводу охраны объектов, проявляющиеся через права и обязанности субъектов и обеспеченные мерами государственного принуждения.

Будучи предметом правового регулирования представленные отношения позволяют определить охранное право, как систему правовых норм, регулирующих публично- и частноправовые охранные отношения. Выявляется комплексная методология правового регулирования указанных отношений, представляющая собой совокупность метода власти-подчинения и метода равноправия, а также определяются принципы изучаемой отрасли.

Доказывается, что охранное право выступает не только как отрасль, идентифицированная своим предметом, методами и принципами, но представляет собой науку и учебную дисциплину, которые стремительно развиваются и являются востребованными на действующем этапе развития государства.

Ключевые слова: охранное право, охрана, охранные правоотношения, отрасль права, предпосылки, признаки, публично- и частноправовые аспекты.

S. Sharonov, V. Shestakov

SECURITY LAW: INDUSTRY, SCIENCE AND ACADEMIC COURSE

The authors substantiate the expediency of forming a new branch of law—security law as a timely response of the state to the need to streamline the existing security relations.

Based on the analysis of Russian legal sources, it is proved that the methodological premise of the subject of the studied branch is the concept of «protection», the content of which consists in the Commission of actual actions by subjects aimed at protecting objects from illegal encroachments and carried out on the basis of legal means. Giving the content elements of the named concept public or private legal properties allows you to claim the possession of similar properties of both the subject and the industry itself.

Material and legal preconditions of security legal relations are revealed, their brief characteristic at the present stage of social development is given. This approach allows us to consider these relations as ordered by legal norms of public relations, which are formed in the form of a legal relationship between the subjects arising about

the protection of objects, manifested through the rights and obligations of subjects and provided by state enforcement measures.

Being the subject of legal regulation, the presented relations allow us to define security law as a system of legal norms regulating public and private security relations. The complex methodology of legal regulation of these relations, which is a combination of the method of power-subordination and the method of equality, is revealed, and the principles of the studied industry are determined.

It is proved that the security law acts not only as an industry identified by its subject, methods and principles, but it is a science and educational course that is rapidly developing and is in demand at the current stage of development of the state.

Key words: security law, protection, security relationship, branch of law, prerequisites, features, public and private legal aspects.

Актуальность темы связана с тем, что в настоящее время наблюдается устойчивая тенденция к формированию новых отраслей права (медицинского, корпоративного, информационного и др.), обусловленная необходимостью своевременного правового упорядочивания складывающихся общественных отношений.

Однако всегда ли появление и развитие общественных отношений должно приводить к появлению новой правовой отрасли? Как отмечал В. А. Тархов для этого необходимо, чтобы определенные отношения «и их правовое регулирование должны получить известное развитие» [14, с. 31].

В этой связи следует отметить несколько наиболее важных аспектов «известного развития» охранных отношений, выступающих предметом охранного права и основой для осуществления отдельных видов деятельности, например, охранной деятельности.

Конституционный аспект заключается в том, что охранная деятельность содействует укреплению основ конституционного строя России о свободе передвижении услуг и защите всех форм собственности, охране земли и иных человеческих благ [6].

Сущность гражданско-правового аспекта заключается в том, что практически все граждане являются участниками охранных правоотношений с момента своего рождения и до самой смерти. Это обусловлено тем, что в настоящее время и в родильных домах, и в других местах пребывания людей установлены пропускной и внутриобъектовый режимы, обеспечение которых является видом охранных услуг и предметом соответствующего договора. Кроме того, участие граждан и организаций в охранной деятельности квалифицируется как процесс осуществления гражданских прав, представляющий собой не только средство извлечения прибыли от оказания услуг охраны, но и средство защиты отдельных объектов (вещи, жизнь, здоровье) от противоправных посягательств.

Социально-экономический аспект проявляется в степени воздействия охранных правоотношений на решение приоритетных государственных задач, реализацию некоторых концепций и федеральных целевых программ. Так, охранная деятельность содействует решению задачи по возобновлению социально-экономического роста страны на основе базовых ценностей – свободы предпринимательства и частной собственности [13].

Кроме того, указанная деятельность влияет на защиту прав граждан в учебном процессе, в том случае если объектами охранных правоотношений выступают такие объекты как жизнь и здоровье обучаемых, имущество и другие. Представляется, что надлежащие организация и оказание охранных услуг смогли бы предотвратить или минимизировать последствия трагедии в Амурском колледже строительства и ЖКХ 14 ноября 2019 г.

Охранные правоотношения как предмет рассматриваемой отрасли права в недостаточной степени изучены средствами правовой науки. Как правило исследование осуществлялось самостоятельно в контексте их публично-правовых свойств (охранительная функция государства и др.) или различных аспектов частноправовой (предпринимательской) охранной деятельности.

Научная новизна работы заключается в том, что авторы вводят в научный оборот определения понятий «охранные правоотношения», «охранное право», по-новому подходят к сущности понятия «охрана» как методологической основе рассматриваемой отрасли, выявляя при этом ее публично-правовые и частноправовые начала.

Цель публикации заключается в определении правовой природы охранного права как отрасли российского права, как науки и учебной дисциплины. Для достижения цели необходимо решить следующие научные задачи: 1) выявить правовые свойства понятия «охрана» как методологической основы предмета охранного права; 2) установить предпосылки и признаки «охранных правоотношений» и на основе этого сформулировать определение их понятия; 3) дать определение понятия «охранное право», а также квалифицировать метод и принципы изучаемой отрасли; 4) исследовать охранное право как науку; 5) дать характеристику охранному праву как учебной дисциплине.

Теоретическое значение исследования заключается в обогащении теории правовой науки новыми определениями понятий, которые могут быть использованы для формирования понятийного аппарата правовых актов различного уровня, а также быть востребованы в процессе преподавания правовых дисциплин на всех уровнях высшего образования. Авторский подход к формированию новой отрасли права может выступать методологическим аспектом в подготовке (переподготовке) научно-педагогических работников и иных лиц, деятельность которых связана с защитой объектов от противоправных посягательств.

Практическая значимость заключается в том, что структура охранных правоотношений может воздействовать на структуру отношений многих отраслей права. Например, в случае осуществления деятельности по охране жилища, земли и других объектов, учитываются положения жилищного, земельного и иного законодательства. Учет рассматриваемого аспекта позволяет должным образом упорядочить правовое регулирование отношений различных отраслей права с акцентом на защиту их объектов от противоправных посягательств.

Методология исследования базируется на диалектическом методе познания, в частности на учете зависимости правового регулирования от состояния общественных отношений на соответствующих этапах развития государства, на методе комплексного толкования определений исследуемых понятий, на сочетании публично- и частноправовых свойств изучаемых категорий, на использовании комплексного подхода к охранному праву, на методах анализа и синтеза.

Понятие «охрана» как методологическая предпосылка предмета охранного права. По своей структуре понятие «охранное право» состоит из двух терминов – «охрана» и «право». Воспользуемся приемами толкования, предложенными русским юристом Е. В. Васильковским [2, с. 98, 127] и определим словесное и юридическое значение термина «охрана», поскольку толкование термина «право» в юридической науке является в достаточной степени определенным.

В словаре С. И. Ожегова под словом «охрана» понимается «оберегать, относиться бережно, стеречь» [11, с. 484], то есть «следить за сохранностью чего-то» [11, с. 765]. Следовательно, в словесном значении «охрана» представляет собой «действия, направленные на обережение, сохранность чего-либо».

Вместе с тем в теории и в практике общественных отношений это понятие получило неоднозначное, а порою и противоречивое толкование. Так, в настоящее время термин «охрана» можно увидеть в виде надписей на элементах одежды человека, на отдельных частях автомобильного и иного транспорта, на дверях некоторых помещений или зданий, а также услышать в различных оборотах человеческой речи. В контексте проводимого исследования такое использование указанного понятия является одной из проблем, которую не решают и результаты научных исследований, поскольку в них, в подавляющем большинстве случаев, «охрана» рассматривалась не как основа исследуемой отрасли права, а изучалась в соотношении с понятиями «защита» или «безопасность» [12, с. 167].

Исследования авторов настоящей публикации, основанные на результатах анализа и последующего синтеза более тысячи случаев использования термина «охрана» в различных источниках российского права (см., например, работы С. А. Шаронова) дают возможность сформулировать определение понятия «охрана как методологическая предпосылка предмета охранного права». Под ней понимаются «фактические действия субъектов, направленные на защиту объектов от противоправных посягательств, осуществляемые на основе правовых средств».

Важно обратить внимание на то, что «охрана» имеет двойственную правовую природу, сущность которой проявляется через публично- или частноправовые свойства ее содержательных элементов (действий субъектов, правового режима объектов, правовых средств). В практике правового регулирования это означает, что придание указанным элементам публично- или частноправовых свойств позволяет констатировать наличие и соответствующих видов охраны: публично-правовой или

частноправовой. Например, действия федеральных органов власти (ФСБ, ФСО, МВД, Росгвардии и др.), которые совершаются посредством исполнения обязанностей военной службы, проведения оперативно-розыскных мероприятий с целью защиты публичных объектов (государственной границы, Президента РФ и др.), совершаемые на основе административно-правовых средств именуются публично-правовой охраной. Эти действия определяются не как вид предпринимательства, а представляет собой одну из функций государства. В свою очередь действия граждан и организаций, направленные на защиту объектов гражданских прав (вещей, жизни и здоровья людей) на основе всего комплекса частноправовых средств (сделки, договоры, обязательства и др.) выступают как частноправовая охрана и квалифицируется как процесс осуществления гражданских прав.

Однако несмотря на указанные свойства в обоих значениях (публично- и частноправовом) сущность термина охрана остается неизменным – это фактические действия, субъектов, направленные на защиту объектов от противоправных посягательств, которые осуществляются на основании правовых средств.

Таким образом, термин «охрана» является методологической предпосылкой для возникновения специфических правоотношений, характеризующихся названными свойствами.

Предпосылки, признаки и понятие охранных правоотношений как предмета охранного права. На основе определения содержательных элементов понятия «охрана» можно выявить предпосылки возникновения «охранных правоотношений», определить их признаки и сформулировать определение соответствующего понятия.

Теоретики права классифицируют предпосылки возникновения правоотношений по двум группам – материальные (общие) и юридические (специальные) [8, с. 378–380].

Детализируем указанные основания применительно к исследуемым правоотношениям. В этой связи структурными элементами первой группы будут выступать: 1) интересы и потребности как отдельного человека, так и определенных человеческих групп; 2) вещественные и нематериальные блага; 3) наличие субъектов права и правовых средств при помощи которых реализуются человеческие потребности.

В настоящее время индивидуальные или коллективные «охранные» потребности людей находят свое правовое оформление в соответствующих источниках, что придает изучаемому отношению правовой характер. Например, непосредственно термин «охрана» («охранять») 17 раз упоминаются в Конституции РФ [6]

и более 1000 раз в кодифицированных и иных правовых актах России.

Вещественные и нематериальные блага, наряду с людскими потребностями, выступают составными элементами различных отраслей права. Например, в гражданском праве такие блага именуются как «объекты гражданских прав» и находят легальное закрепление в ст. 128 ГК РФ [15]. В контексте совершения действий, направленных на защиту названных благ они фактически становятся объектами охранного правоотношения и определяются в законах как «объекты охраны» [5], «охраняемые объекты» [16] и другие.

Правовое положение субъектов, непосредственно совершающих действия по охране объектов, как и перечень используемых при этом правовых средств, закрепляются в специализированных правовых актах, обладающих юридической силой закона. Например, основными правовыми средствами осуществления частной охраны являются охранные услуги и соответствующий договор [5], государственной охраны – система специальных мер «по охране и обороне охраняемого объекта», реализуемых определенными государственными органами [16].

Вторая группа предпосылок – юридические (специальные) предпосылки – представляет собой совокупность норм права, правосубъектности участников отношений и юридических фактов их возникновения.

Правовые нормы, регулирующие охранные правоотношения содержатся на всех уровнях иерархии различных источников права. Помимо Конституции РФ [6] «охранные» правила поведения закреплены в ГК РФ [15], иных кодексах, а также в специализированных законах [17] и других актах.

Однако в настоящее время в отдельных случаях эти акты не согласованы с Конституцией РФ [6], ГК РФ [15] и между собой. Все это требует создания единой правовой базы, опирающейся на соответствующие правоотношения. В связи с этим актуальным является вопрос о разработке и реализации «Концепции охранного законодательства в Российской Федерации», проект которой был предложен одним из авторов настоящей публикации [19, с. 167–180].

Содержание правосубъектности как предпосылки правоотношений заключается в обладании субъектом правоспособности, характеризующейся совокупностью «охранных» прав и обязанностей. Для многих участников охранного правоотношения правоспособность носит специальный характер, поскольку возникает только в случае получения соответствующего разрешения, например, лицензии на оказание охранных услуг [5].

В изучаемой области правового регулирования юридические факты как предпосылка охранных правоотношений могут классифицироваться как события и действия, обладающие частноправовым и (или) публично-правовым характером. Например, согласно п. 1 ч. 1 ст. 8 ГК РФ основанием возникновения отношения по охране объектов, находящихся в частной собственности, может выступать договор оказания охранных услуг [15], обладающий ярко-выраженным частноправовым аспектом правомерного действия. В свою очередь угрозы «преступных и иных противоправных посягательств» на государственные объекты являются публично-правовым аспектом юридического факта возникновения государственной охраны [16].

Таким образом, рассмотренные предпосылки охранного правоотношения дают все основания для определения его понятия как предмета охранного права.

Теоретики права определяют правоотношения как один из видов общественных отношений, которые упорядочены при помощи правовых норм и по своей сути представляют правовую связь между возможным поведением одного субъекта с противостоящим ему обязательным поведением другого [4, с. 5]. Кроме того, указанная связь «поддерживается принудительной силой государства» [1, с. 81] или находится под его защитой [8, с. 377].

Подводя промежуточные итоги публикации можно сделать вывод о том, что признаками правоотношения являются: 1) признание его разновидностью общественного отношения; 2) урегулированность нормами права; 3) защита со стороны государства; 4) наличие правовой связи между субъектами, которая проявляется через их права и обязанности.

На основе структурных элементов понятия «охрана», а также с учетом сделанного вывода можно сформулировать следующее определение понятия: «охранные отношения – это урегулированные нормами права общественные отношения, проявляющиеся в форме юридической связи между субъектами, складывающиеся по поводу совершения ими фактических действий, направленных на защиту объектов от противоправных посягательств, совершаемые посредством применения соответствующих правовых средств, выражающееся в наличии субъективных прав и обязанностей субъектов и гарантированные возможностью применения к нарушителям мер государственного принуждения».

Таким образом, сформулированное понятие, представляющее собой предмет исследуемой отрасли, позволяет определить «охранное право» как «совокупность правовых норм, регулирующих публично- и частноправовые охранные отношения».

Методы правового регулирования любой отрасли права связаны с сущностью регулируемых правоотношений. Как отмечал В. Ф. Яковлев эффективность правового регулирования зависит не от «противопоставления» публично- и частноправовых аспектов различных отраслей права, а от «сочетания» и использования этих аспектов «в совокупности» [20, с. 6]. Поскольку охраняемые правоотношения обладают публично- и частноправовой природой, то их правовому регулированию присущи и соответствующие методы: 1) метод власти-подчинения (метод субординации); 2) метод равноправия (метод координации).

Принципы охранного права обусловлены публично- и частноправовой природой регулируемых отношений. В широком смысле эти принципы выступают базой для формирования соответствующих правовых норм, являются критерием правового регулирования охранных отношений в том случае, если отсутствуют нормы права, дают возможность уравновесить публично- и частноправовые аспекты регулирования изучаемых отношений.

Свое непосредственное содержание рассматриваемые принципы находят в соответствующих правовых актах, применение которых основано на влиянии публично- или частноправовых аспектов [15, 16]. Например, исполнение договорных охранных обязательств частными охранными организациями должно опираться на частноправовой принцип «приоритет задания заказчика при оказании охранных услуг» и на публично-правовые принципы «лицензирование», «подконтрольность и поднадзорность».

Охранное право как наука. Охранные правоотношения в их различных интерпретациях неоднократно становились объектом научных исследований – докторских и кандидатских диссертаций, выполненных средствами публично- и частноправовых наук. Как правило такие исследования затрагивали либо определенную сферу правового регулирования, либо отдельные виды деятельности, имеющие направленность на защиту объектов от различного рода противоправных посягательств, то есть базирующихся на понятии «охрана». Так докторская диссертация Д. В. Пожарского была посвящена теоретико-методологическим аспектам охранительной функции государства [12], а кандидатская диссертация А. С. Кузнецовой договору охраны объектов, находящихся в частной собственности [7]. Кроме того, науке гражданского права известны и концепции, базирующиеся на структуре охранных правоотношений (см. например, докторскую диссертацию

С. А. Шаронова). Для исследования отдельных аспектов охранного права учреждены и успешно действуют специализированные научные организации, например, Независимый научный фонд «Институт проблем безопасности и устойчивого развития» [10].

Охранное право как учебная дисциплина. Следует констатировать тот факт, что отдельные элементы «Охранного права» рассматриваются как самостоятельные учебные дисциплины, которые в течение нескольких лет успешно прошли апробацию в контексте реализации вариативной части магистерской программы 40.04.01 в Волжском филиале Волгоградского государственного университета. Эти дисциплины основаны на соответствующих учебных планах и рабочих программах, в основу разработки которых положены составные элементы понятия «охрана» и средств правового регулирования возникающих отношений. Например, таковыми дисциплинами являются «Актуальные проблемы охранных деятельности: сравнительно-правовой анализ», «Охрана имущества в России и в европейских странах: сравнительно - правовой анализ» и другие [3]. На базе полученного материала студенты занимаются научно-исследовательской работой в изучаемой сфере, результатом которой являются не только призовые места на различные рода конкурсах [9], но и выступления с докладами на научно-практических конференциях, а также размещение тематических публикаций в научных изданиях [18].

Таким образом, в результате исследования можно сделать следующие выводы:

1. В настоящее время в России сложились устойчивые предпосылки для формирования охранных отношений, обладающих специфическими признаками и требующих адекватного правового регулирования в системе соответствующей правовой отрасли.

2. Охранное право – это новая комплексная отрасль права, призванная регулировать общественные отношения, основанные на фактических действиях субъектов, преследующих своей целью защиту объектов от противоправных посягательств и осуществляемых на основе правовых средств.

3. Охранное право представляет собой не только отрасль права, характеризующую своим предметом, особенностью метода правового регулирования и принципами, но является динамично развивающейся наукой и учебной дисциплиной, востребованной на современном уровне развития российского образования.

Литература

1. Алексеев С. С. Общая теория права. В двух томах. Т. II. М.: Юрид. лит. 1982. 360 с.
2. Васильковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. 580 с.

3. Волжский филиал Волгоградского государственного университета. URL: <https://vgi2.volsu.ru> (дата обращения: 25.11.2019).
4. Вепенко Н.Н. Правовые отношения: Учебное пособие. Волгоград: Изд. ВолГУ, 2004. 64 с.
5. Закон РФ от 11.03.1992 №2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 23.04.1992. №17.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская Газета 1993. 25 декабря. № 237.
7. Кузнецова А. С. Договор охраны объектов частной собственности: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2019. 215 с.
8. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: Учебник. 4-е изд., испр. и доп. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2011. 528 с.
9. Молодой учёный из ВолГУ стал лауреатом всероссийского конкурса «Моя законотворческая инициатива». URL: https://volsu.ru/index.php?ELEMENT_MAIN_ID=31781 (Дата обращения: 25.11.2019).
10. Независимый научный фонд «Институт проблем безопасности и устойчивого развития». URL: <https://www.pb-ur.ru/> (Дата обращения: 23.12.2019).
11. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1989. 924 с.
12. Пожарский Д.В. Охранительная функция государства (теоретико- методологические проблемы): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 418 с.
13. Путин В. В. Послание Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации от 04.12.2014 // Российская газета. 2014. 05 декабря. №278.
14. Тархов В. А. Гражданское право. Общая часть. Курс лекций. Чебоксары: Чув. кн. изд., 1997. 331 с.
15. Федеральный закон от 30.11. 1994 №51-ФЗ «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.12. 1994. № 32. Ст. 3301.
16. Федеральный закон от 27.05.1996 № 57-ФЗ «О государственной охране» // Собрание законодательства Российской Федерации. 27.05.1996. №22. Ст. 2594.
17. Федеральный закон от 01.05.1999 № 94-ФЗ «Об охране озера Байкал» // Собрание законодательства Российской Федерации. 03.05.1999. №18. Ст. 2220.
18. Чехлова Е. А. Функции договора оказания охранных услуг // Гражданин и право. 2019. №3. С.85-88.
19. Шестаков В. И. Негосударственная сфера безопасности, охранная деятельность, частный сыск (становление, современное состояние, перспективы). Т. 1. М.: РадиоСофт, 2017. 460 с.
20. Яковлев В. Ф. Совершенствование экономического законодательства и его правоприменения // Хозяйство и право. 2005. №7. С.4-9.

References

1. Alekseev S. S. Obshchaya teoriya prava. V dvukh tomakh. (*General theory of law. In two volumes*). Vol. II. Moscow: Yuridicheskaya literatura publ., 1982. 360 p. (In Russian).
2. Vas'kovskii E. V. Tsivilisticheskaya metodologiya. Uchenie o tolkovanii i primenении grazhdanskikh zakonov (*Methodology of the Civil law. The doctrine of the interpretation and application of civil laws*). Moscow: Tsentr YurInfoR publ., 2002. 580 p. (In Russian).
3. Volga branch of Volgograd state University. URL: <https://vgi2.volsu.ru> (Accessed: 25.11.2019). (In Russian).
4. Vopenko N. N. Pravovye otnosheniya (*Legal relations*): textbook. Volgograd: VolSU publ., 2004. 64 p. (In Russian).
5. Zakon RF ot 11.03.1992 №2487-1 «O chastnoi detektivnoi i okhrannoй deyatelnosti v Rossiiskoi Federatsii» (*The law of the Russian Federation «The private detective and security activities in the Russian Federation»*) // Vedomosti S'ezda narodnykh deputatov Rossiiskoi Federatsii i Verkhovnogo Soveta Rossiiskoi Federatsii. 23.04.1992. No. 17. (In Russian).
6. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii (*The constitution of the Russian Federation*) (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabr'ya 1993 g.) // Rossiiskaya Gazeta 1993. Desember 25. No. 237. (In Russian).
7. Kuznetsova A. S. Dogovor okhrany ob'ektov chastnoi sobstvennosti (*Contract for the protection of private property*): thesis. Moscow, 2019. 215 p. (In Russian).
8. Matuzov N. I., Mal'ko A. V. Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik (*Theory of state and law*). Moscow: Delo publ., 2011. 528 p. (In Russian).
9. Molodoi uchenyi iz VolGU stal laureatom vseroisskogo konkursa «Moya zakonotvorcheskaya initsiativa» (*A young scientist from the Volga state University won the all-Russian competition «My legislative initiative»*). URL: https://volsu.ru/index.php?ELEMENT_MAIN_ID=31781 (Accessed: 25.11.2019). (In Russian).
10. Independent scientific Foundation «Institute for security and sustainable development». URL: <https://www.pb-ur.ru/> (Accessed: 23.12.2019). (In Russian).
11. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka (*Dictionary of the Russian language*) / Pod red. N.Yu. Shvedovoi. Moscow: Russkii yazik publ., 1989. 924 p. (In Russian).
12. Pozharskii D. V. Okhranitel'naya funktsiya gosudarstva (teoretiko- metodologicheskie problemy) (*The Protective function of the state (theoretical and methodological problems)*): thesis. Moscow, 2014. 418 p. (In Russian).
13. Putin V. V. Poslanie Prezidenta Rossii Federal'nomu Sobraniyu Rossiiskoi Federatsii ot 04.12.2014 (*The Russian President's Message to the Federal Assembly of the Russian Federation 04.12.2014*) // Rossiiskaya gazeta. 2014. Desember 5. No.278. (In Russian).
14. Tarkhov V. A. Grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast' (*Civil law. Common part. Course of lectures*). Cheboksary: Book publishing house, 1997. 331 p. (In Russian).
15. Federal'nyi zakon ot 30.11. 1994 № 51-FZ «Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya) » (*Federal Law «Civil code of the Russian Federation» (part one)*) // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 05.12. 1994. No.32. Art. 3301. (In Russian).
16. Federal'nyi zakon ot 27.05.1996 №57-FZ «O gosudarstvennoy okhrane» (*Federal Law «On state protection»*) // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 27.05.1996. No. 22. Art. 2594. (In Russian).
17. Federal'nyi zakon ot 01.05.1999 № 94-FZ «Ob okhrane ozera Baikal» (*Federal Law «On the protection of lake Baikal»*) // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 03.05.1999. No. 18. Art. 2220. (In Russian).
18. Chekhlova E. A. Funktsii dogovora okazaniya okhrannykh uslug (*Functions of the contract for the provision of security services*) // Grazhdanin i pravo. 2019. No. 3. P.85 – 88. (In Russian).
19. Shestakov V. I. Negosudarstvennaya sfera bezopasnosti, okhrannaya deyatelnost', chastnyi syisk (stanovlenie, sovremennoe sostoyanie, perspektivy) (*Non-State security sphere, security activity, private investigation (formation, current state, prospects)*). Vol.1. Moscow: RadioSoft, 2017. 460 p. (In Russian).
20. Yakovlev V. F. Sovershenstvovanie ekonomicheskogo zakonodatel'stva i ego pravoprimeneniya (*Improvement of economic legislation and its enforcement*) // Khozyaistvo i pravo. 2005. No.7. P.4 – 9. (In Russian).

Информация об авторах

Шаронов Сергей Александрович – доктор юридических наук, профессор кафедры юриспруденции Волжского филиала Волгоградского государственного университета (Волжский) / Sharonov345@mail.ru

Шестаков Валерий Иннокентьевич – кандидат юридических наук, руководитель научного совета независимого научного фонда «Институт проблем безопасности и устойчивого развития» (Москва) / shestakovvi@mail.ru

Information about the authors

Sharonov Sergey – Doctor of Law, Professor, Chair of jurisprudences, Volgograd State University (branch in Volzhsky) / Sharonov345@mail.ru

Shestakov Valery – PhD in Law, Head of the Scientific Council, Independent scientific foundation «Institute of problems of security and stable development» (Moscow) / shestakovvi@mail.ru

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ПЕРЛОКУТИВНОГО ЭФФЕКТА ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЧЕЙ НА ОСНОВЕ ФОРМАЛИЗОВАННОЙ ФОНОСЕМАНТИКИ С ПРИМЕНЕНИЕМ СИСТЕМ ВААЛ И PRAAT

В рамках данного исследования произведен комплексный фоносемантический анализ модальных единиц с применением системы ВААЛ 2000 и приложения Praat версии 6.0.33, функционирующих в высказываниях политических деятелей. Анализ осуществляется как вне рамок контекста, так и в контексте, при этом наиболее перлокутивно нагруженными единицами признаются модальные глаголы *must*, *can* и *may* в силу их фоносемантической составляющей, которая определяется в виде градационной шкалы уровня воздействия и частотности их употребления в рамках речей каждого из политических деятелей.

В результате проведённого анализа делается вывод о том, что в рамках своих публичных речей политические деятели могут намеренно использовать те или иные модальные конструкции с целью повышения влияния на аудиторию. Это необходимо для того, чтобы максимально эффективно донести до реципиентов интенцию, воздействуя на их восприятие субъективного аксиологического компонента информации. Семантика модальных единиц может модифицироваться посредством приращения добавочных, скрытых сем, анализ и обнаружение которых способствуют выявлению уровня воздействия и

намерения продуцента высказывания. Речь политиков изобилует функционально нагруженными модальными операторами, что объясняется уникальными фоносемантическими потенциями. Употребление их в речи таких политических деятелей как В. В. Путин, Б. Обама и Д. Байден не случайно. При помощи собственной ядерных и периферийных семантических компонентов данных операторов, интонации и логического ударения достигается наивысшая степень влияния на реципиента, поддерживается внимание аудитории и повышается информационная нагрузка высказываний. Именно наличие и функционирование модальных операторов в речах именитых политических деятелей, сопряженных с использованием определённой интонации, расстановкой пауз и изменением темпа речи, указывает на использование приёмов нейролингвистического программирования и попытку увеличения с их помощью уровня воздействия на аудиторию.

Ключевые слова: политический дискурс, фоносемантика, формальный анализ, перлокутивный эффект, психо-эмотивное пространство, модальность, имплицитные смыслы.

V. Boldyreva

FORECASTING THE PERLOCUTIVE EFFECT OF POLITICAL SPEECHES BASED ON PHONOSEMANTICS USING THE VAAL SYSTEM

This study offers a view on a comprehensive phonosemantic analysis of modal units, which was performed using the VAAL 2000 system as well as the Praat application (Version 6.0.33), functioning in political speeches. The analysis is carried out from beyond the context and within the context, while the most perlocutionally loaded units are the modal verbs *must*, *can* and *may* due to their phonosemantic component, which is defined as a grade scale for the level of effect and the frequency of their use within the framework of speeches delivered by each of the political figures.

The analysis suggests that, in the framework of their public speeches, political figures can intentionally use certain modal constructions employed in order to increase their influence on the audience. This is required to convey the speaker's intention to the recipients in the most efficient way, having an impact on their perception of the subjective axiological component of the delivered information. The semantics of modal units can be modified by incrementing additional, hidden senses, the anal-

ysis and detection of which helps identify the level of influence and intent of the utterance producer. Politicians' speech usually abounds in functionally loaded modal operators, which is explained by unique phonosemantic tendencies.

Using them in speeches of such political figures like V. Putin, B. Obama and J. Biden is for a reason. The nuclear and peripheral semantic components of these operators, as well as intonation, and logical stress, help achieve the highest degree of the impact worked on the recipient, while the audience's attention is maintained, and the statement acquires more of information load. It is the presence and functioning of modal operators in the speeches of eminent political figures, associated with the use of a certain intonation, pause and change through the pace of speech, that reveals the use of neurolinguistic programming techniques and, respectively, an attempt to increase the level of impact on the audience.

Key words: political discourse, phonosemantics, formal analysis, perlocutive effect, psycho-emotive space, modality, implicit meanings.

На современном этапе развития лингвистических учений формализация является одним из методов, входящих в состав разнообразных лингвистических исследований. Для использования в нашей работе данного метода исследования необходимо чёткое понимание термина «формализация» и рассмотрение сути применения формальных методов с использованием компьютерных программ в процессе фоносемантического анализа модальных операторов в экспликации иллюкутивных целей адекватных прогнозируемому перлюкутивному эффекту в речах политиков.

На настоящий момент наиболее точно состояние проблематики формализации описала В. Н. Волкова, подчеркивая факт отсутствия в современной лингвистической парадигме однозначной дефиниции термина «формализация», ссылаясь, однако, на принципиальную делимитацию «формального» и «формализованного», с намеренным включением в процедуры формального анализа интерпретативных аспектов в точках бифуркации материального и содержательного компонентов [6, с. 6]. Именно такой комплексной процедурой и является фоносемантический анализ, который сочетает в себе формальное (статистическое, архитектурное, валентное) автоматизированное исследование фоном и интонационного рисунка с герменевтико-интерпретационным рассмотрением функциональной семантики [2].

Для определения фонологической и семантической характеристик слова или выражения используется фоносемантический анализ. В каждой лексеме как органичном единстве плана выражения (материальная синтагматическая связь звуков) и плана содержания (конвенциональное содержание понятия) наличествует два пласта смысла. Первый опредмечивает акт символизации (означивания некоей внеязыковой сущности), второй – рефлексивная реакция на звуковой образ, интонационный рисунок и артикуляторно-сочетаемостные потенции. Интенциональная рефлексия всегда направлена на первый пласт (апперцепция), а неосознанная нозматическая рефлексия направлена на материальную сторону языкового знака, которая и формирует подспудный имманентно присущий той или иной лексеме психо-эмотивный фон. Данная первичная реакция на звуковой образ и является основой фоносемантического значения.

В наше время существует несколько автоматизированных способов анализа фоносемантических компонентов значения, одной из наиболее востребованных и дающих эмпирически верифицируемые результаты является БААЛ 2000 [5]. Системный продукт БААЛ 2000 призван выстраивать прогностические модели

неосознаваемых манипулятивных и эмотивных эффектов в рамках восприятия той или иной языковой единицы как внеконтекстно, так и контекстно детерминированно. На основе данных моделей возможно программирование вектора воздействия для высказываний, имеющих усредненную коллективную адресатность, или же выявлять индивидуальные психо-эмотивные характеристики неосознанного вербального поведения продуцента речи на основе расширенного контент-анализа, а также реализовывать множество других функций.

Для проведения фонетического анализа модальных слов, глаголов и конструкций в комплексе с системой БААЛ 2000 мы используем приложение Praat версии 6.0.33, разработанное Полом Боэрсма и Дэвидом Уининк [11]. Данный программный продукт может оказать неоценимую помощь именно в рамках формального анализа звуковых образов на основе интонационного рисунка и формальной сочетаемости акустических компонентов. Практически каждый из паравербальных просодических элементов может быть учтен в алгоритмизированном анализе фразы и на основе его построен и синтезирован инвариант звукокомплекса с наиболее эффективным тональным и интенсификационным рисунком. Символьный анализ частотности и относительной устойчивости инвариантных сочетаемостных характеристик отражается в подпрограммных файлах Encapsulated PostScript. Базовыми тестовыми анализаторами в данной программе выступают тоновый, спектральный и формантный анализы, а также графопостроение интенсивности звукокомплексов, что, безусловно, улучшает качество комплексного анализа материальных компонентов в выявлении и интерпретации стереотипного фоносемантического значения. Рассмотрев функциональные возможности системы фоносемантического анализа БААЛ 2000, мы решили использовать функцию, позволяющую оценивать слова и текст с последующим предоставлением результата анализа в виде градуированных шкал с процентным соотношением каждого из критериев оценивания.

Принимая во внимание возможности формализации модальных маркеров, а также дав краткое описание основополагающих характеристик программных продуктов, необходимых для проведения фоносемантического анализа, логично будет дать краткий анализ наиболее ярких модальных маркеров и модификации их семантики в речах политических деятелей.

В процессе анализа нами были выявлены и как независимые, так и контекстуально-зависимые фоносемантические характеристики модальных операторов в их реальной и потенциальной экспликации иллюкутивных целей,

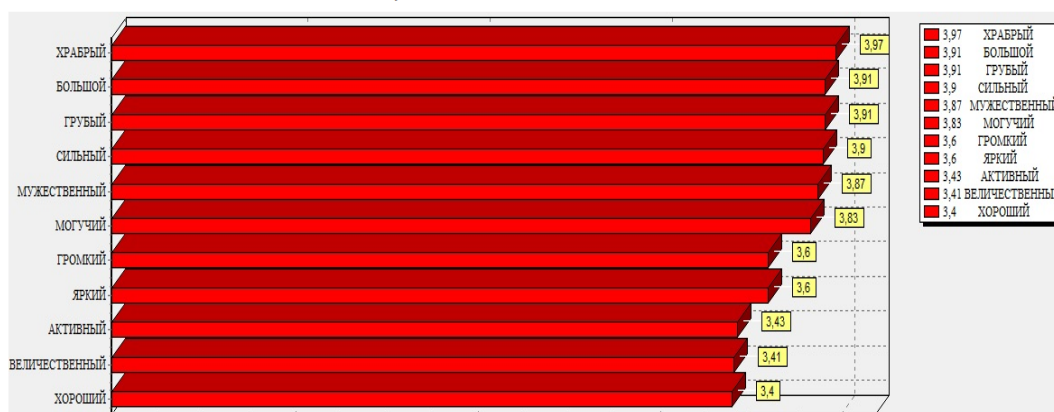
а также проанализирована степень соответствия данных средств прогнозируемому перлюкутивному эффекту по введению новых аксиологических детерминант в картину мира реципиентов [7].

Мы выполним анализ модальных глаголов **must**, **can**, **may**. Выбор данных модальных единиц в качестве примеров был произведён не случайно – каждый из вышеперечисленных глаголов обладает уникальной семантикой и несёт в себе четко выраженную, дифференцированную психо-эмотивную нагрузку, осуществляе-

мую в рамках не только на уровне апперцептивного лексико-семантического ввода, но и чистой перцепции звукового комплекса определенной сочетаемости [8]. Самым семантически насыщенным и сильным по уровню воздействия является модальный глагол **must**, глагол **can** обладает средним уровнем воздействия, а глагол **may** – самый слабый семантически и по уровню воздействия.

Рассмотрим свободные (контекстуально независимые) фоносемантические характеристики модального оператора, выраженного глаголом **must**.

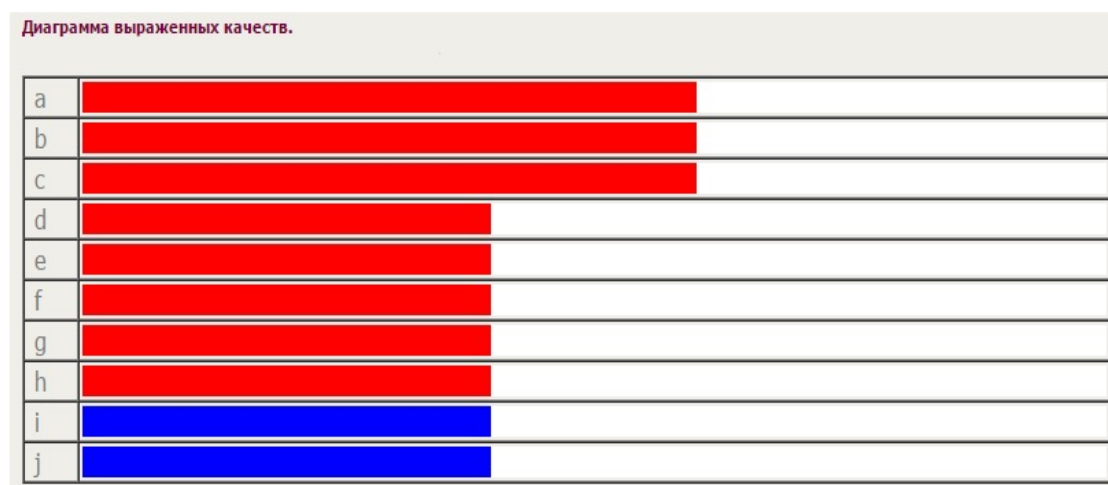
Рисунок 1. Фоносемантический анализ модальной единицы **must**

Как мы видим, модальная единица **must** обладает следующими базовыми фоносемантическими характеристиками: храбрый, большой, грубый, сильный, могучий. Рассмотрим контекстуально детерминированные фоносемантические характеристики лексемы в рамках

его наиболее частотных употреблений. В качестве эмпирического материала мы используем следующее высказывание Барака Обамы: *Now, more than ever, we **must** do these things together, we **must** speak honestly...* [12].

Рисунок 2. Фоносемантический анализ модальной единицы **must** в высказывании Барака Обамы

Приведем краткую расшифровку результатов формального контекстного анализа:

- а) Тёмный, сомнительный, подозрительный, сильный;
- б) Пассивный, безучастный, грубый;

- с) Медленный, неторопливый;
- д) Тусклый, безжизненный, невыразительный, бесцветный, серый;
- е) Печальный, скорбно-озабоченный, огорчённый;

- f) Отталкивающий, некрасивый, непривлекательный;
- g) Длинный, рассеянный;
- h) Грубый, некультурный, неучтивый, дерзкий;

i) Мужественный, стойкий;

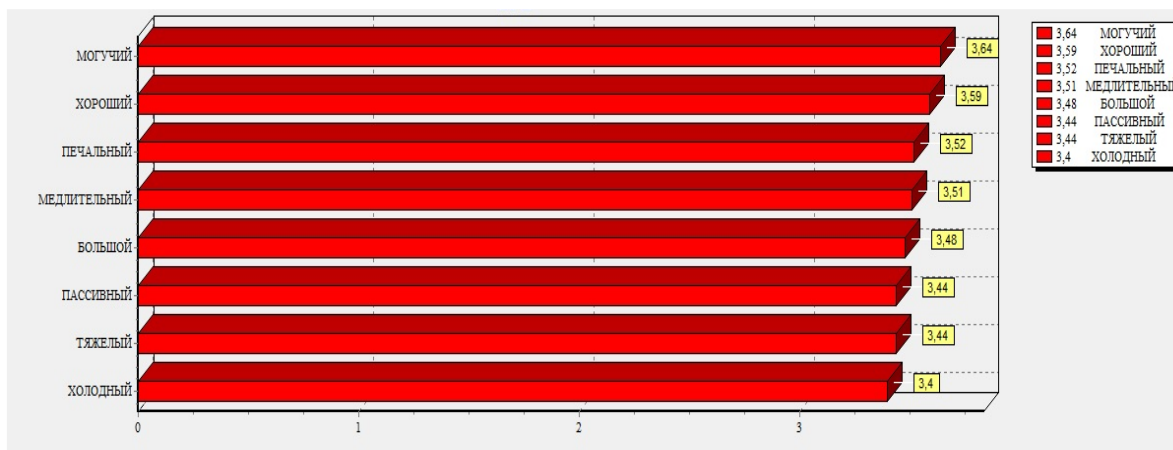
j) Большой, выдающийся, замечательный.

Применив герменевтико-интерпретативный метод можно выявить наиболее частотные совпадения свободных и контекстуально детерминированных сем. Как мы видим, результаты анализа собственно слова и слова в рамках контекста совпадают по двум критериям – **сильный и грубый**. Таким образом, использование модальной единицы **must** в речи публичных деятелей модифицирует глубинное психо-

эмотивное пространство воздействия в аспекте реализации примарной роли агента [3, с. 358] посредством актуализации базовых сем «категоричность», «власть», «долженствование», а также введение периферийной аксиологической семы «острая необходимость совершения действия ввиду личного убеждения». Вышеупомянутые актуализированные в речи политика критерии зачастую присущи неинтенционально оформленным речам, построенным на примате компонентов эмоциональности и противоречивости [9, с. 213].

Следующей по степени реализации манипулятивного эффекта является модальная единица **can**.

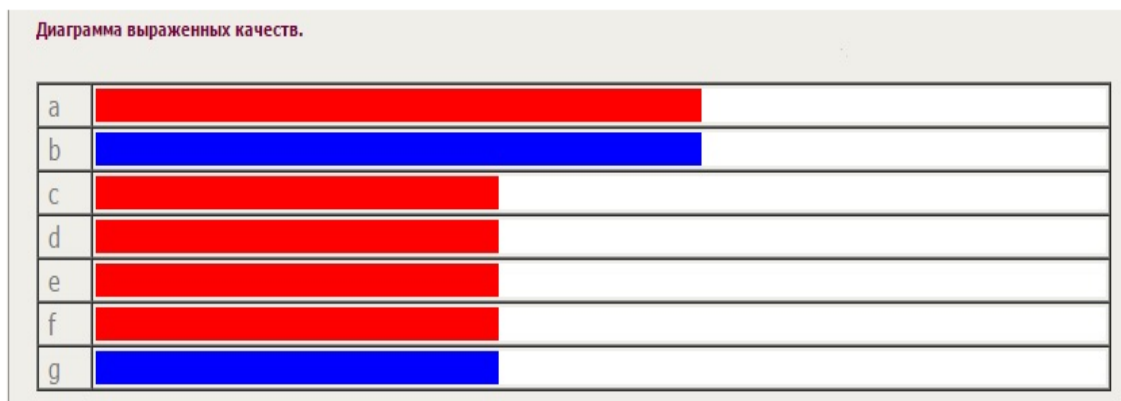
Рисунок 3. Фоносемантический анализ модальной единицы *can*

Как видно из построенной программой ВААЛ 2000 диаграммы, модальная единица **can** обладает следующими базовыми внеконтекстными фоносемантическими характеристиками:

могучий, хороший, печальный. При контекстуально детерминированном анализе наиболее частотных употреблений фоносемантическое значение слова реализует следующие ядерные и периферийные семы:

Рисунок 4. Фоносемантический анализ модальной единицы *can* в высказывании В.В. Путина

Для выявления контекстно-зависимых характеристик нами был избран ближайший кон-

текст, извлеченный из речи российского президента В. В. Путина: ... *the fact that we can no*

longer tolerate the current state of affairs in the world [10].

В эксплицируемых областях психо-эмотивного пространства в наиболее стереотипном контексте проявляются следующие динамические характеристики:

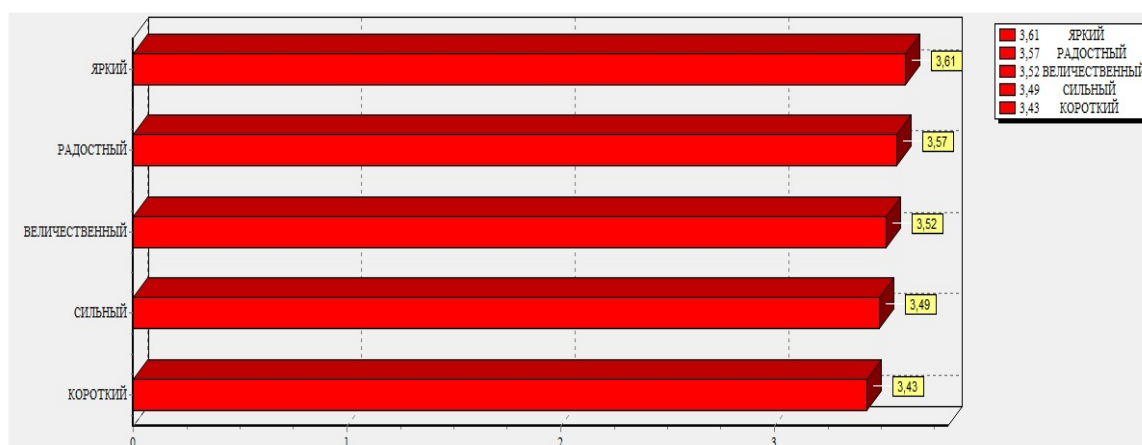
- а) Тусклый, безжизненный, невыразительный, бесцветный, серый;
- б) Могучий, мощный, крепкий;
- с) Печальный, скорбно-озабоченный, огорчённый;
- д) Низменный, подлый, бесчестный;
- е) Медленный, неторопливый;
- ф) Грустный, безрадостный, нерадостный, невесёлый;
- г) Храбрый, отважный, бесстрашный.

Как мы видим, результаты анализа собственно внеконтекстного значения лексемы и слова в рамках контекста совпадают по одному критерию – **могучий**. Таким образом, использование модальной единицы **can** в речи публичных деятелей привносит в генерализованное пространство манипуляции скрытые нозмы

«властная структура», «могущество», которые наблюдаются в структуре этимологического значения лексемы (д.англ.: **cunnon** – мочь в силу знания и владения алгоритмом действия). Кроме того актуализируются и ядерные семы «способность и возможность совершения действия», как контекстуально, так и внеконтекстно воспринимаемая на современном этапе развития языковой системы. С помощью семантико-структурного плана экспликации в фонографической модели представления текстового пространства выстраивается особое манипулятивное высказывание с наиболее близким к коммуникативно-функциональному аспекту содержанием [4, с. 35].

Следующей, наименее маркированной в рамках экспликативного потенциала психо-эмотивного пространства, модальной частицей является **may**. Как можно наблюдать на диаграмме ВААЛ, модальная единица **may** обладает следующими базовыми внеконтекстными фоносемантическими характеристиками: яркий, радостный, величавый, сильный, короткий.

Рисунок 5. Фоносемантический анализ модальной единицы *may*

При контекстуально-зависимом анализе фоносемантики на материале политических речей, высказывания Джо Байдена: *May God continue to bless the United States of America and God bless our troops* [12].

Расшифровка контекстуально детерминированных актуализируемых сем показала следующие результаты:

- а) Холодный, бесстрастный, равнодушный, крайне сдержанный в проявлении чувств, краткий;
- б) Сильный, могущественный, влиятельный, авторитетный, важный, величавый;
- с) Могучий, мощный, крепкий, радостный;
- д) Шероховатый, противопоставляющий;
- е) Грубый, некультурный, неучтивый, дерзкий;
- ф) Храбрый, отважный, бесстрашный;
- г) Подвижный, деятельный, живой;
- з) Мужественный, стойкий;

- и) Короткий, сконцентрированный;
- й) Быстрый, реактивный;
- к) Большой, выдающийся, замечательный.

Как мы видим, результаты анализа собственно внеконтекстных фоносемантических характеристик и актуализированных в составе высказывания совпадают по трём критериям – **радостный, величавый, краткий**.

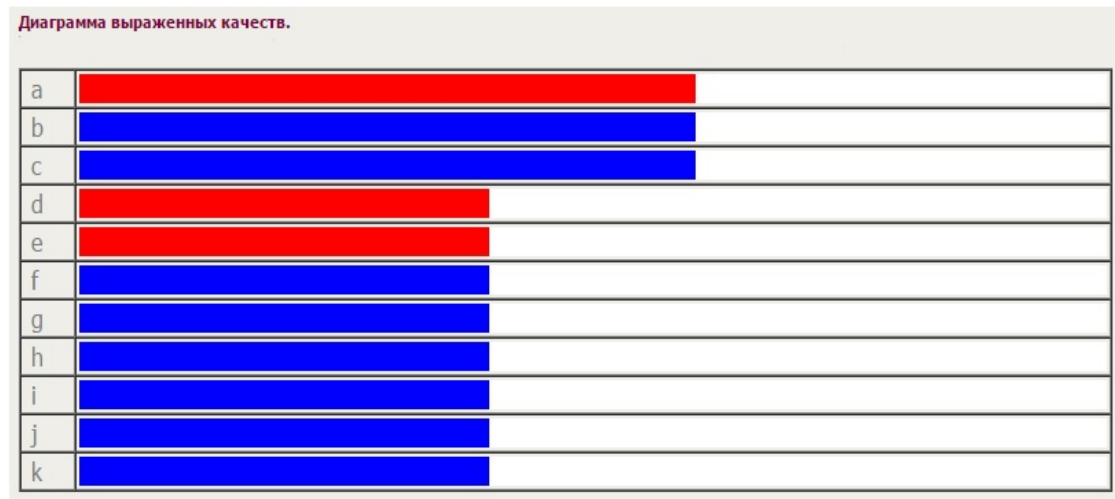
Таким образом, использование модальной единицы **may** в речи политических деятелей актуализирует имплицитные семы соответствия общелингвокультурной концептуально-валерной системе «одобрение», «лояльности». Эти значения также могут быть сведены к этимологическим компонентам «легитимность» (д.англ.: *mōtan* – иметь право) и «большая степень возможности» (д.англ.: *muchet* – большой).

Данные аксиологические семы эксплицируют в рамках контекста мягкий и позитивный эмоциональный настрой, способствующий более

эффективной реализации интенционального авторского психо-эмотивного пространства, в про-

цессе формирования необходимого плана восприятия, создания определенной «схемы действия» в распределении смысла [1, с. 86].

Рисунок 6. Фоносемантический анализ модальной единицы тау в высказывании Джо Байдена

Проанализировав модальные операторы и их формализованные фоносемантические характеристики в экспликации скрытых психо-эмотивных компонентов значения, мы приходим к выводу, что в рамках своих публичных речей политические деятели могут намеренно использовать те или иные модальные конструкции с целью повышения степени влияния на аудиторию. Это необходимо для того, чтобы максимально эффективно донести до реципиентов необходимую для говорящих информацию, таким образом воздействуя на их восприятие субъективной информации и реализуя

прогностические стратегии манипуляции. В совокупности с фонетическими особенностями высказывания, такими как интонация, паузы и расстановка логических ударений на необходимых с точки зрения говорящего элементах высказывания (сильных фонетических позициях), компоненты семантической структуры модальных единиц приобретают добавочные, скрытые в обыденной речи обертоны, анализ и выявление которых помогут в полной степени выявить и оценить уровень воздействия и намерения ораторов.

Литература

1. Бредихин С. Н. Динамические «схемы действия» в порождении многомерного смысла // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2013. № 6 (73). С. 84-88.
2. Бредихин С. Н. Схемопостроение в рамках метаединиц герменевтического процесса понимания и интерпретации // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=13920> (Дата обращения: 13.01.2020).
3. Бредихин С. Н., Бредихина Ю. И. Прото-роли в актуализации компонентов значения в поэтике высказывания (на материале пограничного дискурса социальной работы) // Когнитивные исследования языка. 2018. № 34. С. 357-360.
4. Бредихин С. Н., Пелевина Ю. И. Реализация перлокутивного эффекта в различающихся лингвокультурах (на материале знаков фонографической деривации) // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. Пятигорск: ПГУ, 2019. № 12. С. 28-36.
5. ВААП 2000. URL: <http://www.vaal.ru/> (Дата обращения: 06.01.2020).
6. Волкова В. Н. Искусство формализации. СПб. Изд-во СПбГПУ, 2004. 199 с.
7. Ермолаева Е. В. Языковые и внеязыковые методы и приёмы в стратегиях и тактиках нейролингвистического программирования // Universum: Филология и искусствоведение. 2014. № 11 (13). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/1733> (Дата обращения: 13.01.2020).
8. Малкина-Пых И. Г. Психосоматика. М.: Эксмо, 2008. 563 с.
9. Щербакова О. О. Стилистические приёмы в ораторской речи Барака Обамы на тему Сирийского конфликта: научная статья // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. III. С. 211-213.
10. BBC. URL: <http://www.bbc.com/news> (Дата обращения: 06.01.2020).
11. Boersma P., Weenink D. Praat 6.0.33. Amsterdam: University of Amsterdam, 2017. URL: <https://praat.ru.uptodown.com/windows/download> (Дата обращения: 06.01.2020).
12. The White House. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/11/02/remarks-president-criminal-justice-reform> (Дата обращения: 13.01.2020).

References

1. Bredikhin S. N. Dinamicheskie «skhemy deystvovaniya» v porozhdenii mnogomernogo smysla (*Dynamic "schemes of action" in generating a many-sided sense*) // Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki (*The humanities and social-economic sciences*). 2013. No. 6 (73). P.84-88. (In Russian).
2. Bredikhin S. N. Skhemopostroyeniye v ramkakh metaedinit germenevticheskogo protsessa ponimaniya i interpretatsii (*Scheme derivation within metaunits of hermeneutic processes of understanding and interpretation*) // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya (*Modern problems of science and education*). 2014. № 4. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=13920> (Accessed: 13.01.2020) (In Russian).
3. Bredikhin S. N., Bredikhina Yu. I. Proto-rol'i v aktualizatsii komponentov znacheniya v noematike vyskazyvaniya (na materiale pogranichnogo diskursa sotsial'noy raboty) (*Proto-roles in the meaning components actualization in the utterance noematic structure (based on the borderline social work discourse)*) // Kognitivnye issledovaniya yazyka (*Cognitive studies of language*). 2018. No. 34. P. 357-360. (In Russian).
4. Bredikhin S. N., Pelevina Yu. I. Realizatsiya perlokutivnogo effekta v razlichayushchikhsya lingvokul'turakh (na materiale znakov fono-graficheskoy derivatsii) (*Actualization of perlocution effect in differing linguocultures (on the material of phono-graphic derivation signs)*) // Professional'naya kommunikatsiya: aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki (*Professional communication: actual questions on linguistics and methodics*). Pyatigorsk: PSU publ., 2019. No.12. P.28-36. (In Russian).
5. VAAL 2000. URL: <http://www.vaal.ru/> (Accessed: 06.01.2020) (In Russian).
6. Volkova V. N. Iskusstvo formalizatsii (*The art of formalization*). SPb. Izd-vo SPbSPU publ., 2004. 199 p. (In Russian).
7. Ermolaeva E. V. Yazykovye i vneyazykovye metody i priemy v strategiyakh i taktikakh neyrolingvisticheskogo programmirovaniya (*Linguistic and extralinguistic devices in the strategies and tactics of neuro-linguistic programming*) // Universum: Filologiya i iskusstvovedenie (*Universum: Philology and art criticism*). 2014. No. 11 (13). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/1733> (Accessed: 13.01.2020) (In Russian).
8. Malkina-Pykh I. G. Psikhosomatika (*Psychosemantics*). Moscow: Eksmo, 2008. 563 p. (In Russian).
9. Shcherbakova O. O. Stilisticheskie priemy v oratorskoy rechi Baraka Obamy na temu Siriyskogo konflikta: nauchnaya stat'ya (*Stylistic means in Barack Obama's oratorical speech on Syrian conflict*) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki (*Philological sciences. issues of theory and practice*). 2014. No. 10 (40). Part. III. P.211-213. (In Russian).
10. BBC. URL: <http://www.bbc.com/news> (Accessed: 06.01.2020).
11. Boersma P., Weenink D. Praat 6.0.33. Amsterdam: University of Amsterdam, 2017. URL: <https://praat.ru.uptodown.com/windows/download> (Accessed: 06.01.2020).
12. The White House. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/11/02/remarks-president-criminal-justice-reform> (Accessed: 13.01.2020).

Информация об авторе

Болдырева Валерия Андреевна – ассистент кафедры иностранных языков для гуманитарных и естественнонаучных специальностей гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / valeryboldyreva@yandex.ru

Information about the author

Boldyreva Valeriya – teaching assistant, Chair of foreign languages for Humanitarian and Natural Science Specialities, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / aleryboldyreva@yandex.ru

ЭМФАТИЗАЦИЯ МАРГИНАЛЬНЫХ ОБЕРТОНОВ СМЫСЛА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ

В настоящей статье анализируются базовые приемы эмфатизации маргинальных обертонов смысловой иерархии, образующихся на основе периферийных компонентов социокультурного концептуально-валерного пространства в рамках гротескных форм вербализации. Гротескная актуализация рассматривается как эффективная тактика психо-эмотивной интеллективной реализации абсурдного ценностного и нормативного пространства. Автор обосновывает насущную необходимость герменевтического, социокультурного, исторического и ноэматического анализа в процессе выявления и описания сущностных и феноменологических компонентов ценностно-ориентационного пространства в представлении в предельно рефлексивных текстах тюремной прозы. Данные процессы понимаются как специфические схемы по маркированию controversial переживаний, отличных от традиционных, стереотипных, «правилосообразных» моделей экспликации индивидуальной концептуально-валерной системы. Проанализированы взгляды на способы маркирования креативного и альтернативного в виртуальном-социо-культурном пространстве в гротескных формах экспликации ментальных образов в современной тюремной литературе. Специфика маргинальных пред-

ставлений о переживаниях анализируется в зависимости от особенностей самих нравственно-ценностных ориентиров конкретного субсообщества. Автор отмечает внутреннюю амбивалентность личностных представлений, и их обусловленность комплексностью социально-культурных и индивидуально-субкультурных отношений. В статье подчеркивается важность преувеличения, гиперболизированной экспликации категориальных характеристик описываемого объекта, явления, феномена как неотъемлемого условия адекватной реализации перлокутивного эффекта при гротескной форме описания. В аспекте представления маргинального компонента как периферийной области лингвокультурной концептуально-валерной системы эстетическая стереотипизация гротескных (соматических и сенсуальных) форм маркирования авторских ментальных конструктов приемы гиперболизации, пародии, иносказания активизируют при осознанном восприятии (активном прочтении) формирование особых моделей мышления в целом и трансформируют концептуально-валерную систему целого сообщества.

Ключевые слова: художественный текст, тюремная проза, гротеск, психо-эмотивное пространство, амфиболия, нарушение правил, концептуально-валерная система, маргинальные обертоны.

N. Pelevina, K. Kurishko

EMPHATIZATION OF MARGINAL OVERTONS OF MEANING IN PSYCHOLOGICAL NARRATIVE

The article analyzes the basic techniques of emphatizing marginal overtones of the meaning hierarchy, which develop based on the peripheral components of the socio-cultural concept and value space within the framework of grotesque verbalization forms. The grotesque actualization is viewed as an effective tactic for psycho-emotive intellectual implementation of absurd value and normative space. The author proves the relevance for hermeneutic, socio-cultural, historical and noematic analysis through the process of identifying and describing the essential and phenomenological components of the value and orientation space in the representation of extremely reflexive texts of prison prose.

These processes are taken as specific schemes for marking controversial experiences that are different from the conventional, stereotyped, "rule-shaped" models that explicate the individual concept and value system. There is also an analysis of the views on the ways of marking the creative and the alternative in the virtual socio-cultural space in the grotesque forms of mental images explication in modern prison literature. The specifics of marginal ideas concerning experiences are ana-

lyzed depending on the features of the moral values pertaining to a particular sub-community. The author points at the internal ambivalence of personal representations, as well as their dependence on the complexity of socio-cultural and individual-subcultural relations. The article stresses the importance of exaggeration, hyperbolic explication of the categorical features of the described object, the phenomenon as an inevitable condition for proper implementation of the perlocutionary effect in case of a grotesque type of description.

In terms of representing the marginal component as a peripheral area within the linguistic-cultural concept and value system, aesthetic stereotyping of grotesque (somatic and sensory) forms of marking the author's mental constructs, hyperbolization techniques, parody, and allegory, trigger – within intended perception (active reading) – the development of special models of thinking in general, as well transform the concept and value community system.

Key words: fiction text, prison prose, grotesque, psycho-emotive space, amphibole, rules violation, concept and value system, marginal overtones.

В рамках общих трендов в искусстве к экспликации нереального и непостижимого, маргинального, активизации периферийных и

побочных компонентов в процессе создания креативного и альтернативного в виртуальном-

социо-культурном пространстве активизируется интерес ученых к гротескным формам вербализации ментальных образов. При этом необходимо учитывается тот факт, что актуализируемые компоненты общих ментальных образов зачастую разнятся у негомогенных социальных групп, представители которых, обладая целым сонмом коннотированных периферийных компонентов и характеристик, все же «приходят к общему знаменателю» и вырабатывают некий единый концепт-фрейм. Данный концепт-фрейм обладает имманентно приданной возможностью с ростом числа употреблений изменять общелингвокультурную концептуально-валерную систему. На сегодняшний день одним из наиболее продуктивных приемов описания фантазмагории потока сознания в описании концептуально-валерных систем субсообществ (тюремного, воровского и т.п.), т.е. «концептуальной интеграции ментальных пространств» [6, с. 94], стал гротеск и модификация рефлексивной реальности вопреки формально-логическим способам смыслопорождения, в нем наблюдается «интеллектуальная гибкость, искусная насмешка над традиционной и обыденно-скупной объективной реальностью, противоречие здравому смыслу» [2, с. 130]. Гротескные образы, вне зависимости от риторико-стилистической формы представления, наблюдаются как в художественной литературе, так и в псевдонаучных и философских трактатах с апокалиптическим вектором описания [7].

Целью настоящего исследования является анализ механизмов актуализации и эмфатизации периферийных областей концептуально-валерной системы субсообществ в психологическом повествовании тюремной прозы с целью выявления основных векторов влияния их на общелингвокультурное ценностно-ориентационное пространство.

В процессе анализа когнитивных механизмов актуализации и эмфатизации маргинальных эмотивных обертонов генерализованного смыслов предельно-рефлексивного психологического повествования нами применялся комплексный подход, базирующийся на использовании приемов дискурс-анализа, герменевтико-ноэматиического метода [4], концептуального анализа. В условиях априорной доказанности асимметричного взаимодействия психозмотивных текстообразующих феноменов, эмпирико-ситуативного вертикального контекста, модально-интерпретативных компонентов авторской иллюзии и т.п. наиболее релевантным видится поэтапное распределение смысловой иерархии: 1) дефиниционный, 2) компонентный, 3) контекстуальный, 4) концептуальный, 5) этимологический, 6) диахронический, 7) дискурсивный анализ. Подобное ком-

плексное интегративное исследование способно отразить наиболее полную картину эмотивизации и актуализации периферийных обертонов при частотном употреблении в различных текстах художественной литературы и продемонстрировать условия вхождения их в ядерное пространство ценностей нормативного пласта лингвокультуры.

Актуализация гротескного описания зачастую наблюдается в постмодернистской литературе, использующей в качестве доминантного приема «отчуждение», с приматом проблематики абсурда, алогизма и смещением векторов сюжетного развития к трагикомическому. На приемах гротеска основываются многие жанры в современном литературном пространстве, это связано с именами таких писателей как К. Чапек, К. Воннегут, М. Булгаков, Дж. Джойс, Д. Хармс, Ф. Кафка, Э. Ионеско и многих других [1, с. 12]. Однако существует и реалистичный жанр психологической тюремной прозы, который соответствует принципам подобной организации текстового и художественного пространства. В процессе эволюционного и революционного развития языковых форм выражения ментального образа – от архетипического проницаемого слова, в котором сливается план выражения и план содержания, к опосредованному вербальному символу, ассоциативной отсылке на имплицитируемый ментальный образ – рождается гротескное описание в психологическом реализме. За счет подобного способа вербализации периферийных нозем сенсальное и соматическое трансформируется в онтологическое, постулируется реальное существование неосознанных симулякров, в которых и приходится жить героям произведений тюремной прозы. Подобная реальность социокультурной памяти обладает не меньшей фактологичностью и истинностью, чем объективная реальность. Личностное пространство возводится в статус общелингвокультурной доминанты и не менее ценно, а зачастую и более значимо в конкретном коммуникативном контексте, чем осознанное другими. При подобном рассмотрении оппозиции «свой/чужой», «внутренний/внешний» нивелируются и возникает единое гомогенное пространство нерасчлененного восприятия. Психозэмоциональная ирония в данном случае (на основе метафорического или метонимического переноса) смещается в сферу нерелексивного аморфного отражения первоисточника в «кривом зеркале» измененного сознания.

Многими исследователями гротескность формулировок ассоциируется с трагическим или комическим компонентом с более подробной классификацией и вычленением под-форм бурлеска, или же мистико-террорной вербализации в рамках соматизации и сенсуализации

рефлексивных актов в процессе текстопорождения по формированию определенной прогностической стратегии восприятия в рамках имманентно приданной автором схемы действия [4]. Один из известнейших исследователей данной проблематики С. Е. Юрков подразделяет гротеск на трагический, комический и абсурдистский, в котором неузуальность и отказ от правилосообразного порождения смысла [3, с. 637] возводится в «принцип мирового устройства (постмодернизм)» [8]. Неправилосообразное порождение общего генерализованного смысла высказывания отнюдь не означает невозможности его по-мысливания «истинность и верифицируемость для нас представляют некие условные константы для определения правилосообразной деятельности по порождению и декодированию смыслового конструкта» [3, с. 635], а потому алогичное и неузуальное могут восприниматься уже как норма: «Если весь мир гротеск, то уже отпадает необходимость конструировать его искусственно» [10, с. 128]. Введение периферийных, неузуальных компонентов, актуализирующих соматические и сенсуальные элементы на уровне третьего уровня абстракции, создают особое художественное пространство, эксплицирующее маргинальные смыслы субсообществ и трансформирующие общелингвокультурную концептуально-валерную систему вводя в неё маргинальные компоненты.

Гротескная форма экспликации порождается максимальной раскрепощенностью и внутренней свободой, свойственной модернистской и постмодернистской поэтике на фоне внешней несвободы (контroversные отношения объективной и рефлексивной реальности), эта свобода от норм вербализации все же подчиняется неким универсальным законам концептуализации в процессе введения в активный тезаурус значимых понятий. Разрушение традиционных правил вербализации ментального рефлексивного пространства ведет ко вторичному пере-выражению и рождению амфиболии на основе новых и старых смыслов, — столкновения сферы возможностей и сферы желаний. И если авторская интенция и намеренное опредмечивание смысловых обертонов в амфиболическом выражении очевидна, то рефлексия реципиента не строится на осознанном внимании к форме высказывания, она имеет нозматический (интуитивный) характер и интерпретативные потенции базируются на степени овладения отдельными гранями социокультурной памяти. Аксиологическая же составляющая этих биконвергентных конструкций также достаточно нова и креативна, весь нарратив гротеска тюремной литературы представляется неким эпосом, новым мифотворчеством, а значит и в

своей вербализации избирает те же приемы и тактики, что и древний миф или неомиф [12].

Необходимым условием реализации гротескной формы описания является преувеличение, гиперболизированная экспликация категориальных характеристик описываемого объекта, иногда это факт приводит к ассоциациям с литературными направлениями фантастики и фэнтези [5]. Однако закрытость и виртуальная обособленность не экстраполируемая на реальный мир в фантастическом гротеске достаточно понятна, ведь её не приходится подвергать эмпирической верификации, при этом странность и неузуальность гротеска, отражающего актуальное положение вещей как это имеет место быть в тюремной прозе, имеет в качестве иллокутивных целей совсем другое. В этом случае гротескная эмфатизация призвана не удивлять и развлекать реципиента, хотя эстетическая и гедонистическая функции реализуются и здесь, но, прежде всего, привлечь внимание к острым социально-историческим феноменам (реализация фатической и апеллятивной функций), а также заставить читателя сопереживать и более глубоко исследовать затронутую проблему (интеллективная и эмотивная функции). Именно на этом уровне гротескного описания погруженного в форму реалистического повествования и реализуется одна из важнейших функций тюремной литературы, а именно — экспликация компонентов социокультурной памяти. Именно кризис традиционных способов вербализации, невозможность призвать реципиента к деятельностному участию ведет к появлению гротескных форм, избранию приемов демонстрации маргинальных форм мышления, ритуализации коммуникативного пространства, символичности и обрядовости формул общения, придания особого смысла каждой речевой единице в процессе создания текста как «опредмеченного и вербализованного содержания интенциональной субъективности» [3, с. 640].

Гротескное высказывание порождает невозможное в других формах «качество эстетического мышления» [8]. Аристотелевская эстетика и формальная логика оказываются бессильны в объяснении амбивалентной природы гротескной эмфатизации маргинальных компонентов ценностно-ориентационного пространства субсообществ, базу для формирования амфиболичности и двустороннего единства могут представлять более древние, не языкознаниевые, но речедейственные формы сознания и творчества. Происходит формирование нового типа культуры и кодифицированного выражения, которые уже соответствуют современному «клиповому» мирозерцанию, могут выразить «невыразимое» и описать прерыви-

стость мысли в особых «квантовых скачках» переоценки ценностей в концептуально-валерной системе новых лингвокультурных сообществ, сознание которых формируется в рамках вероятностного детерминизма, монизма или плюрализма, а также на основе постфилософского релятивизма. Этот процесс «нацелен на изменение читательской картины мира и разрушение общепринятой логики» [2, с. 131]. Картина мира изменяется не только в аспекте модификации алгоритмов восприятия и интерпретации текстового пространства, но и в плане переоценки норм и традиционных моделей поведения, принятых всеми членами лингвокультурного сообщества.

Теперь простые гиперболизированные формы гротескной выразительности и образности, которые рождались в ассоциативной связи когнитивных механизмов гротескного мышления с наивным, мифологическим сознанием, сменяются ремифологизирующими структурами интеллективного ассоциирования, порождающими амфиболичность и выдвижение дифференциальных признаков (новум, творимость) на первый план, прогнозирующая таким образом дальнейшее понимание реципиента из чего выводится единственная «внешне актуализированную грань смысла» [3, с. 634–635]. Синхронность и совокупность критериальных признаков, эксплицируемых в гротескном выражении, часто на основе оксюморона и порождают амфиболию языкового выражения в его целостности и связности, «продуцент пытается усмотреть и средства и метасредства в которых опредмечиваются внутренние понятия» [3, с. 634]. Само содержание может быть охарактеризовано как некое деконструктивистское моделирование на основе нестереотипных «симулякров» гиперреальности виртуального рефлексивного пространства, строящегося в хаосе и расиерархизации элементов его составляющих. Как описывает данный факт Ж. Делёз, эксплицитная форма представляет собой лишь внешний, кажущийся эффект, но истинная имплицитная сущность его заключается в постоянном перетекании, распаде традиционного распределенности и расхождении.

Маргинальные компоненты соматизации отдельных элементов концептосферы субсообщества может быть типизирована в рамках полевых отношений с центральным компонентом (абстрактным понятием) и, окружающим его сонмом актуализированных в тематико-релевантных лексемах. При этом необходимо подчеркнуть относительную контекстуальную детерминированность эмфатизации гротескной формы по причине модификации значения заложенной самим автором акцентуации.

Например: ...encrusted jaw was chewing bread for teeth... [11, p. 76].

Именно подобным образом, превращая бытовые реалии (соматизмы) в ближайшую к ядру область, психологизированный тюремный текст реализует базовый текстокогерентный концепт STARVATION вне конкретной связи с прямой номинацией (в исследуемых текстах лексемы, непосредственно номинирующие «голод» встречаются крайне редко, менее 10 раз: hunger drive, malnourishment и т.п.). Гиперболизации и абсурдизация высказывания в данном случае весьма далека от реального положения дел, что можно понять, обладая достаточными фоновыми знаниями о реалиях американской тюрьмы), но в представлении рефлексивной реальности заключенного, данный вид гротескного описания является наиболее адекватным.

Общеэстетические характеристики данного вида актуализации обертонов смысла состоят в сонме сюжетно-психологического и образно-речевого динамического отрицания объективной реальности, посредством чего у читателя формируется «когнитивное понимание авторских ходов и общей сюжетной линии» [3, с. 636]. Разделенность и понятность для представителей одной лингвокультуры в этом случае достигается благодаря возникновению двойственности разносистемных связей, и принципиальному переосмыслению причинно-следственных и хронологических отношений в рефлексивном пространстве, осуществляющейся на разных уровнях текстовой систематики.

О. Петриашвили в своем фундаментальном труде «Гротеск в русской литературе 20 века» выявляет следующие признаки эффективности гротескного описания: 1) необходимость гротескного обличения объективно существующих в обществе порядков; 2) гротескное «развенчание» прошлых, традиционных и стереотипных ситуаций описания; 3) гротескная антиутопия; 4) языковая игра в различных её формах; 5) привлечение внимания реципиента в рамках представления события в необычной форме [9, с.10–11].

В данном отношении также множество пассажей, эксплицирующих несвойственный эмфатизируемый феномен в неузואльном контексте, подобные модификации обычно базируются на приемах конвергенции отдельных периферийных элементов общелингвокультурной сенсуализации. Это так называемые окказиональные, индивидуально-авторские, например: ...was looking at him with joy – encouraging descent from pie-hole to his ass... [11, p. 124].

В данном примере реалии американской тюремной жизни («опущенные», сексуальное насилие) вербализуются в едином высказывании, имеющем восторженно-торжественную тональность. Так первая часть was looking at him with joy дает читателю возможность подключить

к процессу интерпретации широкого горизонтального контекста определенную схему действований, основанную на прогнозировании актуализированных в лексеме *joy* обертонов «праздник», «удовольствие» и т.п., однако, вторая часть высказывания и, прежде всего, номинативная группа *descent from pie-hole to his ass* (с присутствующей в ней обсценной лексикой) нивелирует ожидание. Эффект обманутого ожидания и гротескной синестезии ужаса и удовольствия подкрепляется интенциональной амфиболией в лексеме *descent* – 1) падение (моральное); 2) переход имущества по наследству, что эксплицирует в форме юридического термина акт «дарения» «опущенного» одним заключенным более высокого статуса другому, и одновременно демонстрирует моральное падение всех участников коммуникации в нормативном восприятии. Однако данное действие в измененной концептуально-валерной системе тюремного субсообщества не представляется чем-то противоречащим адекватному ситуации поведением.

Следует подчеркнуть, что при всем внимании и особой значимости в идейных ядерных нозмах комплекса «индивидуальность» наличие адекватной интерпретации того или иного действия и его вербального оформления невозможно без разделения некоторой группой периферийных маргинальных компонентов ценностно-ориентационного пространства. Любое выражение не может быть сколько-либо адекватно понято вне контекста его осмысления и учета факторов о-сознания и о-предмечивания. Как же возможно восприятие, причем практически всегда интуитивное (по А. Бергсону), неких онтологических и коммуникативных фактов вне наличия реципиента внутри данного сообщества? Логичным будет предположение о всеобъемлющей роли социокультурной памяти, не формирующейся в рамках логики «чистой субъективности», но транслирующей свое влияние, даже концептуализированных периферийных элементов, на всю лингвокультуру.

Достаточно действенным в аспекте создания определенного типа восприятия психологизированного маргинального повествования представляются описанные приемы элиминации архетипических оппозиций «свое/чужое», «духовное/телесное», стирание границ между абстрактностью и конкретностью. Подобные

типы вербализации были весьма характерны для ритуализированного недискретного мышления в период становления человека как *homo sapiens* и *homo loquens*. Именно ремифологизация в процессе использования гротеска в нивелировании стереотипных, традиционных компонентов концептуально-валерной системы выстраивает маргинальные смыслы, маркируемые соматизмами и сенсуализмами в амфиболическом представлении, меняют аксиологическое пространство культуры.

При намеренной экспликации маргинальных периферийных компонентов специфического концептуально-валерного пространства происходит комплексная трансформация ядерных и актуализация индивидуально-авторских обертонов смысловой иерархии наряду с эстетической стереотипизацией гротескных (соматических и сенсуальных) форм маркирования окказиональных ментальных конструкторов. В данном процессе решающую роль играют приемы гиперболизации, пародии, иносказания, которые при активном прочтении (рефлексивном акте распрямления смысла) активизируют специфическое аперцептивное восприятие не только локутивных, но и иллюкутивных актов.

Таким образом, в психологических текстах тюремной прозы, представляющих одно из направлений реализма, но никак не постмодернизма происходит эстетическая типизация гротескного представления маргинальных компонентов ментального пространства в гиперболизированной, пародийной, иносказательной прогностике, активизируется процесс формирования новой лингвокреативной модели мышления в целом. Данные процессы оказывают широкое влияние на изменение концептуально-валерной системы целого лингвокультурного сообщества, привнося дополнительные, часто противоположные нормированному восприятию прототипической оппозиции «плохое/хорошее», смыслы. Обсуждение и оценка в терминах правильности/неправильности того или иного действия в данном случае нивелируется и на передний план выходит личностная оценка события, в адресатном фокусе оказывается сама вербальная форма представления приобретающая статус абсолютной психо-эмоциональной ценности.

Литература

1. Базилевский А. Б. Творчество Станислава Игнация Виткевича и польская литература гротеска: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.05. М., 2000. 387 с.
2. Бредихин С. Н. Игровой абсурд: трансляционная специфика сохранения перлокутивного эффекта // Вторые Щеулинские чтения: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Василия Васильевича Щеулина (Липецк, 30 марта 2018 г.). Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. С.130-134.
3. Бредихин С. Н. Общие принципы текстопостроения как объекта распрямления смысла // Когнитивные исследования языка. 2015. №20. С.634-640.

4. Бредихин С. Н. Схемопостроение в рамках метаединиц герменевтического процесса понимания и интерпретации // Современные проблемы науки и образования. 2014. №4. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=13920> (Дата обращения: 18.12.2019)
5. Бредихин С. Н., Леонов А. А. Трансформации структуры концепта в процессе локализации компьютерных игр с элементами жанра фэнтези // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. №1. С.70-76.
6. Бредихин С. Н., Махова И. Н. Комплексная когнитивно-перцептивная модель в анализе юмористических оборотов смысловой иерархии // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. №3 (31). С.94-103.
7. Добряшкіна А. В. Гротеск в творчестве Г. Грасса: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 160 с.
8. Невярович Н. Гротеск и ритуальный смех в рецепции современной прозы. URL: <http://www.philosophy.ua/lib/31nevarovich-doxa-13-2008.pdf> (Дата обращения: 18.12.2019)
9. Петриашвили О. М. Гротеск в русской литературе 20 в.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тбилиси, 2005. 30 с.
10. Юрков С. Е. Гротеск как выражение хаоса в культуре // Международные чтения по теории, истории и философии. Вып. 3: «Размышления о хаосе». СПб.: ЭЙДОС, 1997. 268 с.
11. Burns R. E. I Am a Fugitive from a Georgia Chain Gang! Athens: University of Georgia Press, 1997. 253 p.
12. Duff A. R., Garland D. A. Reader on Punishment. Oxford: Oxford University Press, 1994. 360 p.

References

1. Bazilevskiy A. B. Tvorchestvo Stanislava Ignatsiya Vitkevicha i pol'skaya literatura groteska: dis. ... d-ra filol. nauk (*Works of Stanislav Ignatsiy Vitkevich and Polish literature of Grotesque: Dr. habil. thesis*). Moscow, 2000. 387 p. (In Russian).
2. Bredikhin S. N. Igrovoy absurd: translyatsionnaya spetsifika sokhraneniya perlokutivnogo effekta (*Ludic absurd: translation specific of perlocutive effect retention*) // Vtorye Shcheulinskie chteniya: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Lipetsk, 30 marta 2018 g.) (*The second Shcheulin readings: proceedings of the National scientific conference*). Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tian-Shanskii, 2018. P.130-134. (In Russian).
3. Bredikhin S. N. Obshchie printsipy tekstopostroyeniya kak ob"ekta raspredmechvaniya smysla (*General principles of text derivation as sense desobjectivation object*) // Kognitivnye issledovaniya yazyka (*Cognitive studies of language*). 2015. No. 20. P.634-640. (In Russian).
4. Bredikhin S. N. Skhemopostroyeniye v ramkakh metaedinit germenevticheskogo protsesssa ponimaniya i interpretatsii (*Scheme derivation within metaunits of hermeneutic processes of understanding and interpretation*) // Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya (*Modern problems of science and education*). 2014. No. 4. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=13920> (Accessed: 18.12.2019) (In Russian).
5. Bredikhin S. N., Leonov A. A. Transformatsii struktury kontsepta v protsesse lokalizatsii komp'yuternykh igr s elementami zhanra fentezi (*Concept structure transformations in localization of computer games with fantasy genre elements*) // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki (*Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*). 2019. No. 1. P.70-76. (In Russian).
6. Bredikhin S. N., Makhova I. N. Kompleksnaya kognitivno-pertseptivnaya model' v analize yumoristicheskikh obertonov smyslovoy ierarkhii (*Complex cognitive-perceptive model in analysis of humorous intonation within hierarchy of meaning*) // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki (*Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*). 2018. No. 3 (31). P.94-103. (In Russian).
7. Dobryashkina A. V. Grotesk v tvorchestve G. Grassa (*Grotesque in G. Grass' works: PhD. thesis*): dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 2005. 160 p. (In Russian).
8. Nevarovich N. Grotesk i ritual'nyy smekh v retseptsii sovremennoy prozy (*Grotesque and ritual laughter in modern prose reception*). URL: <http://www.philosophy.ua/lib/31nevarovich-doxa-13-2008.pdf> (Accessed: 18.12.2019) (In Russian).
9. Petriashvili O. M. Grotesk v russkoy literature 20 v.: avtoref. dis. ... d-ra filol nauk (*Grotesque in Russian literature of 20th century: authorized summary of Dr. habil. thesis*). Tbilisi, 2005. 30 p. (In Russian).
10. Yurkov S. E. Grotesk kak vyrazhenie khaosa v kulture (*Grotesque as the chaos explication in culture*) // Mezhdunarodnye chteniya po teorii, istorii i filosofii (*International conference on theory, history and philosophy*). Issue 3: «Razmyshleniya o khaose». St. Petersburg: EYDOS, 1997. 268 p. (In Russian).
11. Burns R. E. I Am a Fugitive from a Georgia Chain Gang! Athens: University of Georgia Press, 1997. 253 p.
12. Duff A. R., Garland D. A. Reader on Punishment. Oxford: Oxford University Press, 1994. 360 p.

Информация об авторах

Пелевина Наталия Александровна – преподаватель кафедры иностранных языков и методики их преподавания Армавирского государственного педагогического университета (Армавир) / npelevina14@gmail.com

Куришко Кристина Викторовна – магистрант кафедры романо-германской филологии и лингводидактики гуманитарного институт Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / miss.kurishko@mail.ru

Information about the authors

Pelevina Natalia – teaching assistant, Chair of Foreign Languages and Teaching Methodology, Armavir State Pedagogic University (Armavir) / npelevina14@gmail.com

Kurishko Kristina – MA student, Chair of Romance and Germanic philology and linguodidactics, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / miss.kurishko@mail.ru

ЭКСПЛИКАТОРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ВКЛЮЧЕНИЙ ПРИ ТРАНСЛЯЦИИ КУЛЬТУРНО-ОБУСЛОВЛЕННЫХ КОМПОНЕНТОВ СОДЕРЖАНИЯ

Настоящее исследование посвящено выявлению и описанию способов экспликации лингвокультурных обертонов генерализованного смысла в процессе трансляции бытовых реалий. Различные приемы обеспечения адекватности восприятия инокультурного компонента приводят к воссозданию объективного и художественного мира исходного произведения и этноса. Интертекстуальные включения и аллюзии в рамках стилизованного повествования расширяют художественное пространство оригинального текста, что вызывает определенные трудности при переносе псевдосказочного повествования в иную лингвокультуру. В статье анализируются сильные позиции текста современной турецкой сказки, содержащие бытовые реалии, позволяющие идентифицировать этноспецифику Востока. Повторяющиеся традиционные архаичные реалии в совокупности с современной глобализованной действительностью

в описании создают современный прецедентный псевдодискурс, репрезентирующий концептуально-валерную систему новой тюркоязычной лингвокультуры. Воссоздание данной амфиболичности в процессе перевода на русский язык сопряжено со сложностями трансляции аллюзивных компонентов, которые, преломляясь в индивидуально-авторском мировидении переводчика-интерпретатора, способны привести к аддикции дополнительных компонентов. При этом перенос в принимающую лингвокультуру экзотического компонента призван не просто с достаточной степенью эквивалентности номинировать референты и денотаты, но и маркировать прецедентность культурного художественного пространства.

Ключевые слова: интертекстуальность, псевдодискурс, экзотизмы, турецкие бытовые реалии, лингвокультурная специфика.

S. Sidorenko

EXPLICATION POTENTIAL OF INTERTEXTUAL ELEMENTS IN CONVEYING CULTURE-SPECIFIC COMPONENTS OF CONTENT

The article studies the identification and description of the ways the linguocultural overtones of generalized meaning are expressed in the process of conveying everyday realities. Various methods of ensuring the adequacy of the perception of the foreign cultural component lead to the reconstruction of the objective and artistic world of the original work and ethnos. Within the framework of a stylized narrative the intertextual elements and allusions expand the artistic space of the original text, which causes certain difficulties in transferring a pseudo-fairytale narrative to a different linguistic culture. The article analyzes the strong positions of the text of a modern Turkish fairy tale, containing everyday realities that allow us to identify the ethnic specifics of the East. The repeated traditional archaic realities in line with

modern globalized reality in the description create modern precedent pseudo-discourse representing the conceptual-valency system of the new Turkic-speaking linguistic culture. The reconstruction of this ambiguity in the process of translation into Russian is challenged by translation of allusive components, which, being interpreted through the translator's individual worldview, can lead to the introduction of additional components. At the same time, the transfer of the exotic component to the target language culture is intended not only to nominate referents and denotations with a sufficient degree of equivalence, but also to mark the precedent of cultural art space.

Key words: intertextuality, pseudo-discourse, exoticism, Turkish everyday realities, linguistic and cultural peculiarities.

Ключевым принципом экспликации социально-культурных компонентов в прецедентное текстовое пространство является феномен непрерывного взаимодействия вербального и культурного кодов в особых текстовых знаках – интертекстуальных включениях. Подобные фрагменты не просто формируют план когерентности в тексте, но и создают социо-культурную семиосферу, детерминируют саму структуру текстового и культурного континуума, некий семантический универсум, который можно связать с конкретным этносом, в котором он и был порожден. Данное пространство в силу своей культурной специфичности и перманентной выработки новых компонентов и установле-

ния связей между ними информации представляется комплексным коммуникативным феноменом весьма сложным для трансляции в иное социо-культурное пространство.

Одним из наименее исследованных в аспекте экспликации коннотативных компонентов смысловой иерархии пластов лексики являются реалии, как специфические концептуализированные понятия, обладающие доминантным культурно-обусловленным содержанием. Реалии – являются носителями историко-культурной языковой составляющей, особенные понятия и определения, узусное использование которых присуще исключительно одной конкретной лингвокультурной общности [8].

Весьма расхожим представляется мнение о неязыковом и нестереотипном употреблении реалий вне исходной языковой системы, и предельной специфичности и маркированности в случае представления в пространстве иного языкового и культурного сообщества. Однако в современных условиях глобализации такие номинативные феномены как пословицы, идиоматические выражения, поговорки, фразеологизмы, словосочетания и слова, обозначающие отдельные национальные явления, черты, предметы, которые изначально были не свойственны другим этническим группам, входят в пространство непривычного горизонтального и вертикального контекста. Данный процесс осуществляется в рамках осуществления межкультурной коммуникации и процесса трансляции прецедентных текстов культуры.

В рамках науки о переводе данные культурно-обусловленные единицы зачастую относят к безэквивалентной лексике, которая призвана вербализовывать феномены объективной и рефлексивной реальности отсутствующие в целевой, принимающей лингвокультуре. Предельно осложнена трансляция ядерных компонентов при переводе данных понятий, ведь при создании генерализованного содержания в средствах переводящего языка может быть нивелирован инокультурный хронотоп, погружающий реципиента незнакомой лексемы в собственное социально-культурное пространство, формируемое в процессе создания целевого текста на основе преломления специфических признаков иной культуры в концептуально-валерной системе продуцента как представителя принимающего языка [3, с. 215] и транслируемое для восприятия потенциальным реципиентом. Подобные лексемы «именно в связи со своей необычной формой они несут в себе и имманентно заложенные оттенки смысла, репрезентируемые в составе либо формой, либо аллюзивными коннотациями» [4, с. 1138]. Определяющим фактором для отнесения каких-либо явлений к специфическим реалиям является национальный колорит их референтов, который зачастую настолько очевиден, что их никак не получается отнести к особенностям национальной культуры каких-либо иных стран, кроме страны, породившей эти реалии.

Во многих переводоведческих исследованиях, говоря о реалиях, часто используют термин «экзотизмы», который означает лексему, призванную эксплицировать именно национальный колорит, таким образом данные единицы входят в сферу анализа нескольких дисциплин: лингвострановедения, переводоведения, культурологии и т.д. Стоит отметить, что в реалиях четко определяется архетипическая взаимосвязь социокультурного пространства и

языковой системы. Язык незамедлительно реагирует на возникновение новых феноменов объективной и рефлексивной реальности появлением реалий в коммуникативном пространстве. Подобная темпоральная нерасчлененность дает возможность достаточно точного установления времени появления той или иной реалии в исходной лингвокультуре. В случае использования экзотизмов-тюркизмов при трансляции прецедентного текста культуры, необходимым условием является передача характерного имманентного содержания обозначающего взаимосвязь реалий, явлений и понятий. При этом стоит отметить, что важно учитывать связь с историческим отрезком времени появления и употребления единицы, т.е. осуществление процесса первичной «адаптации основного доминантного значения структуры внутренней формы» [4, с. 1138].

Различные культурно-обусловленные компоненты генерализованного смысла находят наиболее «выпуклую» реализацию при переводе художественной литературы. Любому произведению художественного слова присуща особая образность, обусловленная национальной и исторической окраской, индивидуальным стилем писателя, жанром самого произведения и т.п. Многоплановая и сложная структура художественного текста естественным образом имплицитно включает наиболее широкий круг смысловых вариаций (когнитивных, эмотивных, аффективных, гедонистических и т.п.) [1], что, однако, вызывает и целый ряд трудностей при ретрансляции их в иную культурно-языковую действительность. Для адекватной передачи авторского замысла на другой язык переводчику требуется предварительно провести смысловую и стилистический анализ не только оригинального текста, но и текстогенного социокультурного континуума, т.е. избрать адекватные методы «вписывания» инокультурного смысла в рефлексивную реальность принимающей лингвокультуры, следуя не столько принципам обеспечения эквивалентного соответствия, сколько воссозданию ситуации адекватной рецепции.

Особую значимость фактор адекватности (понятие и термин введены В.Н. Комиссаровым) [6, с.306] приобретает при переводе прецедентных текстов культуры, например, сказок, поскольку они рассчитаны в большей степени на детскую (или двуадресную, т.е. детскую и взрослую одновременно) аудиторию и требуют максимальной ясности восприятия как в плане содержания, так и в плане выражения.

Материалом эмпирического анализа мы избрали трансляцию на русский язык бытовых реалий, полученных методом сплошной выборки из сказочной повести современного турецкого писателя Ахмета Умита (род. 1960) «Masal Masal İçinde» (1995), которая пользуется

большой популярностью как в самой Турции, так и за ее пределами [5]. Книга выдержала более десяти изданий, входит в школьную программу по турецкой литературе, переведена на несколько иностранных языков: корейский, английский и русский [11].

Рассмотрим художественный хронотоп, репрезентирующий в рамках архаичной наивной картины мира современные компоненты концептуально-валерной системы тюркоязычной лингвокультуры. В центре повести – история доброго, но хвастливого Padişah (Падишаха), который вместе со своим Vizir (Визирем) отправляется в длинное путешествие по разным странам, в ходе которого встречается с людьми разных профессий Şarkacı (Шапочником), Muedezin (Муэдзином), Demirci (Кузнецом), Kuyumcu (Ювелиром) и Kõr Karavansı (Слепым караванщиком), чтобы выслушать их удивительные истории. Повидав свет, Падишах познает истинное предназначение человека – проявлять милосердие к окружающим, уметь прощать, бескорыстно совершать добрые поступки во имя других. Став мудрее, Падишах приносит благоденствие и в свою страну. К характерным чертам «Masal Masal İçinde» можно отнести занимательный сюжет – тесное переплетение фантастического и реального планов экспликации, формирующее специфическую онтологию восприятия: ярко выписанные реалии городской жизни, которые в рамках стилизованного представления приобретают черты средневекового сказочного Востока; динамические описания фэнтезийных мест в пространстве современного мира; интегральную природу характеров героев и ситуаций, в которых они оказываются, обусловленную амфиболичностью общечеловеческих и этноспецифических ценностей; по-сказочному определенную и четко прописанную мораль.

Речевое строение рассматриваемой повести «Шкатулка сказок» созвучно интонации современной турецкой устной речи, стиль повествования можно назвать разговорно-нейтральным, относительно легким для перевода. Но на фоне внешней простоты трансляции практически непреодолимым барьером выступает достижение адекватной экспликации культурных и индивидуально-авторских компонентов генерализованного содержания, актуализируемых в экзотизмах, встречающихся в сильных позициях текста: заглавии, сказочных реалиях, маркирующих смену места действия и клишированных формулах.

Заглавие художественного произведения обладает уникальными особенностями: представляя собой некий «авторский кол» и своеобразный ориентир для читателя, оно нацелено на читательскую компетенцию и творческий

подход к прочтению книги, оно формирует определенную схему действия по распределению компонентов смысла генерализованного содержания произведения [3]. Автор и читатель могут общаться напрямую посредством заглавия в том случае, если они оба являются представителями одной культурной среды. Однако при пересечении языковых границ, т.е. при переводе произведения на другой язык, возникают сложности с передачей, заложенной в заглавии лингвокультурной семантики, поскольку зачастую утрачивается связанный с заглавием ассоциативный ряд, ведь «процесс внешней адаптации вербализованной структуры может происходить вне зависимости от адаптации внутренней формы слова» [4, с. 1138]. В этом случае переводчик должен опереться на литературоведческий анализ текста, с одной стороны, и существующую традицию литературного перевода – с другой.

Сказочная повесть А. Умита в оригинале имеет название «Masal Masal İçinde» (т.е. «сказка в сказке»). Повесть состоит из пяти отдельных рассказов, объединенных только общей рамкой (доминантной тематикой, эксплицирующей глобальные общечеловеческие компоненты культурного кода) – историей о путешествии Падишаха и Визиря. Анализ показывает, что заглавие повести имеет не только внутреннюю связь с самим текстом, но также типологически соотносится с историями харуновского цикла «Bin ve bir gece» (Тысячи и одной ночи), т.е. со сказками, посвященными халифу Harun Al-Rashid (Гаруну ар-Рашиду) [9; 10]. Параллели между сборником арабских сказок и турецкой повестью проявляются не столько в сюжете и отдельных мотивах, сколько на уровне макроструктуры текстового пространства (композиции) [7, с. 130]. Характерной чертой «Тысячи и одной ночи», как и многих других памятников средневековой повествовательной литературы арабов и персов, является рамочная структура схожая с построением агиографического (житийного) описания, при которой доминирующий сюжет (расположенный, как правило, в центре событий) включает целый ряд второстепенных, образуя единое цельнооформленное пространство – в итоге формируется т.н. «обрамленная повесть» [5, с. 150]. Апеллируя к данной повествовательной традиции, А. Умит сознательно выносит в заглавие своего произведения принцип его композиционного построения – «сказка в сказке». Такой заголовок вызывает у носителя турецкой культуры устойчивую ассоциацию с образцами арабо-персидской сказочной традиции, которая, «пустив корни» в турецкой словесности, воспринимается турками в том числе и как часть собственной художественной культуры. Тем не менее, автор сказочной повести

как будто бы желает запутать читателя, «увести» его от прямых ассоциаций с ближневосточными сказками, включая в пространство текста топонимы современной Турции. С этой целью он предваряет повесть вступлением, где упоминает, что в основу книги легли сказки, услышанные автором лично в Gaziantep (Газиантепе), городе на востоке Турции.

Связь заглавия повести «Masal Masal İçinde» с понятным для представителей турецкой культуры традиционно восточным типом композиционного построения утрачивается при переводе на русский язык. Возникает необходимость в подборе адекватного для русского читателя варианта. Одним из возможных стало заглавие «Сказка за сказкой», наиболее точно передающее структурные особенности обрамленной повести. Однако в русской культурной среде данное название в течение долгого времени было закреплено за детской телевизионной передачей: демонстрируемые в рамках программы сказки-спектакли вылетали из волшебного ларца, который ведущий программы – Петрушка – открывал в начале и закрывал в конце передачи «значение инварианта в новом, нехарактерном для него контексте полностью трансформируется, это способствует приращению эстетического смысла» [3, с. 211]. Представление о ларце сказок из упомянутой телепередачи в русском культурном поле вызывает устойчивые ассоциации со шкатулкой, ящички которой помещены один в другой, что находит подкрепление и в рассматриваемом турецком тексте: сюжет последней истории выстраивается вокруг сказочного атрибута – *sihirli kutu* (волшебной шкатулки), чудесный порошок из которой коренным образом меняет судьбу одного из героев. Таким образом, при переводе заглавия повести А. Умита на русский язык подлинная адекватность достигается путем отступления от подлинника и нивелирования значимого для представителей тюркоязычной лингвокультуры образа «круга перерождения» и реопредмечивания его в концептуализированном для русскоязычного читателя понятии «матрешки» (шкатулки в шкатулке) как некоего «гиперкуба».

Дальнейшие трудности связаны с переводом на русский язык реалий, встречающихся в сильных позициях произведения «Шкатулка сказок». С одной стороны, сказка является универсальным жанром фольклора и литературы и, по меткому замечанию турецкого писателя Н. Хикмета. «...принадлежит всем народам, всем возрастам, людям любого культурного уровня...» [12, с. 23]. С другой стороны, именно в сказке наиболее полно отражается национальная специфика. Трансляция национально-культурной информации требует повышенного

внимания к художественным особенностям рассматриваемого произведения. В случае с повестью А. Умита на первый план выходит тот факт, что она создана в русле средневековой сказочной традиции арабов – на прямую связь с «Тысячей и одной ночью» указывает главная рамочная история – в обоих произведениях речь идет о переодетом халифе, который тайно прогуливается по городу, сопровождаемый *Safar* (Джафаром), своим верным визирем. Во время «путешествия» смысл того или иного «волшебного» происшествия, присутствующий имплицитно в самом описании, но не эксплицируемый вербально, проявляется самим диегетическим повествователем. Некоторые «сказы» включают в себя архетипические «восточные» мотивы: мотив влюбленности с первого взгляда из «Рассказа Шапочника»; мотив о поиске клада и сокровищницах, расположенных под землей или в волшебной горе/пещере из «Рассказа Слепого»; мотив путешествия героя на волшебной птице из «Рассказа Муэдзина». Реалистичность при воссоздании атмосферы средневекового города достигается при помощи описания восточных базаров; крытого рынка *bedestan* (бедестана) как ключевого агоронима в странах Ближнего Востока; упоминания ориентального типа городской застройки, при которой крыши домов находятся на уровне дороги и других урбанонимов и квазитопонимов.

Исходя из отечественного опыта художественного перевода восточных сказок на русский язык в повести А. Умита без эквивалентов были оставлены такие реалии ближневосточной образной поэтики, как *cin* (джинн), *muedzin* (муэдзин), *kervasaray* (караван-сарай), *şaytan* (шайтан), *radîşah* (падишах) и др. Подобные экзотизмы являются непереводаемыми, поскольку маркируют произведение как часть корпуса текстов ближневосточной обрамленной повести, обладая максимальным экспликативным потенциалом. В соответствии с переводческой традицией все упомянутые реалии снабжены развернутыми комментариями-примечаниями, пущенными в постраничные сноски по ходу повествования. Единственная реалья, в отношении которой было сделано исключение – это концептуальное для стран Востока понятие *vizir* (визирь).

В рамках достижения адекватного оригиналу перлокутивного эффекта в целевом тексте необходимо по-новому теоретически осмыслить отдельные вопросы эквивалентности и адекватности передачи элементов турецкой жизни и бытовых реалий восточной сказочной поэтики на русский язык. Достижение адекватного перлокутивного эффекта «зидется на функциональных особенностях текста как целого: образности, ассоциативности текстовых

реминисценций, неоднозначности интерпретации» [3, с. 213]. При передаче на русский язык используются такие распространенные техники, как разъяснение и комментирование, а также опора на предшествующую переводческую традицию, что в совокупности позволяет достичь адекватности восприятия текста русским читателем.

Исходя из сказанного выше, контаминированный характер интертекстуальных включений, органично соединяющих архаичные и современные реминисценции, достигается с помощью использования бытовых реалий-экзотизмов. Практически каждое из рассмотренных аллюзивных включений реализует не только функцию стилистической эмфатизации, но и обладает исключительным потенциалом в ас-

пекте «о-своения» и «в-живания» [2] потенциального реципиента в инокультурное пространство. Интертекстуальные включения в сильных позициях текста содержат в качестве ядерного компонента тюркизмы-мифонимы, антропонимы, урбанонимы и т.п., что не только формирует пограничный онто-виртуальный хронотоп псевдосказочного произведения, но и способствует трансляции компонентов лингвокультурного пространства в общечеловеческий социально-культурный континуум. Анализ эмпирического материала демонстрирует широкие возможности смешения узуальных эквивалентных и окказиональных безэквивалентных онимов в рамках экспликации этноспецифических элементов кода в их индивидуально-авторском преломлении с целью объединения объективной и художественной реальности.

Литература

1. Бредихин С. Н. Сдвиги в семантических полях при актуализации периферийных нозм как способ порождения многомерного смысла // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. №2 (87). С.12-15.
2. Бредихин С. Н., Аликаев Р. С. Стратегии усмотрения и распредмечивания смысловых конструктов в аспекте понимания и вживания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 2 (47). С.123-128.
3. Бредихин С. Н., Давыдова Л. П. Поэтический текст как коммуникативно-эстетическая категория // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. №2. С.210-216.
4. Бредихин С. Н., Сидоренко С. Г. Ноэматическая и семантическая адаптация английских заимствований в современном русском языке // Современные проблемы науки и образования. 2015. №1-1. С.1138.
5. Грязнова О. Б. Своеобразие жанровой природы восточной «обрамлённой повести» // Молодой ученый. 2012. №7. С.150-153.
6. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2001. 420 с.
7. Ларионова Е. И. Современная турецкая литературная сказка: типология и эволюция жанра: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 178 с.
8. Лютавина Е. А. Реалии как лингвистическое явление // Молодой ученый. 2015. №14. С.488-490.
9. Тысяча и одна ночь. Собрание сказок: В 8 т. Т. 4 / перевод и комментарии М. Салье. М.: ТЕППА, 2007. 576 с.
10. Тысяча и одна ночь: Собрание сказок: В 8 т. Т. 1 / перевод и комментарии М. Салье. М.: ТЕППА, 2007. 480 с.
11. Умит А. Шкатулка сказок. М.: Нигма, 2016. 152 с.
12. Хикмет Н. Собака лает – караван идет / пер., вступ. ст. и примеч. Л. Н. Старостова. М.: Наука, 1979. 134 с.

References

1. Bredihin S. N. Sdvigi v semanticheskikh polyah pri aktualizacii periferijnyh noem kak sposob porozhdeniya mnogomernogo smysla (*Shifts in semantic fields in actualization of peripheral noemata as the way of multivariate meaning creation*) // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2014. No. 2 (87). P.12-15. (In Russian).
2. Bredikhin S. N., Alikaev R. S. Strategii usmotreniya i raspredmечivaniya smyslovyykh konstruktov v aspekte ponimaniya i vzhivaniya (*Techniques of semantic construct discretion and objectivation in the light of realization and integration*) // Voprosy kognitivnoy lingvistiki (*Issues of Cognitive Linguistics*), 2016. No. 2 (47). P.123-128. (In Russian).
3. Bredihin S. N., Davydova L. P. Poeticheskij tekst kak kommunikativno-esteticheskaya kategoriya (*Poetic text as communicative-aesthetic category*) // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya (*Humanities and law studies*). 2016. No. 2. P.210-216. (In Russian).
4. Bredihin S. N., Sidorenko S. G. Noematischeeskaya i semanticheskaya adaptatsiya anglijskikh zaimstvovaniy v sovremenном rusском yazyke (*Noematic and semantic adaptation of English borrowings in modern Russian*) // Sovremennyye problem nauki i obrazovaniya (*Modern problems of science and education*). 2015. No.1-1. P.1138. (In Russian).
5. Gryaznova O. B. Svoebrazie zhanrovoj prirody vostochnoj "obramlyonnoy povesti" (*Peculiarities of the genre nature of eastern "framed novelet"*) // Molodoy uchyonyj (*Young scientist*). 2012. No.7. P.150-153. (In Russian).
6. Komissarov V. N. Sovremennoe perevodovedeniye (*Modern translation science*). Moscow: ETS publ, 2001. 420 p. (In Russian).
7. Larionova E. I. Sovremennaya turetskaya literaturnaya skazka: tipologiya i evolyutsiya zhanra (*Modern Turkish literary fairy tale: typology and genre evolution*). Moscow, 2009. 178 p. (In Russian).
8. Lyutavina E. A. Realii kak lingvisticheskoye yavlenie (*Realia as linguistic phenomenon*) // Molodoy uchyonyj (*Young scientist*). 2015. No. 14. P. 488-490. (In Russian).
9. Tysyacha i odna noch: Sobranie skazok (*The Arabian Nights: Collected fairy tales*): in 8 Vol. Vol. 4 / translated and commented by M. Salje. Moscow: TERRA, 2007. 576 p. (In Russian).
10. Tysyacha i odna noch: Sobranie skazok (*The Arabian Nights: Collected fairy tales*): in 8 Vol. Vol. 1 / translated and commented by M. Salje. Moscow: TERRA, 2007. 480 p. (In Russian).
11. Umit A. Shkatulka skazok (*Casket of fairy tales*). M.: Nigma, 2016. 152 p. (In Russian).
12. Khikmet N. Sobaka laet – caravan idyt (*The dogs bark, but the caravans move on*) / translation, proluption and comments by L.N. Starostova. Moscow: Nauka, 1979. 134 p. (In Russian).

Информация об авторе

Сидоренко Станислав Геннадьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / samuels@mail.ru

Information about the author

Sidorenko Stanislav – PhD in Philology, Associate Professor, Chair of translation studies, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / samuels@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94 (995.5)

А. П. Беликов Рецензия на книгу А. Ж. Арутюняна «Столица Великой Армении Тигранакерт в контексте армяно-римско-ближневосточных межгосударственных отношений (296–301 гг.)». Ростов-на-Дону – Таганрог, ЮФУ, 2019. 260 с.

На русском языке нечасто издаются книги по истории древней Армении. Тем более – написанные известным и авторитетным специалистом в этой области. Поэтому важно отметить появление такой новой работы.

Акоп Жораевич Арутюнян – доктор исторических наук, доцент кафедры Всеобщей истории исторического факультета Ереванского государственного университета. Он работает в интересном и редком сейчас направлении: историческая география и картография, локализация городов, транспортные артерии, динамика изменения границ. Полученные данные использует для более широкого аспекта – анализа международных отношений в древней Передней Азии.

Его новая книга посвящена короткому, но чрезвычайно важному отрезку времени. В монографии рассмотрены локализация древнеармянской столицы Тигранакерт и ее роль в армяно-римско-парфянских взаимоотношениях (I в. до н. э.), а впоследствии армяно-римско-сасанидских межгосударственных связей (конец III в.). В заключительной главе исследована Тигранакертская греческая надпись, выяснены вопросы, связанные с датировкой надписи, причины и поводы создания этого эпиграфического текста, а также изучено древнеармянское общество в ракурсе данных надписи. Рассмотрена политическая ситуация на Ближнем востоке в целом. Оценены сведения текста через призму межгосударственных отношений в данный период (298–301 гг.).

Рецензируемая монография состоит из краткого предисловия «От автора», Введения, трёх глав, Заключение, списка использованных источников и литературы, резюме на пяти языках, и двух приложений.

В предисловии [1, с. 4] автор отмечает, что данная монография является результатом его многолетних научных изысканий, и в процессе создания книги было опубликовано более 50 статей по теме исследования, в основном – в научных журналах Республики Армения и Российской Федерации. В лучших традициях

A. Belikov Book Review A. Zh. Harutyunyan “The capital of Great Armenia Tigranakert in the context of the Armenian-Roman-Middle Eastern interstate relations (296–301)”. Rostov-on-Don – Taganrog: SFU publ., 2019. 260 p.

мировой науки, автор выражает свою глубокую благодарность коллегам, друзьям, и всем тем, без кого книга не увидела бы свет.

Во Введении [1, с. 7–52] подчёркивается важность всего региона Передней Азии для древней истории, обусловленной как его стратегическим месторасположением, так и богатыми природными ресурсами, этнической пестротой населения и постоянным перемещением здесь племён и народов, что способствовало развитию культуры, экономики и международных связей. Кроме изучения истории города Тигранакерта со дня его основания до упадка – на протяжении 450-ти лет тесно связанного со многими важнейшими событиями древнего Ближнего Востока, автор формулирует и иные цели и задачи. Это, прежде всего: выяснить местонахождение города, что остаётся дискуссионной проблемой. Следующая цель исследования – рассмотреть военно-политическую ситуацию на южных рубежах Армении и межгосударственные взаимоотношения между Римской империей, Аршакидской Арменией и Сасанидским Ираном на стыке III–IV вв. [1, с. 9].

В это сложное время на господство над Арменией претендовали две могучие державы – Римская империя и Сасаниды. Автор тщательно анализирует войны 224–297 гг. между ними [1, с. 9–22] и приходит к выводу, что в результате изменения международной обстановки наметились союзные отношения между Римом и Арменией, вызвавшие сильное недовольство Сасанидов [1, с. 22], что и предопределило все военные конфликты последующего периода.

Далее Введение содержит «Обзор использованных первоисточников» [1, с. 23–31] и обширный раздел «Обзор использованной литературы» [1, с. 31–52]. В первом из них автор анализирует совокупность источников, прежде всего – письменных сообщений греко-римских и армянских историков. А также данные нумизматики, археологии и эпиграфический материал, непосредственно относящиеся к важной эконо-

мической и военно-стратегической роли Тигранакерта и его локализации. Историографическая часть содержит в себе подробный анализ практически всей имеющейся на сегодняшний день научной литературы по теме исследования, как на основных европейских языках, так и на армянском и русском языке.

Первая глава «Вопрос местонахождения древнеармянской столицы Тигранакерта в историографии» включает в себя два параграфа.

Первый параграф «Историко-географический анализ местонахождения Тигранакерта» [1, с. 53–74] посвящён наиболее дискуссионной проблеме: месторасположению второй столицы Арташесидской Армении – Тигранакерта. Сведения источников об этом весьма скудны и противоречивы, что и породило большое количество различных версий в историографии. Критически рассмотрев мнения предшественников по вопросу локализации этого города, А.Ж. Арутюнян аргументировано и убедительно их опровергает. Опираясь на всю собранную им информацию источников, привлекая такие редко используемые данные, как направления дорог, качество их покрытия, их экономическое и военное значение, а также точно известный факт, что город располагался на возвышенности, и занимал очень важное стратегическое место, автор и приходит к окончательному выводу. Он полагает, что столица Тигранакерт была построена на территории Багешского ущелья или, по-древнеармянски – Дзора Паак (Страж Ущелья). Представляется, что из всех имеющихся на сегодняшний день точек зрения, версия Акопа Жораевича выглядит наиболее убедительной.

Второй параграф «Нумизматико-археологический анализ столицы Тигранакерт» (74–81). Монеты всех достоинств Тиграна II чеканились как минимум в четырех городах: в первой или древней столице Армении Арташате, в новопостроенной им столице Тигранакерте, а также в Антиохии на Оронте и в Дамаске. Исходя из того факта, что монета древности кроме своей естественной ценности имела также и огромное агитационно-пропагандистское, информационное, идеологическое, культурное значение [1, с. 80], автор именно в этой плоскости анализирует изображения и надписи на монетах.

Одной из важнейших заслуг Тиграна II является основание им монетного двора в Тигранакерте. Исходя из того, что для большой державы требовалось много платёжных средств, А. Ж. Арутюнян приходит к выводу, что можно предположить наличие даже не одного монетного двора в новой столице. Поскольку такие строения всегда представляли собой тщательно охраняемую и огороженную территорию, по сути – целый отдельный квартал го-

рода, автор полагает, что при тщательных археологических раскопках в указанном им месте – на территории Багешского ущелья, велика вероятность найти такое здание. Это позволило бы решить многие вопросы, как по чеканке монет, так и по месторасположению самого Тигранакерта.

Вторая глава «Армения, Рим и Сасанидский Иран в 296–301 гг.» состоит из двух параграфов.

Первый параграф «Военно-политическая ситуация в 296–297 гг. и армяно-римско-сасанидская война» [1, с. 82–86] посвящена небольшому, но очень важному отрезку времени, когда римско-сасанидское противостояние из-за влияния на Армению достигло своей кульминации. В результате в 296 г. началась новая римско-персидская война, в которой Аршакидская Армения опять выступала в качестве союзника римлян. Война началась неудачно для союзников, потерпевших поражение от персов в битве при Харане. Но уже в следующем, 297 г., отступив в горную Армению, где персидская конница не могла свободно маневрировать, командующий римской армией Галерий одержал блестящую победу над противником. После заключения мира, Рим, высоко оценивший помощь союзника, передал Армении, отобранные у Сасанидского Ирана пять провинций, которые «имели армянское происхождение» [1, с. 84–86].

Таким образом, Аршакидская Армения по итогам этой войны существенно увеличила свою территорию и стала заметно сильнее.

Второй параграф «Нисибинский договор 298 г. и территориальные изменения на Ближнем Востоке и в Армении (Римская империя, Аршакидская Армения и Сасанидский Иран)» [1, с. 86–118] – один из самых больших, и, на наш взгляд, самых удачных разделов исследования.

После сокрушительного поражения в горах Армении, персидскому царю Нарсегу удалось бежать с поля боя, но его жена и дочери попали в плен. Римляне отнеслись к царственным пленницам с высочайшим уважением, и это стало дополнительной причиной того, что Нарсег подписал с ними в Нисибине договор, который сохранял мирные отношения между Римом и Сасанидами на протяжении 40 лет.

Однако в 338 г. Шапух II развязал новую войну против Рима и Армении, которая с перерывами тянулась до 363 г. В этом году в походе против персов погиб римский император Юлиан Отступник. Протерпев поражение, римляне заключили с персами «позорный» мирный договор, и отказались от притязаний на пять провинций, по Нисибинскому миру отторгнутых от Ирана, но эти территории остались в составе Армении. Подробно разобрав все упоминания о них в источниках, автор констатирует, что они находились под властью армянских царей

вплоть до первого разделения царства Великая Армения в 387 г. [1, с. 116–117].

Третья глава «Тигранакертская надпись о военно-политической ситуации на стыке III – IV вв. (298–301 гг.) в Армении и на Ближнем Востоке» разделена на семь небольших, но важных и информативных параграфов.

Первый параграф «Текст надписи» [1, с. 119–125] полностью содержит все сохранившиеся фрагменты Тигранакертской надписи на древнегреческом языке с подстрочным переводом на русский язык.

Второй параграф «Время (датировка надписи)» (с. 126–127). Присоединяясь к мнению своих предшественников, что надпись создана в последних годах III в., или в самом начале IV в., автор полагает, что её датировку можно сузить. Исходя из того, что в тексте упоминаются «боги», а не «бог», становится понятным, что надпись составлена царём-язычником. Армения приняла христианство в 301 г., следовательно, соотнеся это с упоминаемыми в надписи событиями, есть веские основания датировать её не раньше, чем 298 г., и не позже, чем 301 г. [1, с. 127].

Третий параграф «Причины и поводы высечения текста» [1, с. 127–133]. Текст повествует о восстании в Тигранакерте против царя, которое произошло, предположительно, в 298–299 гг. [1, с. 128]. О самом восстании и его причинах известно очень мало. Поэтому опираясь на известные факты, что персы, недовольные утратой такой стратегически важной территории, как земли вокруг Тигранакерта и находящегося всего в нескольких километрах от него ущелья Дзора Паак, представлявшего собой один из немногих удобных проходов вглубь Армении, пытались вернуть себе хотя бы сам город, автор приходит к следующим выводам. Восстание, вероятно, было спровоцировано персами, которые обещали предоставить населению города льготы и привилегии, сопоставимые с положением полиса в Селевкидском царстве, т.е. – внутреннюю автономию.

Это мнение автора выглядит вполне обоснованным, т.к. в момент основания Тигранакерта Тиграном II новой столице были дарованы серьёзные привилегии, которые, однако, уже совсем не соблюдались последующими правителями. «Этот фактор мог сыграть огромную роль в данный момент. Тигранакертцы не могли быть против восстановления потерянного статуса» [1, с. 132].

От себя добавим ещё два аргумента в пользу мнения А.Ж. Арутюняна. 1. Тигранакерт изначально был заселён пленными, угнанными Тиграном II с территории завоёванной им Каппадокии. Этнически они были чужды армянам, и едва ли их потомки имели сильное желание хранить верность своим победителям. 2. Есть

очень серьёзные основания полагать, что кроме утраты льготного статуса, население Тигранакерта имело и другие основания для недовольства. Это следует из одной очень характерной фразы из самого первоисточника – Тигранакертской надписи. На камне 2–3 написано буквально следующее – «...нашему войску мы переда[ли, ч]тобы чрезмерного насилия не последовало, дабы час[ть] какая-либо опять не восстала...» [1, с. 121]. С одной стороны, это свидетельствует о разумной и взвешенной политике царя, от имени которого написан текст. Но, с другой стороны, вероятно, население новой столицы раньше претерпевало какое-то насилие со стороны «правительственных» войск. А фраза, «...дабы час[ть] какая-либо опять не восстала...» можно понимать и как то, что царь опасается нового восстания при проявления чрезмерной жестокости, либо же – что такое восстание уже происходило в Тигранакерте и раньше, ещё до самих событий 298–299 гг.

В любом случае, можно поддержать мнение автора, что одной из причин восстания была активность персидских агентов, пытающихся склонить население Тигранакерта на свою сторону. Тем более, что выше А. Ж. Арутюнян упоминает, как после начала христианизации Армении Сасаниды отправили туда большое количество людей, которые «рассеялись» по всей территории государства, пытаясь воспрепятствовать распространению там новой религии. А ещё раньше, в 287 г. Аршакид II Хосров II Великий был убит персидским агентом Анаком [1, с. 12–13] по приказу Сасанидского правителя Шапура I.

Таким образом, факт наличия и действий персидской «разведки» в Армении является бесспорным. И вполне возможна её причастность к восстанию населения Тигранакерта.

Четвёртый параграф «Действующие лица или древнеармянское общество в целом» [1, с. 133–171] констатирует, что Тигранакертская надпись, несомненно, составлена от имени царя Великой Армении Тиридата III, хотя текст содержит только формулировки «мы» и «наше», без упоминания самого имени и титула. Кроме него, поимённо названы ещё два лица – римский император Диоклетиан, и персидский царь Нарсег, оба упоминаются в благожелательном тоне. Очевидно, не желая обострения отношений, Тиридат III демонстрировал своё расположение к обоим правителям сильных соседних держав [1, с. 133–134]. Это позволяет довольно точно датировать время создания надписи.

Принципиально важным представляется следующий вывод автора: восстание в Тигранакерте и волнения в других частях государства в значительной степени подготовили принятие

христианства – как попытки сплотить всё население Армении новой общей религией [1, с. 134–135].

Далее очень обстоятельно и подробно характеризуется социальный состав армянского общества эпохи, и существующие в нём противоречия.

Тщательно проанализировав армянское общество в целом, Акоп Жораевич предельно чётко формулирует главную причину ослабления Армении и утраты ею политической самостоятельности. Упадок династии Аршакидов объясняется не только неблагоприятной внешнеполитической ситуацией (соперничество Римской империи и Сасанидской Персии за господство в Великой Армении), но и с внутрисполитической ситуацией. «Именно внутренние раздоры и неурядицы между нахарами, а также постоянные конфликты между нахарами и царской властью в конечном итоге привели к ослаблению государства...» [1, с.148]. К распаду государства привела ожесточённая борьба внутри верхушки армянского общества [1, с. 170].

Пятый параграф «Ход дальнейших событий» [1, с. 171–186]. Для подавления восстания в Тигранакерте пришлось бросить крупные военные силы, в том числе, вероятно, и римские – что свидетельствует о его серьёзном характере. В связи с этим автор уточняет месторасположение крепости Некран, в которой находился римский гарнизон, обеспечивавший безопасность южных границ Армении от нападений Сасанидов [1, с. 173]. Не случайно царь Тиридат просил римлян оставить свои войска в Армении, в том числе – и в крепости Некран [1, с. 177]. Однако в римско-сасанидском противостоянии перевес сил постепенно переходил к персам. В конечном счёте, в 387 г. Аршакидская Армения была разделена между Римской империей и Сасанидским Ираном. Согласно этому разделу, большая часть (4/5) царства Великой Армении была присоединена к Ирану, а меньшая (1/5) – к Риму [1, с. 186].

Шестой параграф «Конец восстаний» [1, с.186–187] кратко характеризует ситуацию, сложившуюся после разгрома восстания, которое в тексте Тигранакертской надписи однозначно

называется «злом». При этом автор акцентирует внимание на приказе царя не проявлять излишней жестокости к восставшим [1, с. 186] и его стремлении предпочесть добрые отношения с Римом сближению с персами.

Седьмой параграф «Вместо эпилога» [1, с.187–189] констатирует, что при всей фрагментарности Тигранакертской надписи она даёт достаточно интересной информации. Но порождает и ещё один вопрос – сама надпись была прикреплена к воротам только Тигранакерта, или же – и других городов тоже – так можно понимать один из фрагментов текста, где слово «город» написано во множественном числе [1, с.188]. Если это так, то, на наш взгляд, надпись имела несомненный пропагандистский характер, и должна была уверить население других городов в великодушии и милосердии царя.

В Заключении [1, с. 190–193] подводятся итоги всего исследования и кратко сформулированы основные выводы автора.

Список использованных источников и литературы очень внушителен [1, с. 194–224], после Списка сокращений [1, с. 225] идут резюме книги на армянском, английском, французском, немецком языках, и – что встречается довольно редко – на арабском языке [1, с. 226–237].

Приложение 1 – «К 90-летию академика Гагика Хореновича Саркисяна (или Mementovivere)» [1, с. 238–253] органично вписывается в текст книги не только потому, что оно – дань благодарности автора своему Учителю, но и по той причине, что Г.Х. Саркисян много сделал для изучения некоторых проблем, ныне активно разрабатываемых Акопом Жораевичем.

Приложение 2 – содержит в себе подробную карту «Великая Армения по Ашхарацуйцу», и качественные цветные иллюстрации: портрет и статуи Тиграна Великого, отчеканенные им монеты, и редкий – потому ценный материал – изображения флагов и гербов Арташесидской и Аршакидской Армении [1, с. 254–259].

Общий вывод: это добротная научная работа, без обращения к которой теперь не сможет обойтись ни один историк, занимающийся проблемами как древней Армении, так и, шире, всего Ближнего Востока.

Литература

1. Арутюнян А. Ж. Столица Великой Армении Тигранакерт в контексте армяно-римско-ближневосточных межгосударственных отношений (296–301 гг.). Ростов-на-Дону – Таганрог: издательство Южного федерального университета, 2019. 260 с.

References

1. Harutyunyan A. Zh. Stolitsa Velikoy Armenii Tigranakert v kontekste armyano-rimsko-lizhnevostochnykh mezhgosudarstvennykh otnosheniy (296–301 gg.). (*The capital of Great Armenia Tigranakert in the context of the Armenian-Roman-Middle Eastern interstate relations (296–301)*). Rostov on Don – Taganrog: publishing house of the Southern Federal University, 2019. 260 p. (In Russian).

Информация об авторе

Беликов Александр Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / abelikov@rambler.ru

Information about the author

Belikov Alexandr – Dr. of Historical Sciences, Professor of Chair of Foreign History, Political Science and Foreign Affairs, North Caucasus Federal University (Stavropol) / abelikov@rambler.ru

УДК 94(47)

С. Л. Дударев, А. А. Головлёв Рецензия на книгу Ю. Ю. Клычникова «Солдат империи Николай Иванович Евдокимов». Пятигорск: ПГУ, 2019. 277 с.

Такому незаурядному военно-политическому деятелю Кавказа, каким был Николай Иванович Евдокимов, с памятью потомков явно не повезло. Мы имеем в виду современные (тем более, монографические) публикации, посвященные этой исторической фигуре, которые немногочисленны⁴. Именно поэтому изданная недавно монография известного северокавказского историка Ю. Ю. Клычникова весьма актуальна и может быть востребованной широкой научной общественностью.

Причина явно недостаточной изученности деятельности Н. И. Евдокимова заключается в том, что он, будучи крупным военачальником Кавказской армии, решал вопросы, связанные (выражаясь современным языком) с интеграцией народов Кавказа в состав Российского государства, способами, которые оцениваются многими историками в русле жесткого колониального дискурса. Это особенно касается оценок деятельности по отношению к горским народам Северного Кавказа в эпоху «Кавказской войны», встречающихся в национальной историографии применительно к Н. И. Евдокимову и некоторым другим военным деятелям XIX в. (А. П. Ермолов, А. А. Вельяминов, Г. Х. Засс, Л. М. Серебряков). В этой связи требовалась немалая смелость ученого для того, кто взял бы на себя миссию написания труда о деятельности Н. И. Евдокимова. Пятигорский историк-кавказовед Ю. Ю. Клычников взял на себя эту нелегкую задачу и подготовил монографию, освещающую основные этапы военной карьеры и последующей гражданской жизни кавказского полководца. Целью настоящей рецензии является выяснение того, насколько полнокровным и объективным получился портрет генерала, который принадлежал к числу наиболее ярких исторических личностей, олицетворявших российскую политику в регионе в первой половине – середине XIX в.

Раздел, с которого начинается монография Ю. Ю. Клычникова, играет роль предисловия и именуется так: «Как появился человек-война, или кавказские реалии XIX столетия». Он является репрезентативным фоном для будущего портрета «солдата империи», представляя авторский взгляд на кавказские события того времени. Трактовка историком характера

S. Dudarev, A. Golovlyov Book review Yu.Yu. Klychnikov «Soldier of the Empire Nikolai Ivanovich Evdokimov». Pyatigorsk: PSU publ, 2019. 277 p.

«Кавказской войны» хорошо известна его коллегам, поскольку неоднократно была представлена в опубликованной ранее серии монографий и статей ученого, поэтому нет необходимости в детальном анализе вступительной части данной работы исследователя. Укажем лишь на общие подходы автора к пониманию реалий указанного отрезка северокавказской истории и кратко прокомментируем некоторые из них.

По мнению исследователя, у России не было серьезных социально-экономических причин в присоединении Кавказа, но существовали основания военно-стратегические. Соглашаясь с Ю. Ю. Клычковым в доминировании последних, напомним известную ему цитату из А. П. Ермолова: «России нечего опасаться за свои владения, пока соседями с той стороны остаются такие слабые народы, как Персияне и Турки. Но притаись где-нибудь Англичане, доставь горцам артиллерию, научи их военному искусству, и тогда нам надо будет укрепляться уже на Дону»⁵. Она лучше всего иллюстрирует приведенную выше мысль историка. При этом, взгляд автора на решающую роль, говоря широко, геополитических мотивов в присоединении Кавказа, является, скорее, отражением восприятия некоторых современных исследователей места этого региона в системе традиционных приоритетов внешней политики России. Ибо никто иной, как Петр I, «имел крепкое намерение» построить в устье р. Куры большой город-крепость, который бы играл роль военно-морской базы и самого крупного коммерческого центра, который должен был стать средоточием торговых маршрутов для купцов из многих стран мира. Самодержец желал развивать на Кавказе табаководство, виноделие, шелководство. Не будем забывать и о том, как в начале XIX в. С. М. Броневский сокрушался о приоритете иноэтничных купцов (прежде всего, армянских) в кавказской торговле и слабости позиций русского купечества.

Так или иначе, но причины «Кавказской войны» видятся автору следствием ряда объективных и субъективных причин, коренящихся как в социально-экономической, так и ментальной природе горских обществ, которым предстояло влиться в состав Российской империи на

⁴ В досоветский период биографические материалы о Н. И. Евдокимове не были редкостью (см., например, «Кавказский календарь» за 1878 и 1888 гг.).

⁵ Эта цитата ошибочно приписывается А. Н. Чеботаревым императору Александру I.

постоянной основе, а не на условиях союзничества или «вассалитета». Это влекло за собой необходимость серьезной перестройки всего их политического и хозяйственного уклада. Парадокс, однако, заключался в том, что попытки уйти от болезненного и обременительного «огосударствления» со стороны России (и политика А. П. Ермолова была одним из его наиболее жестких проявлений), которое являлось неизбежным в силу политических причин, вызвали в горских обществах необходимость «модернизации» с опорой на собственные силы. Хотели этого горцы или нет, но автор прав, указывая, что происходившее вело к изменению, а то и к отмиранию их традиционного уклада (с. 9). Идеологией, которая стала знаменем не только сопротивления российским военным силам, но и внутреннего преобразования северокавказских социумов, вставших на путь сопротивления, стал мюридизм. Однако эта идеология, как и связанная с ней государственная организация, оказались приемлемыми не для всех горских «комбатантов». Отдельные удачные прецеденты по внедрению опыта имамата для организации сопротивления российским силам на Северо-Западном Кавказе (деятельность наиба Мухаммед-Амина и др.) не привели к тем же результатам, что и на востоке региона. Западные черкесы так и не смогли создать эффективное государственное объединение, которое должно было не только консолидировать их перед лицом противника, но и сделать первые важные социо-политические «прививки» подчинения порядкам, идущим сверху. То, что удалось сделать имаму Шамилю в Дагестане, в какой-то степени подготовившему своих «подданных» к будущей российской имперской реальности, преодолевая притом ожесточенное сопротивление многих из них, не получилось у тех, кто собирал Сочинский меджлис, и т.п. Свершился трагический исход адыгов в Османскую империю. К тому, чтобы выстрадать свою будущую государственность (здесь уместно вспомнить это очень точное определение Е. А. Норченко и С. А. Айларовой), находясь под державным российским скипетром, они оказались не готовы. Другими словами, в «предисловии» Ю. Ю. Клычникова «красной нитью» проводится мысль о том, что во взаимоотношениях как России и горцев, так и внутри самих горских обществ, сопротивлявшихся и внешнему, и внутреннему «переформатированию», серьезную (практически основную) роль играл *силовой фактор* (при использовании и прочих), который был главным способом судьбоносных преобразований и мобилизаций среди северокавказского населения, ведущих к «ответам-на-вызовы» времени. В данном контексте становится весьма логичной основная суть мер, кото-

рые оказались в будущем применены Н. И. Евдокимовым для достижения результата, т.е. «покорения Кавказа». Примечательно и то, что конфликт, возникший между Россией и горскими обществами, описывается автором, с одной стороны, через призму теории фронтира. Это весьма показательный момент, поскольку основатель Кавказоведческой Школы, к которой принадлежит Ю. Ю. Клычников, В. Б. Виноградов, был категорическим противником этой теории. С другой стороны, автор рецензируемой монографии освещает указанный конфликт также и с помощью концепции «северокавказского кризиса» XIX в. В. Б. Виноградова, что демонстрирует нам гибкость теоретических подходов Ю.Ю. Клычникова при анализе событий «Кавказской войны». Полагаем, что автору следовало бы во вводной части монографии особо обозначить концептуальные основания своего труда, как это принято делать в подобных случаях.

Разумеется, основным содержанием монографии является создание исторического портрета Н. И. Евдокимова, который состоит из отдельных очерков, касающихся различных этапов в жизни этого деятеля. Мы не станем вслед за автором последовательно рассматривать их в хронологическом порядке, но предпочитаем, не теряя, все же, определенной связи с чередованием основных событий в жизни героя, ориентироваться на узловые характеристические черты этой персоны, проистекавшие из особенностей эпохи, конкретного места событий и социально-политической среды.

По Ю. Ю. Клычникову, одной из главных черт Н. И. Евдокимова является последовательный и зримый качественный рост исследуемой личности на путях военной карьеры, способность к самосовершенствованию, внимательному и трезвому учету опыта действий кавказских войск и своего собственного. Если молодой Н. И. Евдокимов азартен, и стремится к тому, чтобы отличаться во что бы то ни стало, что ведет к тяжелым ранениям (эпизод в Тарки), едва не стоившим ему жизни, то в будущем неумная тяга к славе сменяется хладнокровием и расчетливостью [1, с. 36–37]. Происходя из самых низов, Н. И. Евдокимов, «этот человек, сделавший сам себя» [1, с. 59], имел склонность к самообразованию, постоянно занимался чтением работ по тактике, фортификации, артиллерии и т.д. [1, с. 90]. Все это помогло талантливому военачальнику быть на самом высоком уровне предъявляемых требований в сложнейшей обстановке «горно-лесной войны». Но, как показывает ее опыт, часто горький для российских военных (причем не только в изучаемое время, но и гораздо позднее), теоретических наработок европейской военной науки было явно недостаточно для того, чтобы

успешно решать боевые задачи на кавказском театре. Необходимо было внимательно вникать в тонкости войны в весьма специфических местных условиях, знать не только особенности ландшафта региона, но и иметь очень хорошие знания о местном быте, менталитете, нравах и психологии горцев, изучить один из основных языков⁶, иметь связи в автохтонной среде и многое другое. Кроме того, нужно было быть и индивидуальным бойцом, с высокой закалкой, который не уступал бы самым отважным кавказским джигитам в воинской доблести и умении не щадить себя. Иначе говоря, тому, кто вел борьбу с горцами, нужно было самому быть «кавказцем», причем даже еще большим, чем лермонтовский вариант такового. В. А. Потто называл одного из самых известных горских наездников XIX в., чеченского бяччу Б. Таймиева, «артистом войны». Н. И. Евдокимов, как удалось продемонстрировать Ю.Ю. Клычникову, тоже был им, обладая всеми указанными выше качествами. Едва ли не самым репрезентативным в этом смысле является драматический эпизод в Унцукуле [1, с. 50], вновь едва не стоивший жизни российскому офицеру, когда он, будучи приставом в Койсубулинском обществе, родном для имамов Гази-Магомеда и Шамиля, получил тяжелейшие ранения, но сумел ответить «обидчику» в духе лучших горских «рубак».

Но дело, разумеется, не только в этом. Автор убедительно показал, что Николай Иванович за время службы на Кавказе вырос не просто в мастера, но гроссмейстера искусных и внезапных для противника действий, нестандартных решений и ходов [1, с. 40], которым предшествовала подготовительная работа по введению его в заблуждение с помощью ложных слухов, т.е. дезинформации [1, с. 111]. Ярким примером результативного использования дезинформации в военных целях служат события, развернувшиеся в Чечне в 1858 г. накануне штурма неприступной горской твердыни — укрепленного Аргунского ущелья. Не только распространение ложных слухов, но и отвлекающие демонстрации войск, и другие нестандартные действия Н. И. Евдокимова до такой степени запутали имама Шамиля — умного и опытного военачальника — что он был вынужден играть роль статиста и постоянно опаздывать с ответными шагами. По воспоминаниям старых кавказских офицеров, недавно прибывшие на Кавказ офицеры сначала с явным непониманием относились к казавшимся им нелепым распоряжениям Н. И. Евдокимова. Но ста-

рые кавказцы молчаливо посмеивались над новоприбывшими. Казавшиеся им самыми абсурдными распоряжения Н. И. Евдокимова через несколько промежуточных ходов выстраивались в единую логическую цепочку действий, приносивших желаемый результат.

Следует заметить, что действия Евдокимова, предпринятые в 1858–1859 гг. в Чечне, вписали блестящие страницы в историю войны на Восточном Кавказе. Однако материал, представленный в монографии Ю. Ю. Клычникова, не в полной мере раскрывает этот период боевой жизни военачальника. Вот почему период 1858–1859 гг. нуждается в детализации и дополнении.

Кратко охарактеризуем действия Н. И. Евдокимова, предшествовавшие занятию Аргунского ущелья. Согласно К. Дидимову, знавший о том, что неприятель зорко следит за каждым движением русских войск, Евдокимов зимой 1858 г. распространил ложный слух о своем намерении следовать к укрепленному аулу Автуры у входа в ущелье р. Хулхулау. Затем у мирных чеченцев было арендовано несколько сот арб для доставки провианта в укрепление Бердыкель, в котором сосредоточился большой отряд русских войск (как все считали, для движения на Автуры). Русские войска из Бердыкеля совершали рекогносцировки к аулу Автуры, что убедило имама Шамиля в стремлении Н. И. Евдокимова атаковать ущелье Хулхулау для последующего наступления на столицу гор — укрепленный аул Ведено. Поэтому в окрестности аула Автуры имам перебросил войска, защищавшие вход в Аргунское ущелье.

Тем временем, незаметно для неприятеля, небольшими частями войска из крепости Грозной передислоцируются в Воздвиженскую крепость, стоявшую у входа в Аргунское ущелье. По приказу Н. И. Евдокимова, глубокой январской ночью войска из Бердыкеля выступили в поход, но не к Автуры, а по правому берегу р. Аргун к входу в Аргунское ущелье. Параллельно «бердыкельскому» отряду, по левому берегу Аргуна, из Воздвиженской крепости к Аргунскому ущелью выдвинулись войска во главе с Н. И. Евдокимовым. Малочисленный гарнизон Аргунского ущелья (ослабленный имамом Шамилем из-за переброски значительных сил к аулу Автуры) не смог удержать оборонительные позиции. Русские войска вступили в Аргунское ущелье и заняли позицию у аула Дачу-Барзой. Там, где иной полководец мог принести в жертву победе половину своей армии, войска Н. И. Евдокимова понесли ничтожную потерю.

⁶ Н. И. Евдокимов изъяснялся с имамом Шамилем без переводчика. К сожалению, другие российские военные, в том числе наиболее подготовленные офицеры-разведчики

(вроде барона Ф. Ф. Торнау), имели языковой пробел в своей подготовке.

Как отмечает Ю. Ю. Клычников, против горцев успешно использовалась их же собственная тактика внезапных нападений, например, с помощью команды «охотников» (подобной той, которую возглавлял М.Ю. Лермонтов), которые перехватывали и истребляли неприятельские партии [1, с. 69, 116–177]. Н. И. Евдокимов был мастером изощренных ловушек противнику, когда, например, производилось минирование оставленных русскими войсками позиций [1, с. 78].

Впрочем, методы, которыми пользовался этот военный деятель, были не только связаны с привычным для местной ситуации набором средств, когда хитрость и коварство были не последними в номенклатуре таковых. К специфическим средствам «Кавказской войны», о которых уже неоднократно писалось историками (В. В. Лапин, и др.), автор относит его набеги на горцев с целью взятия «баранты» (эти эпизоды, причем, весьма удачные, в боевой биографии военачальника, не являлись редкостью российской военной практики в то время) [1, с. 44, 54], уничтожение зимних запасов горцев, с целью воздействовать на них с помощью голода [1, с. 89] и т.п. Разумеется, Н. И. Евдокимов не был одинок в осуществлении такой «методики», которую против горских комбатантов применяли и такие известные военные, как А.А. Вельяминов, Л. М. Серебряков и др. Н. И. Евдокимов широко пользовался платными агентами для сбора сведений о противоборствующей стороне [1, с. 82, 89] что вполне соответствовало уже «европейским» понятиям о ведении войны. Однако всего этого было бы недостаточно для достижения успеха в конфликте, который тянулся десятки лет и был основан с обеих сторон, практически, на тактике взаимных набегов, которые с российской стороны имели вид «наказания» за т.н. «шалости» горских молодцев и нарушения ранее достигнутых договоренностей.

Ю. Ю. Клычников весьма рельефно показал то, что Н. И. Евдокимов, верный «ермоловской» тактике ведения войны, со временем придал ей совершенно другой вид, который, часто вообще не имел ничего общего с привычными военными действиями типа «стреляй, руби, коли». Этот военачальник четко, глубоко и разносторонне планировал свои будущие кампании [1, с. 94], стремясь исключить фатальные ошибки, и осуществлял систему медленного, но верного вытеснения «немирных» горцев [1, с. 93], в которой не штык, а топор был главным орудием завоевания [1, с. 101]. Рубка просек, строительство дорог, ведущих в самое сердце гор, осуществлявшиеся в русле принципа

Н. И. Евдокимова «торопится медленно», лишали горцев очень важных преимуществ для ведения «партизанской» войны и в купе с неожиданными маневрами и переходами, неотвратимо приближали окончательное покорение Кавказа. При этом полководец был далек от обычной для Кавказской армии практики, когда серьезность военных действий подтверждалась немалыми потерями. Он берег своих подчиненных [1, с. 103, 109], реализуя принцип «Больше пота, меньше крови» [1, с. 120] (ярким примером сбережения солдат является упоминанный выше штурм Аргунского ущелья), что вызывало критику со стороны оппонентов, обвинявших его в нерешительности [1, с. 102].

Впрочем, со стороны последних, это не были самые неприятные обвинения. На страницах своего исследования Ю. Ю. Клычников не раз поднимает тему инкриминирования коррупции Н. И. Евдокимову. Она преследовала героя повествования нашего автора на протяжении значительной части его карьеры [1, с. 45, 119–120]. Исследователь, с одной стороны, не находит прямых подтверждений участия Н.И. Евдокимова в злоупотреблениях, но с другой, применительно, например, к его деятельности в должности пристава, считает допустимым полагать, что возможно получаемые российским представителем «подарки» были своего рода принятой в той ситуации «статусной рентой» [1, с. 45]. Практика обогащения командиров, действовавших в Кавказской армии, за счет полковых средств и т.п. хорошо известна, например, по мемуарам самих же российских военных. М. И. Венюков упоминает о таком «отце-командире», который, несмотря на «стрижку» в Ставрополе (т.е., говоря современным языком, «откаты» начальству), каждый год клал себе в карман 15–20 тыс. рублей. Всевозможные «проделки», осуществляемые с целью личного обогащения командного состава, осуществлялись, практически открыто и также свободно обсуждались в офицерской среде. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, хотя подобная практика осуждалась официально, но в частном общении она являлась делом естественным даже на самом высоком уровне. Так, еще Екатерина II начертала на прошении бывшего командира полка, пожалованного государыне на бедность: «Дурак. Полком командовал, а состояния не нажил»⁷. Поэтому обвинения против Н. И. Евдокимова, который, скорее всего, не был свободен от указанных привычек⁸, являлись более проявлением зависти к успешному

⁷ См. в сети Интернет лекции профессора А. И. Фурсова о России в эпоху Екатерины II.

⁸ Потакание графа Н. И. Евдокимова своим родственникам было прекрасно известно его главнокомандующему

А. И. Барятинскому, что последний уже после отъезда с Кавказа в частной переписке не скрывал от великого князя Михаила Николаевича [1, с. 162].

военному, нежели стремлением искоренить названное зло⁹.

Самой же проблемной, «болевой» стороной портрета Н. И. Евдокимова, создаваемого Ю. Ю. Клычниковым, является его участие в решении «черкесского вопроса», т.е. удалении основных контингентов западно-адыгского населения с исторической территории проживания. В монографии этот военный деятель позиционируется автором как жесткий и неумолимый сторонник его переселения, первенства и защиты русских интересов над остальными, осуществлявший свои планы в данном направлении всеми возможными мерами [1, с. 187–189]. В то же время нельзя не указать на то, что автор одновременно дает понять осознание Н.И. Евдокимовым всего трагизма положения с переселенцами [1, с. 189], который воспринимался им, тем не менее, как неизбежная данность. Рассуждая о методах Н. И. Евдокимова в данном вопросе, можно ли считать, что российский военачальник дискриминировал кавказские народы в принципе? Исследование Ю. Ю. Клычкова убедительно демонстрирует тот факт, что героя повествования его монографии нельзя заподозрить в примитивном шовинизме. На протяжении всей своей военной карьеры Н. И. Евдокимов неоднократно обнаруживал свои недюжинные дипломатические способности, ведя переговоры с «немирными» горцами в целях привлечения их на российскую сторону (например, с шатойским наибом Батокой и др.) [1, с. 118–119]. И такая деятельность порой давала весьма ощутимые результаты (переселение на плоскость 96 аулов гойтинского общества) [1, с. 121]. Что же касается жителей «мирных» аулов, а также вновь перешедших от имама Шамиля, то Н. И. Евдокимов стремился защищать их с помощью российских войск, решая вопросы с наделением их земель и иными средствами для жизни [1, с. 117]. Другой немаловажной гранью отношений полководца с горцами являлось то, что он, по свидетельству современников (А. Л. Зиссерман), выдвигал на административные должности, говоря современным языком, «национальные кадры», с подчинением соотечественников [1, с. 111]. При этом отношение к «туземным» чиновникам было отнюдь не слепым и презентивным. Известно, как отрицательно Н. И. Евдокимов относился к приставу Х. Уцмиеву. Рассматриваемая сторона деятельности данного российского военачальника, и в этом еще одна заслуга работы Ю. Ю. Клычкова, не находится, как, может быть, ни пока-

жется кому-то странным, в противоречии с отношением Н. И. Евдокимова к русским соотечественникам. Стремясь удалить в Османскую империю беспокойную адыгскую вольницу, грозившую российским станицам, селам и укрепленным пунктам новыми набегами, приносившими их жителям немалые бедствия, притом в виду возможной новой интервенции иностранных держав (вроде недавней Крымской войны), Н. И. Евдокимов вовсе не был сторонником «миндальничанья» со «своими». Здесь нужно напомнить о жестком конфликте начальника Кубанской области с казаками по поводу переселения целых полков на новые места. И хотя Н. И. Евдокимов нашел, в конце концов, в себе силы для компромисса, далось ему это очень непросто [1, с. 161–165]. Но это еще не самый наглядный пример «государственного» подхода к подчиненным. Да, этот военный и администратор старался беречь людей в бою. Но во время встречи с императором Александром II он ясно дал понять самодержцу, что для завершения покорения Западного Кавказа нужно будут фактически принести задействованные здесь немалые военные силы в жертву этому делу, вызвав неподдельный ужас царя. И дело тут было не только в прямых потерях в виде убитых и раненных. Мемуары кавказских офицеров (скажем, Н. Дроздова) прямо говорят о том, что страшное перенапряжение человеческих сил участников евдокимовского покорения Западного Кавказа в виде холода, голода, бессонницы, тяжких работ приводило к повальным заболеваниям среди них после окончания эпопеи, к их преждевременному старению и смерти. Девизом Н. И. Евдокимова по отношению к подчиненным теперь стало: «Пусть умрут на работе!» [1, с. 186]. «Философия» этого высказывания слишком хорошо знакома читателю не только по событиям дореволюционной истории России, но и по действительности XX – начала XXI вв. Государственные интересы превыше всего... И это не был лишь некий антигуманизм «солдата империи», стремившегося во что бы то ни стало выполнить «указания сверху». Ю. Ю. Клычников весьма уместно приводит пространную цитату о действиях Н. И. Евдокимова на Западном Кавказе из Л. А. Тихомирова, в которой ключевыми являются слова: «У Николая Ивановича Евдокимова текла в жилах кровь мужика, энергичного и чуждого жалости, когда дело касается его интересов» [1, с. 210]. Роль крестьянской психологии в действиях Евдокимова подчеркнута очень точно¹⁰. Суровая

⁹ От наветов завистников страдало немало прославленных российских командиров, действовавших на Кавказе, о чем наглядно говорит, например, судьба генерал-майора Н. П. Слепцова (см. работы В. Б. Виноградова).

¹⁰ В мемуарах выдающегося советского скифолога А. И. Тереножкина (1909–1981) встречается яркий пример проявления подобной психологии в ситуации, являющейся более чем экстремальной. Он описывает разговор своих родственников, матери и дяди, касающийся их поведения во

реальность двигала, по мысли автора, этого деятеля по избранному пути, полному трагических перипетий для всех участников исторической драмы окончательного включения Кавказа в состав России.

Автор монографии останавливается и на послевоенной жизни главного персонажа своего повествования. Рецензируемая монография служит хорошим подтверждением того факта, что люди вроде «солдатского графа» Н. И. Евдокимова, чье предназначение замечательно выражено определением «человек-война», чаще всего, не могут органично вписаться в мирную жизнь. Именно это и случилось с Н. И. Евдокимовым, хозяйственные начинания которого, в конечном счете, потерпели полный крах. В финальной части монографии Ю. Ю. Клычников затронул тему посмертной коммеморации Н. И. Евдокимова. Ее судьба, как и судьба многих подобных ей на Кавказе (и, разумеется, не только), связанных с увековечением памяти деятелей самодержавного режима, была превратной (см. работы Д. С. Ткаченко). В конкретном случае, заметим от себя то, что варварское разграбление могилы Евдокимова в 1935 г. было не просто актом вандализма, а своеобраз-

ной, может быть и не осознанной его участниками, ритуальной посмертной казнью «царского сатрапа», очень напоминающей то, что революционеры проделали, например, с останками Кромвеля, Ришелье и др. Она должна была символически подвести черту под «проклятым» прошлым и открыть дорогу в будущее для новой «светлой реальности».

Однако разрушение советского строя в 1991 г. определило необходимость переоценки истории вообще, и роли исторических деятелей, в частности. В этом смысле потребовалось и серьезное переосмысление роли столь колоритной исторической личности, как Н. И. Евдокимов. Ценность труда Ю. Ю. Клычников видится нам и в том, что оценка деятельности русского генерала произведена с точки зрения незыблемых приоритетов Отечества на Кавказе (как бы в данный момент оно не называлось). Полагаем, что монография Ю. Ю. Клычников внесла серьезный вклад в осознание данной реалии, а незаурядная и цельная личность «солдата империи» представлена заинтересованному читателю без флёра «неоимперской» идеализации, но и без демонизации в духе «антиколониальной» историографии.

Литература

1. Клычников Ю. Ю. Солдат империи Николай Иванович Евдокимов. Пятигорск: ПГУ, 2019. 277 с.

References

2. Klychnikov Yu. Yu. Soldat imperii Nikolay Ivanovich Evdokimov (*Soldier of the Empire Nikolai Ivanovich Evdokimov*). Pyatigorsk: PSU publ., 2019. 277 p. (In Russian).

Информация об авторах

Дударев Сергей Леонидович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (Армавир) / dudarev51@mail.ru

Головлёв Алексей Алексеевич – доктор географических наук, доцент, профессор кафедры мировой экономики Самарского государственного экономического университета (Самара) / kme@sseu.ru

Information about the author

Dudarev Sergei – Doctor of History, Professor, Chair of General and Russian History, Armavir State Pedagogical University (Armavir) / dudarev51@mail.ru

Golovlev Aleksey - Doctor of Geographical Sciences, Associate Professor, Professor, Department of World Economy, Samara State University of Economics (Samara) / kme@sseu.ru

время страшного голода в Поволжье (откуда родом был сам ученый) в 1920-е гг. Вопрос женщины: «Это правда, что вы съели бабушку?». Ответ ее собеседника (который сам Тереножкин прокомментировал так: «ответил сухо, по-кrestьянски, без эмоций» (курсив наш. – Авт.): «Елена, все

ели». И добавим, продолжали жить, работать, думать о будущем, не сойдя при этом с ума от кошмара произошедшего.

УДК 930.1

А. Колонтари Рецензия на книгу «Идеи и дела. К 65-летию профессора Дюлы Свака и 30-летию изучения исторической русистики в Будапеште» / под. ред. М. С. Петровой. М.: Аквилон, 2018. 288 с.

Предлагаемая вниманию читателей книга спокойно могла бы быть издана под заглавием «Идеи и Дюла». Однако составители дали сборнику немного другое, не менее меткое название: «Идеи и дела». Книга посвящается сразу двум, тесно связанным друг с другом юбилеям – 65-летию Дюлы Свака и 30-летию изучению русистики в Будапештском университете. Имя профессора Дюлы Свака хорошо известно всем, кто в Венгрии занимается русистикой, историей России и СССР. В России же его знают все, кто интересуется достижениями зарубежной русистики, а также российско-венгерскими связями и т.д. Автор этих строк в начале 1990 гг. тоже был его студентом, первые шаги в области русистики сделал под его руководством на семинарах в стенах будапештского университета им. Лоранда Этвёша. Но, само собой разумеется, известность профессора Д. Свака не ограничивается одной лишь Венгрией и Россией, им установлены живые научные и личные контакты с ведущими институтами и центрами по изучению русской культуры и истории в США, в Великобритании, в Италии и т.д. Руководимый им Центр русистики завоевывал себе почетное место среди научных исследовательских коллективов.

Вклад Дюлы Свака в основание и развитие современной венгерской русистики трудно переоценить. Одно только перечисление его основных сфер деятельности, титулов и наград свидетельствует о многогранности богатого жизненного пути профессора. В сборнике такой обзор дается в вводной статье Н. М. Филипповой, близко знающей Д. Свака еще со студенческих лет. Почетный член Российской академии наук Д. Свак является не только преподавателем и ученым (что само по себе требует полной отдачи), но и вдохновителем и организатором целого ряда научных и культурных мероприятий, менеджером и бизнесменом, в течение многих десятилетий успешно занимается издательской работой, руководит или до недавнего времени руководил Центром русистики Будапештского университета имени Лоранда Этвёша, Комиссией венгерских и российских историков, Фондом развития русского языка и культуры и т.д.

Книга по своему жанру и структуре представляет собой довольно уникальное в своем роде начинание. Она резко отличается от тех

A. Kolontari Book Review “Ideas and deals. To the 65th anniversary of Professor Dyula Swak and the 30th anniversary of the study of historical Russian studies in Budapest” / ed. by M. Petrova. Moscow: Aquilon publ., 2018. 288 p.

юбилейных сборников, которые призваны celebrate видного профессора, ученого с какой-то знаменитой датой его жизни. Но листая книгу, уже с первых же страниц становится ясно, что такое новаторство вовсе не является случайностью, а вытекает из профессионального кредо Д. Свака и восприятия им роли историка в историческом познании.

В первой части книги, под многозначительным заглавием «Дорогому другу» мы находим глубоко личные воспоминания коллег и друзей о профессоре Д. Сваке. Авторы следуют процитированному Н. М. Филипповой совету юбиляра «*раздвинуть жанровые границы и позволить себе некоторые ‘лирические отступления’*». Они таким же образом рисуют субъективный портрет видного венгерского ученого, как сам Д. Свак писал и пишет о своих же учителях, считая, что «*истории с большой буквы не существует, есть только история людей*» [1, с. 6, 9]. Иными словами, жанр «историографической антропологии» или же «портретный способ презентации», примененный Д. Сваком при изучении российской историографии, в этот раз был испробован его коллегами на его собственном примере.

Лена Силард в статье «Слово о Дюле Сваке» (заглавие волей-неволей вызывает у автора этих строк реминисценции со средневековым произведением «Слово о полку Игореве», с которым он встречался в первые недели своей студенческой жизни на курсах русского языка в Будапештском университете имени Л. Этвёша) дает следующую оценку деятельности руководимого проф. Д. Сваком Центра русистики: «*Я знакома с работой нескольких очень хороших университетских институтов русистики в разных странах, в частности, прекрасного Пизанского института русистики в Италии, но нигде я, пожалуй, не видела столь целеустремленного сочетания подлинной научности, дающей о себе знать и в богатейшей книжной продукции института, и в высоком уровне преподавания постоянными сотрудниками института и приглашенными им профессорами, с необычайно широко поставленной и многообразной просветительской работой*» [1, с. 11]. Далее она описывает, как Д. Свак сумел при первой же встрече увлечь итальянских гимназистов в маленьком городишке Алгеро, изучивших русский язык с самого начального уровня, рассказав им о руси-

стике в целом и о ее преподавании в Будапеште. Многие из них – добавляет Л. Силард – возможно, именно под влиянием проф. Свака, поступили на курсы русистики местного университета в Сассари, более того, они изъявили желание в рамках программы «Эразмус» посетить именно будапештский Центр русистики, чтобы на месте убедиться во всем, о чем несколько лет назад им рассказывал проф. Свак.

В то время как в статье Л. Силард акцент ставится на научно обоснованной и сознательно продуманной просветительской деятельности, целью которой в конечном счете является пробудить интерес новых поколений ученых к русистике, и таким образом подготовить надежную смену, другие авторы вспоминают дружеские встречи и беседы на конференциях, организованных Будапештским Центром русистики, где научная работа всегда сочеталась с обильным гостеприимством, с экскурсиями, с культурными программами для участников. Вот, что пишет об этом Е. В. Алексеева, одна из регулярных участниц подобных мероприятий: *«Дюла Свак – широкая душа. Участие в организуемых Центром русистики конференциях никогда не ограничивается заседаниями за массивными дверями в уютных стенах Будапештского университета. Приглашение выступить с докладом на конференции, составленное на безупречном русском языке в самых вежливых выражениях и подписанное профессором Д. Сваком, всегда на пару-тройку дней шире сжатого конференционного графика, что открывает заманчивую перспективу знакомства с Венгрией и близко расположенными к ней странами»* (С. 17.) Далее ее описание не лишено элементов романтизма: *«[...] в ритме неторопливого вальса переступает копытами серый жеребец, запряженный в нарядную повозку, везущую нас по аккуратной булыжной мостовой залитого осенним солнцем Сентэндре. [...] всё, как в кадрах чудесного фильма, действие которого разворачивается на наших глазах, и мы в нём главные герои»* [1, с. 16].

Пол Дюкс, дуайен британской русистики, вспоминает большую конференцию по теме «Место России в Евразии» с участием более чем 40 специалистов из 8 стран. Дюкс упоминает плодотворные дискуссии по указанному вопросу, подчеркивает тот академический стимул, который дали участникам работа на заседаниях, в секциях и дружеские беседы за накрытым столом. В конце статьи Дюкс благодарит организаторов конференции, в частности Д. Свака, за прекрасный прием, и подчеркивает, что эти встречи, конференции усиливают важную посредническую роль Венгрии между Западом и Востоком в поисках лучшего понимания истории России.

Виднейшие историки академик В. В. Алексеев и проф. Е. В. Анисимов дают короткий обзор развития венгерской русистики. Здесь личные воспоминания переплетаются с вопросами глубоко профессионального характера. Алексеев останавливается на книге проф. Свака «На службе у Клио и у власть предержащих. Этюды по русистике», в которой автор на примерах, взятых из истории России, размышляет о роли истории в развитии общества, о взаимосвязи истории и политики, о том, как историк должен относиться к этим категориям. К этой книге мы еще вернемся более подробно, здесь только упомянем о том, что благодаря ней Алексеев прямо называет проф. Свака «классиком современной русистики». Детище проф. Свака, будапештский Центр русистики Алексеев представляет, как связующее звено в отношениях российских и западных историков (в рецензируемом сборнике другие авторы на основе своих же личных опытов тоже охотно разделяют такое толкование), а Е. В. Анисимов обращает внимание читателей на то, что это заведение по своим достижениям, научному составу стоит особняком в странах ЦВЕ и вправе может конкурировать с крупнейшими центрами русистики мира. При оценке деятельности проф. Свака как историка появляются такие выражения, как профессиональная добросовестность, тонкое понимание своеобразия русского исторического развития и т.д.

Вторая часть первого раздела под заглавием «Вдохновляющая Клио...» заслуживает внимание читателей не меньше первой. Здесь коллеги и друзья дарят Д. Сваку рецензии на его книги. В центре их внимания стоят две обстоятельные работы профессора, вызвавшие большой и положительный отклик в сообществе историков-русистов: «На службе у Клио и у власть предержащих. Этюды по русистике» и «Русская парадигма: Русофобские заметки русофила». Л. П. Репина и А. И. Алексеев писали о книге «На службе у Клио...» Эти две рецензии об одной и той же книге хорошо дополняют друг друга. Л. П. Репина рассматривает книгу проф. Свака в контексте историографической методологии, размещает ее на палитре методологических направлений. Она отмечает высокие этические нормы, которые венгерский историк ставил перед собой, подчеркивает, что за «стимулирующей микроисториографией» Д. Свака стоят комплексный подход к российской историографии и тонкое понимание своеобразности ее развития. Эта комплексность отражается и в том, что автор рассматривает русскую историографическую науку как органически целую (как «вариант общей истории»), анализирует ее познавательные, идейно-мировоззренческие и общественно-по-

литические функции «в обширном пространственно-временном континууме». И вместе с тем, считая, что «достигнутые ученым результаты не могут быть поняты без знакомства с его личностью и окружавшим его (макро- и микро-) миром», персонализирует его главных героев, историков, изучает их в человеческом измерении, не избегая при этом таких факторов, как нравственность, эмоциональность, влияние окружающего мира на их творчество. «Профессор Свак, отлично знающий, насколько ограничены имеющиеся в руках историков средства, собственноручно создает важный историографический источник, к которому, вне всякого сомнения, станут обращаться будущие исследователи истории исторической науки последней трети XX столетия и начала нынешнего века» – звучит окончательный вывод Л. П. Репиной [1, с. 33]. Такая формулировка очень близка к оценке В. В. Алексеевым Д. Свака как «классика современной русистики».

А. И. Алексеев берет не столько методологический, сколько содержательный аспект книги Д. Свака, он идет по главам и статьям, на некоторых сюжетах подробно останавливаясь. Таким сюжетом является портрет видного петербургского историка Р.Г. Скрынникова, специалиста по истории России в XVI–XVII вв. Скрынников в свое время был научным руководителем проф. Свака при защите кандидатской диссертации. Жизненный путь Скрынникова Д. Свак представляет, как пример сохранения научной добросовестности в рамках советского канона, где историография была вынуждена играть роль служанки политики (выбор темы исследования, возвращение к позитивизму, кропотливое изучение архивных источников без теоретических обобщений – вот основные средства, с помощью которых историк мог избежать слишком сильного политического-идеологического нажима и оставаться честным человеком). А. И. Алексеев не скрывает, что он согласен не со всеми установками и выводами проф. Свака. Наиболее ярко он это формулирует в связи с оценкой исторической роли Петра I.: «Отметим, что в построениях профессора Свака значение роковой фигуры приобретает Петр I, который “не создал новое, а укрепил старое”, “не модернизировал, а консервировал страну”. В рассуждениях автора можно обнаружить немало изъянов, многое, напротив, найдет сочувственный отклик у российского интеллигента. Словом, эссе имеет публицистическое звучание» [1, с. 38]. Думается, что в основе такой формулировки лежит скорее не упрек или критика в адрес проф. Свака и его профессионализма, а тот факт, что царствование Петра I в истории России является таким историческим водоразделом, в оценке которого

научные споры и дискуссии вряд ли когда-нибудь утихнут, и вряд ли можно выработать единую, приемлемую для всех картину эпохи царствования Петра, настолько многогранными и многовекторными оказались последствия его деятельности. При этом Алексеев в очень теплых выражениях отзывается о Д. Сваке, как об искусном историке, великолепном организаторе и приятном собеседнике в научных дискуссиях и в частных беседах. «При прочтении книги Дюлы Свака перед мысленным взором не раз возникал образ замечательного ученого, с которым всегда есть желание встретиться» [1, с. 41].

Д. В. Ефременко написал рецензию о другой книге Д. Свака – «Русская парадигма: Русофобские заметки русофила». Уже само заглавие книги загадочно провокативное, способно привлечь внимание читателя. Как пишет Ефременко, Свак берет разные сюжеты, изучает ключевые вопросы истории России (европейскость и евразийство, вопросы модернизации, взаимоотношения власти и общества и т.д.). В результате объединения этих текстов в одну книгу «появляется своеобразная интрига, в которой заинтересованному читателю хочется разобраться» [1, с. 43]. Ефременко также не воздерживается от полемики с Д. Сваком (правда делает это в очень уважительном тоне, признавая перспективность и научную ценность его концепции) по вопросу «петровских реформ», при этом он обращает внимание на необходимость отделения друг от друга таких терминов, как «модернизация» и «европеизация». Относительно последнего он подчеркивает, что «Петр стремился не к тому, чтобы превратить Россию в Европу, но, скорее, к тому, чтобы сделать из России большую “немецкую слободу”» [1, с. 46]. Вторым характерным свойством рецензии Ефременко является то, что он не столько комментирует и оценивает научные тезисы и выводы Свака, сколько сам высказывает свое собственное мнение (которое, кстати, тоже может стать предметом дальнейших дискуссий) по некоторым вопросам. В области «исторической политики» он, к примеру, предсказывает ожесточенные бои (именно со странами Центральной и Восточной Европы), в которых России придется отстаивать собственные интересы, и историческая наука должна внести свой вклад в конструирование современной российской идентичности. Думается, что такой воинственный, слишком политизированный подход вовсе не в пользу научности и профессиональности, таит в себе угрозу, что историография окажется в плену у политики. Четвертая глава книги Свака о современных российско-венгерских отношениях побудила Ефременко изложить свой взгляд о нынешней стадии этих связей. Здесь

творчество Свака опять уходит на задний план, акцент ставится на обзор и прогнозы, сделанные самим Ефременко в этой области. Но в конце он опять возвращается к Сваку, как к человеку, который играет ключевую роль в одной из наиболее прочных и перспективных сфер российско-венгерского сотрудничества, в области науки, культуры и образования.

А. Л. Юрганов делает попытку позиционировать будапештскую школу русистики, выявить ее особенности, отличающие ее от российских и западных школ и направлений. Как он выражается, *«настала пора осмыслить результат смелого эксперимента»*. Он исходит из определения Д. Свака, но во многом старается уточнить его установки для себя и читателей. *«...Мы сделали попытку комплексного изображения истории, в значительной степени следуя марксистской методологии и историческому подходу школы "Анналов"»* – пишет Д. Свак, но Юрганов принимает это только с оговоркой, по его мнению, венгерский историк как привязан к марксизму, так и свободен от него. Если и можно говорить о марксистском характере будапештской школы исторической русистики, то это связано главным образом с понятийным аппаратом, с терминологией для сравнительно-исторического анализа (в качестве конкретного примера Юрганов приводит «теорию феодализма», с помощью которой Свак доказывает европейскую пути развития России). То, что действительно является отличительной чертой Центра русистики, так это взгляд извне на историю России и Восточно-Европейский центризм (с разделением данного пространства на субрегионы). Юрганов полагает, что венгерские русисты, изучая специфику исторического развития России, ищут ответы на вопрос о месте самой Венгрии в истории Европы. Взять в качестве отправной точки размышления П.Я. Чаадаева о том, что Россия не принадлежит ни Западу, ни Востоку – пишет автор – может только венгерский историк, которого волнует положение своей собственной страны между Востоком и Западом. *«Признание (хотя бы частичное) европейского характера исторического движения России – это и заметное расширение и углубление европейского контекста в истории Венгрии»* [1, с. 84]. Такое промежуточное положение занимает и научный коллектив Центра русистики, часто не принимающий характерных для западных СМИ установок, но также не выступающий адвокатом российских стремлений. Наконец, Юрганов обращает внимание читателей на этико-просветительскую направленность школы, играющей не меньшую роль, чем научно-исследовательская деятельность: *«Этико-просветительская задача Школы заключается в том, чтобы прими-*

нять народы, способствовать более широкому культурному и научному обмену, и эта задача, надо сказать, вызывает большое сочувствие и уважение со стороны российских коллег» [1, с. 90].

Последняя статья этой главы, «Идея, воплощенная в действие», была написана М. С. Петровой. В ней автор в деталях представляет реализацию одного проекта – «Россия и Венгрия в мировой культуре: источник и его интерпретация в ракурсе исследовательской парадигмы XXI века». Тематика была предложена Д. Сваком, с учетом новейших тенденций в исследовательской методологии в области общественных наук и с целью показать, как работают историки-ученые «в своих мастерских» от выбора источников и методов их анализа до представления результатов исследования и прослеживания влияния авторов друг на друга. В проект были вовлечены российские и венгерские историки разных университетов и академических институтов. Здесь следует отметить, что М. С. Петрова была редактором рецензируемого сборника, и она вне всяких сомнений прекрасно справилась с этой непростой задачей. Она не только координировала деятельность авторов, но придумала такую конструкцию для книги, в рамках которой персонализация историка-юбиляра, проф. Свака и научно адекватная оценка будапештской школы русистики представляют органическое целое.

Второй большой раздел книги, «Центр русистики вчера и сегодня», посвящен истории и деятельности центра. Здесь девять авторов делятся с читателями своими мнениями, воспоминаниями и оценками о роли и значении Будапештского центра в мировой русистике. Некоторые из этих статей (напр., Хуан Лифу, «О встречах и беседах с Дюлой Сваком») спокойно могли бы быть размещены в первой части книги, так как в центре их внимания стоит фигура проф. Д. Свака, что лишний раз подтверждает тот факт, что будапештский Центр русистики неотделим от его основателя, многолетнего директора и главного вдохновителя его деятельности. В этих сообщениях сугубо исторический обзор (перечисление в хронологическом порядке важнейших событий и достижений венгерской русистики последних десятилетий) переплетается с размышлениями о миссии и специфическом характере Центра русистики, о причинах его успехов и долголетия. Не поддерживаются авторы и от личных воспоминаний, которые полны положительных эмоций, благодарности и добрых пожеланий в адрес центра и его сотрудников.

Ф. Худец, бывший ректор будапештского Университета им. Лоранда Этвёша, вспоминает о налаживании сотрудничества с российскими вузами (в том числе с РГГУ, МГИМО, МГУ имени

Ломоносова, с Югорским государственным университетом в Ханты-Мансийске, с Уральским федеральным университетом в Екатеринбурге и т.д.), с Фондом «Русский мир», о создании при Центре методологического кабинета и библиотеки. Договоры о сотрудничестве не остались на бумаге, а благодаря усилиям сотрудников центра и партнерских учреждений превратились в международные конференции, совместные проекты и издания, в обмен студентами и преподавателями.

А. Н. Медушевский в большой обзорной статье представляет историю будапештского Центра русистики в контексте политических событий и современных тенденций в историографии после распада советского блока. Он подчеркивает продуманность и последовательность научной деятельности Центра, благодаря чему *«венгерская русистика стала органической частью венгерской и международной исторической науки»* (С. 67.) Эта продуманность помимо всего прочего заключается и в подборе тем для совместных исследовательских проектов, среди которых мы находим сопоставительный анализ истории двух империй (Российской и Австро-Венгерской), изучение места России в Европе и в Азии, революционную тематику и т.д. По мнению Медушевского, в работе Центра русистики сохранение классических академических традиций успешно сочетается с открытостью новым идеям и экспериментированию, с поиском новых подходов к старым проблемам историографии. Все эти обстоятельства поднимают венгерскую русистику на мировой уровень, и Центр играет уникальную связующую, посредническую роль между историками Запада и Востока. Будапешт является важным местом диалога русистов-советологов из разных стран мира. *«Русистика как наука, – цитирует А. Н. Медушевский самого профессора Свака, – глобализирована. И все же я думаю, что нам стоит отыскать свое место между европейской и американской, то есть не русскоязычной русистикой, с одной стороны, и российской, т.е. русскоязычной, – с другой»* [1, с. 75]. К этому А. Н. Медушевский прибавляет, что в целом такой посреднической роли благоприятствуют такие факторы, как географическое положение Венгрии, исторические традиции страны, традиции и достижения венгерской историографии.

Последующие авторы развивают тезисы Медушевского, выделяют тот или иной аспект деятельности Центра русистики. И. О. Тюменцев в своей статье на одном конкретном примере показывает вышеупомянутую посредническую роль. Дюла Свак, создав Институт, а потом и Центр русистики в Будапештском университете, сразу же предоставил инфраструктуру, возможности, связи, имевшиеся в его ведении,

в распоряжение своего учителя Р.Г. Скрынникова и его учеников, стал приглашать их на мероприятия Центра, вовлекал их в совместные проекты, публиковал их статьи. Таким образом, они *«получили возможность лично познакомиться с большинством историков-русистов Америки и Европы и обсудить пути развития отечественной историографии как во всей стране в целом, так и в регионах, а также рассмотреть такие ключевые проблемы русской истории и специфические черты развития России...»* [1, с. 92]. После того, как в 2009 г. Руслана Григорьевича не стало, Д. Свак и руководимый им Центр русистики взяли на себя львиную долю в деле составления и издания сборника памяти ушедшего из жизни профессора. И. О. Тюменцев очень высоко оценивает деятельность Центра, которая не ограничивалась только организацией конференций, изданием сборников, ведь методологическая, теоретическая сторона этой активности тоже имеет огромное значение для мировой русистики: *«Профессиональная разработка проблем источниковедения и историографии российской истории в Центре Русистики Будапештского университета сыграла важную роль в сохранении исторической науки и научных школ в России и зарубежных странах...»* [1, с. 93].

Добрыми словами вспоминает свое участие в будапештских конференциях А.П. Павлов, подчеркивает гостеприимность хозяев, а также, подобно другим авторам, хорошо продуманную тематику, организованность, комфортные условия работы, дружескую атмосферу, в которой шли дискуссии по важнейшим вопросам истории России: *«Благодаря активной, подвижнической деятельности Дюлы Свака и его коллег удалось в непростых условиях 1990-х – начала 2000-х годов не только сохранить в Венгрии изучение истории России как отдельного направления, но и превратить Будапешт в один из ведущих, общепризнанных мировых центров русистики»* [1, с. 101].

Последняя статья этого раздела носит шутивно заигрывающее заглавие «Веселый мадьяр». У этого заглавия есть своя предыстория. Посетив венгерский ресторан в Екатеринбурге, носящий такое название, Д. Свак спросил своего русского коллегу, Д. А. Редина (автора статьи), где он вообще видел веселого мадьяра. Вопрос был намеком на то, что по социологическим исследованиям, венгры склонны к пессимизму, в опросных листах они обычно дают пессимистические ответы при оценке своего положения, настроения, перспективы на будущее. От этой истории автор переходит к рассуждениям о стереотипах, определяющих, каким должен быть типичный венгр или русский человек (главные атрибуты этого

стереотипного образа, с одной стороны, – гуляш, чардаш, токайское вино, оперетта, а с другой – ушанка, водка, балалайка, медведь). Такой переход не случаен, и не объясняется одним только вышеупомянутым сюжетом. Центр русистики Будапештского университета в своей исследовательской деятельности большое внимание уделяет взаимным стереотипам, изучению их корней, возникновения, функции, причины их живучести, степени их лживости или правдоподобности. Д. Свак, будучи в Екатеринбурге, сам читал лекцию российским студентам на эту тему (по выражению Д. А. Редина, это был настоящий мастер-класс с точки зрения дидактики и источниковедения, и проф. Свак своим мастерством сразу же завоевал всю аудиторию). После этого автор детально рассматривает многообразные формы сотрудничества своего Уральского государственного университета с Центром русистики в Будапеште. Последний абзац с поздравлением и с добрыми пожеланиями в адрес «новорожденного» и его детища (Центра русистики) является символическим завершением не только статьи, но и этой части книги, верно отражая мысли и чувства всех, кто участвовал в составлении этой книги: «*Так что, живи долго и процветай, наш добрый друг – Центр русистики Будапештского университета, веселый мадьяр с чуть грустной улыбкой Дюлы Свака!*» [1, с. 114].

Третий большой раздел книги является своеобразным статистическим сборником, призванным подтвердить «сухими данными и цифрами» все то, что было сказано в предыдущих разделах языком коллегальности, дружбы и уважения. В этой части перечислены труды проф. Свака (статьи, сообщения, монографии, сборники статей, книги под его редакцией). Одно такое перечисление занимает десятки страниц и в нем фигурируют 316 единиц. Дальше мы находим программы международных конференций, организованных Центром русистики Университета им. Лоранда Этвёша с

именами участников и названиями выступлений. За 20 лет Центром было организовано более 30 тематических конференций, семинаров, круглых столов с участием экспертов по России из разных стран мира. Эта часть книги заканчивается перечислением всех изданий Института (с 1995 г. Центра) русистики, так что читатель может получить полноценную картину о масштабах и о высоком научном уровне деятельности оплота «Россиеведения» в Венгрии.

Наконец, следует отдельно остановиться на богатой и уникальной фотоколлекции из личного архива Д. Свака. Благодаря этим фотографиям перед нами открывается живая история, главным героем которой является историк-русист, профессор, организатор науки Дюла Свак. Думается, что всем, кто когда-нибудь был студентом профессора Свака, интересно смотреть на его фотографию, где он предстает молодым студентом или аспирантом, в джинсах, с длинными волосами, в возрасте чуть за 20. Большая часть фотографий была сделана на мероприятиях Центра русистики, другие на встречах с иностранными партнерами, с видными деятелями науки и культуры (среди них космонавты Валерий Кубасов, Берталан Фаркаш, режиссер Иштван Сабо, Игорь Савольский, чрезвычайный и полномочный посол РФ в Венгрии, писательница Людмила Улицкая и т.д.), третьи же в кругу семьи, близких и друзей. На всех этих фотографиях доминирует жизнерадостный и задумчивый образ ученого, который глубоко верит в полезность дела, которому он посвятил свою жизнь.

Книга предлагается всем, кто интересуется новейшими результатами и актуальными вопросами зарубежной русистики, российско-венгерскими научными и культурными связями и ролью личности в историографии. В конце рецензент может только констатировать, что в результате совместных усилий инициаторов, редактора и авторов подарок действительно получился достойным юбилею и его творческому пути.

Литература

1. Идеи и дела. К 65-летию профессора Дюлы Свака и 30-летию изучения исторической русистики в Будапеште / под ред. М.С. Петровой. М.: Аквилон, 2018. 288 с.

References

1. Idei i dela. K 65-letiyu professora Dyuly Svaka i 30-letiyu izucheniya istoricheskoy rusistiki v Budapeshte (*Ideas and deals. To the 65th anniversary of Professor Dyula Swak and the 30th anniversary of the study of historical Russian studies in Budapest*) / ed. by M. Petrova. Moscow: Aquilon publ., 2018. 288 p. (In Russian).

Информация об авторе

Атила Колонтари – доктор философии, доцент педагогического факультета Капошварского университета (Капошвар, Венгрия) / kolontari68attila@gmail.com

Information about the author

Attila Kolontari – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Faculty of Education, Kaposvár University (Kaposvár, Hungary) / kolontari68attila@gmail.com

УДК 930.1

М. Н. Кубанова

**К ИТОГАМ РАБОТЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «КАВКАЗОВЕДЕНИЕ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ», ПОСВЯЩЕННОЙ 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИЗВЕСТНОГО
УЧЁНОГО-КАВКАЗОВЕДА, ПРОФЕССОРА ВАЛЕНТИНЫ ПАВЛОВНЫ НЕВСКОЙ**

M. Kubanova

**TO THE RESULTS OF THE ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE
WITH THE INTERNATIONAL PARTICIPATION "CAUCASUS STUDIES: EXPERIENCE,
PROBLEMS AND PROSPECTS" DEDICATED TO THE 100TH ANNIVERSARY
OF THE BIRTH OF VALENTINA NEVSKAYA – A FAMOUS CAUCASIOLOGISTS**

18–19 октября 2019 г. в г. Карачаевске, в актовом зале Карачаево-Черкесского государственного университета имени У. Д. Алиева, проходила Всероссийская научная конференция с международным участием «Кавказоведение: опыт, проблемы и перспективы», посвященная 100-летию со дня рождения известного учёного-кавказоведа, профессора Валентины Павловны Невской. Она была организована Карачаево-Черкесским государственным университетом имени У. Д. Алиева при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

На конференцию поступило 178 заявок, из которых 10 были отклонены Оргкомитетом как не соответствующие проблематике и научному уровню форума. К началу конференции был издан сборник материалов, включающий 93 доклада 109 авторов-представителей семи государств ближнего и дальнего зарубежья и регионов Российской Федерации.

В работе конференции приняло участие более 120 ученых, преподавателей, общественных и политических деятелей из Абхазии, Азербайджана, Беларуси, Турции, из различных регионов России – Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Ставрополя, Махачкалы, Майкопа, Грозного, Владикавказа, Нальчика, Пятигорска, Черкесска, Карачаевска. Среди них – 32 доктора и 68 кандидатов наук и 20 молодых ученых.

Конференцию открыл председатель организационного комитета, ректор КЧГУ Узденов Т.А., который отметил, что данная конференция позволила не только объединить ученых со всей России и зарубежных стран, но и представить широкий спектр исследований ведущих

специалистов различных направлений гуманитарных и общественных наук - историков, филологов, политологов, социологов, экономистов. Он также выразил надежду на то, что «результаты конференции окажутся востребованными не только научным сообществом, но будут полезны и для использования в системе образования, а также заинтересуют властные институты, связанные с выработкой и реализацией решений, значимых для социально-экономического и культурного развития регионов Кавказа».

С приветствием от органов власти КЧР выступили заместитель министра образования и науки Карачаево-Черкесской Республики Карасова З. И. и заместитель мэра КГО Караев А. Р., которые отметили важность и значимость изучения проблем кавказоведения и сохранения памяти об исследователях, внесших вклад в развитие этого направления исторической науки. Особенно подчеркивалась роль известного учёного-кавказоведа, профессора Валентины Павловны Невской, памяти и 100-летию со дня рождения которой и была посвящена данная конференция.

В. П. Невская внесла серьезный вклад в исследования проблем Северного Кавказа, и, в частности, Карачаево-Черкесии. Ею было написано более 120 научных работ, посвященных истории народов, населявших Карачаево-Черкесию. Это, прежде всего, такие труды, как «Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия», «Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в. (дореформенный период)», «Социально-экономическое развитие Карачая в пореформенный

период», «Аграрный вопрос в Карачае и Черкесии в эпоху империализма» и др. Данные работы стали для многих исследователей отправной точкой в изучении проблем истории народов КЧР. В связи с этим, исследования В. П. Невской могут считаться фундаментальными и очень значимыми для истории КЧР и Северного Кавказа в целом. Вместе с тем, она внесла существенный вклад и в становление исторической науки в республике и в формирование отдельной научной школы. Работая в начале 70-х – 90-х гг. XX века профессором-консультантом кафедры истории древнего мира и средних веков в Ставропольском государственном университете, В. П. Невская оказывала поддержку всем студентам-выходцам из Карачая и Черкесии, поощряя в них стремление заниматься историей своего края. Всю свою жизнь она помогала молодым учёным, поддерживала, содействовала их профессиональному росту. Общаясь с ней, они получали знания, накапливали опыт, учились мастерству историка.

Многие из выпускников В. П. Невской стали участниками прошедшей конференции. Также в зале присутствовали родные и близкие Невской.

С приветствием к участникам форума обратилась дочь В. П. Невской, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета Татьяна Александровна Невская. Она рассказала о трагических событиях и трогательных моментах из жизни своей знаменитой матери.

Пленарное заседание было полностью посвящено анализу научного наследия профессора В. П. Невской. С докладами выступили ученики Валентины Павловны и люди, знавшие её лично.

С первым пленарным докладом на тему «Валентина Павловна Невская: путь человека и учёного» выступила Карданова А. С., к.и.н., в.н.с. славянского отдела Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований (г. Черкесск, Россия). Она познакомила слушателей с основными вехами жизни и с научно-педагогической деятельностью доктора исторических наук, профессора В. П. Невской непосредственно в Карачаево-Черкесии и Ставропольском крае через призму написанных ею научных трудов.

Колесникова М. Е., д.и.н., проф., зав. кафедрой истории России ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (г. Ставрополь, Россия) проанализировала вклад В. П. Невской в науку, в развитие всеобщей истории, в развитие и становление отечественного кавказоведения, в воспитание многих поколений северокавказской интеллигенции, сделав вывод, что «профессор В. П. Невская – это целый мир, в котором люди, общавшиеся с

ней, получали знания, накапливали опыт, учились мастерству историка».

Абайханова П. И., к.и.н., доц., и.о. зав. кафедрой всеобщей истории ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева» (г. Карачаевск, Россия) в докладе «Проблемы социально-экономического развития Карачая в XIX веке в трудах В. П. Невской» представила результаты исследования социально-экономического развития карачаевского народа в XIX в., используя в качестве информационной базы труды профессора Невской В. П.

Кузьминов П. А., д.и.н., профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет» (г. Нальчик, Россия) в докладе «Вклад В. П. Невской в изучение либеральных реформ 50–70-х годов XIX века в Карачае и Черкесии» показал, что Невская разработала узловые проблемы реформ в Карачае и Черкесии, выявила общие и особенные черты преобразований, проанализировав огромный комплекс архивной документации. Изучение научного наследия В. П. Невской, по словам исследователя, помогает увидеть существенные успехи исторической науки того времени в исследовании сложной многогранной исторической проблемы. По его мнению, в те годы были разработаны теоретические аспекты узловых проблем реформы, выявлены общие и особенные черты преобразований во всех округах Кубанской области, начато историографическое изучение отдельных аспектов реформы; собран и обобщен огромный комплекс архивной документации.

В выступлении д.и.н., проф., г.н.с. Южного филиала Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева (г. Краснодар, Россия) Еремеевой А. Н. прозвучала мысль не только о важности исследования научного наследия В. П. Невской и других выдающихся учёных-кавказоведов, но и необходимости сохранения и актуализация памяти о них. Важна репрезентация их личностей и творчества в архивах, музеях, городском пространстве. Докладчик показала эту возможность на примере ситуации в Краснодарском крае и Республики Адыгея, отмечая роль издательских инициатив и научных мероприятий в популяризации научного наследия кавказоведов.

После завершения пленарного заседания участники конференции посетили фотовыставку, организованную историческим факультетом КЧГУ и возложили цветы на аллее «Знатные люди Карачая» города Карачаевска у мемориальной доски профессора Валентины Павловны Невской.

Работа конференции продолжилась на семи секционных заседаниях, разделенных по

проблемному принципу («Историография и теоретико-методологические проблемы исторического кавказоведения», «Археология Кавказа», «История Кавказа: политика, экономика, право», «Кавказ в системе международных отношений», «Социокультурное развитие народов Кавказа», «Традиционная культура и религия регионов Кавказа», «Языки и литература народов Кавказа: проблемы изучения, сохранения и перспективы развития»). На них было обсуждено еще 115 докладов, 8 из которых без публикации тезисов, а 1 из них – вне программы.

В рамках 1-й секции «Историография и теоретико-методологические проблемы исторического кавказоведения» было запланировано 15 докладов. Доклады представили исследователи из Карачаевска, Черкесска, Пятигорска, Ставрополя, Махачкалы, Нальчика, Владикавказа, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга и Москвы. Тематика представленных докладов предполагала серьезный анализ проблем развития основных этапов исторического кавказоведения. Были обсуждены темы, связанные с изучением опыта работы над книгой «История народов Северного Кавказа» (Булыгина Т. А., СКФУ), исследованием историографии и терминологии проблем вхождения Балкарии в состав России (Сабанчиев Х.-М. А., КБГУ), рассматривались теоретико-методологические аспекты освещения проблем Кавказа в редакционной политике либерально-демократических журналов России XIX в. (Тахушева И. С. Северо-Кавказский институт-филиал РАНХИГС при Президенте РФ, г. Пятигорск), историографический аспект «женской истории» в северокавказском гуманитарном знании (Джуккаева Э.Б., СКФУ), историография административно-территориального обустройства в Карачаево-Черкессии (Джазаева И. А.-А., СКГА, Черкесск, Чомаева З. М., КЧГУ, Карачаевск), проблемы историографии истории народов Кавказа периода Великой Отечественной войны Шенкао М. Б., КЧИГИ, Черкесск) и послевоенного времени, проблемы освещения в исторической литературе темы депортации и реабилитации карачаевского народа (Байрамуков И. Х., Карачаевск), анализировали основной вектор развития северокавказского историографического направления в отечественном кавказоведении во второй половине XX в. (Борлакова Ф. А., КЧГУ, Карачаевск) и современное состояние исследования проблемы российско-кавказских отношений в отечественной историографии (Султанбеков Р. М., ДГПУ, Махачкала), а также опыт изучения кавказской диаспоры в Турции (Цибенко В. В., ЮФУ, Ростов-на-Дону).

Кроме общих проблем историографии и методологии, на секции обсуждались вопросы

личного вклада отдельных представителей исторической науки в развитие разных направлений кавказоведения на примере исследования их отдельных трудов, как например, В. П. Невской (Байрамкулова А. А., КЧИГИ, Черкесск, Текеева З. Х., КЧГУ, Карачаевск), И. А.-К. Хубиева (Мамсиров Х. Б., КБГУ, Нальчик), а также вклад Н. А. Буша и его «балкарской коллекции» в контексте его естественнонаучных исследований в формирование представлений россиян XIX в. о жителях Кавказа (Месхидзе Д. И. Кунсткамера, г. Санкт-Петербург). В выступлении д.и.н., н. с. Российского этнографического музея, г. Санкт-Петербург Дмитриева В. А. был проанализирован опыт Российского этнографического музея и его вклад в становление и развитие кавказоведения в 1977–2017 гг., а докладчик из г. Нальчик Башиев А. М. ввел в оборот новый архивный документ «Записка о горских тау-биях» как новый источник по сословной структуре балкарцев.

В целом, работа секции была плодотворной, насыщенной, интересной. В процессе обсуждения участниками было предложено: 1. рекомендовать учреждениям образования ввести преподавание курса «Кавказоведение» в программы обучения историков, 2. регулярно проводить подобные научные форумы, 3. создать Центр по истории Кавказа для координации и взаимодействия работы исследователей.

В секции 2 «Археология Кавказа» было прослушано 8 из 10 запланированных и один инициативный, без публикации. В процессе выступления докладчиков были обсуждены проблемы охраны памятников археологии Северного Кавказа (Володин С. А., Кудрявцев А. А., ИА РАН, Москва, Атабиев Б., Нальчик), проанализированы новые подходы к изучению археологических данных и опыт исследования бронзовых зооморфных пряжек кобанской культуры как индикатора социального статуса погребенного (Керцева Г. Н., Институт истории и археологии РСО-Алания, г. Владикавказ), новые данные по истории изучения грунтовых могильников с территории Чечни (XIII–XVI вв.) (Тангиев М. А., ЦАИ АН ЧР, г. Грозный), представлена информация о каменных гробницах горной зоны центральных районов Северного Кавказа (Кадиева А. А. ГИМ, Демиденко С. В., ИА РАН, г. Москва), об исторической топографии городища Маджары по источникам второй трети XVIII – середины XIX вв. (Бабенко В. А., ООО «Наследие», г. Ставрополь), новые данные о памятнике аланской фортификации – Гунделенском-2 городище (Шаов А. Р. КБГУ, Нальчик, Кадиева А. А. ГИМ, Демиденко С. В., ИА РАН, г. Москва) и об изучении петроглифов Чечни (Исаев С. С.-Х., Ахмаров А. У. ЦАИ АН ЧР, г. Грозный). Большой интерес вызвали сообщения о каменных оградах, найденных в высокогорье Карачая, похожих на

ацангуары Абхазии (Айбазов А. Ю., Меньшикова В. А., КЧГУ, Карачаевск), о находках 2018 г. в Среднем Зеленчукском храме (Чхаидзе В. Н., ИА РАН, Виноградов А. Ю., НИУ «ВШЭ», Белецкий Д. В., ГБУ «Наследие Алании», Дружинина А. А., ИА РАН, г. Москва) и о найденном у с. Важное в КЧР домонгольском кочевническом погребении (Чагаров О. С. ИА РАН, Айбазов А. Ю., КЧГУ, Карачаевск).

Следует подчеркнуть высокий уровень докладов и отметить, что в работе секции участвовало большое количество молодых ученых и студентов. Обсуждение проблем археологии Кавказа показало возросший интерес молодого поколения к археологическим изысканиям и к профессии археолога. Вместе с тем, участники секционного заседания высказывали озабоченность состоянием и сохранностью памятников и объектов археологического наследия на территории Северного Кавказа и в целом в Российской Федерации. Прозвучало мнение и о необходимости пересмотра государственной политики в области культурной экспертизы объектов археологии и сокращения сроков выдачи «открытых листов» - разрешений на спасательные археологические работы.

Работа третьей секции «История Кавказа: политика, экономика, право» была такой же насыщенной и многоаспектной. В рамках этой секции было запланировано 21 доклад. Тематика докладов касалась как проблем исторического прошлого Кавказа, так и современного состояния политической, экономической и правовой ситуации в кавказских республиках. Все выступления вызвали значительный интерес у слушателей и последующие дискуссии по каждому выступлению. Следует отметить выступления Состина Д. И. (РГУ МИРЭА, Ставрополь), охарактеризовавшего социально-экономическое и политическое развитие горских народов Северного Кавказа в конце XIX – начала XX вв., Бегеулова Р. М. (КЧГУ, г. Карачаевск), осветившего проблемы иммиграции и эмиграции в Карачае и Балкарии в XVIII – первой половине XIX века, обозначив, как основной вектор миграции, южнокавказский, Куначевой Ф. Г. (КЧГУ, г. Карачаевск) о влиянии норм адата и шариата на внутрисемейные отношения абазин в XIX – начале XX в. Вызвали интерес сообщения Перетятко А. Ю. (ЮФУ, Ростов-на-Дону) о приоритетах развития кубанского казачьего войска в первой половине 1860 гг. через призму понимания этого вопроса Д. А. Милутиным и Батчаевой М. К. (КЧГУ, г. Карачаевск) о специфике функционирования Баталпашинского уездного отделения «Кубанского областного попечительного о тюрьмах комитета» во второй половине XIX – начале XX вв. В выступлениях Бегуева С. А. (ЧГУ, Грозный) и Хубуловой С. А. (СОГУ, Вла-

дивкавказ) были затронуты проблемы национально-политического самоопределения народов Северного Кавказа в 1917–1918 гг. и роль личностного фактора в восприятии гражданской войны ее участниками через изучение эго-документов.

Работа четвертой секции «Кавказ в системе международных отношений» была посвящена анализу проблем взаимовлияния внутреннего и внешнего факторов в развитии регионов Кавказа в XIX–XXI вв. В своих докладах участники затрагивали вопросы присутствия инокультурного элемента на кавказских территориях, например поляков, при разных обстоятельствах оказавшихся в регионе (Клычников Ю. Ю., Лазарян С. С. (ПГУ, Пятигорск) «Польский след» в истории Северного Кавказа первой половины XIX века»), белорусских беженцев, оказавшихся на Кавказе в годы Первой мировой войны (Максимчик А. Н. (БГУ, Минск «Население белорусских земель на Северном Кавказе в XIX – начале XX в.: вопросы миграции, расселения и участия в социально-экономических, культурно-образовательных процессах региона. Был проанализирован их вклад в становление общероссийской системы образования на Кавказе, в изучение традиций и культуры местного населения, природных богатств региона и развития региона в целом. Также были рассмотрены вопросы участия иностранного капитала в формировании промышленных предприятий на Кавказе в конце XIX – начале XX вв. (Крючков И. В., Крюčkova Н. Д., СКФУ, Ставрополь), особенности реинтеграции Северного Кавказа в состав Советской России через призму влияния внешнеполитического аспекта (Амбарцумян К. Р., СКФУ, Ставрополь). Несколько докладов были посвящены проблемам современной ситуации на Южном Кавказе, вопросам участия стран этого региона в региональной и глобальной политике (Величко Л. Н., Пантюхина Т. В., Садченко В. Н., СКФУ, Ставрополь). Также были рассмотрены вопросы участия ученых Северного Кавказа в международных организациях, на примере Пагуошского движения (Коробкина И. А., СКФУ, Ставрополь) и проблемы освещения истории Северного Кавказа в иностранных средствах массовой информации.

В секции 5 «Социокультурное развитие народов Кавказа» было представлено 12 докладов. Данная комплексная проблема была рассмотрена участниками с разных исторических ракурсов. Кроме общих докладов о социально-культурном развитии народов Кавказа в разные исторические периоды (Койчueв А. Д. (КЧГУ, Карачаевск); Клименко П. Ф. (КИЭУ, Костанай, Казахстан), Клименко И. С. (СКФУ, Ставрополь); Мирзабеков М. Я. (ДНЦ РАН, Махачкала), были представлены для обсуждения исследования,

связанные с ролью молодежи в развитии Кавказа (Геграев Х. К. (КБГУ, Нальчик)), с ролью России в процессе трансформации национальной культуры горских народов в XIX–XX вв. (Чотчаев С. А. (Черкесск)), с особенностью политики памяти на Северном Кавказе на примере новых памятных дат черкесов (адыгов) (Тлостнаков А. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)), Несколько докладов было посвящено формированию светской интеллигенции из числа представителей кавказских народов (Батчаев Ш. М. (ГА КЧР, Черкесск), Байрамуков А. С. (КЧГУ, Карачаевск), Чотчаев Д. Д. (КЧГУ, Карачаевск). Отдельный интерес вызвал доклад Баразбиева М. И. (КБГУ, Нальчик) о брачных контактах князей Крым-Шамхаловых с представителями балкарской аристократии в XIX – начале XX века.

Работа секции была чрезвычайно плодотворной, а ее участники пришли к выводам, что российским кавказоведам необходимо продолжать деятельность по выявлению и вводу в научный оборот документальных материалов по истории народов Кавказа, находящихся в региональных, российских и в зарубежных архивах. И на основе новых данных издать комплексные научные труды по истории народов Северного Кавказа, продолжая традиции, заложенные авторами издания «История народов Северного Кавказа с древнейших времен».

В секциях «Традиционная культура и религия регионов Кавказа» и «Языки и литература народов Кавказа: проблемы изучения, сохранения и перспективы развития» были освещены вопросы, непосредственно связанные с культурным разнообразием народов Кавказа, с самобытностью, и с проблемами сохранения национальных особенностей в век глобализации. В секции «Традиционная культура и религия регионов Кавказа» были рассмотрены проблемы духовной культуры (Темиржанова Л. Р. АНО «НИИЗ», Кисловодск), вопросы религиозной и этнической специфики в КЧР по материалам социологических опросов (Кубанова Л. В., КЧИГИ, Черкесск), особенности религиозной ситуации на современном этапе в республиках Северного Кавказа и в Абхазии (Кратова Н. В., КЧИГИ, Черкесск), Чакветадзе Г. В. (СБ, Сухум). Интересными были выступления, в которых докладчики останавливались на специфических особенностях традиционной культуры – роли старшинства в кавказском обществе (Гучетль З. Х., АРИГИ, Майкоп), на обычаях гостеприимства (Ахмедова М. К., ДГУ, Махачкала; Сефербеков Р. И., ДФИЦ РАН, Махачкала), говорили о роли праздников и фольклорных традиций в этнокультурном развитии горских народов и казачества (Акиева С. И., КБНЦ РАН, Нальчик; Гудимова О. А., КЧИГИ, Черкесск, Хубиева Ф. М., КЧГУ, Карачаевск, Соловьева Н. Г., КЧИГИ, Черкесск), о значении зооморфной символики в

фольклоре и обрядах народов Северного Кавказа (Текеева Л. К., КЧГУ, Карачаевск). Также на этой секции были рассмотрены особенности музыкальной и художественной культуры Азербайджана

В секции «Языки и литература народов Кавказа: проблемы изучения, сохранения и перспективы развития» было представлено 15 докладов. Были рассмотрены такие проблемы как языковое сознание кавказских народов (Биданок М. М., АРИГИ, Майкоп), сохранение и развитие родных языков и национальных культур в эпоху глобализации (Биджиева А. А., КЧГУ, Карачаевск), а также особенности языковой культуры отдельных народов Кавказа – карачаево-балкарского, адыгейского, аварского, азербайджанского (Эркенова Ф. П., КЧИГИ, Черкесск, Тугуз Г. Т., АРИГИ, Майкоп, Дибиров И. И., ДГПУ, Махачкала, Муртазалиев А. М., ДНЦ РАН, Махачкала, Мир-Багирзаде С. А., НАНА, Баку) и отражение в литературах Кавказа исторических событий (Шовгенова Т. А. АРИГИ, Майкоп), фольклорных мотивов (Канкошев А. М., КЧИГИ, Черкесск), Борокова Л. А., КЧИГИ, Черкесск), религиозной тематики (Шаманова Ф. Д., КЧИГИ, Черкесск), художественные особенности драматургии кавказских авторов Мамчуева Ф. О., КЧИГИ, Черкесск) и отражение кавказских обычаев в произведениях русских авторов (Джаубаева Ф. И., КЧГУ, Карачаевск).

Также в рамках конференции состоялся круглый стол «Вклад учёных Северного Кавказа в становление современного кавказоведения».

Итоговое вечернее заседание 18 октября было очень насыщенным. Его вел проректор КЧГУ по НИР Пазов С. У. На заседании выступили ведущие всех секций, представившие обобщенные обзоры, краткий анализ содержания работы, а также предложения от участников конференций. Были сделаны выводы, что мероприятия такого масштаба и проблематики являются важной международной и межрегиональной площадкой для диалога между органами законодательной и исполнительной власти, социально-культурных учреждений, туризма, представителями науки и вносят значительный вклад в формирование единого культурного пространства, в исследование перспектив использования культурного наследия как ресурса устойчивого развития региона, а также совершенствование научно-методического обеспечения государственной политики в сфере сохранения наследия и межнационального взаимодействия.

Также была высказана необходимость консолидации усилий ученых разных направлений, занимающихся кавказоведческой проблематикой для создания общей концепции развития, важности и значимости роли стран кавказского региона в международных отношениях.

Необходимы новые исследования, посвященные истории и историографии Кавказа, меморизации исторических событий, обсуждение религиозной политики России в отношении ислама и др. В связи с этим работа конференции внесла вклад в диалог между учеными различ-

ных школ и направлений по актуальным и дискуссионным проблемам исторического кавказоведения.

19 октября для участников конференции была проведена экскурсия по местам, где работала Валентина Павловна Невская, собирая полевой материал для своих научных трудов: аулы Хурзук, Учкулан, Къарт-Джурт и др.

Информация об авторе

Кубанова Марина Назировна – кандидат исторических наук, начальник отдела сопровождения научных исследований Карачаево-Черкесского государственного университета им. У. Д. Алиева (Карачаевск) / marina-koubanova@mail.ru

Information about the author

Kubanova Marina – PhD in History, Head of Scientific Research Support Department, Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliev (Karachaevsk) / marina-koubanova@mail.ru

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал 2020. № 1

– Свободная цена –

Издается в авторской редакции

Технический редактор, компьютерная верстка Н. Неговора
Дизайн обложки С. Томицкая

Подписано к печати 11.05.2020

Дата выхода в свет 14.05.2020

Формат 60x84 1/8	Усл. п. л. 23,61	Уч.-изд. л. 22,89
Бумага офсетная	Заказ 123	Тираж 500 экз.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355009, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2